Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

+ *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.

+ *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.

+ *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.

+ *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter `http://books.google.com` durchsuchen.

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Р2193

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

БИБЛІОТ
АЛЕКСАНДР
В.-ЮРИД.А
ШИФРА
№

1913 г.

КНИГА II.

Москва.

Digitized by Google

Digitized by Google

58/5504

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА,

БИБЛ... АЛЕКСАН...
В.-ЮРИД. А...
ШИФРА Р2193

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ СОДѢЙСТВІИ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА и ОБЩЕСТВА ИМЕНИ А. И. ЧУПРОВА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

Б. А. Кистяковскаго.

БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ ВЪ РЕДАКЦІИ ПРИНИМАЮТЪ:

А. С. Алексѣевъ, М. М. Винаверъ, А. Э. Вормсъ, Н. В. Давыдовъ, Н. М. Ждановъ, И. А. Кистяковскій, М. М. Ковалевскій, А. А. Мануиловъ, В. Д. Набоковъ, П. И. Новгородцевъ, Н. Н. Полянскій и М. П. Чубинскій.

Книга II.

МОСКВА, 1913.

Digitized by Google

H8
.I901
no. 2

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Л. І. Петражицкій. Къ вопросу о соціальномъ идеалѣ и возрожденіи естественнаго права. 5

Е. В. Спекторскій. Философія и юриспруденція. 60

С. А. Котляревскій. Сущность парламентаризма 93

Б. Н. Фрезе. Папирологія и ея значеніе для юриста. 108

М. П. Чубинскій. Истребленіе плода и проблема его наказуемости . . . 112

О. Б. Гольдовскій. О мѣрахъ противъ недобросовѣстныхъ неплатежей и о переходѣ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій 136

С. Н. Прокоповичъ. Вліяніе рынка на организацію крестьянскаго хозяйства 159

М. Н. Гернетъ. Н. С. Таганцевъ. Къ 50-лѣтнему юбилею 190

Юридическое Обозрѣніе.

Сенатская практика по вопросу о пріостановленіи срока доставки въ договорахъ желѣзнодорожной перевозки. **В. Н. Челищева** . 195

Проектъ правилъ объ администраціяхъ по торговымъ и промышленнымъ дѣламъ. **Д. М. Генкина** 203

Общества чиновниковъ во Франціи **П. И. Алексѣева**. 215

Къ вопросу о юридической оцѣнкѣ хулиганства. **А. В. Маклецова**. 234

Русскія тюрьмы по отчетамъ Главнаго Тюремнаго Управленія за 1903—1909 годы. **С. Т. Гаврилова** 241

Къ вопросу о смертной казни. **И. З. Штейнберга** 256

Литературное Обозрѣніе.

Н. И. Лазаревскій. Русское государственное право. Т. I. Конституціонное право. *Н. И. Паліенка.* 261

Н. А. Захаровъ. Система русской государственной власти. *Ѳ. Ѳ. Кокошкина* 266

К. А. Кузнецовъ. Опыты по исторіи политическихъ идей въ Англіи (XV—XVII в.) *В. Я. Гинцберга* 273

Г. А. Замятинъ. Къ вопросу объ избраніи Карла-Филиппа на русскій престолъ. *А. Н. Филиппова* 276

Общее Уложеніе Финляндіи 1734 года. *А. Н. Филиппова* 278

Столѣтіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи *А. Н. Филиппова* 279

Проф. М. П. Чубинскій. Курсъ уголовной политики. *Н. Н. Полянскаго.* 283

Digitized by Google

Стран.

А. М. Рубашева. Особые суды для малолѣтнихъ и система борьбы съ дѣтской преступностью. — **Е. П. Тарасова.** Дѣтскій судъ за границей и въ Россіи. *И. В. Лебединскаго* 287

Проф. М. П. Чубинскій. Статьи и рѣчи по вопросамъ уголовнаго права и процесса. *С. Т. Гаврилова* 289

***Записки судьи. *С. Т. Гаврилова* 290

Труды Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Т. V. *И. З. Штейнберга* 292

R. von Mayr. Römische Rechtsgeschichte. *С. Е. Сабинина* 297

Проф. В. Б. Ельяшевичъ. Очеркъ развитія формъ поземельнаго оборота на Западѣ. *В. И. Серебровскаго* 300

Викторъ Денъ. Сборникъ узаконеній и распоряженій по землеустройству и землевладѣнію крестьянъ. *А. Э. Вормсъ* 305

Приложеніе. Протоколы засѣданій Юридическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 307

Digitized by Google

Къ вопросу о соціальномъ идеалѣ и возрожденіи естественнаго права [1]).

I.

Проф. П. И. Новгородцевъ возбудилъ вопросъ о «возрожденіи естественнаго права», о характерѣ и взаимоотношеніи руководящихъ въ области новаго теченія доктринъ и о надлежащей постановкѣ и разработкѣ дѣла возрожденія естественнаго права въ будущемъ.

Въ своей статьѣ «Современное положеніе проблемы естественнаго права «въ 1-й книгѣ «Юридическаго Вѣстника», стран. 18 и слѣд., уважаемый авторъ указываетъ, что «нѣкогда отвергнутая и поруганная проблема естественнаго права снова заняла почетное мѣсто въ новѣйшей философской и юридической литературѣ», сообщаетъ, что «два писателя въ особенности выдвинулись въ новѣйшей философіи права; это — Штаммлеръ и Петражицкій», даетъ краткую характеристику ученій этихъ писателей, отвергаетъ ихъ оба и формулируетъ свое, третье, рѣшеніе, какъ единственно возможное и правильное рѣшеніе проблемы «возрожденія естественнаго права».

Вопросы, возбуждаемые и рѣшаемые авторомъ, имѣютъ существенное значеніе какъ для оріентировки въ современномъ положеніи дѣла въ области правовѣдѣнія и соціальной философіи и сознательнаго отношенія къ существующимъ здѣсь теченіямъ и ученіямъ, такъ и для выясненія того пути, по которому намъ слѣдуетъ итти дальше.

Мнѣнія столь виднаго и почтеннаго представителя философіи права и общественной мысли вообще, какъ П. И. Новгородцевъ, имѣютъ свой вѣсъ и значеніе и заслуживаютъ серіознаго вниманія,

---

[1]) Настоящая статья представляетъ часть сочиненія, предположеннаго подъ заглавіемъ: О разныхъ исправленіяхъ соціальнаго идеализма и «возрожденіи естественнаго права».

Digitized by Google

хотя они и изложены кратко, безъ обстоятельнаго обоснованія. Къ тому же авторъ обѣщаетъ доставить обстоятельное ихъ обоснованіе и развитіе въ подготовляемомъ къ печати трудѣ: «Возрожденіе естественнаго права».

Я съ своей стороны полагаю, что въ воззрѣнія автора по обсуждаемымъ имъ вопросамъ вкрались нѣкоторыя ошибки, мѣшающія достиженію искомаго свѣта въ его статьѣ и могущія существенно умалить научную успѣшность и цѣнность подготовляемаго болѣе крупнаго труда. И вотъ задачею дальнѣйшаго изложенія является выясненіе подлежащихъ недоразумѣній и вообще посильное содѣйствіе достиженію научнаго свѣта въ общемъ великомъ дѣлѣ «возрожденія естественнаго права» и тѣмъ самымъ правнофилософскаго и вообще общественнаго практическаго идеализма.

Прежде всего я коснусь вкратцѣ замѣчаній П. И. Новгородцева о моемъ ученіи.

Онъ изображаетъ дѣло такъ, что я первоначально имѣлъ въ виду достигнуть возрожденія естественнаго права въ формѣ созданія науки политики права, но «отыскивая путь въ Индію», попалъ въ Америку. «Ища обоснованія для своего пониманія естественнаго права и для построенія политики права, онъ нашелъ психологическую теорію права, на которой и остановился. Я нисколько не хочу умалять значеніе психологической теоріи Петражицкаго; для меня несомнѣнно, что она представляетъ крупную заслугу этого... юриста. Но обоснованія идеи естественнаго права мы все же у него не находимъ, и я думаю, что для того, кто хочетъ искать такого обоснованія, психологическая теорія права опорой быть не можетъ» (стран. 21). Дальше авторъ указываетъ, что въ частности мое ученіе объ интуитивномъ правѣ «совершенно не совпадаетъ съ понятіемъ естественнаго права» и искомаго обоснованія естественнаго права не содержитъ.

Эти положенія отчасти правильны, отчасти ошибочны.

Задача, которую я себѣ поставилъ и надъ которой работалъ болѣе 20 лѣтъ и продолжаю работать, состоитъ въ обоснованіи возможности и научной подготовкѣ построенія науки законодательной, вообще правовой, политики на почвѣ опытно-психологическаго изученія права и его причинныхъ свойствъ, причинныхъ дѣйствій.

Уже для того, чтобы знать и понимать, чего, какихъ причинныхъ эффектовъ можно съ помощью права достигнуть, какія задачи можно въ области законодательства и вообще правового творчества ставить и рѣшать, стало-быть и какіе идеалы, въ качествѣ достижимыхъ, здѣсь можно выставлять, необходимо знать природу и

Digitized by Google

причинныя свойства права, какъ своеобразнаго причиннаго фактора соціально-психической жизни.

Тѣмъ болѣе не можетъ быть рѣчи о сознательно-раціональномъ законодательствѣ, вообще о сознательно-раціональномъ оперированіи правомъ, какъ средствомъ, для достиженія такихъ или иныхъ цѣлей, такихъ или иныхъ — представляемыхъ, идеальныхъ причинныхъ эффектовъ, если мы не знаемъ природы и причинныхъ свойствъ, причинныхъ дѣйствій того, чѣмъ мы оперируемъ.

Всякая техника предполагаетъ знаніе природы, состава, физикальныхъ или химическихъ свойствъ и дѣйствій того, чѣмъ она оперируетъ, какъ средствомъ для достиженія такихъ или иныхъ техническихъ эффектовъ.

Медицина не можетъ существовать безъ фармакологическихъ познаній, безъ изученія и познанія дѣйствія на человѣческій организмъ лѣкарственныхъ веществъ и вообще того, что примѣняется въ качествѣ средства для достиженія причиннаго эффекта, состоящаго въ устраненіи или ослабленіи болѣзненныхъ процессовъ или патологическихъ факторовъ въ организмѣ.

Кажется ясно и просто.

Стало-быть тотъ, который, имѣя въ виду создать научный базисъ для научной политики права, пытается создать опытно-психологическую теорію права, совсѣмъ не попадаетъ въ Индію вмѣсто Америки, не сбивается съ пути, а какъ разъ идетъ по надлежащему пути (хотя, конечно, сдѣланныя по дорогѣ открытія, въ случаѣ правильности, цѣнны и сами по себѣ, независимо отъ ихъ значенія, какъ этаповъ движенія къ дальнѣйшей цѣли).

А тѣ, которые считали бы возможнымъ установлять для права и законодательства идеальныя задачи, идеалы, не зная и не интересуясь знать, что такое право, какъ своеобразное сложное психическое явленіе, каковъ его психологическій составъ, какъ оно дѣйствуетъ на психику человѣческую въ качествѣ импульса къ опредѣленному поведенію и фактора образованія характера, — именно двигались бы по ложному пути.

Идя по этому пути, нельзя открыть ни Индіи, ни Америки, а можно только произвольно фантазировать и конструировать, внѣ опыта и законовъ причинной связи, компрометируя только легкомысленными построеніями дѣло политическаго, правно-философскаго идеализма.

Мы уже имѣли не мало произвольно конструированныхъ безъ базиса опытнаго познанія права и соотвѣтственныхъ законовъ причинной связи идеальныхъ, умопостигаемыхъ, и проч. системъ права, Руссо, Канта и т. д.; и мы видѣли соотвѣтственный крахъ

Digitized by Google

и разочарованіе и столь сильное скомпрометированіе дѣла указанія со стороны науки идеальныхъ путей для законодательства, что почти цѣлое столѣтіе считалось даже недопустимымъ и неприличнымъ говорить о подобныхъ темахъ. И воцарилось въ концѣ концовъ въ юриспруденціи, вмѣсто прежняго идеальнаго, пошло-практическое, чтобы не сказать циническое, отношеніе къ праву и правнофилософское міросозерцаніе, безсознательное воспроизведеніе хитроумно-наивныхъ ученій древнихъ софистовъ, считавшихъ наивностью вѣрить во что-либо кромѣ силы и интересовъ, полагавшихъ, что право, какъ и нравственность, религія и т. д., придумано сознательно умными людьми для лучшаго проведенія извѣстныхъ расчетовъ и интересовъ; а работа юриспруденціи упала до уровня заботы о карманныхъ интересахъ собственниковъ, кредиторовъ и т. д. и такого толкованія права, при которомъ бы этимъ господамъ легко было доказывать и выигрывать иски въ судахъ (Іерингъ и его школа).

И если съ помощью соотвѣтственныхъ научныхъ изслѣдованій удалось достигнуть нѣкотораго поворота, если удалось убѣдить спеціалистовъ въ возможности возобновленія идеальнаго дѣла прежнихъ школъ естественнаго права, но уже не въ видѣ произвольнаго конструированія и фантазированія, а въ видѣ научно-обоснованной, основанной на реальныхъ, опытныхъ данныхъ и изученіи реальныхъ причинныхъ зависимостей, политики права, и въ существованіи для правовѣдѣнія солидной, научной почвы для постановки и разработки несоизмѣримо болѣе широкихъ, высокихъ, великихъ и идеальныхъ задачъ, чѣмъ софистическое толкованіе законовъ въ угоду карманныхъ интересовъ кредиторовъ насчетъ должниковъ и т. п., то хочется воскликнуть по адресу друзей правно-философскаго и соціальнаго идеализма: только ради Бога осторожно, чтобы не компрометировать начатаго дѣла возвращеніемъ къ произвольному апріорному конструированію и фантазированію!

Въ тѣхъ счастливыхъ и процвѣтающихъ областяхъ познанія, гдѣ дѣло уже поставлено или давно поставлено на почву опыта и причиннаго познанія, познанія причинныхъ дѣйствій изучаемыхъ предметовъ и явленій (законовъ причинныхъ зависимостей), тамъ соотвѣтственное успѣшное и быстро прогрессирующее добываніе теоретическаго свѣта, психологически естественно и неизбѣжно, сопровождалось и сопровождается утилизаціей этого свѣта на благо человѣчества, въ видѣ соотвѣтственнаго прикладного знанія, умѣнія сознательно-раціональнаго приложенія этого знанія для постановки и рѣшенія подлежащихъ практическихъ задачъ.

Digitized by Google

И если бы правовѣдѣніе дошло, хотя бы лѣтъ 100 или 200 лѣтъ тому назадъ, до опытно-психологическаго познанія права и психологическаго изслѣдованія его многообразныхъ и сложныхъ дѣйствій на индивидуальную и массовую человѣческую психику, его глубокихъ, сложныхъ и многообразныхъ причинныхъ дѣйствій въ качествѣ фактора мотиваціи поведенія и образованія, развитія и постепенной передѣлки, перевоспитанія человѣческаго характера, то оно бы уже, конечно, имѣло и научную политику права, т.-е. сознательно-раціональную утилизацію подлежащаго теоретическаго научнаго свѣта на благо человѣчества, для достиженія желательнаго соціальнаго поведенія и соціальнаго воспитанія. И не надо было бы въ концѣ XIX столѣтія затрачивать немало времени и энергіи на то, чтобы доказывать людямъ самую возможность построенія соотвѣтственной науки, на почвѣ научнаго, опытнаго познанія, въ отличіе отъ прежнихъ, справедливо сданныхъ въ архивъ исторіи, попытокъ конструированія идеальнаго права помимо опыта и вопреки опыту, путемъ дедукціи изъ придуманной верховной формулы или т. п.

И если не только нѣтъ до сихъ поръ научной политики права, но еще недавно сама идея возможности и необходимости такой науки возбуждала недоумѣнія и пожиманіе плечами, ставилась въ серіозный минусъ при факультетскомъ обсужденіи кандидатуры автора этой идеи, какъ если бы онъ сталъ изобрѣтать научныя нелѣпости и абсурды, и вполнѣ серіозные и дѣльные ученые могли указывать, что проповѣдуемая новая наука предполагала бы даръ пророческій,— то это объясняется тѣмъ и единственно тѣмъ, что до сихъ поръ не было соотвѣтственнаго теоретическаго свѣта, то-есть опытно-психологическаго познанія права и его дѣйствія на психику; при обладаніи каковымъ научнымъ свѣтомъ можно съ успѣхомъ и безъ дара пророческаго предвидѣть причинные эффекты такихъ или иныхъ правовыхъ реформъ, вообще итти по пути savoir pour prévoir, prévoir pour agir (знать для того, чтобы предвидѣть, предвидѣть, чтобы разумно дѣйствовать).

Почему, съ другой стороны, до сихъ поръ не было научно-теоретическаго, опытно-психологическаго, познанія права, и даже не было извѣстно, что такое собственно право и гдѣ оно находится и можетъ быть изучаемо, почему одни смѣшивали право съ начальственными приказами, соединенными съ угрозами, подобно разбойничьимъ актамъ (Іерингъ и др.), другіе строили какія-то странныя фикціи какой-то «общей воли», «общаго признанія» и со стороны незнающихъ даже о предметахъ ихъ «признанія», съ подкрѣпленіемъ этого еще десятками разныхъ другихъ безсознательныхъ

Digitized by Google

и даже сознательныхъ фикцій того, чего не только нѣтъ на опытѣ, но и быть по законамъ природы не можетъ (Бирлингъ и др.)?

Открытіе источника этихъ заблужденій и тѣмъ самымъ пути къ опытному познанію права, къ простому и экспериментальному наблюденію реальныхъ феноменовъ права, было основною и важнѣйшею задачею для построенія опытной теоріи права, какъ базиса для научной политики права.

Я думаю, что эту задачу, рѣшеніе которой представляетъ conditio sine qua non и научно-теоретическаго и научно-политическаго изслѣдованія и мышленія въ области права, удалось рѣшить. И, судя по тому, что почтенный критикъ моего ученія говоритъ о психологической теоріи права, какъ таковой, можно думать, что и онъ съ этимъ согласенъ. Только онъ полагаетъ, что подлежащая психологическая теорія права не имѣетъ никакого отношенія къ задуманному дѣлу «возрожденія естественнаго права», что открытіе цѣнно, но оно произошло на почвѣ отклоненія отъ прежняго пути.

Фактически дѣло происходило въ совсѣмъ иномъ порядкѣ. Дѣло началось съ открытія и уразумѣнія возможности научно-психологическаго, опытнаго, изученія права и его причинныхъ свойствъ и на этой почвѣ получилось уразумѣніе возможности построенія на этой, опытно-психологической, почвѣ научной, понимающей и предвидящей, политики права, возобновленія идеальнаго дѣла прежнихъ школъ естественнаго права, уже въ видѣ подлинной, на опытѣ и знаніи законовъ причинныхъ зависимостей, основанной, науки разумнаго, раціональнаго законодательства, вмѣсто прежняго произвольно внѣопытнаго конструированія утопическихъ или просто несообразныхъ по законамъ природы, человѣческой психики, системъ.

Основнымъ, впервые давшимъ возможность опытнаго, въ частности экспериментальнаго, познанія реальнаго права, было уразумѣніе на почвѣ соотвѣтственныхъ психологическихъ изслѣдованій того, что въ тѣхъ сферахъ, гдѣ до сихъ поръ наивно предполагали существованіе права и помѣщали соотвѣтственныя фантастическія конструкціи, на самомъ дѣлѣ ничего реальнаго нѣтъ, а находится право и можетъ быть наблюдаемо и экспериментально изучаемо совсѣмъ въ другой сферѣ; между тѣмъ какъ на выясненной мною психологической почвѣ — дѣйствія эмоцій въ направленіи появленія эмоціальныхъ фантазій, проекцій — переживающій правовое сужденіе, напр., «казна имѣетъ право на то-то», наивно предполагаетъ, что подлежащее «право» находится тамъ гдѣ-то (куда онъ совершаетъ наивную проекцію), у какого-то страннаго (и причиняющаго величайшія затрудненія теперешней юриспруденціи)

Digitized by Google

субъекта — «казны», въ дѣйствительности реальный правовой феноменъ находится въ психикѣ того, кто себѣ представляетъ «казну», наивно проицируетъ на эту представляемую персону что-то въ родѣ какого-то предмета, могущаго находиться въ обладаніи этой персоны, «казны» — «право» и т. д. Именно выясненіе того, что принимаемое теперешнею не опытною и противо-опытною наукою права за реальное въ правѣ, представляетъ нѣчто нереальное, идеологическое, фантастическое, а реальное право и его элементы, субъекты, объекты и проч., находятся совсѣмъ въ другой сферѣ и можетъ быть тамъ опытно, въ томъ числѣ экспериментально, изучаемо, какъ особые психическіе феномены въ психикѣ совершающихъ наивныя проекціи въ пространство «обязанностей», «правъ», «нормъ» и проч., и было тѣмъ научнымъ компасомъ, который указывалъ путь ко всѣмъ дальнѣйшимъ построеніямъ, въ томъ числѣ къ идеѣ научной, на опытно-психологической почвѣ, базированной политики права.

Что эта основная идея моей психологической теоріи права уже была извѣстна и предполагалась при построеніи программы науки политики права, это не трудно усмотрѣть хотя бы изъ того, что по этому вопросу говорится въ приложеніи ко второму тому моей «Lehre vom Einkommen», «Entwurf II, Civilpolitik und politische Oekonomie (стран. 437—628), содержащемъ изложеніе подлежащей программы. Такъ, на стран. 462 и слѣд. указывается на невозможность отыскиванія элементовъ правовыхъ явленій во внѣшнемъ мірѣ, намѣчается изложенная мною впослѣдствіи подробно психологическая теорія субъектовъ права, и физическихъ и юридическихъ лицъ, какъ чего-то существующаго только идеально, представляемаго («Ebenso die sog. «physischen» wie die sog. «juristischen Personen» sind keine Erscheinungen der objektiven sinnlichen Welt... Die Person... ist eine i d e e l l e Güterstation...), указывается, что права суть лишь нѣчто идеальное («Die Verbindung der Güter mit der Vertheilungsstation ist gleichfalls ideell — subjektive Rechte») и т. д. И вообще психологическія точки зрѣнія и соображенія въ тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя подготовляли и обосновывали программу построенія политики права на психологической почвѣ, естественно фигурируютъ на каждомъ шагу, неуклонно подчеркивается необходимость и иллюстрируется возможность и плодотворность введенія въ науку права психологическихъ изслѣдованій уже для пониманія смысла права, въ частности для замѣны поверхностной точки зрѣнія частныхъ, денежныхъ, исковыхъ и т. д. интересовъ, примѣняемой Іерингомъ и его послѣдователями, экономическою, народо-хозяйственною точкою зрѣнія, для замѣны поверхностной точки зрѣнія сознательнаго придумыванія права

Digitized by Google

умными людьми для своихъ интересовъ точкою зрѣнія соціально-психическаго безсознательнаго приноровленія и развитія права и т. д. и т. д. Вообще вся суть и особенность тѣхъ многочисленныхъ спеціальныхъ изслѣдованій, которыя имѣли цѣлью подготовить построеніе научной политики права путемъ выясненія посылокъ и метода для этой науки и убѣжденія другихъ въ возможности и плодотворности примѣненія этихъ посылокъ и этого метода въ области правно-политическаго освѣщенія существующаго права и заполненія его пробѣловъ и въ области политики права въ тѣсномъ смыслѣ слова — состояли именно во введеніи психологическихъ посылокъ и психологической дедукціи, какъ основного метода (съ опытно-индуктивною провѣркою въ качествѣ дополнительнаго метода).

И порядокъ разрушенія укорененныхъ предразсудковъ позитивистической юриспруденціи и замѣна ихъ признаніемъ возможности и желательности «возрожденія естественнаго права» въ видѣ науки политики права состоялъ, какъ не трудно всякому желающему убѣдиться по соотвѣтственной литературѣ тогдашняго времени, критическимъ статьямъ, брошюрамъ и проч., былъ таковъ, что прежде всего получилось весьма рѣшительное, можно сказать, единодушное признаніе удачности результатовъ примѣненія подлежащаго метода, затѣмъ, послѣ выясненія особенностей подлежащаго метода, признаніе плодотворности, «удивительной плодотворности» и т. п. подлежащаго метода и затѣмъ, на этой почвѣ, признаніе возможности построенія съ помощью подлежащаго метода и посылокъ науки политики права.

Между прочимъ, и самъ П. И. Новгородцевъ прежде изображалъ дѣло иначе и психологическую теорію права считалъ не уклоненіемъ отъ надлежащаго пути къ возрожденію естественнаго права, а, напротивъ, правильнымъ путемъ отъ прежняго позитивизма къ новому возрожденію естественнаго права и надлежащею посредственною ступенью и стадіей.

Въ своей интересной и превосходной во многихъ отношеніяхъ статьѣ: «Нравственный идеализмъ въ филоосфіи права» въ «Проблемахъ идеализма» (Сборникъ статей подъ редакціей П. И. Новгородцева, 1902 г.) авторъ рѣшительно настаивалъ на возможности и желательности изученія нравственности и права «какъ внутренне-психическаго индивидуальнаго переживанія» (стран. 274) и посвятилъ обоснованію этого обстоятельную аргументацію. И для него, и съ его точки зрѣнія такое, индивидуально-психологическое, познаніе права представлялось цѣннымъ именно въ качествѣ ступени къ возрожденію естественнаго права, въ качествѣ средняго

Digitized by Google

гносеологическаго звена между формально-позитивной догматикой и «этической теоріей права», или естественно-правовымъ построеніемъ. Въ частности на стран. 280, 281 онъ говорилъ:

«Такимъ образомъ психологическая теорія необходимо должна перейти въ этическую теорію. Я бы сказалъ, что это три стадіи подъема въ развитіи нормативнаго начала:

1. Формально-позитивная догматика, не выходящая изъ сферы обработки дѣйствующаго права...

2. Эмпирическій анализъ идеи права, какъ внутренне-психическаго индивидуальнаго переживанія. Блестящимъ образцомъ такого анализа служитъ теорія проф. Петражицкаго. Здѣсь совершается необходимое расширеніе теоретическаго поля зрѣнія, но это не болѣе, какъ путь и ступень, оставаясь на которыхъ мы еще не можемъ притти отъ эмпирическихъ явленій къ идеальнымъ началамъ[1]).

3. Этическая теорія права, классическіе примѣры которой даны намъ въ системахъ великихъ нѣмецкихъ идеалистовъ и которая связываетъ философію права со всѣмъ философскимъ міросозерцаніемъ, т.-е. вводитъ ее въ естественную связь понятій».

Тамъ же, на стран. 279, 280, авторъ, выразивъ одобреніе по адресу психологической теоріи права, затѣмъ продолжаетъ:

Но для ея завершенія необходимо, какъ на это уже было указано критикою, чтобы эта психологическая теорія перешла въ этическую... Проф. Петражицкій пока этого шага не дѣлаетъ, но это возможно только въ первой части его работы, посвященной выясненію предварительныхъ понятій. По плану автора, за этою частью должна послѣдовать вторая — политика права, и здѣсь необходимость этическаго элемента скажется сама собою: для политики прежде всего необходимо выяснить вопросъ о цѣли права и опредѣлить ее съ точки зрѣнія должнаго».

Такое пониманіе и изображеніе дѣла значительно правильнѣе, чѣмъ то, что̀ почтенный авторъ говоритъ теперь по этому вопросу, и на почвѣ такого пониманія дѣла намъ не трудно было бы достигнуть согласія относительно программы «возрожденія естественнаго права» или «соціальнаго идеализма».

Тѣмъ болѣе, что то, чего авторъ отъ меня требуетъ въ качествѣ надлежащаго завершенія правильно начатаго дѣла, и что онъ предполагаетъ, какъ возможное и вѣроятное въ будущемъ съ моей

---

[1]) Я съ этимъ, конечно, вполнѣ согласенъ.

Digitized by Google

стороны, уже давно было мною сдѣлано; такъ что достаточно простой литературной справки, чтобы его совѣтъ и условное одобреніе на случай исполненія указываемаго превратились въ безусловное одобреніе.

А именно указаніе автора, что «для политики права прежде всего необходимо выяснить вопросъ о цѣли права» (точнѣе: выяснить вопросъ о цѣли, задачѣ, идеалѣ политики права), исполнено мною уже 20 лѣтъ тому назадъ, въ появившемся въ 1893 году первомъ томѣ «Lehre vom Einkommen», стран. 339 и слѣд.[1]); затѣмъ соотвѣтственныя объясненія и основной тезисъ о высшей цѣли, идеалѣ, политики повторялись мною въ приложеніи ко второму тому того же сочиненія въ 1895 году и въ рядѣ послѣдующихъ сочиненій на русскомъ языкѣ, въ послѣдній разъ въ предпосланномъ мною «Теоріи права» (философіи права и нравственности, долженствующей состоять изъ двухъ частей, изъ теоріи и политики права и нравственности), «Введеніи въ изученіе права и нравственности».

Для пониманія дальнѣйшаго привожу соотвѣтственные тезисы въ краткой, афористической формулировкѣ предисловія къ этому сочиненію:

Существо правно-политическихъ проблемъ сводится къ научно-обоснованному предопредѣленію тѣхъ результатовъ, наступленія которыхъ слѣдуетъ ожидать въ случаѣ введенія извѣстныхъ правоположеній, и къ выработкѣ такихъ началъ, введеніе коихъ путемъ законодательства (или инымъ путемъ, напр., въ международной области) въ систему дѣйствующаго права сдѣлалось бы причиной извѣстнаго желательнаго эффекта. Поэтому въ основу научной политики права должно быть положено изученіе причинныхъ свойствъ, причиннаго дѣйствія права вообще и разныхъ его видовъ и элементовъ въ частности.

Право есть психическій факторъ общественной жизни и оно дѣйствуетъ психически. Его дѣйствіе состоитъ, во-первыхъ, въ возбужденіи или подавленіи мотивовъ къ разнымъ дѣйствіямъ и воздержаніямъ (мотиваціонное или импульсивное дѣйствіе права), во-вторыхъ, въ укрѣпленіи и развитіи однѣхъ склонностей и чертъ человѣческаго характера, въ ослабленіи и искорененіи другихъ,

---

[1]) «Das höchste und allein dauernde Ideal, neben welchem alles andere nur Vorstufen und Stückwerk bildet, ist schon längst klar und deutlich ausgesprochen:» «Die Liebe höret nimmer auf... Unser Wissen und unser Weissagen ist Stückwerk. Wenn aber kommen wird das Vollkommene, so wird das Stückwerk aufhören» и т. д. И дальше и раньше говорится о соціальной политикѣ, о соціальной враждѣ и примиреніи, примѣняя пріобрѣвшее въ послѣднее время популярность выраженіе: о человѣческой и соціальной «солидарности».

Digitized by Google

вообще въ воспитаніи народной психики въ соотвѣтствующемъ характеру и содержанію дѣйствующихъ правовыхъ нормъ направленіи (педагогическое дѣйствіе права).

Сообразно съ этимъ задача политики права заключается: 1) въ раціональномъ направленіи индивидуальнаго и массоваго поведенія посредствомъ соотвѣтственной правовой мотиваціи, 2) въ совершенствованіи человѣческой психики, въ очищеніи ея отъ злостныхъ, антисоціальныхъ склонностей, въ насажденіи и укрѣпленіи противоположныхъ склонностей.

Дѣйствующая въ каждый данный моментъ система правовыхъ нормъ является преходящею ступенью соціальнаго воспитанія и должна быть по мѣрѣ выполненія своей воспитательной функціи замѣнена другой системой правового импульсивнаго и педагогическаго воздѣйствія, приспособленной къ уже достигнутому уровню народной психики. Идеаломъ является достиженіе совершенно соціальнаго характера, совершенное господство дѣйственной любви въ человѣчествѣ.

Эти правно-политическія положенія находятъ подтвержденіе въ исторіи права и съ своей стороны проливаютъ свѣтъ на исторію человѣческихъ учрежденій. Основная тенденція историческаго процесса образованія и измѣненія правовыхъ учрежденій и ихъ системъ заключается въ такомъ (безсознательномъ) приспособленіи системы правовой мотиваціи и педагогики къ данному состоянію народной психики, что путемъ психическаго воздѣйствія соотвѣтственной правовой системы индивидуальное и массовое поведеніе и развитіе народной психики направляется въ сторону общаго блага. Такъ какъ подъ вліяніемъ постояннаго психическаго воздѣйствія права (и другихъ факторовъ соціально-психической жизни, въ особенности нравственности) народный характеръ неизбѣжно измѣняется, становится лучше, приспособленнѣе въ соціальномъ отношеніи, то соотвѣтственно съ этимъ измѣняется и право, приспособляясь къ стоящей уже на болѣе высокомъ уровнѣ народной психикѣ. Такъ, позднѣйшія правовыя системы требуютъ и достигаютъ отъ гражданъ бо́льшаго въ смыслѣ соціально-разумнаго поведенія, чѣмъ предшествующія, болѣе примитивныя, системы права, и достигаютъ уже раньше требуемаго поведенія путемъ воздѣйствія на болѣе высокія стороны человѣческаго характера; поскольку же дѣло идетъ о томъ же поведеніи и той же, качественно, мотиваціи, напримѣръ, о дѣйствіи путемъ страха, постепенно ослабляется напряженіе соотвѣтственнаго психическаго давленія, напр., жестокость наказаній и т. д. Объясняется это тѣмъ, что позднѣйшія правовыя системы играютъ свой психическій концертъ

Digitized by Google

на лучшихъ, болѣе соціальныхъ человѣческихъ душахъ, чѣмъ болѣе раннія, расчитанныя на болѣе примитивную, менѣе доброкачественную психику. Исторію человѣческихъ учрежденій, въ частности, напр., соціально-экономическихъ организацій, только и можно понять путемъ анализа соотвѣтственныхъ правовыхъ системъ (напр., системы рабства, либерально-капиталистической системы, зачатковъ системы соціализаціи народнаго хозяйства) съ точки зрѣнія ихъ мотиваціоннаго и педагогическаго значенія.

Миссія будущей науки политики права состоитъ въ сознательномъ веденіи человѣчества въ томъ же направленіи, въ какомъ оно двигалось пока путемъ безсознательно-эмпирическаго приспособленія, и въ соотвѣтственномъ ускореніи и улучшеніи движенія къ свѣту и великому идеалу будущаго.

Изъ предыдущаго вытекаетъ, что политика права есть психологическая наука.

Теоретическимъ базисомъ ея должно быть общее психологическое знаніе факторовъ и процессовъ мотиваціи человѣческаго поведенія и развитія человѣческаго характера и спеціальное ученіе о природѣ и причинныхъ свойствахъ права, въ частности ученіе о правовой мотиваціи и ученіе о правовой педагогикѣ.

Основнымъ методомъ правно-политическаго мышленія является психологическая дедукція, умозаключенія на основаніи подлежащихъ психологическихъ посылокъ относительно тѣхъ психическихъ — мотиваціонныхъ и педагогическихъ — послѣдствій, которыя должны получаться въ результатѣ дѣйствія извѣстныхъ началъ и институтовъ права, или относительно тѣхъ законодательныхъ средствъ, которыя способны вызвать извѣстные желательные психическіе — мотиваціонные и педагогическіе — эффекты. Поскольку въ извѣстныхъ областяхъ и предѣлахъ наряду съ психологическою дедукціей возможно примѣненіе и индуктивнаго метода, конечно, политика права должна пользоваться и этимъ методомъ для провѣрки правильности дедуктивныхъ выводовъ (ср. Lehre v. Einkommen II, стран. 581 и слѣд.).

Нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, важныхъ для правильнаго и сознательнаго отношенія къ дѣлу возрожденія естественнаго права и соціальнаго идеализма, я коснусь еще въ другой связи, въ связи съ выясненіемъ смысла ученія Штаммлера и послѣдующихъ судебъ обоихъ ученій.

II.

И съ тѣмъ, что авторъ статьи о «современномъ положеніи проблемы естественнаго права» говоритъ въ ней объ ученіи Штаммлера, невозможно согласиться.

Digitized by Google

Авторъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ ученія Штаммлера на основаніи слѣдующихъ трехъ соображеній:

Во-первыхъ, «самая главная», по мнѣнію автора, идея Штаммлера въ его «извѣстномъ трудѣ «Recht und Wirtschaft» («Wirtschaft und Recht», 1896 г.») — естественное право съ измѣняющимся содержаніемъ — есть идея противорѣчивая и несостоятельная. Это попытка эклектически сочетать старыя философскія воззрѣнія съ историческимъ созерцаніемъ. Но какъ всякая попытка эклектическаго характера, она не могла удовлетворить ни одну изъ сторонъ, которыя хотѣла примирить: для философовъ тутъ дается слишкомъ мало, для историковъ — слишкомъ много. Что идеальныя представленія о правѣ мѣняются съ измѣненіемъ историческихъ условій, это фактъ, не подлежащій сомнѣнію, но не мѣняется тотъ идеальный критерій, который является масштабомъ для оцѣнки прогресса въ правѣ. И если подъ естественнымъ правомъ понимать именно этотъ идеальный и безусловный критерій, то слѣдуетъ сказать, что естественное право съ измѣняющимся содержаніемъ есть contradictio in adjecto. Идеальный критерій съ измѣняющимся содержаніемъ это еще болѣе противорѣчивое понятіе, чѣмъ метръ съ измѣняющейся длиной или килограммъ съ измѣняющимся вѣсомъ».

Во-вторыхъ, по мнѣнію автора: «Столь же неудачной слѣдуетъ признать и основную формулу естественнаго права, которую предложилъ Штаммлеръ: «Gemeinschaft frei wollender Menschen». Онъ хорошо понялъ, что проблема естественнаго права есть также и проблема общественнаго идеала. Послѣдній отдѣлъ его книги и посвящается опредѣленію общественнаго идеала, но здѣсь Штаммлеръ всецѣло остается на почвѣ субъективнаго индивидуализма, не возвышаясь и не будучи въ состояніи возвысится къ этическому понятію общества. Устанавливаемая Штаммлеромъ норма общественности имѣетъ въ виду не качественно новое проявленіе лицъ во взаимодѣйствіи ихъ многообразныхъ индивидуальностей, а только количественное повтореніе ихъ однородныхъ притязаній. Понятіе общества тутъ въ сущности уничтожается: мысль не выходитъ изъ предѣловъ личности въ ея отвлеченной общности и самобытной законченности».

Судя по этимъ упрекамъ по адресу «основной формулы естественнаго права», предложенной Штаммлеромъ: «Gemeinschaft frei wollender Menschen» («общественный союзъ людей, имѣющихъ свободную волю, свободно хотящихъ»), авторъ понимаетъ эту формулу такъ, что здѣсь имѣется въ виду идеалъ индивидуальной свободы, «субъективнаго индивидуализма» въ родѣ соотвѣтственныхъ формулъ и идеаловъ эпохи либерализма второй половины XVIII и

Digitized by Google

начала XIX столѣтія, Руссо, Канта и т. п. Въ другомъ своемъ сочиненіи: «Кризисъ современнаго правосознанія», 1909, проф. Новгородцевъ выражаетъ это въ болѣе непосредственной и ясной формѣ; а именно, здѣсь онъ прямо указываетъ на то, что дѣло идетъ о парафразѣ основной идеи «Contrat social» Руссо, перешедшей отъ Руссо къ Канту (впрочемъ, въ нѣсколько видоизмѣненномъ въ неинтересующемъ насъ здѣсь направленіи видѣ), а отъ Канта къ Штаммлеру (стран. 51 и др.).

Ниже мы увидимъ, что это принципіальное недоразумѣніе. Формула Штаммлера имѣетъ совсѣмъ иной смыслъ, можно сказать, настолько отличный отъ основной идеи Руссо (и Канта), что правильнѣе говорить о радикальной противоположности, чѣмъ о совпаденіи, о томъ, что Штаммлеръ — антиподъ, а не послѣдователь ученія Руссо и Канта. Это будетъ съ достаточною несомнѣнностью выяснено ниже, а пока я по поводу могущаго произвести неправильное впечатлѣніе упрека въ незнаніи смысла критикуемаго отмѣчу, что вина здѣсь не на сторонѣ проф. Новгородцева, а на сторонѣ Штаммлера, который своею темною и замысловатою формулировкою «Gemeinschaft frei wollender Menschen» и тоже довольно загадочными (для неосвѣдомленныхъ въ происхожденіи этой формулы) объясненіями къ ней вводитъ въ заблужденіе своихъ критиковъ, послѣдователей и т. д. Что касается толкованія, которое предлагаетъ проф. Новгородцевъ, то онъ здѣсь (какъ видно изъ его замѣчаній въ сочиненіи: «Кантъ и Гегель», 1901 г., стран. 152 прим.) слѣдуетъ толкованію Gerlach'a въ статьѣ: «Kants Einfluss auf die Socialwissenschaft in ihrer neuesten Entwickelung» (въ Zeitschrift f. d. ges. Staatswissenschaft. Bd. LV. 1899).

Третій упрекъ автора по адресу ученія Штаммлера состоитъ въ томъ, что въ своемъ послѣдующемъ сочиненіи: «Die Lehre von dem richtigen Rechte» 1902 г. Штаммлеръ отступилъ отъ идеи предыдущаго сочиненія. «Соціальный идеалъ является здѣсь въ новой формѣ: онъ долженъ регулировать практику положительнаго права и судебнаго оборота. Всякое право, въ томъ числѣ и положительное, есть Zwangsversuch zum Richtigen. Опредѣлить принципы правильнаго правила, выведенные изъ соціальнаго идеала, — вотъ что становится теперь задачею Штаммлера. Но повернуть такимъ образомъ проблему естественнаго права, не значитъ ли замѣнить ее совершенно новой проблемой? Съ высоты абсолютнаго и вѣчнаго идеала оно вводится въ суету ежедневнаго оборота. Идея творческаго значенія естественнаго права для преобразованія законодательства замѣняется стремленіемъ къ регулированію судебной практики права. Въ этомъ замыслѣ было, несомнѣнно,

Digitized by Google

нѣчто новое, но еще болѣе было въ немъ спорнаго. И во всякомъ случаѣ, здѣсь не было того, что было обѣщано ранѣе: вмѣсто стараго естественнаго права получилась новая идея «правильнаго права», которая и осталась личнымъ достояніемъ Штаммлера».

Всѣ эти возраженія ошибочны и покоятся на недоразумѣніяхъ фактическаго свойства, а именно, на невыясненности подлиннаго смысла ученія Штаммлера. Они находятся въ тѣсной связи съ еще однимъ недоразумѣніемъ, касающимся отношенія ученія Штаммлера къ ученію о наукѣ политики права, предложенному и обоснованному мною въ моихъ сочиненіяхъ: «Fruchtvertheilung», 1892 года и «Lehre v. Einkommen» 1893 и 1895 гг.

Дѣло въ слѣдующемъ. Въ своей «Теоріи права», т. II, стран. 476, я, упомянувъ о выставленномъ мною въ «Lehre v. Einkommen», т. II, стран. 579 лозунгѣ «возрожденія естественнаго права» («Wiedergeburt des Naturrechts») въ смыслѣ построенія науки политики права на почвѣ научнаго психологическаго изученія причинныхъ свойствъ права, его мотиваціоннаго и культурно-воспитательнаго причиннаго дѣйствія, затѣмъ указываю, что «идея политики права, первоначально встрѣченная скептически, какъ «возвращеніе къ заблужденіямъ естественнаго права», стала постепенно пріобрѣтать сторонниковъ въ сферѣ правовѣдѣнія», и въ примѣчаніи называю рядъ авторовъ, въ томъ числѣ Штаммлера. По этому поводу профессоръ Новгородцевъ рѣшительно утверждаетъ, что дѣло идетъ о «недоразумѣніи», что ученіе Штаммлера совершенно независимо отъ моего ученія, что «ни о какомъ заимствованіи или вліяніи тутъ не можетъ быть и рѣчи» (стран. 22, прим.).

Замѣчанія этого рода дѣлаются въ русской литературѣ не впервые. Напротивъ, они сдѣлались своего рода edictum tralaticium. Указывается, особенно съ неокантіанской стороны, что ученіе Штаммлера, его формула «Gemeinschaft frei wollender Menschen» и т.д., относится къ совсѣмъ другому, кантіанскому, міровоззрѣнію, ничего общаго съ моимъ ученіемъ не имѣетъ и т. д. Мало того, въ литературѣ имѣются и такія указанія, изъ которыхъ можно вывести, что ученіе «Lehre v. Einkommen» возникло подъ вліяніемъ Штаммлера, а не обратно. Имѣются даже и такія указанія, въ которыхъ соединяются оба тезиса, которыя начинаются съ намека: «Все построеніе г. Петражицкаго въ извѣстной степени напоминаетъ ученіе другого теоретика — Штаммлера» и кончаются утвержденіями, долженствующими показать, что ученіе Штаммлера не имѣетъ ничего общаго съ моимъ, такъ что не можетъ быть рѣчи о заимствованіи со стороны Штаммлера (!). Мое ученіе похоже на ученіе Штаммлера, но ученіе Штаммлера не похоже на мое.

Digitized by Google

Полагая, что для всякаго серіозно интересующагося дѣломъ и способнаго понимать и судить не трудно убѣдиться въ дѣйствительномъ положеніи дѣла путемъ сличенія хотя бы того, что говорится въ программныхъ приложеніяхъ къ 1-му и 2-му томамъ «Lehre v. Einkommen», съ тѣмъ, что говоритъ Штаммлеръ въ своемъ ученіи о «Хозяйствѣ и правѣ», я не считалъ до сихъ поръ необходимымъ выступать съ особыми разъясненіями и полемикою по этому поводу. Но замѣчанія проф. Новгородцева въ его статьѣ показываютъ, что я ошибался, и что требуются и умѣстны соотвѣтственныя разъясненія.

Я ихъ теперь считаю тѣмъ болѣе умѣстнымъ доставить въ данной связи, что дѣло идетъ не только о выясненіи отношенія подлежащихъ двухъ ученій, но и о выясненіи тѣмъ самымъ подлиннаго смысла ученія Штаммлера, совершенно неправильно понимаемаго и оказывающаго въ такомъ неправильно понятомъ видѣ вредное, вмѣсто возможнаго полезнаго, вліяніе.

Такъ какъ я считаю дѣло присвоенія чужихъ идей и чужого пріоритета весьма низкимъ и постыднымъ дѣломъ и такимъ образомъ здѣсь весьма серіозно затронута личная честь и доброе имя, то я, прежде всего, позволю себѣ сообщить по адресу протестующихъ отъ имени Штаммлера противъ моихъ указаній относительно вліянія «Lehre v. Einkommen» на ученіе Штаммлера, и тѣмъ самымъ упрекающихъ меня въ неправильномъ присвоеніи научнаго пріоритета нѣкоторыя данныя относительно того, что думаетъ самъ Штаммлеръ по этому поводу, разумѣется, только тѣ данныя, которыя имѣются въ документальной формѣ. Прежде всего, съ разрѣшенія проф. М. Я. Пергамента привожу слѣдующее его сообщеніе въ письмѣ ко мнѣ, помогающее вмѣстѣ съ тѣмъ уяснить отношеніе Штаммлера въ его печатныхъ трудахъ къ ученію «Lehre v. Einkommen»: «Все забываю разсказать Вамъ, что я много бесѣдовалъ о Вашихъ идеяхъ съ Штаммлеромъ въ Галле. Онъ изъ Вашихъ серіозныхъ поклонниковъ; за Іерингомъ, между прочимъ, не хочетъ признать ничего, идя въ этомъ направленіи чуть ли не дальше Васъ. Небезынтересно, что онъ въ послѣднее время работаетъ надъ книгой, которая имѣетъ появиться въ свѣтъ чрезъ мѣсяцевъ 6—8 и должна содержать твердые и точные принципы или законы для Вашей Civilpolitik, такіе, молъ, что въ поискахъ за должной нормой сбиться съ пути уже нельзя будетъ. Каковы они, мнѣ, разумѣется, сообщено не было».

Не въ смыслѣ подтвержденія правильности этого сообщенія, за достовѣрность котораго болѣе чѣмъ достаточно ручается имя автора письма, а только въ смыслѣ указанія для лучшаго

Digitized by Google

пониманія дальнѣйшаго, здѣсь же можно упомянуть, что Штаммлеръ въ концѣ своей книги о хозяйствѣ и правѣ намекаетъ, что, излагая тѣ или другія идеи въ своей книгѣ, онъ по отношенію къ кое-кому не сказалъ чего-либо новаго; но дѣло не въ идеяхъ, какъ таковыхъ, и ихъ новизнѣ, а въ ихъ твердомъ и прочномъ научномъ обоснованіи и правильной научной формулировкѣ, которыя, стало-быть, раньше еще не были доставлены.

«Можетъ быть и вообще въ результатѣ, по крайней мѣрѣ въ области той или другой мысли, по отношенію къ кое-кому я не высказалъ чего-либо вполнѣ новаго. И какъ возможно иначе, разъ обсуждаемая тема у всѣхъ на виду и постоянно подвергается оживленному обсужденію, точно такъ же, какъ разстилающаяся предъ нашими глазами природа? Но доставленіе ясныхъ и отчетливыхъ результатовъ въ способѣ проникновенія въ связи и зависимости, въ достовѣрности доказательствъ, въ ясномъ познаніи предмета познанія — въ этомъ заключается задача научнаго изслѣдованія. Даже въ томъ случаѣ, если бы извѣстный результатъ кѣмъ-либо уже предчувствовался, ощущался (empfunden) или былъ принятъ безъ доказательства, то для научнаго изслѣдованія остается цѣль доставляющаго ясность и укрѣпленность обоснованія» (стран. 638) [1]).

Затѣмъ, въ слѣдующемъ своемъ сочиненіи, появившемся въ слѣдующемъ году послѣ изданія «Wirtschaft und Recht»: «Das Recht der Schuldverhältnisse in seinen allgemeinen Lehren», 1897, Штаммлеръ, сообщивъ кратко свои идеи относительно нахожденія правильнаго права (относительно политики права, см. ниже), подробно изложенныя въ «Wirtschaft und Recht», указалъ слѣдующее:

«Петражицкій, предлагая проектъ науки «цивильной политики» (политики частнаго права), вполнѣ послѣдовательно пришелъ къ сходнымъ идеямъ и постановкѣ проблемы. Онъ выставляетъ въ качествѣ критерія и цѣли для правопорядка состояніе любви сочленовъ правового общенія другъ къ другу (den Zustand der Liebe der Rechtsgenossen zu einander auf)[2]).

[1]) На могущій возникнуть по этому поводу вопросъ, почему авторъ въ такомъ случаѣ довольствуется такими намеками, не указывая, чьи идеи онъ имѣетъ въ виду и въ чемъ состоятъ недостатки ихъ обоснованія, формулировки и т. д., въ концѣ книги отвѣта нѣтъ. Но уже во введеніи напередъ сообщается, что «полнота въ литературномъ отношеніи въ этомъ сочиненіи не имѣется въ виду, и мы пока (für jetzt) не имѣемъ намѣренія доставлять объемистаго указателя относительно книгъ и сочиненій по соціальной наукѣ» (стран. 24).

Впослѣдствіи, какъ увидимъ тотчасъ, авторъ отчасти восполнилъ особенно поразительный пробѣлъ въ области литературныхъ указаній.

[2]) «Petrażycki, Die Lehre vom Einkommen, 2 Bde. (1893), 95. Укажу особенно на слѣдующія мѣста: Bd. 2, S. 475 ff., 506 ff».

Digitized by Google

Эта постановка вопроса о такой формальной конечной цѣли была правильна, и такое рѣзкое нападеніе, которое по этому поводу сдѣлалъ на него Зомъ, не было заслужено[1]). Ибо

[1]) «Sohm, Ueber den Entwurf einer Bürg. GBs. (1896) S. 25 ff».

Изслѣдованіе «Lehre v. Einkommen», предлагая основаніе и разработку особой науки политики права съ особыми (психологическими) посылками, особымъ методомъ, особыми задачами, отличными отъ посылокъ, методовъ, задачъ существующаго, практически-догматическаго, правовѣдѣнія, содержало въ себѣ научную разработку и пропаганду подлежащихъ идей, между прочимъ, и въ формѣ доказательства негодности традиціонныхъ точекъ зрѣнія и пріемовъ обсужденія, установившихся въ догматической юриспруденціи и примѣнявшихся, психологически естественно, за отсутствіемъ науки политики права и соотвѣтственной школы мышленія, и при выработкѣ и обсужденіи проекта новаго германскаго гражданскаго уложенія,— для рѣшенія вопросовъ законодательной политики: негодности судейской, ретроспективной, точки зрѣнія обсужденія представляемыхъ, какъ совершившіеся, фактовъ вмѣсто надлежащей законодательной, проспективной точки зрѣнія, предвидящей на основаніи психологическихъ посылокъ, негодности точки зрѣнія частныхъ карманныхъ интересовъ кредиторовъ, собственниковъ и т. д. и ихъ процессуальной защиты и необходимости замѣнить ее народно-хозяйственною и соціально-педагогическою точками зрѣнія и т. д. Средствомъ для уясненія и доказательства правильности подлежащихъ положеній была избрана критика продуктовъ традиціонныхъ точекъ зрѣнія и привычекъ мышленія — положеній проекта германскаго гражданскаго уложенія и доказательство наличности въ нихъ множества соотвѣтственныхъ правно-политическихъ ошибокъ. Особенно содержаніе второго тома, обоснованность и ясная правильность подлежащихъ правно-политическихъ указаній (признанныя согласно всѣми, не исключая и Зома) и т. д., вызвало, какъ, между прочимъ, сообщаетъ Leonhard, «Die Vollendung des Deutschen bürgerl. Gesetzbuches», 1897, стран. 7 «нѣкоторую сенсацію» и даже (совершенно неосновательныя, конечно) опасенія, что распространеніе подлежащихъ идей и ихъ вліяніе можетъ повредить дѣлу правового объединенія Германіи путемъ замѣны прежнихъ партикулярныхъ правъ разныхъ германскихъ государствъ подготовленнымъ единымъ кодексомъ (такъ что даже была приняты нѣкоторыя особыя мѣры, о чемъ можно, между прочимъ, догадаться и не знающему фактовъ по симптомамъ, напр., путемъ сравненія количества рецензій и иныхъ печатныхъ отзывовъ о 1-мъ и 2-мъ томѣ Lehre v. Einkommen).

Весьма выдающійся и авторитетный юристъ, проф. Зомъ, назначенный императоромъ Вильгельмомъ II представителемъ союзнаго германскаго правительства для защиты проекта въ рейхстагѣ, выступилъ въ защиту проекта въ цитированной Штаммлеромъ брошюрѣ, содержащей дѣйствительно весьма рѣзкое нападеніе не только на мою книгу, но и на автора лично за яко бы проявленное неуваженіе къ нѣмецкой наукѣ и т. д. Это, считаю умѣстнымъ подчеркнуть, совершенно неосновательное подозрѣніе и обвиненіе. Я—благодарный ученикъ и искренній поклонникъ нѣмецкой науки, болѣе радовался въ свое время печатному признанію «правъ гражданства и мастерства» въ средѣ этой науки, чѣмъ другимъ, не менѣе или болѣе лестнымъ отзывамъ въ печати, и до сихъ поръ чувствую себя подлежащимъ «гражданиномъ»; и если тогда и въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ избиралъ и избираю предметомъ критики при проведеніи такихъ или иныхъ кажущихся мнѣ болѣе правильными идей главнымъ образомъ и преимущественно нѣмецкія сочиненія и ученія, то это объясняется не неуваженіемъ, а какъ разъ наоборотъ (что, въ свою очередь, впрочемъ, не означаетъ неуваженія къ другимъ наукамъ, французской, англійской и т. д., если вообще можно въ столь великомъ общечеловѣческомъ дѣлѣ, какъ наука, дѣлать такія сопоставленія и различенія). Разумѣется, не было у меня и никакихъ злыхъ умысловъ и противъ прекраснаго дѣла — правового объединенія. Напротивъ, было искреннее желаніе внести хоть скромную лепту въ подлежащее дѣло въ видѣ устраненія хоть нѣкоторыхъ недостатковъ въ точкахъ зрѣнія

Digitized by Google

если послѣдній ученый (Зомъ) противопоставляетъ ученію перваго въ качествѣ задачи права «только установленіе требуемыхъ справедливостью границъ осуществленія эгоизма»,— то спрашивается, что онъ разумѣетъ подъ справедливостью, какъ масштабомъ для оцѣнки содержанія права. И такъ какъ Зомъ этого нигдѣ не указываетъ, то его соображенія не представляютъ никакого улучшенія совершенно правильнаго въ постановкѣ проблемы хода идей Петражицкаго.

Но, съ другой стороны, я полагаю, что предложенная Петражицкимъ формула еще не представляетъ достаточнаго фундамента. Ибо «любовь» означаетъ сама по себѣ одно стороннее влеченіе преданности другому; и это субъективное влеченіе, какъ таковое, еще не можетъ доставлять безусловнаго масштаба и руководящей идеи для соціальной жизни. Таковымъ можно признать лишь разумную любовь[1]): не всякую личную привязанность, самое по себѣ, а разумно обоснованную любовь, принимаемую съ обѣихъ сторонъ взаимно. И при томъ «любовь» въ этой связи слѣдуетъ понимать не въ качествѣ дѣйствительно появляющагося ощущенія (Empfindung) отдѣльнаго человѣка[2]), какового психологическаго эффекта законодатель совсѣмъ не можетъ вызвать, а въ качествѣ идеи солидарной (гармонической) совмѣстной жизни. Конечною цѣлью права и государства является, слѣдовательно, общественный союзъ людей, имѣющихъ свободную волю; — «свободную» не въ смыслѣ безусловной причинности, нѣтъ, свободную отъ субъективнаго эгоизма!»

Таково аутентическое толкованіе Штаммлера его знаменитой, толкуемой неудачно на разные лады формулы «Gemeinschaft frei wollender Menschen». Это не что иное, какъ выставленная еще

дальнѣйшаго, въ послѣднихъ стадіяхъ, обсужденія и ошибокъ будущаго кодекса по существу, каковая цѣль и была въ извѣстной степени достигнута. Съ другой стороны, считаю правильнымъ признать, что рѣзкое нападеніе Зома не только было понятно по обстоятельствамъ дѣла, но и въ извѣстной степени справедливо. Въ пылу юношескаго идейнаго увлеченія и воодушевленія авторъ Lehre v. Einkommen дошелъ до такихъ рѣзкихъ отзывовъ и характеристикъ (какъ, напр., характеристики проекта, какъ «хрестоматіи цивильно-политическихъ ошибокъ»), которые мнѣ теперь самому, при спокойно-объективномъ отношеніи къ дѣлу, представляются очень преувеличенными и несправедливыми и вполнѣ заслуживающими «строжайшаго выговора».

[1]) «Поэтому и любить слѣдуетъ умѣть, понимать!» — изреченіе Леопольда Шеффера. Ср. Woltmann, Kritische und genetische Begründung der Ethik (1896) S. 30».

[2]) «Такъ именно полагаетъ Петражицкій. Особенно характерны его разсужденія во 2-мъ томѣ на стран. 545».

Digitized by Google

въ 1893 году въ «Lehre von Einkommen» въ качествѣ идеала политики права, идея любви, но въ надлежаще исправленномъ, по мнѣнію автора, видѣ.

Относительно совпаденія другихъ элементовъ ученія «L. v. E.» и ученія Штаммлера — ниже. А пока по поводу предлагаемыхъ Штаммлеромъ исправленій необходимо, для устраненія фактическихъ недоразумѣній, отмѣтить слѣдующее:

1) Штаммлеръ настаиваетъ, прежде всего, какъ на существенномъ исправленіи, на идеѣ разумности подлежащей любви. Если бы у меня по этому вопросу ничего не говорилось въ «Lehre v. Einkommen», то все-таки, когда рѣчь идетъ объ идеалѣ воспитанія и будущей соціальной жизни, настаивать на томъ, что имѣется въ виду разумное, а не глупое и нерезонное поведеніе, да еще приводить въ пользу столь тривіальнаго положенія научные авторитеты, было бы по меньшей мѣрѣ лишне. Но положеніе существенно ухудшается тѣмъ обстоятельствомъ, что у меня въ «Lehre v. Einkommen», т. II, прямо говорится о разумности подлежащей любви, и даже въ такой формѣ, что подлежащія выраженія слѣдуетъ признать слишкомъ далеко идущими, грѣшащими въ направленіи, прямо противоположномъ тому, о которомъ говоритъ Штаммлеръ. Такъ, на стран. 468 я въ свое время говорилъ: «...Wirkung der Liebe und Vernunft (genauer der Liebe, welche, von anderer Seite betrachtet, Vernunft ist, oder der Vernunft, welche Liebe ist)», («любви и разума — точнѣе: любви, которая, разсматриваемая съ другой стороны, есть разумъ, или разумъ, который есть любовь»). Теперь, какъ я уже упомянулъ, я считаю такую формулировку неудачною и уже бы такъ писать не сталъ, и вообще бы не припутывалъ вопросовъ, касающихся интеллекта, къ вопросамъ характера (эмоціональной психики). Но, во всякомъ случаѣ, предлагаемое Штаммлеромъ исправленіе, состоящее въ добавленіи идеи разумности, есть лишь мнимое улучшеніе, представляетъ не улучшеніе, а не соотвѣтствующее дѣйствительности изображеніе моего ученія.

2) То же относится и ко второму исправленію, предлагаемому Штаммлеромъ, а именно, къ моменту взаимности любви вмѣсто якобы имѣющагося въ моемъ ученіи момента односторонности. Само собою разумѣется, въ «Lehre v. Einkommen» рѣчь идетъ не о томъ, чтобы «законодатель» внушалъ одной сторонѣ любовь, а другую сторону оставлялъ коснѣть въ эгоизмѣ и этимъ подводилъ первую подъ эксплоатацію со стороны второй; это была бы вообще нелѣпая идея; дѣло у меня идетъ о воспитаніи съ помощью права (и другихъ факторовъ) не какой-то цивилистической «стороны» и

Digitized by Google

при томъ одной изъ сторонъ, а народныхъ массъ и человѣчества вообще въ направленіи постепенной общей соціализаціи психики, общечеловѣческой солидарности, способности и готовности служить общему дѣлу безъ особыхъ каръ и наградъ и т. д. Между прочимъ, уже изъ того, что нѣсколькими строчками раньше самъ Штамлеръ сообщаетъ о содержаніи моего ученія («Онъ выставляетъ въ качествѣ критерія и цѣли для правопорядка состояніе любви сочленовъ правового общенія между собою», «zu einander») можно усмотрѣть, что слѣдующее затѣмъ исправленіе моего ученія въ направленіи добавленія взаимности не имѣетъ никакой серіозной почвы и только бросаетъ не соотвѣтствующій дѣйствительности свѣтъ на мое ученіе.

3) Третій упрекъ по адресу моего ученія и поводъ для исправленія состоитъ въ томъ, что будто бы по моему ученію дѣло идетъ о вызовѣ со стороны законодателя любви «въ качествѣ дѣйствительно появляющагося ощущенія (Empfindung) отдѣльнаго человѣка, какового психологическаго эффекта законодатель совсѣмъ не можетъ вызвать» и т. д. И въ подтвержденіе такихъ наивныхъ представленій съ моей стороны критикъ ссылается на стран. 545 II тома «L. v. E.».

Но, какъ всякому не трудно убѣдиться, прочитавъ соотвѣтственную страницу «L. v. E.», тамъ не только нѣтъ того, что мнѣ приписываетъ Штаммлеръ, но и нельзя, даже при желаніи тенденціозно толковать, произвольно, съ натяжкою, приписать что-либо подобное, потому что тамъ идетъ рѣчь о совсѣмъ другомъ, никакого отношенія къ данному не имѣющемъ, вопросѣ.

Тамъ я по поводу проявившейся въ новое время, на почвѣ совсѣмъ неправильнаго, съ моей точки зрѣнія, пониманія функцій уголовнаго права тенденціи борьбы противъ слишкомъ большой мягкости и гуманности уголовнаго права, отстаиванія бо́льшей строгости наказаній, смертной казни и проч., обосновываю общепсихологическій тезисъ, состоящій въ томъ, что при наличности почвы для разныхъ мотивовъ въ пользу одного и того же поведенія происходитъ не традиціонно предполагаемое непремѣнное сложеніе разныхъ давленій въ пользу одного и того же поведенія, а, напротивъ, вытѣсненіе и подавленіе менѣе волнующихъ болѣе сильными и волнующими мотивами. Изъ этого психологическаго тезиса я вывожу слѣдующій правно-политическій тезисъ:

«Отсюда вытекаетъ слѣдующая теорема для политики государственнаго права, цивильной политики и т. д.: Оперированіе наградами и наказаніями, вообще играніе на эгоистическихъ струнахъ человѣческаго характера оказываетъ прямо злокачественное и

Digitized by Google

деморализующее вліяніе на тѣхъ индивидовъ и тѣ категоріи людей, отъ которыхъ соотвѣтственнаго поведенія можно было бы ожидать и безъ привлеченія эгоизма или безъ столь сильнаго приведенія въ дѣйствіе эгоистическихъ мотивовъ (слишкомъ большая величина наказанія или награды), потому что ведетъ къ господству въ психикѣ эгоистическихъ мотивовъ и помѣхѣ дѣйствію и укрѣпленію болѣе высокихъ мотивовъ.

Если, стало-быть, изъ теоріи устрашенія вполнѣ послѣдовательно вытекаетъ тенденція повышенія жестокости наказаній, то это происходитъ»... (вслѣдствіе непониманія психологическаго существа дѣла).

Единственнымъ поводомъ для привлеченія стран. 545 «L. v. E.» въ качествѣ подтвержденія для приписанія мнѣ подлежащаго несообразнаго ученія можетъ служить развѣ то, что въ приводимыхъ тамъ житейскихъ примѣрахъ встрѣчается слово любовь: «Любимый отецъ боленъ и дѣти боятся его смерти» и т. д.

По существу же, повторяю, изложеніе стран. 545 никакого подтвержденія выставленнаго Штаммлеромъ тезиса, существенно искажающаго мое ученіе, не содержитъ. Мало того, изложеніе стран. 545, какъ и прочія части моего изложенія, являются иллюстраціей того, какъ далеко это ученіе отъ наивной идеи внушенія со стороны законодателя отдѣльному человѣку «ощущенія» любви (подъ любовью я, разумѣется, понимаю не какое-то «ощущеніе», что съ научно-психологической точки зрѣнія представляло бы смѣшеніе совершенно разнородныхъ понятій, а особый сложный идеально-соціальный характеръ — наличность множества соотвѣтственныхъ каритативныхъ эмоціональныхъ диспозицій и отсутствіе множества другихъ, злостныхъ и эгоистическихъ, диспозицій). Изъ соображеній на стран. 545 и другихъ видно, что дѣло идетъ о весьма сложномъ и трудномъ, предполагающемъ разработку соотвѣтственнаго научно-психологическаго базиса, дѣлѣ раціональной соціальной педагогики, о сложной системѣ мѣръ косвенныхъ воздѣйствій — не на «отдѣльнаго человѣка», конечно, ибо право имѣетъ дѣло съ массами, а не съ какимъ-то отдѣльнымъ человѣкомъ, — на массовую психику для того, чтобы культура, цивилизація этой психики шла нормально и удачно. Въ разсужденіяхъ же на страницѣ 545 и предыд. и послѣд. дѣло идетъ даже не о положительномъ внушеніи чего-либо кому-либо, а объ умѣніи не портить, по крайней мѣрѣ, народнаго характера и его развитія лишними жестокостями, грубою и примитивною уголовною политикою и т. д.

У незнакомаго съ дѣломъ можетъ, особенно въ виду указанной мною явной неправдивости упрека и ссылки на стран. 545 «L. v. E.»,

Digitized by Google

возникнуть недоразумѣніе, состоящее въ томъ, что Штаммлеръ, можетъ быть, думаетъ другое, что онъ вообще отрицаетъ задачу правовой педагогики и постепеннаго приближенія къ идеалу «общества свободно хотящихъ людей» въ смыслѣ свободы отъ эгоизма, любви и ссылается на стран. 545 потому, что все-таки тамъ говорится о психологической истинѣ, важной для раціональной правовой педагогики. Но это было бы недоразумѣніемъ. Какъ увидимъ ниже, Штаммлеръ вполнѣ присоединился уже въ Wirtschaft und Recht и въ послѣдующихъ сочиненіяхъ къ идеѣ воспитанія съ помощью права, въ частности воспитанія «правильной», «свободной» (отъ эгоизма) воли и утилизировалъ эту идею въ разныхъ формахъ и направленіяхъ. Да иначе онъ не могъ сдѣлать, присоединившись къ идеалу любви, какъ конечной цѣли (Endzweck) права и политики. Въ противномъ случаѣ все построеніе подлежащаго соціальнаго идеализма превратилось бы въ нѣчто противорѣчивое и нелѣпое, въ постановку для права и политики завѣдомо и сознательно невозможной задачи, въ рекомендацію законодателю идеала «общества свободно хотящихъ людей», т.-е. идеала любви, съ одновременнымъ указаніемъ, что оказывать воздѣйствія въ соотвѣтственномъ направленіи для законодателя невозможно.

Такимъ образомъ конструированныя Штаммлеромъ, яко бы необходимыя, исправленія моего ученія и выставляемые имъ элементы оригинальности его ученія о соціальномъ идеалѣ фиктивны и должны быть для приведенія дѣла въ соотвѣтствіе съ дѣйствительностью вычеркнуты, какъ лишнія осложненія и затемнѣнія, научнаго значенія и научной цѣли не имѣющія.

Въ «Wirtschaft und Recht», въ отличіе отъ «Recht d. Schuldv.», Штаммлеръ не считаетъ нужнымъ или возможнымъ излагать дѣло просто и ясно, называть вещи своими именами и т. д. Здѣсь идея любви вводится и, по обыкновенію Штаммлера, множество разъ повторяется въ разныхъ формахъ, оборотахъ рѣчи и контекстахъ — въ болѣе темномъ, замысловатомъ и для непосвященныхъ и менѣе вдумчивыхъ трудно понятномъ видѣ, съ помощью разныхъ обходныхъ искусственныхъ выраженій и формулировокъ и т. д. Вмѣсто выраженій: свобода отъ эгоизма, любовь, альтруизмъ, солидарность и т. д. придумана авторомъ и примѣняется цѣлая коллекція словесныхъ суррогатовъ, обходныхъ выраженій, искусственныхъ, темныхъ и требующихъ для пониманія ихъ смысла сопоставленій разныхъ частей изложенія. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изложенія сквозь туманъ подлежащихъ искусственныхъ и обходныхъ выраженій просвѣчиваетъ и для непосвященныхъ въ подлежащія

Digitized by Google

тайны истинный смыслъ его ученія, могущій быть выраженнымъ просто и ясно словомъ «любовь» или альтруизмъ, солидарность или т. п., съ добавленіемъ, если угодно, «взаимности», «разумности» и т. д.

Такъ, на стран. 581 находимъ слѣдующее, относительно болѣе ясное раскрытіе смысла идеи «общественнаго союза свободно хотящихъ людей»: «Это идея совмѣстной жизни людей подъ внѣшними правилами[1]), по которымъ всѣ они преслѣдуютъ объективно управомоченныя цѣли, общественнаго союза, въ которомъ каждый относится къ ближнему (dem Nächsten gegenüber) въ духѣ закономѣрной воли; идея совмѣстной направленной на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей дѣятельности (Zusammenwirkens), въ нормированной сферѣ которой одинъ признаетъ объективно обоснованныя цѣли другого, какъ свои цѣли и желаетъ ихъ достиженія. Едва ли найдется другой примѣръ, который можетъ такъ превосходно иллюстрировать непосредственное практическое значеніе этого принципа, какъ общая борьба за отечество противъ угрожающаго врага. Здѣсь и самому тупому пониманію должно стать яснымъ, какъ всякій только субъективный частный интересъ долженъ отойти на задній планъ, какъ каждый долженъ отстаивать вмѣстѣ управомоченную цѣль другого, и какъ только такое регулированіе общей борьбы является правильнымъ, которое направлено на то, чтобы одинъ стоялъ за всѣхъ и всѣ за одного. И такимъ образомъ это истина, что война имѣетъ также свою честь; ибо она заставляетъ внутренне распадающееся въ направленіи эгоизма государственное общеніе подниматься до высоты идеи союза свободно хотящихъ людей, которые находятся другъ къ другу въ отношеніи предметно (Gegenständlich, объективно) обоснованныхъ цѣлей и ихъ преслѣдованія, — и должны были бы такъ затѣмъ поступать и въ другихъ областяхъ борьбы за существованіе. Какъ этого слѣдуетъ достигать, объ этомъ дальше будетъ сказано»... (Дальше говорится о независимости правильныхъ «соціальныхъ мѣръ», т. е. законодательныхъ, правовыхъ мѣропріятій отъ того, что субъективно желательно или нежелательно, пріятно или непріятно отдѣльнымъ гражданамъ, отвергается неодобреніе съ этой точки зрѣнія общей воинской повинности и т. п., и затѣмъ, на той же страницѣ, авторъ продолжаетъ:) «Изъ предыдущаго вытекаетъ то важное послѣдствіе, что соціальный порядокъ» (=право) «отнюдь не имѣетъ права ждать случайнаго появленія той или иной потребности» (сознанія потребностей, цѣлей), «что онъ,

[1]) Слѣдуетъ разумѣть: подъ господствомъ общихъ нормъ права.

Digitized by Google

напротивъ, долженъ вызывать сознательно-цѣлесообразно такія потребности и путемъ воспитанія и образованія дѣйствовать въ томъ направленіи, чтобы отдѣльные люди были въ возможно болѣе сильной степени и хорошо приведены въ состояніе дѣйствовать въ области осуществленія возникающихъ у нихъ цѣлей и въ области соотвѣтственнаго необходимаго выбора и рѣшеній въ духѣ объективной правильности».

Здѣсь указаніе такого отношенія къ ближнимъ, что ихъ разумныя цѣли усвоиваются какъ наши цѣли, т.-е. альтруистическаго радѣнія о цѣляхъ ближнихъ, какъ о своихъ собственныхъ, примѣръ военной солидарности, какъ отказа отъ эгоизма и солидарной борьбы съ другими и за другихъ, указаніе необходимости такого же поднятія до высоты идеи «общественнаго союза свободно хотящихъ людей» въ другихъ, не только военныхъ, областяхъ совмѣстной жизни и необходимости правового воспитанія гражданъ въ этомъ духѣ и направленіи — даютъ болѣе ясныя указанія относительно смысла ученія Штаммлера, чѣмъ многочисленныя другія части его изложенія, повторяющія то же, но въ разныхъ, болѣе замысловатыхъ обходныхъ выраженіяхъ[1]).

Изъ этого же мѣста изложенія, какъ и изъ другихъ и въ особенности изъ сличенія и сопоставленія разныхъ мѣстъ, видно, что, напр., выраженія «объективно управомоченныя цѣли» = (разумно) альтруистическія цѣли, въ отличіе отъ эгоистическихъ, выраженія: «закономѣрная воля» = «правильная воля» = «свободная воля» = разумно-альтруистическая, свободная отъ эгоизма воля; «субъективный» въ выраженіяхъ «только субъективный интересъ», «субъективное желаніе», «субъективная значимость» и т. п.= эгоистическій; «предметный» («gegenständlich»), «объективный» и т. п.=альтруистическій, солидарный, соотвѣтствующій разумной любви и т. д.

Въ суммѣ можно сказать, что при внимательномъ и вдумчивомъ чтеніи, сопоставленіи разныхъ мѣстъ, запоминаніи смысла темныхъ выраженій по мѣстамъ проясненія ихъ смысла и т. д. можно было бы установить съ несомнѣнностью подлинный смыслъ знаменитой формулы: «Gemeinschaft frei wollender Menschen» и вообще «соціальнаго идеализма» Штаммлера и не зная его, предназначеннаго для узкаго круга спеціалистовъ-цивилистовъ, аутентическаго

[1]) Ср., впрочемъ, стран. 574: «Отличіе правильныхъ и закономѣрныхъ рѣшеній отъ эгоистическихъ и только субъективно значимыхъ...», стран. 574: «направленіе эмпирическихъ цѣлей, могущее являться общезначимымъ, абстрагирующее отъ субъективныхъ стремленій», тамъ же: «это идея общественнаго союза, въ которомъ каждый дѣлаетъ своими объективно управомоченныя цѣли другого» и т. д.

Digitized by Google

разрѣшенія подлежащей загадки путемъ указанія на идеалъ любви (разумной, взаимной и проч.), свободы отъ эгоизма. Но, съ другой стороны, психологически понятно и появленіе, со стороны неосвѣдомленныхъ въ положеніи дѣла, разныхъ недоразумѣній относительно смысла знаменитой формулы, въ частности на почвѣ буквальнаго толкованія формулы, говорящей о «свободѣ», пониманія ея въ смыслѣ идеи свободы, идеала либерализма въ духѣ Канта и т. д., тѣмъ болѣе, что Штаммлеръ подлежащую идею, какъ и другія совсѣмъ не кантіанскія идеи W. und R., переодѣлъ въ кантіанскіе костюмы, примѣняя на каждомъ шагу излюбленныя неокантіанскія выраженія, построенія фразъ и проч.

И такимъ образомъ Штамлеръ, не безъ вины съ своей стороны, попалъ въ эпигоны Руссо въ качествѣ идейнаго внука чрезъ отца — Канта.

Habent sua fata libelli!

Въ основѣ ученій эпохи либерализма (экономическаго и политическаго) лежала безсознательно-цѣлесообразная и съ исторически-эволюціонной точки зрѣнія вполнѣ естественная и необходимая (въ случаѣ знанія законовъ развитія права, въ томъ числѣ интуитивнаго права и соотвѣтственныхъ политическихъ идей, могшая быть предвидѣнною дедуктивно для тогдашней стадіи культуры человѣческой психики) тенденція передвиженія системы соціально-правовой мотивації съ прежнихъ болѣе примитивныхъ мотивационныхъ мѣръ и мотивовъ, начальственно-опекунскихъ давленій, грозно-деспотическаго режима, покорности и страха и т. д. — на мотивы собственныхъ интересовъ гражданъ, — тенденція предоставленія людямъ, настолько культурно дозрѣвшимъ, что они могли сами вести свои дѣла, безъ начальственныхъ понуканій и опеки, сообразуясь съ собственною выгодою, простора и свободы для дѣйствія подлежащей мотивації и использованія подлежащихъ элементовъ человѣческой психики и мотивовъ въ качествѣ пружинъ для соціальной, экономической и политической организації и соціально-полезной дѣятельности[1]).

Съ этой точки зрѣнія — приспособленія системы соціально-правовой мотивації къ эволюціи человѣческой психики, къ уровню ея воспитанія, культуры — получается свѣтъ и пониманіе какъ въ области ученій экономическаго либерализма (физіократы, Адамъ Смитъ и его школа, Кэри, Бастіа и т. д.), такъ и въ области политическаго либерализма.

И для пониманія Руссо (тоже, между прочимъ, толкуемаго вкривь и вкось) надо принимать во вниманіе ту же точку зрѣнія и имѣть

[1]) Ср. «Теорію права», II т., § 49, стран. 688 и сл., § 51.

Digitized by Google

въ виду, что смыслъ его политическаго ученія сводится въ построенію государства на почвѣ эгоизма, на почвѣ «естественной», по его убѣжденію, составляющей природу человѣка, «любви къ самому себѣ» или на естественномъ и неизбѣжномъ «предпочтеніи со стороны каждаго себя самого другимъ». Его въ своемъ родѣ остроумный (хотя и съ дефектомъ) политическій рецептъ состоитъ въ томъ, чтобы законы создавались общею волею и притомъ имѣли общее содержаніе, т.-е. постановляли одно и то же для всѣхъ гражданъ. Такъ какъ каждый себѣ желаетъ добра и никоимъ образомъ себя не обидитъ, не причинитъ себѣ несправедливости, то такіе законы, въ вотированіи коихъ участвуютъ всѣ и которые постановляютъ одно и то же для всѣхъ, т.-е. каждый вотируетъ для себя же, не могутъ быть несправедливы, противны благу гражданъ и т. д. Такъ какъ каждый предпочитаетъ свое добро чужому, то недопустимо народное представительство (ибо оно рѣшаетъ для другихъ, стало-быть въ свою пользу насчетъ другихъ), недопустимо предоставленіе какой-либо самостоятельной власти правительству (по тому же основанію) и т. д. и т. д.

Изобрѣтена формула для неуклоннаго осуществленія «перваго закона» природы человѣческой и основного естественнаго права человѣка — заботиться о самомъ себѣ и созданъ полный просторъ для свободы — эгоизма.

Сходство между Руссо и Штаммлеромъ состоитъ въ томъ, что оба говорятъ о свободѣ, но есть и существенная разница, состоящая въ томъ, что Руссо, какъ и другіе представители подобныхъ же ученій, стремится къ свободѣ для эгоизма, а Штаммлеръ къ свободѣ отъ эгоизма.

Какъ бы то ни было родословная: Руссо — Кантъ — Штаммлеръ и соотвѣтственная критика ученія Штаммлера покоятся на фактическомъ недоразумѣніи. И источникъ происхожденія, и смыслъ ученія Штаммлера совсѣмъ иной, ничего общаго съ Руссо и Кантомъ не имѣющіе.

Идея любви, въ качествѣ директива политики права, была выставлена впервые въ сочиненіи, направленномъ какъ разъ противъ тенденцій laisser faire и въ пользу соціальнаго направленія и соотвѣтственная противоположность указывается и подчеркивается многократно.

И у Штаммлера имѣются соотвѣтственныя прямыя указанія и даже утрированное осужденіе приписываемой ему теперь по недоразумѣнію идеи свободы, какъ какой-то нелѣпости, несообразной и противорѣчивой идеи.

Digitized by Google

Въ Wirtschaft und Recht, какъ разъ въ отдѣлѣ изложенія, посвященномъ соціальному идеалу, имѣется и рѣзкое нападеніе на идею либерализма и мишенью здѣсь избирается какъ разъ Руссо (страница 604 и сл.); въ «Die Lehre von d. richtigen Rechte» нападенію на лозунги «Freiheit und Gleichheit» («Свобода и равенство») посвященъ особый отдѣлъ изложенія подъ этимъ заглавіемъ (стран. 187 и сл.) и здѣсь мишенью для повторенія осужденія въ еще болѣе рѣзкой формѣ избирается W. Humboldt. Подлежащіе удары наносятся по существу, конечно, и Канту, но, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, имя Канта не упоминается и его ученіе обходится молчаніемъ.

III.

Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній по поводу предыдущаго изложенія отмѣтимъ еще слѣдующее.

Изъ моего указанія, что Штаммлеръ, отвергая идеи Руссо, Канта, Гумбольдта и т. д., находится въ согласіи съ направленіемъ и указаніями въ Lehre v. Einkommen, отнюдь не слѣдуетъ, что я согласенъ съ соотвѣтственною его критикою идей либерализма. Напротивъ, я вполнѣ одобряю идеи Руссо, Канта, Гумбольдта, какъ и Адама Смита и т. д., какъ вполнѣ удачныя (хотя и наивно-удачныя, безъ знанія и пониманія, что, какъ и почему, безъ пониманія причинно-эволюціонной связи и т. д.) ученія для той стадіи культурнаго воспитанія западно-европейскихъ народовъ, съ которою эти великіе и для своего времени передовые мыслители имѣли дѣло (и которая у нѣкоторыхъ народовъ имѣется еще и теперь). Такую же критику, которая съ помощью общихъ, своихъ или чужихъ, идей и соображеній наноситъ торжествующій разгромъ такимъ идеямъ, какъ чему-то самому по себѣ неразумному, несообразному, въ отличіе отъ иной идеи, самой по себѣ разумной, изъ самого разума вытекающей и проч.— я считаю недоразумѣніемъ и проявленіемъ недостатка научной сознательности и критицизма.

Равнымъ образомъ, что касается самого соціальнаго идеала любви, свободы отъ эгоизма и т. д., то мои указанія относительно фиктивности основаній, по которымъ Штаммлеръ полагаетъ, что «предложенная Петражицкимъ формула еще не представляетъ достаточнаго фундамента» и мнимость подлежащихъ исправленій и различій взглядовъ, отнюдь не означаютъ, что я бы могъ, съ своей стороны, вполнѣ присоединиться къ такому пониманію дѣла, какое имѣется у Штаммлера, что я бы не счелъ нужнымъ вводить исправленія съ своей стороны.

Не столько для полемики и критики, сколько для устраненія разныхъ вредныхъ недоразумѣній и выясненія идейнаго существа

Digitized by Google

дѣла, пользуюсь случаемъ, чтобы указать относительно идеала любви слѣдующее:

1. Штаммлеръ понимаетъ дѣло такъ, что по моему ученію послѣднею цѣлью правопорядка и политики является достиженіе «состоянія любви сочленовъ правового общенія другъ къ другу» (ср. выше, стран. 21), т.-е. что дѣло идетъ объ идеѣ общественнаго союза, соціально-правовой организаціи, въ которой сочлены относятся другъ къ другу солидарно, альтруистически, любовно. Такому пониманію и соотвѣтствуетъ его формула подлежащаго общественнаго союза, его ученіе о солидарныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ другимъ членамъ подлежащаго правового союза въ борьбѣ за существованіе во внѣшне-политической и внутренне-государственной жизни и т. д.

Но я и съ такимъ пониманіемъ моего ученія, и съ соотвѣтственною формулою-парафразою Штаммлера отнюдь не согласенъ.

Толкованіе идеала воспитанія человѣчества къ любви въ смыслѣ идеала соціально-правового союза людей, дружно и солидарно борящихся за существованіе съ другими союзами и т. д. означаетъ, прежде всего, низведеніе великаго идеала общечеловѣческой любви, не знающей, конечно, и не различающей Эллина и Іудея, на степень мизерной групповой солидарности, національнзма и проч.

Тѣ моменты, которые Штаммлеръ, сообразно его пониманію моего ученія и его собственному ученію, выставляетъ и идеализируетъ какъ моменты подъема гражданъ, «до высоты идеи общественнаго союза свободно хотящихъ людей», съ моей точки зрѣнія являются моментами особенно грубаго и нагляднаго проявленія того варварства и дикости и злостности, которыя еще имѣются въ теперешнемъ человѣчествѣ, и которыя дѣлаютъ возможными войны, т.-е. массовыя взаимоистребленія, взаимоубійства, взаимоискалѣченія и проч. дикости и жестокости въ породѣ homo sapiens.

Въ этомъ отношеніи люди, гордо отличающіе себя отъ прочихъ животныхъ почетнымъ именемъ homo sapiens, даже много злѣе и хуже животныхъ, даже самыхъ злостныхъ животныхъ. Ибо, не говоря уже о тѣхъ животныхъ, которыя никого не убиваютъ и вообще никому никакого зла не дѣлаютъ, даже львы, тигры, пантеры и т. п. не занимаются не только массовыми, но и индивидуальными взаимоубійствами. У животныхъ имѣется въ этомъ отношеніи (при болѣе глубокомъ психологическомъ отношеніи можно было бы уяснить, что далеко не только въ этомъ отношеніи) солидарность рода, а не только жалкая и мелкая стадная, групповая солидарность, какъ у людей.

Digitized by Google

Съ этой точки зрѣнія, между прочимъ, возникаетъ весьма важная съ точки зрѣнія соціологіи и философіи исторія человѣческой породы проблема (неразрѣшимая съ точки зрѣнія дарвинистической теоріи и наглядно доказывающая необходимость извѣстныхъ исправленій и дополненій ея), какъ и почему одна изъ породъ животныхъ сдѣлалась въ этомъ отношеніи хуже и злѣе другихъ породъ животныхъ, почему здѣсь родовая солидарность смѣнилась групповою, съ точки зрѣнія рода, какъ такового, безсмысленною и губительнаго.

Въ другомъ сочиненіи (соціологіи) я надѣюсь выяснить подлежащія причины и процессъ развитія, какъ равно и то, что это извращеніе и ухудшеніе, явившись неизбѣжнымъ продуктомъ извѣстныхъ (подлежащихъ выясненію) безсознательныхъ соціально-психическихъ процессовъ, между прочимъ такихъ же, которые порождаютъ и исторически постепенно измѣняютъ и нравственность и право, должно, столь же неизбѣжно (если не произойдетъ какой-либо особой катастрофы, прерывающей эволюцію человѣческой психики), съ теченіемъ времени исчезнуть и замѣниться общечеловѣческою любовью; такъ что такія явленія, какъ разныя групповыя солидарности и междугрупповая борьба, вражда, война, порабощенія, угнетенія, экспулатаціи и проч. исчезнутъ съ лица земли, оставивъ только печальную память былого варварства, групповыхъ эгоизмовъ, злостности, жестокости и т. д.

Пока, съ точки зрѣнія вопроса о соціальномъ идеалѣ, подчеркну, что идея любви, въ смыслѣ перевоспитанія породы homo sapiens и воспитанія соотвѣтственной идеальной психики, само собою разумѣется, исключаетъ всякіе стадные групповые эгоизмы и солидарности и постольку означаетъ противопоставленіе имъ идеала космополитизма.

Уже лучшіе и наиболѣе передовые мыслители и представители этической философіи греческой древности — стоики (стоявшіе въ этомъ отношеніи неизмѣримо выше Платона, Аристотеля и т. д.) сумѣли выйти за предѣлы стадной этики и расширить этическій горизонтъ до идеи космополитизма. А вообразить себѣ Іисуса Христа или его величайшаго и геніальнѣйшаго ученика апостола Павла въ роли проповѣдниковъ стадныхъ патріотизмовъ, хвалителей дружнаго массоваго избіенія «враговъ» и т. п. — совершенно невозможно и означало бы низведеніе ихъ великаго ученія и свѣтлой этики на ступень такой этики, какая уже имѣется и у готтентотовъ и прочихъ дикарей.

Но этого мало.

Въ связи нашихъ идей дѣло идетъ не о проповѣди извѣстныхъ нравственныхъ заповѣдей, какъ въ Евангеліи и т. п., а объ опре-

Digitized by Google

дѣленіи воспитательной задачи политики (и вообще нашего поведенія, поскольку мы при пониманіи дѣла можемъ воспитательно воздѣйствовать на другихъ и этимъ содѣйствовать осуществленію подлежащей великой цѣли — о проблемѣ практической философіи вообще [1]). Дѣло идетъ о постепенномъ воспитаніи извѣстнаго идеальнаго состава эмоціональной психики, о постепенномъ искорененіи эгоистическихъ, одіозныхъ, злостныхъ эмоціональныхъ диспозицій и тѣмъ самымъ самой психической возможности соотвѣтственнаго поведенія, убиванія другихъ, хотя бы съ оправдательнымъ эпитетомъ «враговъ», злостнаго нанесенія ранъ и причиненія иного зла, о насажденіи, развитіи и укрѣпленіи каритативныхъ эмоціональныхъ диспозицій и тѣмъ самымъ сазданія психической неизбѣжности соотвѣтственнаго добраго, милосерднаго, сострадательнаго и проч. и проч. поведенія. Тѣмъ самымъ, психологически неизбѣжно, будетъ существенно измѣнено въ безчисленныхъ отношеніяхъ и направленіяхъ не только отношеніе людей къ людямъ и человѣчеству, но и отношеніе породы homo sapiens къ прочимъ животнымъ и страдающимъ существамъ, и безчисленныя проявленія безучастнаго, безсердечнаго и жестокаго эгоизма человѣка по отношенію къ другимъ существамъ тоже смѣнятся существенно инымъ отношеніемъ. Это уже имѣлъ въ виду великій философъ и учитель — Будда.

2. Затѣмъ, Штаммлеръ истолковалъ и воспринялъ идею любви въ слишкомъ буквальномъ и узкомъ смыслѣ, полагая, что дѣло идетъ объ опредѣленномъ отношеніи къ опредѣленнымъ «ближнимъ», объ отношеніи, состоящемъ въ томъ, что «одинъ признаетъ объективно обоснованныя цѣли другого, какъ свои цѣли и желаетъ ихъ достиженія».

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду узости горизонта, связаннаго съ узостью понятія «ближняго». Объ этомъ уже была рѣчь. Равнымъ образомъ мы не считаемъ здѣсь существеннымъ то обстоятельство, что, при правильномъ пониманіи, любовь включаетъ въ себѣ несоизмѣримо и неисчислимо больше, чѣмъ то спеціально опредѣленное отношеніе, которое выдвигаетъ Штаммлеръ въ видѣ формулы, поясняющей формулу «общественнаго союза свободно хотящихъ людей» и замѣняющей слово «любовь». Впрочемъ, при той формулировкѣ этого отношенія, которую установляетъ и повторяетъ въ разныхъ контекстахъ Штаммлеръ, говоря объ усвоеніи со стороны одного члена союза обоснованныхъ, «управомоченныхъ» цѣлей другого, и само это отношеніе дѣлается нѣсколько страннымъ.

---

[1]) «L. v. E.» II. стран. 604, 605.

Digitized by Google

Ближній А долженъ въ свои цѣли возводить цѣли ближняго Б, а ближній Б — цѣли ближняго А. Получается своеобразное chassez-croisez цѣлей, заключающее въ себѣ и психологическія и логическія невозможности съ добавленіемъ еще логическаго круга, circulus, состоящаго въ томъ, что поставленную себѣ задачу выяснить, какія цѣли человѣческія «управомочены», «объективно обоснованы» Штаммлеръ разрѣшаетъ путемъ указанія на то, что таковыми являются цѣли, совпадающія съ «управомоченными», «объективно обоснованными» и т. д. цѣлями другихъ. То-есть управомоченными являются управомоченныя цѣли, но не всѣ, а только по содержанію чужія (это хуже, чѣмъ circulus in definiendo, $x=x-a$).

Мы эти обстоятельства, какъ суженіе понятія любви до одного опредѣленнаго вида отношенія, такъ и такую формулировку самого этого вида отношенія, что получается circulus и самопротиворѣчіе, считаемъ въ данной связи несущественными. Дѣло идетъ объ обходной формулѣ вмѣсто называнія вещей своими именами, о неудачномъ словесномъ суррогатѣ слова «любовь». По этому поводу можно только и умѣстно указать на то, что нежеланіе по такимъ или инымъ соображеніямъ говорить просто, называть вещи своими именами, сочиненіе разныхъ иносказательныхъ и обходныхъ формулъ и выраженій, особенно при извѣстныхъ условіяхъ, не проходитъ безнаказанно въ смыслѣ не только трудности, темноты и удлиненности изложенія, но и въ смыслѣ совершенно лишнихъ опасностей, ошибокъ и искаженій при сочиненіи такихъ суррогатовъ естественнаго, многовѣковымъ процессомъ психическаго подбора и приспособленія выработаннаго и усовершенствованнаго человѣческаго языка. И сильный индивидуальный умъ, и въ области творчества, въ области своими силами созданныхъ, глубоко продуманныхъ, прочувствованныхъ и выстраданныхъ идей, на почвѣ такихъ словесныхъ манипуляцій можетъ попасть въ совершенно ненужныя опасности и бѣдствія...

Болѣе существенно для достиженія ясности въ дѣлѣ политическаго идеала и вообще принципа практической философіи другое.

Дѣло состоитъ не въ томъ непремѣнно, чтобы дѣлать какимъ-либо опредѣленнымъ ближнимъ добро путемъ содѣйствія имъ въ достиженіи ихъ цѣлей или безчисленными другими способами, въ частности путемъ привитія имъ психически хорошихъ цѣлей и вообще воспитательнаго воздѣйствія на нихъ; это лишь одно и можно сказать лишь весьма частное и скромное проявленіе того идеальнаго характера, воспитаніе коего имѣется въ виду. Если, напр.,

Digitized by Google

какой-либо ученый неустанно тяжело работаетъ для доставленія человѣчеству научнаго свѣта, какъ такового, признаваемаго имъ великимъ благомъ и украшеніемъ человѣчества, напр., научнаго свѣта по физикѣ, химіи и т. п., или для содѣйствія воцаренію въ отдаленномъ будущемъ, когда уже его кости давно истлѣютъ, лучшей жизни и лучшаго человѣчества на землѣ, не ища при этомъ какихъ бы то ни было благъ для себя или даже сознавая, что подлежащій изнурительный трудъ, подрывающій физическія силы и здоровье, устраняющій пользованіе радостями жизни и удовольствіями, будетъ, какъ это еще кое-гдѣ бываетъ, награжденъ только завистью, злобою и разными другими проявленіями пока еще некультурной психики, или если какой-либо общественный дѣятель проводитъ во имя будущаго человѣческаго прогресса, какъ онъ его понимаетъ, нѣчто такое, что можетъ навлечь на него только непопулярность или преслѣдованія, правительственныя или иныя,—то такіе люди дѣйствуютъ въ духѣ нашего идеала, хотя они вообще при этомъ имѣютъ въ виду не только не усвоеніе цѣлей какихъ-либо ближнихъ, но и вообще не живущихъ теперь на землѣ людей, какъ таковыхъ. Ихъ взоры устремлены въ далекое будущее и они имѣютъ въ виду будущую лучшую жизнь и лучшее человѣчество, а по сравненію съ этимъ не только отдѣльные ближніе съ ихъ цѣлями, но даже всѣ теперь живущіе на землѣ люди вмѣстѣ взятые — нѣчто по меньшей мѣрѣ малое и скромное.

Въ такомъ духѣ, чтобы люди были способны къ этому, и слѣдуетъ вести воспитаніе, и будущіе родители, школы, законодатели и прочіе политики и будутъ заботиться о такомъ воспитаніи.

Значительно уже и конкретнѣе представленія о томъ самоотверженномъ и въ другихъ отношеніяхъ идеальномъ характерѣ, который подъ именемъ «любовь» или иными именами выступаетъ въ великихъ нравственныхъ ученіяхъ прошлаго времени, въ томъ числѣ и величайшихъ, въ ученіяхъ Христа и его учениковъ и Будды. Тамъ имѣются въ виду конкретные ближніе люди или и иныя существа, живущія и страдающія, низшія животныя, и сообразно съ этимъ построена нравственная проповѣдь, даются поясненія, частныя правила и т. д. И для того времени, для людей тѣхъ эпохъ психическаго развитія, это было вполнѣ правильно; эти люди были бы неспособны понимать абстрактныя идеи и отдаленныя перспективы и воодушевляться въ пользу такихъ идеаловъ. И теперь дѣтей надо прежде всего пріучать къ доброму отношенію къ конкретнымъ ближнимъ, роднымъ, прислугѣ, знакомымъ, домашнимъ животнымъ и т. д. Но затѣмъ горизонтъ долженъ расширяться, отъ конкретныхъ живыхъ людей расширяться до чело-

Digitized by Google

вѣчества, отъ наличнаго момента и особаго повода для проявленія сердечности и доброты до неограниченно далекаго будущаго. Уже, вѣдь, теперешнее право культурныхъ государствъ признаетъ гражданъ, не исключая наименѣе культурныхъ элементовъ народной массы, настолько культурно воспитанными и умственно развитыми, что ихъ можно допускать и привлекать къ участію въ государственной и международной политикѣ путемъ избранія депутатовъ въ парламенты и проч. И такая этика и такое домашнее и иное воспитаніе, которыя приноровлены къ приватно-конкретнымъ дѣламъ и отношеніямъ, къ отношеніямъ къ «ближнимъ», какъ таковымъ, все болѣе устарѣваютъ и дѣлаются все болѣе хромыми и неполными, все болѣе ведутъ къ растратѣ этическихъ силъ на мелкія дѣла, во всякомъ случаѣ къ недостаточному использованію, особенно болѣе выдающихся, силъ непосредственно для болѣе важныхъ и великихъ задачъ.

Сообразно съ этимъ и будущая наука «политики нравственности», аналогичная будущей «политикѣ права», долженствующая замѣнить теперешнія, не основанныя на знаніи психической природы нравственности и ея многообразныхъ и сложныхъ импульсивныхъ и педагогическихъ дѣйствій въ человѣческой психикѣ и состоящія въ конструированіи довольно неудачныхъ рецептовъ,— будетъ имѣть въ виду необходимость реформы нравственности и въ направленіи замѣны узко-конкретныхъ элементовъ широкими и абстрактными гуманными горизонтами. Тѣмъ болѣе, когда рѣчь идетъ о воспитаніи человѣчества съ помощью разумной политики права, выставлять въ качествѣ высшаго идеала солидарное отношеніе между членами какого-либо правового союза или хотя бы между ближними въ болѣе широкомъ пониманіи евангельскаго ученія было бы ошибкою.

3. Выставляя идею воспитанія любви, какъ особаго идеальнаго характера, очищенія психики отъ злостныхъ и эгоистическихъ элементовъ, созданія способности и готовности посвящать себя радостному служенію обществу, человѣчеству, культурѣ, прогрессу и т. д., я имѣю въ виду основную, центральную педагогическую задачу, высшій и идеальнѣйшій элементъ будущей человѣческой психики. Но это не означаетъ единственной правнополитической воспитательной задачи единственнаго «критерія», «масштаба» для оцѣнки законопроектовъ, для научно-сознательнаго и раціональнаго направленія законодательства и т. д.

Не говоря уже о соціально-мотиваціонныхъ функціяхъ права и задачахъ политики, и воспитательныя дѣйствія и функціи права весьма многочисленны и разнообразны, и съ подлежащимъ изуче-

Digitized by Google

ніемъ, знаніемъ и пониманіемъ причинныхъ зависимостей и должна сообразоваться политика, утилизируя подлежащія многообразныя воспитательныя дѣйствія права на благо человѣчества.

Напр., одною изъ весьма серіозныхъ проблемъ правовой педагогики, особенно въ менѣе культурныхъ странахъ, является проблема лѣни, человѣческой лѣности и воспитанія трудолюбія.

Съ точки зрѣнія началъ эмоціональной психологіи лѣнь, лѣность означаетъ эмоціональный диссонансъ, эмоціальную приспособленность къ наличнымъ условіямъ жизни и необходимостямъ, а именно отсутствіе или недостаточное развитіе тѣхъ эмоціональныхъ диспозицій, которыя соотвѣтствуютъ данному виду тѣлодвиженій или вообще данному виду дѣятельности.

У животныхъ (въ естественномъ состояніи, въ отличіе отъ животныхъ, порабощенныхъ человѣкомъ и понуждаемыхъ къ работѣ) нѣтъ лѣни и быть ея не можетъ. Въ своемъ мѣстѣ я выяснилъ, что, напр., добываніе средствъ пропитанія, постройки жилищъ, гнѣздъ и проч. происходитъ у животныхъ не въ качествѣ «тяжелаго труда» для какихъ-либо цѣлей, для предупрежденія страданій и т. п., а въ качествѣ эмоціональныхъ физіологическихъ акцій, разряда и удовлетворенія спеціальныхъ эмоціональныхъ влеченій къ подлежащимъ движеніямъ; напр., охотѣ дикихъ животныхъ соотвѣтствуютъ не какія-то страданія и желаніе отъ нихъ избавиться, какъ толкуетъ традиціонная психологія, а спеціально-охотничьи эмоціальныя влеченія, особыя эмоціи, доходящія до большой интенсивности и «страстности», такъ что дѣло идетъ не о тяжеломъ и неохотномъ «трудѣ», а объ удовлетвореніи этихъ эмоціональныхъ влеченій, что по законамъ эмоціональной психики неизбѣжно связано съ наслажденіями. И то же относится и къ другимъ «работамъ» животныхъ; это не тяжелыя работы, а проявленія и удовлетворенія соотвѣтственныхъ влеченій и наслажденія. «Лѣнь», какъ и многое другое, спеціальность одной изъ породъ животныхъ, а именно человѣческой породы. Прежде, «въ естественномъ состояніи» (до-культурномъ) и у людей, конечно, не было и не могло быть лѣни. Человѣческая лѣнь есть продуктъ такого измѣненія, на почвѣ развитія sapientia, характера и условій жизни, отъ котораго отстала, къ которому еще не успѣла приспособиться, эмоціональная психика. Къ охотничьему дѣлу, рыболовству, собиранію ягодъ, орѣховъ и т. п. у насъ (еще) имѣется эмоціональная приспособленность, унаслѣдованная отъ отдаленныхъ предковъ, имѣются соотвѣтственныя эмоціи, и поэтому такія занятія доставляютъ удовольствія и даже величайшія наслажденія «страстнымъ охотникамъ» въ воскресные дни и т. д. Къ скотоводству, пастушескому дѣлу, отчасти и

Digitized by Google

къ земледѣлію, по крайней мѣрѣ въ прежней болѣе примитивной формѣ, къ копанію грядокъ и т. п. (ср. дѣтскія забавы), уже имѣется нѣкоторая эмоціональная приспособленность, выработанная спеціально-человѣческою культурою. Но вообще говоря, имѣется большая дисгармонія и диссонансъ между теперешнею человѣческою эмоціональною психикою и тенерешними условіями жизни, такъ что имѣется и лѣнь, «тяжелый трудъ», «непріятныя занятія» и проч.

Въ этомъ, между прочимъ, одинъ изъ существенныхъ источниковъ для пониманія права, нравственности и ихъ историческаго развитія, для пониманія появленія въ человѣческой породѣ на извѣстной ступени развитія рабскаго правового строя, крѣпостного права и т. п., т.-е. такой системы правовой мотивації, что, грубо и схематически выражаясь, одни люди ставятся съ кнутами надъ другими людьми съ тѣмъ, чтобы понуждать послѣднихъ къ работѣ и воспитывать къ трудолюбію, затѣмъ, послѣ достиженія извѣстныхъ культурно-воспитательныхъ успѣховъ, воцаренія современнаго, свободно-капиталистическаго, строя, уже предполагающаго ненадобность кнута, вообще уже нѣкоторое трудолюбіе, но оказывающаго еще очень сильное и даже жестокое психическое давленіе на людей, чтобы заставить ихъ трудиться, производить для общества необходимое, доставлять, куда нужно и проч., путемъ поставленія на видъ перспективъ голода, холода, и иной нужды и бѣдствій для субъекта и его семьи въ случаѣ нерезоннаго экономически поведенія, путемъ заманчивыхъ перспективъ комфорта, роскоши и проч. для субъекта и его близкихъ въ случаѣ экономическихъ заслугъ и т. д. Одна изъ цѣннѣйшихъ воспитательныхъ функцій теперешняго частнаго имущественнаго права, права собственности съ наслѣдственнымъ правомъ (необходимаго для правильной лично-семейственной хозяйственной мотивації [1]) и договорно-мѣнового права состоитъ въ воспитаніи экономической дѣльности, трудолюбія, бережливости и проч. И какъ показываетъ поразительный ростъ народнаго богатства въ культурнѣйшихъ странахъ, Германіи, Англіи, Франціи и т. д., тамъ уже достигнуты съ помощью мотивационно-воспитательнаго дѣйствія права частной собственности и т. д. грандіознѣйшіе воспитательные результаты. Подлежащія поразительныя статистическія цифры — это величайшіе комплименты по адресу хозяйственно-воспитательнаго дѣйствія частной собственности съ наслѣдственнымъ правомъ и т. д.

Не менѣе интересные комплименты по адресу воспитательнаго

---

[1]) Ср. Теорія права, II, § 49.

Digitized by Google

дѣйствія частно-имущественнаго права, права собственности, наслѣдственнаго права и т. д. представляютъ безчисленныя правовыя реформы новѣйшаго времени, направленныя, хотя и безъ сознанія и пониманія со стороны правотворческихъ факторовъ, въ чемъ дѣло, на частичное упраздненіе за ненужностью, на ослабленіе мотиваціоннаго давленія подлежащей правовой системы.

Какъ уже упомянуто, частно-правный, капиталистическій, строй оказываетъ сильное психическое давленіе на народныя массы въ пользу общественно-необходимаго хозяйственнаго поведенія путемъ угрозы разными житейскими бѣдствіями для субъекта и его семьи вплоть до голодной смерти, лишенія питанія, жилища и т. д. При томъ прежнее право психически выдавливало въ широкихъ народныхъ массахъ необходимое для поддержанія народнаго благосостоянія и даже самаго существованія народа бо̀льшее количество труда, чѣмъ сколько необходимо для общественнаго прозябанія субъекта и его семьи во время его работоспособности, угрозою все-таки голодомъ, холодомъ и т. д., если человѣкъ не думаетъ о завтрашнемъ днѣ, не обезпечиваетъ себя и семью путемъ усиленнаго труда на случай паденія или прекращенія трудоспособности, инвалидности, старости, болѣзни и проч. И сверхъ того, въ помощь такому, довольно уже сильному давленію дѣйствовала еще такая податная система, которая оказывала на широкія народныя массы добавочное давленіе въ пользу добавочнаго труда, бережливости и проч. путемъ высасыванія возможныхъ скромныхъ излишковъ, или, точнѣе, путемъ психическаго принужденія къ вырабатыванію и сбереганію излишковъ въ пользу государства и т. д. Съ другой же стороны, экономически преуспѣвающимъ, богатымъ и ихъ семьѣ и наслѣдникамъ обѣщались всякія блага и крупныя преміи, безъ умаленія ихъ податями (податная привилегированность богатыхъ означаетъ, такъ же какъ и податная обремененность небогатыхъ, съ правно-мотиваціонной точки зрѣнія, усиленіе подлежащаго мотиваціоннаго давленія). Сверхъ того, неофиціальное право, общественная мораль и разные другіе продукты безсознательнаго соціально-психическаго приспособленія, съ своей стороны, усиливали это давленіе путемъ каранія за бѣдность умаленіемъ чести и даже презрительнымъ отношеніемъ, путемъ награжденія и безъ того награжденныхъ за свои или родителей и т. д. заслуги богатствомъ безчисленными преимуществами почета, уваженія, поклоненія и проч.

Въ новѣйшее же время мы являемся свидѣтелями грандіозной революціи въ этихъ областяхъ и отношеніяхъ. Идетъ не только уравненіе податного бремени, т.-е. двойное сразу ослабленіе

Digitized by Google

хозяйственно-мотиваціоннаго давленія, но даже превращеніе прежней системы въ прямо противоположную систему — освобожденіе незажиточныхъ отъ давленія, все большее усѣкновеніе премій за экономическое усердіе и преуспѣваніе у богатыхъ. Разные виды такъ называемаго соціальнаго законодательства, страхованія на случай болѣзни, инвалидности и проч.— дальнѣйшее ослабленіе силы и грозности подлежащаго давленія. Быстро исчезаютъ разныя добавочныя офиціально-государственныя и неофиціально-общественныя награжденія и привилегированности высшихъ классовъ, и т. д.

А экономическая статистика въ культурныхъ странахъ не только не отвѣчаетъ на это какими-либо отрицательными симптомами, но показываетъ дальнѣйшій быстрый ростъ народнаго благосостоянія, т.-е. доказываетъ наличность такой экономической дѣльности и такой дальнѣйшій прогрессъ экопомическаго воспитанія, что и умаленіе давленій не мѣшаетъ дальнѣйшему усиленію трудолюбія, бережливости, предпріимчивости и прочее.

Но имѣются еще болѣе лестные и интересные комплименты по адресу права частной наслѣдственной собственности и т. д., а именно, на ряду съ частичнымъ упраздненіемъ, количественнымъ умаленіемъ подлежащаго мотиваціоннаго давленія, быстро подвигающееся, захватывающее все болѣе обширныя области хозяйства, полное упраздненіе подлежащей мотиваціи.

Такой ростъ предпріятій, что частная хозяйская заинтересованность и око хозяйское все болѣе теряетъ значеніе, вытѣсненіе и такихъ хозяйствъ коллективными, «анонимными» (акціонерными) и иными хозяйствами, гдѣ нѣтъ какого-либо единоличнаго хозяина, гдѣ всѣ работаютъ не для себя, грандіозное и быстрое расширеніе публично-коллективныхъ хозяйствъ насчетъ частноправныхъ и частно-заинтересованныхъ вообще, отражающееся въ цифровой формѣ въ видѣ поразительно быстраго роста бюджетовъ государствъ, городовъ и иныхъ публично-правныхъ коллективовъ— всѣ эти явленія означаютъ быстро подвигающееся упраздненіе прежней системы мотиваціоннаго давленія съ личной эгоистической и мелко-групповою (семейною) заинтересованностью и замѣну ея совсѣмъ иною мотиваціею. А статистика наиболѣе культурныхъ странъ по этому поводу говоритъ своими цифрами: и безъ прежняго сильнаго и жестокаго мотиваціоннаго давленія и вообще безъ прежняго приведенія въ дѣйствіе лично-карманныхъ интересовъ все-таки дѣло идетъ хорошо и даже кое-гдѣ еще лучше. И публика довольна, о ней послѣ обобществленія подлежащей отрасли хозяйства еще лучше заботятся, доставляетъ еще большія удобства, гигіену и прочее.

Digitized by Google

Это — дипломъ большой экономической зрѣлости и воспитанности для народной психики, а по адресу частной собственности и т. д. тоже величайшій комплиментъ, свидѣтельство, что она уже сдѣлала свое воспитательное дѣло и въ подлежащихъ областяхъ хозяйства уже болѣе ненадобна.

Тамъ, гдѣ государственный соціализмъ, городской и проч. примѣняется подражательно и результаты получаются отрицательные — паденіе доходовъ, раскрадываніе общественнаго пирога, отсутствіе элементарной заботы о потребностяхъ и удобствахъ потребителей, публики и проч., разумѣется, такіе выводы дѣлать рано и получается даже противоположный выводъ въ пользу экономическаго либерализма, въ пользу необходимости воспитанія путемъ частной собственности, свободной конкуренціи и т. п.

И вотъ такая правовая политика, которая, понявъ идеалъ любви, даже не въ такомъ узкомъ смыслѣ, какъ его понялъ Штаммлеръ, а въ несоизмѣримо болѣе широкомъ смыслѣ истинно соціальной и преданно-гуманитарной психики въ указанномъ нами смыслѣ, какъ единый и единственный «масштабъ» для выработки и оцѣнки проектовъ реформъ («соціальныхъ средствъ», какъ выражается Штаммлеръ), была бы весьма негеніальною, близорукою и вредоносною политикой, уже хотя бы изъ за упущенія изъ виду необходимости воспитанія и укрѣпленія трудолюбія, трудовой психики, т.-е. приспособленія эмоціональной психики человѣчества къ совершенно инымъ видамъ труда, чѣмъ тѣ, къ которымъ имѣется атавистическая эмоціональная приспособленность, унаслѣдованная отъ отдаленныхъ звѣроподобныхъ предковъ.

Мы указали лишь одинъ примѣръ. Эмоціональная психика теперешняго человѣчества еще не приспособлена къ новымъ условіямъ жизни и въ тысячахъ другихъ отношеній. Порода homo sapiens это такая пока несчастная и жалкая порода, которая вообще пока ни для чего какъ слѣдуетъ быть не годна, не приспособлена. Она уже подверглась такой эмоціональной передѣлкѣ, такому ослабленію и извращенію прежней психики, гармонически приспособленной къ прежнимъ, существовавшимъ въ теченіе сотенъ тысячелѣтій, условіямъ жизни, что она уже не годна для такой жизни; но она въ то же время еще не успѣла въ безчисленныхъ отношеніяхъ достигнуть и сообразованія эмоціональной психики съ новыми условіями. И такія явленія, какъ обжорство и пьянство, половой развратъ и прочее, какъ и лживость, завистливость и различные другіе гадости и пороки, — тоже спеціальность только одной породы — человѣческой. И такая, напр., политика брачнаго права, которая бы не понимала необходимости полового

Digitized by Google

воспитанія, половыхъ сдержекъ и проч., была бы весьма неумною политикою, хотя бы и руководствовалась масштабомъ любви, свободы отъ эгоизма и проч. и проч. Прежняя эволюція права, нравственности, эстетики, религіи и нѣкоторыхъ другихъ продуктовъ соціально-психическаго безсознательнаго цѣлесообразнаго приспособленія представляла сложнѣйшій процессъ воздѣйствія на различнѣйшіе элементы человѣческой психики для недопущенія или ослабленія дѣйствія атавистическихъ, уже негодныхъ, эмоціональныхъ элементовъ, для вызова и укрѣпленія другихъ мотивовъ и эмоціональныхъ диспозицій и соотвѣтственной постепенной передѣлки этой психики въ необходимыхъ новыхъ направленіяхъ; и съ этой только точки зрѣнія, съ точки зрѣнія мѣняющихся по мѣрѣ достигаемаго измѣненія массовой психики системъ соціальной мотивації и педагогики, и можетъ-быть понимаема и научно объясняема исторія права, нравственности, религіи и т. д. и вообще человѣческая исторія.

И такое же пониманіе необходимо для дѣйствительно научной сознательно-раціональной политики. Дѣло идетъ о продолженіи сложнѣйшаго дѣла соціальной мотивації и постепеннаго перевоспитанія въ тысячахъ отношеній человѣческой породы въ направленіи устраненія тысячъ диссонансовъ и дисгармоній и приспособленій къ разумной человѣческой жизни на новыхъ началахъ, — о продолженіи этого дѣла на почвѣ научнаго свѣта и пониманія причинныхъ зависимостей, на почвѣ сознательно-раціональной педагогики и политики, вмѣсто прежняго процесса приспособленія, совершенно наивнаго, безсознательнаго и потому въ разныхъ отношеніяхъ менѣе удачнаго, медленнаго, болѣзненнаго, связаннаго съ лишними жестокостями и слезами человѣческими и т. д.

Для особаго выдвиженія идеи воспитанія къ любви въ указанномъ широкомъ смыслѣ имѣются особыя важныя основанія, которыя я надѣюсь обстоятельно выяснить впослѣдствіи, но, повторяю, дѣло идетъ лишь о высшей и важнѣйшей задачѣ, на ряду съ безчисленными другими, о nominatio a potiori, а не объ игнорированіи всего прочаго, безчисленнаго.

4. Наконецъ, въ пониманіи моего ученія со стороны Штамлера и въ соотвѣтственномъ его собственномъ ученіи имѣется еще слѣдующее принципіальное недоразумѣніе.

Онъ предполагаетъ, что по моему ученію объ идеалѣ политики права надо въ качествѣ идеальнаго состоянія представлять себѣ воспитанныхъ къ любви людей подъ господствомъ какой-то

Digitized by Google

системы права (ср. выше стран. 23 «состояніе любви сочленовъ правового общенія другъ къ другу»).

Сообразно съ этимъ и у него дѣло идетъ объ «идеѣ совмѣстной жизни людей подъ внѣшними правилами» (т.-е. правилами права) и т. д.

Но въ этомъ скрывается самопротиворѣчіе, во всякомъ случаѣ принципіальное недоразумѣніе и несообразность по существу.

Оно станетъ явственнымъ и бросающимся въ глаза уже на почвѣ словесной фурмулировки, если мы вмѣсто выраженій «право», «внѣшнія правила» и т. д. подставимъ въ тезисѣ Штаммлера его опредѣленія и характеристики подлежащихъ правилъ какъ «принудительныхъ нормъ», какъ «попытокъ принужденія къ правильному» («Zwangsversuch zum Richtigen») и т. п.

Тогда представляемое идеальное состояніе получаетъ довольно несообразный видъ жизни людей воспитанныхъ къ «правильному», къ любви, имѣющихъ правильную, свободную отъ эгоизма, волю и тѣмъ не менѣе подчиненныхъ праву, которое принуждаетъ ихъ или «пытается» принуждать къ правильному, къ тому, чего они сами хотятъ. Это было бы столь же несообразно, какъ созданіе системы права, пытающейся понуждать людей дышать, спать и проч.

Я, само собою разумѣется, понимаю дѣло иначе. Представленіе достиженія соціально-идеальной психики, конечно, исключаетъ надобность и разумность какихъ-либо мѣръ понужденія и вообще психическаго давленія и даже самую возможность существованія соотвѣтственнаго права.

Всякое правовое психическое давленіе въ пользу извѣстнаго поведенія предполагаетъ соотвѣтственную негодность, неприспособленность человѣческой психики; оно, на почвѣ безсознательно-удачнаго соціально-психическаго приспособленія, бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше эта неприспособленность, чѣмъ сильнѣе унаслѣдованныя эмоціональныя влеченія къ иному, злостному и т. п., поведенію, чѣмъ меньше или слабѣе мотивы въ пользу соціально необходимаго поведенія; сообразно съ этимъ это давленіе въ исторіи права, по мѣрѣ достиженія подлежащихъ воспитательныхъ, приспособительныхъ эффектовъ постепенно упраздняется; законъ эволюціи права есть законъ нисходящей прогрессіи мотиваціоннаго давленія съ нулевымъ давленіемъ, то-есть упраздненіямъ соотвѣтственнаго права, въ концѣ. Внимательное изученіе эволюціи права съ соотвѣтственной психологической точки зрѣнія съ теченіемъ времени выяснитъ, что огромная масса права, бывшаго прежде соціально-необходимымъ на почвѣ варварской психики, уже за ненадобностью упразднена. Мнѣ въ гим-

Digitized by Google

назическое время приходилось быть свидѣтелемъ происходившихъ по воскресеніямъ сраженій, боевъ и довольно жестокихъ массовыхъ избіеній съ пораненіями, увѣчьями и т. д. между массами жителей двухъ частей города, раздѣленныхъ рѣкою (Западною Двиною), а также сраженій между разными классами гимназіи, въ которой я учился, съ избиваніемъ взятыхъ въ плѣнъ и притащенныхъ побѣдителями въ свою классную комнату учениковъ другихъ классовъ. И начальственныя запрещенія не помогали. Теперь, насколько я знаю, подлежащихъ массовыхъ побоищъ въ томъ городѣ и въ той гимназіи уже не бываетъ, и соотвѣтственныя запрещенія сдѣлались ненадобными и не повторяются. Читая прежніе уставы клубовъ и т. п. можно тамъ найти разныя запретительныя положенія, напр., относительно разныхъ неприличныхъ дѣйствій, пьянства, примѣненія вмѣсто носовыхъ платковъ разныхъ другихъ объектовъ, въ частности принадлежащихъ клубу, и т. п. положенія, которыя въ новыхъ уставахъ уже не повторяются. Это, хотя и мелкіе, но весьма поучительные примѣры общаго закона эволюціи права. Прежде для поддержки семейнаго мира и дисциплины право ставило мужа надъ женою и вручало ему не только плеть, но и мечъ, право смертной казни за непокорность и проч. Постепенно это грозное мотиваціонное давленіе упразднялось и теперь въ психикѣ культурнѣйшихъ сферъ не существуетъ уже не только права казнить, бить жену и проч., но и власти мужа надъ женою вообще, и, конечно, остатки подлежащей власти, гдѣ онѣ еще существуютъ, подлежатъ съ теченіемъ времени упраздненію. Прежде такая же власть, тоже съ правомъ смертной казни, вручалась родоначальникамъ и надъ взрослыми сыновьями, ихъ женами и проч. По закону нисходящей прогрессіи мотиваціоннаго давленія эта власть постепенно ослаблялась и, затѣмъ, совсѣмъ упразднялась, и теперь осталась совсѣмъ не грозная мягкая власть надъ несовершеннолѣтними, и т. д. Вообще сколько властей и соотвѣтственныхъ грозныхъ давленій уже упразднено!

Ужъ на что положеніе монарховъ государствъ таково, что отъ нихъ можно ожидать соблюденія ихъ обязанностей и безъ особыхъ психическихъ давленій, наградъ за соблюденіе, каръ за несоблюденіе обязанностей и т. п. Притомъ, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, примѣненіе здѣсь подобныхъ особыхъ мотиваціонныхъ давленій, особенно карательныхъ, связано съ особыми отрицательными и вредными осложненіями. Однако, кто съ надлежащимъ вниманіемъ и пониманіемъ пожелаетъ прослѣдить измѣненія положенія монарховъ въ исторіи, тотъ убѣдится, что прежнее право отъ

Digitized by Google

тогдашнихъ монарховъ отнюдь не ожидало добровольнаго соціально-необходимаго поведенія и заключало въ себѣ цѣлыя системы мѣръ психическаго понужденія и понуканія къ добросовѣстному управленію и т. д. Во-первыхъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что надъ прежними людьми имѣлось двойное психическое давленіе, двѣ грозныя системы права, «два меча», система сакральнаго права и сакральная дисциплина и сакральный мечъ, и система свѣтскаго права со свѣтскимъ мечомъ (точнѣе, множествомъ разныхъ давленій и плетей и мечей). И монархи находились подъ сакральною дисциплиною и, въ случаѣ несоблюденія обязанностей, преступленій и т. д., подвергались карамъ со стороны первосвященниковъ или иныхъ представителей божеской, сакральной власти на землѣ. Еще не такъ давно въ Европѣ римскіе папы имѣли надзоръ надъ монархами и наказывали ихъ, подчасъ довольно жестоко. Секуляризація права, освободившая монарховъ и другихъ людей изъ-подъ церковнаго меча и дисциплины, вообще одна изъ грандіознѣйшихъ иллюстрацій нашего закона нисходящей прогрессіи и окончательнаго упраздненія разныхъ правно-мотивацiонныхъ давленій.

Затѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что прежняя правовая психика, и независимо отъ сакральной дисциплины надъ монархами, принципа безотвѣтственности монарховъ не знала и не признавала, а ставила народъ въ положеніе судьи, облеченнаго правомъ карать, свергать съ престола, казнить за измѣну отечеству и другія преступленія и т. д. Достаточно, напр., хоть нѣкотораго ознакомленія съ фактической исторіей правовой психики и соотвѣтственнаго поведенія въ средніе вѣка въ Западной Европѣ или въ Россіи въ удѣльно-вѣчевой періодъ, или съ прежнею литературою по этому вопросу, чтобы убѣдиться, что принципъ безотвѣтственности и некараемости монарховъ есть продуктъ относительно высокой культуры, въ Европѣ возникшій и окрѣпшій лишь относительно недавно.

Но этого мало. Древнее право предполагало такую психику у тогдашнихъ людей, въ томъ числѣ и монарховъ, что карательно-психическихъ давленій было мало, а надо было еще побуждать къ исполненію государственныхъ обязанностей, побѣждать лѣнь и т. д. съ помощью награжденій за усердіе. И притомъ древнее право примѣняло для этого столь сильно дѣйствующія средства, столь сильное психическое давленіе, что теперь такія средства не допускаются правомъ даже для простыхъ рабочихъ, чтобы ихъ заставить усердно работать; а именно, древнее право примѣняло къ монархамъ систему вознагражденій, извѣстную

Digitized by Google

теперь подъ именемъ «потной системы»; не что иное, какъ эту систему психическаго давленія, означаютъ встрѣчающіяся на каждомъ шагу въ старинныхъ памятникахъ права правила, по которымъ князьямъ полагалось особое вознагражденіе за каждаго пойманнаго и осужденнаго преступника и за разныя иныя дѣйствія по исполненію ихъ обязанностей; точно такую же «потную систему» вознагражденія примѣняло прежнее право къ воеводамъ и прочимъ государственнымъ служащимъ, такъ что мотиваціонное давленіе въ государствѣ уже поэтому было несоизмѣримо сильнѣе, чѣмъ при теперешней системѣ вознагражденія). И такъ называемый патримоніальный строй понимающему право, какъ мотиваціонно-воспитательную систему, измѣняющуюся и упраздняющуюся по мѣрѣ достиженія своихъ воспитательныхъ задачъ, указываетъ, что для достиженія надлежащаго управленія государствомъ нельзя было полагаться на готовность заботиться о чужомъ благѣ, а надо было заинтересовать лично монарховъ (какъ помѣщиковъ, чтобы они хорошо управляли ввѣренными имъ имѣніями), и проч. и проч.

Вообще право существуетъ изъ-за невоспитанности, дефектности человѣческой психики, и его задача состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать себя лишнимъ и быть упраздненнымъ.

Съ теченіемъ времени и для прочихъ людей, какъ это уже сдѣлано для монарховъ, будетъ упразднено уголовное и вообще карательное право, а равно и наградное право; а если и когда будетъ достигнуто вполнѣ надлежащее, вполнѣ соціальное воспитаніе, психика любви въ нашемъ обширномъ смыслѣ и т. д., то вообще право лишится смысла и даже его существованіе сдѣлается психически невозможнымъ (что, само собою разумѣется, не исключаетъ установленія общихъ плановъ дѣйствій и ихъ охотнаго исполненія безъ всякихъ психическихъ давленій, подобно тому, какъ, напр., дѣти въ своихъ забавахъ или охотники въ совмѣстныхъ охотахъ совѣщаются другъ съ другомъ, устанавливаютъ планъ дѣйствій и т. д.).

Во всякомъ же случаѣ «попытка принужденія къ правильному» (къ правильной волѣ, т.-е. любви и соотвѣтственному поведенію) въ примѣненіи къ людямъ «со свободною» (отъ эгоизма), «правильною» волею есть nonsens. Можетъ быть рѣчь развѣ только объ удержаніи такихъ людей отъ того, чтобы они не слишкомъ жертвовали своими силами, здоровьемъ и проч. путемъ чрезмѣрнаго труда и рвенія въ направленіи общаго блага. Мнѣ, напр., извѣстны дѣти съ такимъ трудолюбіемъ и рвеніемъ къ наукѣ, что не приходится понукать, но приходится всячески

Digitized by Google

убѣждать работать поменьше и т. д. Прежде добывали ученіе отъ дѣтей съ помощью тѣлесныхъ наказаній и т. п., и считалось невозможнымъ обходиться безъ этого. Психика мѣняется все быстрѣе, со все болѣе ускореннымъ темпомъ, по вполнѣ понятнымъ съ точки зрѣнія сознательной «философіи исторіи» причинамъ. Для разслабленія и разрушенія упроченныхъ въ теченіе сотенъ тысячелѣтій и окаменѣвшихъ психическихъ кристализацій требовалось не мало времени. Но когда эти окаменѣлости уже разрушены или сильно разслаблены, психика дѣлается болѣе похожею на гипсъ, чѣмъ на гранитъ. А если еще будетъ наука, которая поставитъ дѣло на почву сознательно-раціональной техники съ пониманіемъ причинныхъ зависимостей и утилизаціей этого знанія — система наукъ: правовой политики, политики нравственности, педагогики въ иномъ видѣ, чѣмъ она существуетъ теперь на почвѣ отсутствія надлежащихъ знаній, пониманій, перспективы и т. д.!

Такимъ образомъ нашъ идеалъ совсѣмъ не такой, какъ это понимаетъ и при исываетъ мнѣ и формулируетъ самъ отъ себя Штаммлеръ. Это идеалъ не внутри-правный, а сверхъ-правный.

Онъ и не нравственный, а сверхъ-нравственный.

Какой бы смыслъ имѣла нравственная норма «не убей», «не убивай своихъ ближнихъ» для голубей и другихъ существъ, совсѣмъ этимъ дѣломъ не занимающихся и совсѣмъ психически неспособныхъ къ такимъ дѣламъ? Такая норма была бы нелѣпостью не только по отношенію къ голубямъ и т. п., но даже по отношенію къ тиграмъ, пантерамъ и проч., которые тоже не убиваютъ своихъ ближнихъ, даже въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ члены того же общественнаго союза, — въ смыслѣ, обнимающемъ всю породу тигровъ и т. д. Это только для людей и только для злыхъ людей имѣется и имѣетъ смыслъ такая норма. Нравственное правило «не укради» имѣетъ смыслъ только по отношенію къ такимъ, которые способны тайно присваивать чужое добро. Норма, запрещающая ложь, зависть и т. п., надобна только для лжецовъ, завистниковъ, т.-е. для способныхъ и склонныхъ къ этимъ гадостямъ.

Я старался выяснить въ другомъ мѣстѣ природу нравственности, какъ особыхъ комбинацій представленій, напр., «лжи», и авторитетно-понукающихъ или недопускающихъ эмоцій, возникающихъ и дѣйствующихъ въ психикѣ, удерживая отъ слѣдованія разнымъ искушеніямъ, естественнымъ, унаслѣдованнымъ аппетитамъ и проч., когда есть для этого поводы.

Digitized by Google

Такъ же какъ и право, нравственность есть продуктъ безсознательно-удачнаго соціально-психическаго приспособленія для психическаго давленія въ направленіи соціально-необходимаго поведенія и воспитанія, для недопущенія свободнаго дѣйствія и укрѣпленія унаслѣдованной, звѣрской и проч., эмоціональной психикѣ. Такъ же какъ и право, нравственность подлежитъ упраздненію и необходимо психологически упраздняется по мѣрѣ достиженія соотвѣтственныхъ воспитательныхъ успѣховъ.

Внимательное изученіе исторіи нравственности съ точки зрѣнія излагаемаго ученія покажетъ, что дѣло идетъ фактически къ постепенному упраздненію нравственности и что уже огромная масса нравственныхъ правилъ въ исторіи упразднена и сдана въ архивъ за ненадобностью. Сколь грандіозное давленіе развивала средневѣковая нравственность, чтобы держать въ коекакомъ порядкѣ подлежащихъ варваровъ-полуживотныхъ въ порядкѣ въ области ѣды, въ половой области и т. п.! Какія воодушевленныя проповѣди противъ поразительнаго тогда и губительнаго обжорства, пьянства, въ пользу цѣломудрія! Въ какихъ тискахъ моральныхъ (впрочемъ, и правовыхъ) держались тогда въ особенности женщины, какое обиліе нравственныхъ правилъ, запрещающихъ множество разныхъ вещей, какъ опасныхъ для цѣломудрія; какое нравственное негодованіе вызывало, напримѣръ, множество того, чего теперешняя нравственность уже не предусматриваетъ и не запрещаетъ, напр., появленіе дѣвушки безъ особаго надзора въ мужской компаніи или съ мужчиною, костюмъ съ раскрытою шеею, у разныхъ народовъ даже только открытіе лица предъ чужимъ мужчиною! А теперь нѣтъ нравственнаго негодованія даже по поводу появленія голыхъ женщинъ на сценѣ! Это и т. п. въ высокой степени поучительно!

Какъ въ правѣ монархи уже освобождены отъ разныхъ добавочныхъ психическихъ давленій, такъ лучшіе люди уже теперь совсѣмъ или почти свободны отъ внутреннихъ понуканій нравственности, въ таковыхъ не нуждаются и на таковыя не наталкиваются; у нихъ нѣтъ внутреннихъ диссонансовъ, дисгармоній, — борьбы позывовъ къ убійству, присвоенію чужого, лжи и т. п., съ одной стороны, «голоса совѣсти», возстающаго противъ этого, противоположныхъ понуканій и стѣсненій внутренней свободы со стороны нравственности.

Съ теченіемъ времени вся нравственность отойдетъ въ область преданій, какъ воспоминаніе о былой некультурности людей и необходимости держать ихъ психику въ тискахъ нравственности.

Digitized by Google

Идеалъ любви въ нашемъ смыслѣ есть не только сверхправный, что само собой разумѣется, но и сверхнравственный идеалъ.

IV.

Статья чрезмѣрно разрослась. Обстоятельное выясненіе смысла прочихъ частей ученія Штаммлера и другихъ вопросовъ соц. идеализма приходится отложить на будущее время, до изданія предположеннаго изслѣдованія о разныхъ направленіяхъ соціальнаго идеализма и «возрожденія естественнаго права». Пока, во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, по поводу ученія Штаммлера, укажу еще кратко слѣдующее:

1. Ученіе о воспитательной функціи права воспринято и утилизировано Штаммлеромъ въ «Wirtschaft und Recht» и цѣломъ рядѣ послѣдующихъ сочиненій. И это ученіе сообщается и безконечно повторяется въ его сочиненіяхъ въ дипломатическомъ видѣ, съ примѣненіемъ замысловатыхъ обходныхъ выраженій и т. д. Но есть и такія мѣста, изъ которыхъ можно и неосвѣдомленному узнать, въ чемъ дѣло, и тѣмъ самымъ найти ключъ для пониманія другихъ, болѣе дипломатическихъ, частей изложенія. Такъ, въ Wirtschaft und Recht на стран. 240 имѣется тезисъ:

> «Нормы, формально конституирующія соціальную жизнь, были бы излишними и не имѣли бы никакого права на существованіе, если бы не было исправленія непосредственныхъ чувственныхъ влеченій и злыхъ инстинктовъ. Итакъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы вести борьбу съ ними и, имѣя въ виду величественную цѣль усовершенствованія человѣчества и достиженія истинно-человѣческаго общенія людей, воздѣйствовать опредѣляющимъ образомъ на людей, воспитывая, руководя». (Ср. тамъ же, стран. 184, ср. «Die Lehre von dem richtigen Rechte, стран. 301 и др.).

Здѣсь авторъ даже утрируетъ подлежащее ученіе, придаетъ ему преувеличенное значеніе, полагая, что въ этомъ воспитательномъ, дѣйствіи права единственная raison d'être подлежащихъ нормъ, что право не имѣло бы никакого смысла и «права на существованіе», если бы не это воспитательное дѣйствіе. Здѣсь авторъ какъ бы забываетъ о соціально-мотиваціонномъ дѣйствіи права, объ огромномъ его значеніи въ качествѣ импульсовъ индивидуальнаго и массоваго поведенія, фактора экономическихъ процессовъ и т. д.

2. Это не мѣшаетъ ему заимствовать и утилизировать въ W. u. R. и рядѣ другихъ сочиненій и ученіе о мотиваціонномъ дѣйствіи

Digitized by Google

права и, въ свою очередь, утрировать и это ученіе, усматривать въ немъ всю суть дѣла, чрезмѣрно возвеличивать значеніе подлежащихъ тезисовъ, вплоть до возведенія ихъ въ основу понятія общества и науки обществовѣдѣнія вообще, соціальной философіи и т. д. (ср., напримѣръ, W. u. R. стран. 91, 106, 111 и т. д.). Я подлежащему ученію, несмотря на авторство, не приписывалъ въ Lehre v. Eink. и не приписываю теперь столь грандіознаго значенія. Какъ уже было указано выше, я не считаю права, стало быть и соотвѣтственной системы соціальной мотивації, неизбѣжными и вѣчными спутниками общественной жизни; затѣмъ, поскольку право имѣется и дѣйствуетъ, не менѣе существеннымъ является воспитательная его функція, и то, что можно и слѣдуетъ объяснить въ общественной жизни психическими дѣйствіями права, въ частности экономическіе процессы, ихъ историческую эволюцію и т. д., можно объяснить только принимая во вниманіе обѣ функціи права. Но, затѣмъ, соціологія и философія человѣческой исторіи имѣли бы совершенно жалкій видъ, если бы онѣ исходили изъ права и его мотиваціоннаго дѣйствія, какъ даннаго, «конституирующаго» подлежащія науки, неизвѣстно откуда взявшагося. Надо, конечно, итти дальше и глубже. Въ частности задачею научной соціологіи является изученіе тѣхъ соціально-психическихъ процессовъ (взаимнаго эмоціонально-интеллектуальнаго зараженія, ср. «Теорію права», § 51), которые ведутъ къ безсознательно-удачному соціально-психическому приспособленію, порождаютъ право, нравственность, религіи и т. д., заставляютъ ихъ измѣняться сообразно достигнутымъ измѣненіямъ человѣческой психики, и т. д.

4. Заимствованы и утилизированы Штаммлеромъ и разныя частныя ученія и развѣтвленія, связанныя въ L. v. E. съ основнымъ ученіемъ о соціально-мотиваціонной функціи права, въ частности, ученіе о причинной опредѣляемости экономическихъ процессовъ правомъ и соотвѣтственномъ отношеніи науки политической экономіи къ правовѣдѣнію, о двухъ системахъ правового управленія народнымъ хозяйствомъ, планомѣрно-централизованной и децентрализованной и т. д. [1]). Первое ученіе положено Штаммлеромъ въ основаніе его ученія о «хозяйствѣ и правѣ» и о политической экономіи и отношеніи ея къ праву. Положимъ, на стран. 236 онъ, глухо намекнувъ на существованіе какого-то ученія о причинной опредѣляемости хозяйственныхъ явленій мотивами, вызываемыми правомъ, не сообщая, кто и гдѣ выставилъ такое ученіе,

[1]) Ср. «Теорія права» II. § 49).

Digitized by Google

полемизируетъ съ этимъ ученіемъ и замѣняетъ его ученіемъ о правѣ, какъ «формѣ», и хозяйствѣ, какъ «матеріи» соціальной жизни. Такимъ образомъ получается отчасти, по крайней мѣрѣ, оригинальная теорія. Но это только на время и въ томъ только мѣстѣ, гдѣ конструируется разногласіе и оригинальность въ подлежащемъ отношеніи. Въ другихъ же частяхъ изложенія, въ предшествующихъ, гдѣ рѣчь идетъ о причинномъ, а именно психически-причинномъ мотиваціонномъ дѣйствіи права, а равно послѣдующихъ, гдѣ утилизируется мое ученіе о возможности и основахъ политики права и излагается въ сокращенномъ и дипломатически затемненномъ видѣ мое методологическое ученіе, ученіе о методахъ политики права (стран. 613 и сл.), чего никакъ нельзя сдѣлать безъ утилизаціи ученія о причинномъ отношеніи хозяйственныхъ явленій къ праву, уже «форма» и «матерія» получаютъ отставку (вполнѣ заслуженную въ виду довольно явной несообразности называнія предшествующаго, права, формою по отношенію къ послѣдующему — хозяйственнымъ поступкамъ), и здѣсь рѣчь идетъ уже о причинномъ дѣйствіи, о предопредѣленіи причинныхъ послѣдствій предлагаемыхъ реформъ и т. д. (стран. 615 и сл.). Ученіе L. v. E. о централизованной и децентрализованной системахъ положено Штаммлеромъ въ основаніе выясненія различія индивидуалистическаго и соціалистическаго строя (W. u. R. § 10, стран. 46 и слѣд. ср. «Теорія права» § 50, стран. 714 и сл.), и т. д.

5. Центральная и проходящая красною нитью чрезъ всю книгу о «хозяйствѣ и правѣ» (и послѣдующія сочиненія, безконечно повторяющія и варіирующія все тѣ же мысли), идея безъ знанія которой нельзя вообще понимать смысла этой книги, какъ и другихъ, послѣдующихъ, состоитъ въ томъ, что, на ряду съ традиціоннымъ, «техническимъ» правовѣдѣніемъ, возможно и необходимо построеніе на почвѣ ученія о мотиваціонныхъ и педагогическомъ причинномъ дѣйствіи права и соотвѣтственнаго предвидѣнія послѣдствій правовыхъ реформъ и т. д. — правно-политическаго правовѣдѣнія, систематической и методической науки политики права.

Эта мысль о новой наукѣ — политикѣ права безконечно повторяется въ такихъ замысловатыхъ формахъ, съ изобрѣтеніемъ массы обходимыхъ выраженій, что неосвѣдомленный можетъ и не догадаться, въ чемъ дѣло, что такое «идея закономѣрности въ соціальной жизни» (идея правильнаго, правно-политически обоснованнаго права), «правильныя соціальныя воли» (соціальная воля — обходное выраженіе-право) «естественное право съ измѣняющимся содержаніемъ», «правильное соціальное стремленіе»

Digitized by Google

(требованіе правно-политически обоснованной правовой реформы) и т. п. Но и въ этомъ отношеніи есть мѣста, гдѣ таинственность не выдерживается и гдѣ можно найти ключъ и для пониманія другихъ мѣстъ и сочиненія о хозяйствѣ и правѣ и послѣдующихъ сочиненій вообще.

Наименѣе дипломатическое мѣсто въ «Wirtschaft und Recht» находится на стран. 620, 621. Здѣсь говорится: «Систематическое и объективно-обоснованное сужденіе о правильности содержанія соціальной воли и стремленія, направлены ли они на сохраненіе или на измѣненіе права, возможно, подъ руководствомъ соціальнаго идеала... Это (предыдущее изложеніе) дастъ теоретическій базисъ и основныя черты и планъ научно обоснованной политики. Что же касается дальнѣйшаго построенія ея, то это уже только частности».

То-есть задача книги «Wirtschaft und Recht» состояла въ томъ, чтобы обосновать возможность научнаго, методическаго и систематическаго рѣшенія правно-политическихъ проблемъ, выяснить основанія и программу политики права, какъ науки; и въ приведенномъ мѣстѣ Штаммлеръ объявляетъ ее исполненною и указываетъ, что разъ надлежащій фундаментъ построенъ, то дальнѣйшее исполненіе намѣченной программы, уже дѣло спеціалистовъ — частности.

Какъ и соотвѣтственный мой тезисъ въ L. v. E., т. 2, стран. 623: «Если эти три части» (фундамента науки правовой политики: ученіе о психологическихъ посылкахъ политики, ученіе объ идеалѣ и прогрессѣ и ученіе о методѣ) «получатъ соотвѣтствующее идеалу и разумное обоснованіе и развитіе, тогда разработка дальнѣйшаго уже легко получится въ прекрасномъ и надлежащемъ порядкѣ» — подлежащій, по существу основной и заключительный, тезисъ Штаммлера поставленъ (логически правильно) послѣ предварительнаго выясненія, въ предыдущихъ частяхъ, соціальныхъ функцій права и тѣмъ самымъ психологическихъ посылокъ для правно-политической дедукціи неизбѣжныхъ или вѣроятныхъ послѣдствій, причинныхъ эффектовъ, такихъ или иныхъ реформъ или вообще правоположеній, затѣмъ, идеала политики права и, наконецъ, метода; поставленъ, какъ и въ L. v. E., въ качествѣ заключительнаго вывода непосредственно за обоснованіемъ возможности научнаго метода для рѣшенія правно-политическихъ вопросовъ и выясненія природы этого метода.

У меня обоснованіе и выясненіе природы правно-политическаго (комбинированнаго, дедуктивно-индуктивнаго) метода разработано

Digitized by Google

въ общей формѣ весьма внимательно и обстоятельно; одной проблемѣ фактической, опытно-индуктивной, провѣрки правильно-политическихъ дедуктивныхъ выводовъ съ помощью разныхъ данныхъ, въ томъ числѣ статистическихъ, посвящено болѣе сорока страницъ (581 и сл.); это сдѣлано, несмотря на то, что обоснованіе возможности дѣйствительно научнаго, методическаго, рѣшенія подлежащихъ вопросовъ и выясненіе природы подлежащаго метода еще раньше было мною доставлено въ другой формѣ, а именно въ формѣ множества соотвѣтственныхъ спеціальныхъ изслѣдованій, демонстрирующихъ ad oculos основанія, природу, научную солидность и плодотворность подлежащаго метода и тѣмъ самымъ предлагаемой науки (каковыя обильныя и кропотливыя монографическія изслѣдованія, демонстрирующія природу и научную солидность и плодотворность надлежащаго метода, и рѣшали дѣло во мнѣніи ученыхъ-спеціалистовъ противъ прежнихъ предразсудковъ и въ пользу «возрожденія ест. права» уже на новыхъ, солидно-научныхъ началахъ). У Штаммлера дѣло значительно сокращается и упрощается по существу, дается краткое и упрощенное извлеченіе изъ подлежащаго методологическаго ученія, стран. 615 и сл., по обыкновенію затемняемое до неузнаваемости избѣганіемъ называть вещи своими, принятыми въ наукѣ и примѣняемыми въ L. v. E., именами, отвлекающими вниманіе, не относящимися къ дѣлу, вставками и прочею дипломатіею [1]).

[1]) Отмѣчу, что слово «дипломатія» для характеристики пріемовъ изложенія Штаммлера примѣняется не мною впервые; я его заимствовалъ въ качествѣ наиболѣе вѣжливаго выраженія, у M. Weber'a, который въ своей статьѣ о книгѣ Штаммлера (R. Stammlers «Ueberwindung» der materialistischen Geschichtsauffassung въ Arch. f. Socialwiss. u. Politik, XXIV, 1907 г., стран. 94 и слѣд.), недоумѣваетъ по поводу «дипломатіи», «дипломатической темноты»), напр. стран. 114: «Та своеобразная дипломатія темноты, о которой мы уже говорили раньше, замѣчается и здѣсь») и т. д., которая замѣчается въ книгѣ Штаммлера, и примѣняетъ разныя иныя, болѣе рѣзкія, выраженія (ср., напр., стран. 100: «я думаю, что если найдется такой, который не дастъ себѣ пустить пыли въ глаза (обмануть), то онъ отнесется къ этому какъ къ схоластической мистификаціи, или наивной, или нахальной, «sei es naive, sei es dreiste scholastische Mystifikation»). Вообще въ статьѣ Weber'a эмоціональная подкладка — нравственное негодованіе по поводу фальши и разныхъ другихъ пріемовъ не научнаго свойства, хотя онъ далеко не освѣдомленъ относительно природы и тенденціи подлежащей дипломатіи, мистификаціи, обходовъ называнія вещей своими именами и проч. Странную тенденцію затемнѣнія изложенія разными специфическими средствами отмѣчаютъ и другіе. Напр., Scherer, Sittlichkeit und Recht, ставитъ вообще Штаммлера, какъ и многіе другіе, очень высоко («мы считаемъ его изслѣдованія самыми цѣнными въ философіи права новаго времени, и авторъ производитъ вездѣ впечатлѣніе и геніальнаго и проникнутаго глубочайшею преданностію истинѣ изслѣдователя», стран. 5); но и онъ указываетъ: «Къ сожалѣнію Штаммлеръ считаетъ нужнымъ свои мысли часто скрывать подъ столь трудно понятнымъ языкомъ, что требуется неимовѣрный трудъ, чтобы слѣдовать за развитіемъ его идей» (стран. 13).

Digitized by Google

Онъ даже избѣгаетъ слова «методъ», замѣняя его разными обходными выраженіями: «закономѣрное производство» (gesetzmässiges Verfahren), «процессы изслѣдованія» и т. п. Вмѣсто сказать просто каковъ методъ политики права? говорится: «Въ какомъ закономѣрномъ производствѣ подлежатъ открытію правильныя средства для улучшенія соціальныхъ состояній?» (стран. 617); избѣгаетъ техническихъ названій: дедукція, индукція, замѣняя обходными описаніями, отчасти довольно странными, напр., вмѣсто сказать просто: дедукція, дедуктивное предвидѣніе причинныхъ неизбѣжныхъ результатовъ предлагаемыхъ законопроектовъ, говорится: «Здѣсь стало быть надо себѣ представлять тѣ будущіе соціальные феномены, которые при предполагаемомъ регулированіи будутъ образоваться въ необходимо выясненномъ видѣ («hier hat man sich also die kommenden socialen Phänomene vorzustellen, welche sich unter der vorgeschlagenen Regelung in notwendig darzulegender Art bilden werden», стран 617), и т. д. и т. д.

Изъ предыдущаго, пока краткаго, выясненія смысла и основныхъ элементовъ системы «соціальной философіи» Штаммлера видно, между прочимъ, сколь далека эта система и по происхожденію и по смыслу отъ системы правно-философскихъ идей Канта. Въ частности изъ предыдущаго видно, что формула Штаммлера: «общественный союзъ свободно хотящихъ людей» радикально и принципіально отличается отъ принципа правовой философіи Канта, принципа, предписывающаго такое устройство права и государства, чтобы свобода одного совмѣщалась со свободою всѣхъ и каждаго, не только по содержанію, о чемъ уже говорилось выше, но и по роли и смыслу въ подлежащихъ ученіяхъ. У Канта это принципъ для дедуцированія изъ него началъ устройства права и государства и при томъ началъ, обязательныхъ во всякое время, въ томъ числѣ и въ настоящее, такъ что это готовый рецептъ для надлежащаго построенія права и государства, одинаково правильнаго теперь и всегда. У Штаммлера же, какъ и въ L. v. E., идея разумной любви, свободы отъ эгоизма и т. д., есть высшая цѣль, идеалъ, идеалъ особаго человѣческаго характера (а не государственно-правового устройства), служащій не посылкою для вывода готовыхъ и неизмѣнныхъ правилъ государственнаго устройства, а цѣлью для прикладной науки — политики

---

[1]) Въ предположенномъ болѣе обстоятельномъ выясненіи дѣла будутъ указаны разныя искаженія и логическія несообразности, получающіяся на почвѣ подлежащаго, сокращеннаго и упрощеннаго по существу и изуродованнаго дипломатіей изложенія.

Digitized by Google

права, подобно тому, какъ для медицины и гигіены цѣлью является здоровье. И какъ изъ «здоровья» нельзя вывести системы началъ терапіи, гигіены и т. д., а для этого требуются совсѣмъ иныя посылки и иные методы, такъ и методъ политики права, выясненной въ L. v. E. и заимствованной въ сокращенной и упрощенной формѣ въ W. и. R. Штаммлера, ничего не имѣетъ общаго съ методомъ Канта въ его системѣ ученія о разумномъ правѣ.

И если ученіе Штаммлера принимается за кантіанское ученіе и въ качествѣ такового рѣзко и рѣшительно противопоставляется ученію о наукѣ политики права на почвѣ научно психологическихъ посылокъ, ученія о мотиваціонномъ и воспитательномъ дѣйствіи права и т. д., какъ нѣчто принципіально отличное, если неокантіанцы, Natorp, Gerlach и др., приписываютъ Штаммлеру созданіе эпохи въ философіи права и соціальной философіи путемъ новой постановки этихъ наукъ на прочный и авторитетный базисъ ученія Канта, то это въ высшей степени характерно и интересно съ психологической точки зрѣнія, но съ научной точки зрѣнія — довольно капитальное недоразумѣніе, не лишенное юмористическаго оттѣнка. Вмѣстѣ съ тѣмъ весьма своеобразный, пожалуй единственный въ исторіи науки, примѣръ грандіозной въ своемъ родѣ и удачной дипломатіи и мистификаціи [1]).

Тѣ, которые считаютъ возможнымъ упрекать автора L. v. E. по поводу его указанія на сходство идей Штаммлера съ идеями L. v. E. или даже намекать на обратное сходство и заимствованіе, выдвигаютъ, кромѣ утвержденія, что дѣло идетъ о принципіально различныхъ идеяхъ и соціальныхъ міросозерцаніяхъ по существу, сообщеніе, что Штаммлеръ де высказывалъ подлежащія идеи еще раньше, въ статьѣ: «Ueber der Methode der geschichtlichen Rechtstheorie» въ Festgabe zu B. Windscheids 50-jährigen Doctorjubiläum, 1889 г. И здѣсь они въ отстаиваніи интересовъ Штамлера идутъ смѣлѣе и дальше, чѣмъ считаетъ возможнымъ итти самъ Штамлеръ; онъ затрачиваетъ огромное множество труда въ W. u. R. и другихъ сочиненіяхъ на созданіе вида оригинальности подлежащей системы идей и примѣняетъ для этого всевозможныя замысловатыя средства; и, конечно, если бы сопо-

[1]) Тѣмъ болѣе поразительный и психологически интересный, что литературное прошлое автора, оказавшагося съ 1896 г. геніемъ, создающимъ эпохи въ наукахъ, было до этого года болѣе, чѣмъ скромнымъ, и не внушавшимъ особыхъ надеждъ и довѣрія (исторія съ учителемъ — Биндингомъ, который, довѣрчиво изложивъ свои еще неопубликованныя идеи слушателямъ-ученикамъ, затѣмъ былъ поставленъ въ трудное положеніе появленіемъ своего ученія въ печати подъ именемъ Штаммлера, въ качествѣ автора, и принужденъ былъ публично выяснять происхожденіе идей Штаммлера; какъ это мнѣ приходится теперь дѣлать).

Digitized by Google

ставленіе съ прежними своими положеніями давало ему въ руки нужное средство, онъ бы не преминулъ имъ воспользоваться, какъ несоизмѣримо лучшимъ, вмѣсто всѣхъ другихъ. Но онъ этого не дѣлаетъ. И онъ поступаетъ очень благоразумно, потому что въ противномъ случаѣ получилось бы какъ разъ доказательство противоположнаго, доказательство отказа подъ вліяніемъ чего-то или кого-то отъ своихъ собственныхъ прежнихъ взглядовъ и усвоенія совсѣмъ иного ученія. Прежде онъ такъ говорилъ объ естественномъ правѣ, что такой врагъ естественно-правовыхъ ученій, и опытный и умѣлый разоблачитель естественно-правовой «ереси», какъ Бергбомъ, цитируя въ своей знаменитой «Jurisprudenz und Rechtsphilophie» цѣлые ряды представителей этой ереси въ Германіи и другихъ странахъ (стран. 242 и соч.) даже не упоминаетъ имени Штаммлера, а въ другомъ мѣстѣ причисляетъ его къ свободнымъ отъ этой ереси (стран. 146). А именно прежде Штаммлеръ сводилъ дѣло къ опредѣленію цѣли права, чѣмъ, конечно, никто никогда не запрещалъ никому заниматься и чѣмъ занимался и Савиньи и его ученики (усматривая цѣль права въ свободѣ), Іерингъ и проч. А въ Wirtschaft und Recht возсоздается дуализмъ правовѣдѣнія, обосновывается цѣлая наука (система наукъ) — политика права, «естественнаго права съ измѣняющимся содержаніемъ» и т. д. на почвѣ цѣлой новой системы идей.

Отсюда, между прочимъ, для принимающихъ прежнія и новыя идеи Штаммлера за тожественныя получается впечатлѣніе противорѣчія (ср. выше, стран. 57).

Прежнее неизмѣнное «естественное право» (неизвѣстно почему такъ названное — цѣль права) вдругъ въ W. u. R. стало измѣнчивымъ, вопреки своему существу.

Въ дѣйствительности оно стало измѣнчивымъ, потому что оно совсѣмъ не то, что прежде Штаммлеръ называлъ почему то «естественнымъ» правомъ. Противорѣчіе есть, но это противорѣчіе между двумя различными ученіями, отказъ отъ прежняго ученія и присоединеніе къ другому ученію.

И предположеніе, что ученіе Штаммлера въ «Die Lehre von dem richtigen Rechte» есть какое-то новое ученіе, новое и по отношенію къ W. u. R., «замѣна совершенно новой проблемой» и т. д. ошибочно. Названная книга представляетъ не что иное, какъ попытку примѣнить общія начала политики права, изложенныя въ W. u. R., къ гражданскому праву, т.-е. построеніе цивильной политики (ср. аутентическое объясненіе Штаммлера выше, стран. 23), другой вопросъ, насколько удачная попытка.

Digitized by Google

И идея примѣненія цивильной политики въ сферѣ догматики и суд. практики, къ толкованію, заполненію пробѣловъ дѣйствующаго права, и т. д., отнюдь не новая идея. Съ такого примѣненія идей политики права (въ сферѣ догматики римскаго права, его объясненія, толкованія, заполненія его пробѣловъ и т. д.) дѣло даже началось, и цѣлый рядъ авторитетныхъ ученыхъ одобрили это и рекомендовали такое же отношеніе къ будущему новому кодексу прежде, чѣмъ выступилъ Штаммлеръ.

Л. Петражицкій.

Digitized by Google

Юриспруденція и философія.

Proderit autem hujus, quod nunc molior, consideratio ad demendum apud Juri deditos contemtum Philosophiae, si videant... plurima sui juris loca sine hujus ductu inextricabilem labyrinthum fore.
Лейбницъ (Specimen difficultatis in jure, Opera, Dutens, IV, III, 68).

I.

Современная юридическая литература представляетъ картину столько же отрадную, сколько и печальную. Отрадно то, что въ ней ставится множество новыхъ, нерѣдко очень смѣлыхъ и радикальныхъ проблемъ. Печально то, что юриспруденція начинаетъ терять почву подъ ногами и, сама того не замѣчая, иногда добровольно вступаетъ на путь самоуничтоженія.

Отрадно то, что колеблется догматизмъ и черезчуръ упрощенное міровоззрѣніе той еще недавно безгранично господствовавшей юриспруденціи, которую можно назвать юриспруденціею повелѣній. Это та юриспруденція, которая признаетъ государственную власть не только издательницею правовыхъ нормъ, но также и ихъ созидательницею, и сообразно съ этимъ признаетъ только ея волеизъявленія положительнымъ правомъ и, наоборотъ, положительное право только ея волеизъявленіемъ. Это та юриспруденція, для которой нѣтъ ничего нормальнаго, какъ въ смыслѣ справедливости, такъ и въ смыслѣ бытовой общеупотребительности, помимо правительственныхъ на этотъ счетъ приказаній, запрещеній и дозволеній. Это та юриспруденція, которая возникла еще у римлянъ, когда они перестали производить jus отъ justum и стали производить его отъ jussum, когда верховный носитель государственной власти былъ провозглашенъ ходячимъ, одушевленнымъ закономъ (lex animata), и за его произволомъ, даже, какъ прибавили въ средніе вѣка, за его ошибками признавалось правообразующее значеніе: quod principi placuit legis habet vigorem; error principis

Digitized by Google

facit jus. Это та юриспруденція, которую въ новое время породило абсолютное государство, всесильный левіаѳанъ, ставшій выше добра и зла, права и справедливости и превратившій бывшихъ вѣщателей права въ подчиненные суверену органы судебной власти. Отрадно то, что такую императивную юриспруденцію, юриспруденцію повелѣній стараются восполнить, если даже совсѣмъ не вытѣснить или юриспруденціею справедливости или юриспруденціею соціальныхъ отношеній. Юриспруденція справедливости продолжаетъ вслѣдъ за иными римскими юристами твердить: justitiam colimus. И сообразно съ этимъ она, какъ еще Боденъ въ XVI вѣкѣ, отказывается отождествлять право съ закономъ, исходящимъ отъ суверенной власти. Она помѣщаетъ право не подъ государственною властью, а внѣ ея и даже надъ нею. Она стремится раскрыть и усовершенствовать «правильность» права, связывая таковую то съ наличною соціальною солидарностью, какъ Буржуа, Брюно, отчасти Дюги и Оріу, то съ предполагаемымъ въ будущемъ «народнымъ трудовымъ государствомъ», какъ Антонъ Менгеръ, то съ идеальнымъ «обществомъ свободно желающихъ людей», какъ Штаммлеръ. Наконецъ, юриспруденція соціальныхъ отношеній, ставшая въ послѣднее время особенно модною подъ названіемъ соціологическаго направленія въ правовѣдѣніи, стремится свести положительное право не столько къ предписаніямъ, сколько къ описаніямъ, стремится возможно болѣе сблизить право съ жизнью и жизнь съ правомъ.

Все это очень отрадно какъ признаки теоретической и практической бодрости и жизнеспособности юриспруденціи нашихъ дней. Все это свидѣтельствуетъ о ея желаніи не ограничиваться чисто ремесленною, почти даже автоматическою — по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія строгой юриспруденціи повелѣній — стороною дѣла, именно толкованіемъ и примѣненіемъ дѣйствующаго законодательства, но также вступить на болѣе широкій путь познанія соціальной жизни и участія въ руководствѣ ею. Однако у всего этого есть и своя оборотная, чрезвычайно печальная сторона. Мы присутствуемъ не только при попыткахъ реформы юриспруденціи, но также и при ея несомнѣнномъ разрушеніи [1]). И это разрушеніе производится не врагами ея, а друзьями, которые иногда сами не вѣдаютъ, что творятъ. Какъ въ теоретическую, такъ и въ практическую юриспруденцію все чаще и чаще вводятся понятія, не только чужеродныя, но и враждебныя ей. Чего стоитъ хотя бы теорія «взвѣшиванія интересовъ» судьею или ученіе о свободномъ

[1]) Съ другой стороны подходитъ къ тому же явленію П. Новгородцевъ въ своей книгѣ «Кризисъ современнаго правосознанія». Москва, 1909 г.

Digitized by Google

судейскомъ усмотрѣніи не только sine lege, но и contra legem или же антропологическое ученіе о преступленіяхъ? Все это создаетъ не только поразительный синкретизмъ, смѣшеніе всевозможныхъ принциповъ въ юриспруденціи, всегда гордившейся своею точностью и опредѣленностью. Все это заводитъ юриспруденцію въ какой-то тупикъ и вмѣсто ожидаемаго прогресса создаетъ въ ней безвыходный застой. Такъ, относительно уголовнаго права такой авторитетный ученый, какъ Францъ Листъ, принужденъ былъ недавно заявить, что «оно дошло до мертвой точки» [1]).

Чтобы выйти изъ такого запутаннаго положенія, не слѣдуетъ замѣнять прежнихъ нововведеній въ юриспруденціи новыми. Это значило бы скорѣе увеличивать путаницу, чѣмъ предотвращать ее. Это значило бы присоединять къ уже накопленнымъ недоразумѣніямъ еще новыя. Недостаточно также заниматься частичною критикою тѣхъ или иныхъ мелкихъ нововведеній. Какъ ни кажутся они мелкими, касающимися только поверхности юриспруденціи, они все-таки успѣли замутить ее до полной неясности, до совершеннаго недоумѣнія и даже до Гамлетовскаго вопроса — быть или не быть юриспруденціи, не превратиться ли ей не то въ психологію, не то въ соціологію, не то въ антропологію [2]). Необходимъ болѣе радикальный пріемъ. Необходимо разобраться, почему вообще происходитъ путаница. А для этого необходимо подняться надъ современною юриспруденціею на извѣстную философскую высоту и посмотрѣть, что такое юриспруденція вообще, каковы ея теоретическія и практическія цѣли, каковы средства, которыми она для этого можетъ располагать, и какихъ результатовъ можно ожидать отъ нея. Необходимо, чтобы, съ одной стороны, философы детальнѣе занялись юриспруденціею, не ограничиваясь болѣе или менѣе случайными экскурсами въ эту область. Необходимо, чтобы, съ другой стороны, и юристы преодолѣли свое отчасти невнимательное, отчасти неуважительное отношеніе къ философіи и вспомнили, хотя бы, къ сожалѣнію, запоздавшія сѣтованія Іеринга по поводу того, что онъ своевременно не запасся надлежащимъ философскимъ разумѣніемъ [3]), — сѣтованія, умѣстность которыхъ

[1]) См. его статью Strafrecht und Strafprozessrecht въ сборникѣ Sistematische Rechtswissenschaft, 1906, S. 203.

[2]) Уже въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія ростокскій адвокатъ Данквардтъ пришелъ къ заключенію, что «ключомъ» для познанія гражданскаго права является экономика, а для познанія уголовнаго права — психологія (см. предисловіе его книги Psychologie und Criminalrecht, Leipzig und Heidelberg, 1863).

[3]) Wenn ich es je bedauert habe, dass meine Entwicklungszeit in eine Periode gefallen ist wo die Philosophie in Misscredit gekommen war, so ist es bei dem gegenwärtigen Werk, пишетъ онъ въ предисловіи своей книги Der Zweck im Recht (стран. IX третьяго изданія 1893 г.).

Digitized by Google

какъ нельзя лучше подтверждается философскою слабостью его «Цѣли въ правѣ».

Юристамъ необходимо обратить самое серьезное вниманіе на философію еще и потому, что, какъ замѣтилъ уже Ульпіанъ, всѣ они занимаются «истинною, не притворною философіею» (l. 1, D. 1, 1),— но занимаются по большей части также безсознательно, какъ безсознательно изъяснялся прозою Мольеровъ мѣщанинъ во дворянствѣ. Какимъ бы банальнымъ ни казалось ежедневное маленькое дѣло обиходной юриспруденціи, даже оно построено на предпосылкахъ чисто философскаго значенія и притомъ величайшей глубины. Въ дѣятельности суда есть и этика, и метафизика, и даже теорія познанія, словомъ, вся философія. Инстинктивное сознаніе этого обстоятельства и продиктовало еще римскому юристу, казалось бы, совершенно не подходящую и парадоксальную мысль о томъ, чтобы опредѣлить предметъ юриспруденціи совершенно такъ же, какъ стоики опредѣляли предметъ философіи: divinarum atque humanarum rerum notitia (Inst.. I, 1, § 1). Какъ Корреджіо, увидѣвъ въ Мантуѣ картины Рафаэля, сказалъ: ed io anche son pittore, я тоже художникъ, такъ и юристъ, познакомившись съ проблемами философіи, не можетъ не воскликнуть: я тоже философъ. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что юристъ долженъ забыть юриспруденцію ради философіи. Изъ этого слѣдуетъ только то, что при свѣтѣ философіи онъ лучше пойметъ и юриспруденцію. Подобно тому, какъ одинъ дюссельдорфскій купецъ писалъ Канту, что критическая философія не дала ему ничего новаго, но привела въ порядокъ то, что онъ до тѣхъ поръ представлялъ себѣ въ смутномъ видѣ, такъ и юриспруденція послѣ знакомства съ философіею вовсе не окажется въ необходимости вступать на новый и невѣдомый ей путь, а просто получитъ возможность яснѣе сознавать свою собственную сущность и сообразно съ этимъ такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ болѣе сознательно, чѣмъ теперь, относиться къ новымъ, моднымъ теченіямъ.

II.

Что же связываетъ юриста съ философіею? связываетъ не только тогда, когда онъ вступаетъ на заманчивый, но также и обманчивый путь такъ наз. философіи права, нерѣдко теряя при этомъ подъ ногами твердую почву юридическаго опыта, но также и тогда, когда онъ не покидаетъ этой почвы и занимается только своимъ практическимъ дѣломъ и притомъ такъ, какъ этимъ занимаются уже нѣсколько тысячелѣтій юристы всѣхъ временъ и народовъ. Чтобы

Digitized by Google

отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо прежде всего установить болѣе или менѣе точно обычный кругъ философскихъ проблемъ.

Если не разумѣть подъ философіею буквально только любомудрія, т.-е. настроенія вполнѣ естественнаго и даже необходимаго не только у философовъ, но также и у ученыхъ спеціалистовъ, и если не отождествлять философіи съ науками какъ раціональными, такъ и эмпирическими, то на ея спеціальную долю останутся три такія проблемы, которыя, хотя и имѣютъ извѣстную связь съ научнымъ знаніемъ, тѣмъ не менѣе образуютъ совершенно своеобразную область уже выходящую за предѣлы отдѣльныхъ наукъ съ ихъ спеціальными пріемами изслѣдованія и контроля получаемыхъ при этомъ результатовъ. Это, во-первыхъ, проблема практической или нравственной философіи, которая, въ отличіе отъ прикладной, технической части научнаго знанія, старается рѣшить и притомъ по существу принципіальные вопросы нравственно должнаго, выработать извѣстное нравственное жизнепониманіе. Во-вторыхъ, это проблема теоретической или метафизической философіи; въ отличіе отъ теоретической части научнаго знанія, принципіально не выходящей за предѣлы опыта или доказательства, метафизика отчасти восполняетъ, отчасти даже замѣняетъ это знаніе гипотезами и фикціями, которыя удовлетворяютъ какъ потребность въ вѣрѣ, такъ и потребность въ синтезѣ, въ выработкѣ законченнаго міропониманія. Наконецъ, въ-третьихъ, это проблема гносеологическая, иначе проблема теоріи познанія, ставящая вѣчный вопросъ о томъ, что есть истина, какъ таковая (то, что у французовъ называется la vraie vérité), и познаваема ли она вообще; при этомъ вопросъ ставится съ такою универсальностью, которая далеко выходитъ за предѣлы какъ той или иной положительной науки съ ея спеціальными истинами, такъ и всѣхъ ихъ вмѣстѣ взятыхъ.

Такимъ образомъ спеціальную область философіи образуютъ этическая, метафизическая и гносеологическая проблемы. И сообразно съ этимъ юриспруденція прикосновенна къ философіи постольку, поскольку и ей приходится рѣшать вопросы этики, метафизики и теоріи познанія. Дѣйствительно ли ей приходится рѣшать эти вопросы?

III.

Начнемъ съ вопросовъ этики. Какъ далеко идетъ связь права и правовѣдѣнія съ ея проблемами? Вопросъ этотъ далеко не исчерпывается общепринятымъ ученіемъ объ отношеніи между правомъ и нравственностью. Одни, какъ Іеллинекъ съ его этическимъ

Digitized by Google

минимумомъ, понимаютъ это отношеніе количественно, какъ различіе въ степени, другіе — качественно, какъ противоположность внѣшняго и внутренняго. Какъ ни полезенъ практически послѣдній взглядъ, какъ ни необходимо различать судъ надъ внѣшними актами и инквизиціонное чтеніе въ сердцахъ въ поискахъ за внутренними мотивами этихъ актовъ, дѣло далеко еще не въ одномъ этомъ. И право и нравственность въ тѣсномъ и спеціальномъ смыслѣ, при всемъ ихъ различіи, неизбѣжно объединены особымъ этическимъ отношеніемъ къ людямъ и ихъ дѣяніямъ и сообразно съ этимъ соподчинены моральному жизнепониманію, существенно и даже принципіально отличному отъ жизнепониманія психологическаго, тѣмъ болѣе физическаго.

Моральное жизнепониманіе основывается на двухъ принципахъ. Во-первыхъ, на убѣжденіи въ свободѣ человѣческой воли, въ полной возможности каждаго лица поступать такъ или иначе и сообразно съ этимъ исполнять или не исполнять свою нравственную или юридическую обязанность. Во-вторыхъ, на убѣжденіи въ объективномъ существованіи нормы должнаго, критерія добра и зла, справедливости или несправедливости, предписывающаго поступать такъ, а не иначе, и сообразно съ этимъ оцѣнивающаго человѣческіе поступки какъ добрые или злые, иначе грѣховные, безнравственные или несправедливые. Безъ такого критерія человѣческія дѣянія лишены всякой этической квалификаціи; эта мысль совершенно отчетливо высказана уже въ словахъ ап. Павла о невозможности познанія грѣха безъ закона (Римл. VII, 7).

Къ этимъ двумъ предпосылкамъ моральнаго жизнепониманія нерѣдко присоединяютъ еще двѣ другія. Но какъ бы часто, почти даже неизбѣжно, онѣ ни выступали исторически, онѣ вовсе не необходимы принципіально и методологически. Это, во-первыхъ, вѣра въ тотъ или иной сверхъестественный источникъ деонтологическихъ нормъ. Хотя Шопенгауэръ замѣтилъ, что всѣ боги востока и запада обязаны своимъ происхожденіемъ вопросу объ основахъ морали, и хотя даже Кантъ постулировалъ Бога для своей автономной этики, тѣмъ не менѣе принципіально вполнѣ возможна самодовлѣющая этика, совершенно свободная отъ какой бы то ни было сверхъестественной санкціи. Равнымъ образомъ не необходима вѣра въ объективное существованіе спеціальнаго воздаянія за добро и зло, воздаянія земного или небеснаго, прижизненнаго или загробнаго. На извѣстной, правда изысканной высотѣ нравственнаго сознанія необходимость исполненія долга сознается совершенно свободно, не связываясь съ ожиданіемъ награды или со страхомъ наказанія, какъ не связывается она и съ повелѣніемъ

Digitized by Google

божества: добро, долгъ, справедливость сами себѣ довлѣютъ. Если такимъ образомъ моральное жизнепониманіе возможно безъ теоретической, такъ сказать, вѣры въ объективное существованіе вознагражденія и наказанія, входящее, такъ сказать въ міровой порядокъ, въ теодицею или космодицею, то оно возможно также и безъ признанія практической необходимости такого вознагражденія и наказанія со стороны отдѣльныхъ людей или государственной власти. Сообразно съ этимъ этическое жизнепониманіе конечно судитъ и осуждаетъ поступки людей, констатируетъ ихъ безнравственный или преступный характеръ. Но нѣтъ непремѣнной необходимости, чтобы оно еще приговаривало ихъ къ тому или иному наказанію. Несмотря на то, что моралистами посвящено не мало глубокомыслія вопросу о необходимости наказанія, какъ искупленія вины, и даже о формахъ его осуществленія, этотъ вопросъ, въ сущности, не является необходимымъ логически условіемъ нравственнаго жизнепониманія. Онъ относится скорѣе къ техникѣ, чѣмъ къ этикѣ соціальной жизни. Предпосылка возмездія, какъ и предпосылка высшаго авторитета, могутъ быть отвергнуты безъ ущерба для нравственнаго жизнепониманія или, по крайней мѣрѣ, для этическаго познанія. Но никакъ нельзя отвергнуть предпосылки человѣческой свободы и нормы должнаго. Если человѣкъ не свободенъ, то онъ не отвѣчаетъ за свои поступки. А если онъ не отвѣчаетъ за свои поступки, то ни о какихъ деонтологическихъ нормахъ не можетъ быть и рѣчи.

Таковъ логическій минимумъ всякаго нравственнаго жизнепониманія, такова теорія этическаго познанія. Она не оставляетъ человѣка, какъ существо разумное и свободное, внѣ закона. Она признаетъ его существомъ подзаконнымъ, слѣдуя въ данномъ случаѣ взгляду, высказавшемуся еще схоластиками: natura intellectualis non potest non sublex esse. Но она имѣетъ въ виду подзаконность моральную, деонтологическую, существенно отличную отъ подзаконности психологической или физической. Для психологіи или для физики человѣкъ тоже не exlex, а sublex. Но тѣ нормы, которымъ онѣ его подчиняютъ, не предписываютъ актовъ, а описываютъ факты или явленія, описываютъ съ тенденціею къ онтологическому, причинному детерминизму, принципіально отличному отъ деонтологическаго, этическаго детерминизма. Сообразно съ этимъ одинъ и тотъ же эмпирическій фактъ пріобрѣтаетъ совершенно различный характеръ въ зависимости отъ того, относимся ли мы къ нему морально или же психологически или физически. Такъ, если взять примѣръ изъ области хорошо знакомой всякому юристу, съ чисто моральной точки зрѣнія преступленіе представляетъ

Digitized by Google

нарушеніе свободною волею нормы должнаго, предписывающей людямъ воздерживаться отъ извѣстныхъ дѣяній. Съ чисто же психологической или физической точки зрѣнія преступленіе изъ моральнаго акта превращается просто въ фактъ или явленіе, протекающее, какъ и всѣ явленія, въ условіяхъ причинности и подчиненное закону или нормѣ сущаго. Между тѣмъ какъ норма нравственно должнаго осуждаетъ, норма эмпирически сущаго объясняетъ и тѣмъ оправдываетъ. Этическій судъ надъ преступленіями совершается въ особой искусственной обстановкѣ, которая въ двоякомъ отношеніи сознательно отвлекается отъ эмпирической дѣйствительности: во-первыхъ, Ѳемида надѣваетъ на глаза повязку, чтобы не быть лицепріятною, чтобы не видѣть лица преступника, чтобы вся его индивидуальность, вся его исторія, весь эмпирическій детерминизмъ инкриминируемаго дѣянія не смущали ея; а во-вторыхъ, на самого преступника надѣвается маска нравственной личности, обладающей свободною волею и посему связанной деонтологическою нормою; и подъ этою маскою онъ уравнивается со всѣми другими людьми, въ качествѣ равно свободнаго, равно моральнаго существа или лица. Физическій же судъ не признаетъ никакихъ повязокъ и масокъ. Онъ лицепріятенъ въ буквальномъ смыслѣ слова потому, что онъ весьма внимательно изучаетъ лицо преступника. Онъ измѣряетъ его черепъ, его зубы. Въ аномаліяхъ его тѣлеснаго строенія онъ старается найти полное объясненіе аномалій его моральныхъ дѣяній. Онъ старается прочесть на его лбу роковыя слова, неизбѣжно, даже до совершенія тѣхъ или иныхъ дѣяній, толкающія его на путь, именуемый въ этикѣ зломъ и преступленіемъ. Для него нѣтъ злой воли преступника, потому что для него вообще нѣтъ воли. Для него нѣтъ злодѣяній, потому что для него вообще нѣтъ дѣяній и онъ къ добру и злу постыдно равнодушенъ.

Такимъ образомъ въ зависимости отъ моральной, психологической или физической точки зрѣнія одно и то же явленіе пріобрѣтаетъ совершенно иную оцѣнку. Очевидно, что вся юриспруденція — не только aequitas, но и jus strictum — стоитъ всецѣло на точкѣ зрѣнія моральнаго жизнепониманія. Можно ли, напримѣръ, себѣ представить обязательственное право, это средоточіе цивилистики, безъ волеизъявленій, т.-е. безъ актовъ, которые понимаются и оцѣниваются не феноменально, съ точки зрѣнія психологическаго или физическаго детерминизма, а, такъ сказать, ноуменально, съ точки зрѣнія свободы и отвѣтственности лица? Не исчезаетъ ли совсѣмъ, какъ отмѣчено выше, понятіе преступленія, если не подняться надъ психологическимъ или физическимъ феноменализмомъ и детерминизмомъ на высоту ноуменальнаго моральнаго детерминизма?

Digitized by Google

Развѣ правило nullum crimen sine lege не является простымъ примѣненіемъ къ преступленію той самой теоріи этическаго познанія, которую, какъ указано выше, по отношенію къ грѣху примѣнялъ уже апостолъ Павелъ? Развѣ понятія притязанія и обязанности не теряютъ всякаго юридическаго смысла, если не примѣнять ихъ къ лицамъ, т.-е. чисто моральнымъ субъектамъ? Развѣ не содержится въ самомъ понятіи права мысли объ извѣстной правотѣ, правильности, т.-е. соотвѣтствіи не описывающей, а предписывающей, не онтологической, а деонтологической нормѣ? Развѣ не ясно, что юридическій законъ — это совсѣмъ не психологическій и не физическій, а чисто этическій законъ? Словомъ, вся теорія юридическаго жизнепониманія какъ нельзя лучше подтверждаетъ замѣчаніе Цельза: boni et aequi notitiam profitemur.

Противъ такого пониманія могутъ раздаться возраженія со стороны упоминавшейся выше юриспруденціи соціальныхъ отношеній, стремящейся всецѣло, безъ остатка, растворить всю политическую и нравственную деонтологію права въ его соціологической онтологіи. И, казалось бы, такая ея тенденція далеко не лишена основанія. Вѣдь, когда возникаетъ споръ о правѣ и, значитъ, дается матеріалъ какъ для практической, такъ и для теоретической юриспруденціи, то по большей части идетъ рѣчь не столько о какой-то высшей справедливости, сколько о фактическомъ порядкѣ, который уже установился и который по поводу даннаго нарушенія или спора надлежитъ не устранить или преобразовать, а, напротивъ, констатировать и закрѣпить. Сообразно съ этимъ судъ и связанная съ нимъ юриспруденція имѣютъ охранительный характеръ и не легко поддаются нововведеніямъ. Сообразно съ этимъ же и въ правовыхъ нормахъ заключается много описательнаго матеріала. Это сознавали уже римскіе юристы, когда они провозглашали, въ качествѣ своей задачи, краткій пересказъ вещей[1]), описаніе того, что по большей части происходитъ[2]). Это сознаютъ историки и соціологи, дѣлающіе изъ юридическихъ институтовъ той или иной страны или эпохи выводы гораздо болѣе цѣнные для своихъ спеціальныхъ научныхъ цѣлей, чѣмъ изъ матеріала дней минувшихъ анекдотовъ, доставляемаго политическою или прагматическою исторіею: гдѣ кончается исторія права, замѣтилъ Вайтцъ, тамъ вообще кончается исторія.

---

[1]) Brevis rerum narratio (l. 1, D. 50, 17).

[2]) Quae et frequenter et facile... eveniunt (l. 5, D. 1, 3). Ea quae plerumque accidunt (l. 10, D. 1, 3). Ср. замѣчанія Оскара Бюлова объ индуктивномъ и экспериментальномъ характерѣ римской юриспруденціи въ его статьѣ Ueber die Bedeutung des Studiums der römischen Rechtsquellen für den jetzigen Rechtsunterricht (Das Recht, 1902, S. 402 u. s. w.).

Digitized by Google

И дѣйствительно юридическіе институты нерѣдко весьма типичны для познанія общественнаго строя данной страны, ея соціальной статики. Они какъ бы напоминаютъ скелетъ организма. При поверхностномъ взглядѣ мы его совсѣмъ не замѣчаемъ и видимъ только мягкія части. Но если подвергнуть организмъ болѣе глубокому изслѣдованію съ помощью рентгеновскихъ лучей, то всѣ эти мягкія части совершенно исчезаютъ и тѣмъ отчетливѣе выступаетъ невидимый дотолѣ скелетъ, безъ котораго, какъ оказывается, не могли бы держаться и всѣ эти мягкія части. Не случайно то обстоятельство, что, напримѣръ, цѣлая эпоха русской исторіи опредѣляется чисто юридически какъ эпоха крѣпостного права. Извѣстно, какъ ярко характеризовалъ Іерингъ римскую исторію «системами»[1]) римскаго права и сколько чисто историческаго матеріала извлекъ Моммзенъ изъ Юстиніанова свода или извлекаютъ нынѣшніе историки изъ сохранившихся на папирусахъ юридическихъ актовъ. Даже, казалось бы, такія искусственныя произведенія юриспруденціи повелѣній, какъ кодексы, имѣютъ громадное бытоописательное значеніе, нерѣдко подтверждающее слова Монтескье: on ne fait pas les lois, on les trouve. Такъ, хотя Наполеонъ, перебирая на островѣ св. Елены все сдѣланное имъ, и склоненъ былъ видѣть въ кодексѣ своего имени свое самое крупное и наиболѣе прочное личное дѣло, однако, главный редакторъ этого кодекса Портализъ былъ совсѣмъ иного мнѣнія, когда увѣрялъ, что кодексовъ никто не дѣлаетъ, ибо они сами себя дѣлаютъ. И дѣйствительно, кодексъ Наполеона какъ бы подтверждалъ это. Онъ только переводилъ на языкъ права вызванный революціею соціальный переворотъ, т.-е. появленіе на первомъ планѣ дѣятельной промышленной и торговой буржуазіи, увѣренной въ своихъ силахъ и потому искавшей для себя не привилегій, а свободы, свободы на свой собственный страхъ добиваться экономическаго благосостоянія, ни на кого, кромѣ самой себя, не возлагающей отвѣтственности какъ за успѣхъ, такъ и за неудачу въ жизненной борьбѣ. Если въ глазахъ экономиста этотъ кодексъ представлялъ, какъ выразился Лабріола, «золотую книгу общества, производящаго и продающаго товары», то въ глазахъ историка или литературнаго бытописателя онъ изображалъ строеніе пореволюціоннаго французскаго общества, въ которомъ тонъ задается предпріимчивымъ буржуа, презирающимъ слабыхъ, но согласнымъ, чтобы и его самого презирали, если онъ будетъ неспособенъ къ жизненной конкурренціи и поэтому самъ окажется въ числѣ слабыхъ, буржуа,

[1]) Geist des römischen Rechts, I. Theil, 4. Auflage, 81.

Digitized by Google

который требуетъ отъ своей жены вѣрности и покорности, но который самъ позволяетъ себѣ измѣнять ей, съ негодованіемъ, однако, воспрещая рождающимся при этомъ «натуральнымъ» дѣтямъ отыскивать свои права и тѣмъ нарушать интересы его законной семьи. Слѣдуетъ ли удивляться, что Стендаль находилъ большой интересъ въ чтеніи этого кодекса? Не менѣе яркимъ въ бытовомъ отношеніи представляется и нѣмецкое уложеніе 1900 года. Какъ замѣтилъ Зомъ [1]), оно представляетъ спеціально городское, построенное на принципахъ торговли и денежнаго хозяйства частное право, въ которомъ средневѣковой духъ земскаго человѣка (Landmann) смѣняется новѣйшимъ духомъ коммерческаго человѣка (Kaufmann). Словомъ, положительное право иногда такъ типично для соціальной статики даннаго общежитія, что, парафразируя слова Ульпіана, иной юристъ, пожалуй, скажетъ, что онъ занимается истинною, не притворною соціологіею.

Какъ ни убѣдительно говоритъ все это въ пользу юридической соціологіи или соціологической юриспруденціи, все это вѣрно лишь постольку, поскольку имѣется въ виду соціологія моральная, а не физическая или иная, хотя бы психологическая. Юридическіе институты даютъ матеріалъ отчасти для динамики, отчасти же, и по преимуществу, для статики обществъ только въ томъ случаѣ, если съ этими терминами физическаго происхожденія связывать тотъ чисто моральный смыслъ порядка и прогресса, который, несмотря на весь свой принципіальный физицизмъ, въ концѣ-концовъ усвоилъ также и глава соціологіи XIX вѣка О. Контъ. Такія правовыя отношенія, какъ собственность или бракъ, это вѣдь не физическія отношенія между людьми и вещами и людьми и людьми; это — чисто моральныя отношенія между лицами. Равнымъ образомъ, если вслѣдъ за Монтескье понимать законы какъ отношенія, то къ юридическимъ законамъ это примѣнимо лишь при условіи присоединенія въ качествѣ differentia specifica понятія моральнаго отношенія. Словомъ, всякое положительное право и, можетъ быть, даже особенно частное право [2]), конечно, всегда соціально. Ubi societas, ibi jus. Безъ общества нѣтъ права. И безъ права, вѣроятно, нѣтъ общества. Но общество при этомъ разумѣется не какъ ариѳметическая сумма или физическій аггрегатъ или біологическое общежитіе, а какъ извѣстный моральный союзъ. И юридическая соціологія — это соціологія именно такого союза.

---

[1]) Bürgerliches Recht, въ сборникѣ Systematische Rechtswissenschaft. S. 13.
[2]) Und wo sich — замѣтилъ еще Лассаль — das Juristische als das Privatrechtliche völlig von dem Politischen abzulösen scheint, da ist es noch viel politischer als das Politische selbst, denn da ist es das soziale Element.

Digitized by Google

На этомъ необходимо настаивать по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, понятіе общества, имѣвшее въ античномъ мірѣ совершенно опредѣленный моральный смыслъ[1]), получило впослѣдствіи весьма растяжимый и неточный смыслъ совокупности и взаимодѣйствія всякаго рода однородныхъ существъ, даже неодушевленныхъ. Въ такомъ смыслѣ можно говорить не только о животныхъ обществахъ, объ обществахъ пчелъ или муравьевъ, которые совмѣстно выполняютъ процессы питанія и защиты, повидимому, совершенно инстинктивно, во всякомъ случаѣ безъ участія той, какъ опредѣлилъ Кантъ разумъ, способности къ принципамъ, безъ которой немыслимо моральное бытіе. Въ такомъ смыслѣ можно говорить, напримѣръ, объ общественныхъ отношеніяхъ также и въ химіи, ибо, какъ извѣстно, совмѣстное нахожденіе атомовъ въ извѣстномъ количествѣ или извѣстномъ размѣщеніи создаетъ между ними особую зависимость, особыя соединенія. Въ такомъ же смыслѣ можно назвать соціальнымъ закономъ и законъ Ньютона. Каждое небесное тѣло находится въ состояніи паденія. Но такъ какъ оно падаетъ не само по себѣ, а въ обществѣ другихъ, тоже падающихъ небесныхъ тѣлъ, то оно падаетъ уже не такъ, какъ вполнѣ изолированное тѣло, т.-е. по прямой линіи, по закону Галилея. Оно описываетъ извѣстную кривую. И, какъ показалъ Ньютонъ, это измѣненіе вызывается особымъ отношеніемъ между совмѣстно падающими небесными тѣлами, именно ихъ взаимнымъ тяготѣніемъ. Оно создаетъ для участвующихъ въ немъ тѣлъ особыя формы движенія, особыя нормы или законы движенія, особый порядокъ движенія, благодаря которому они и образуютъ гармоническую систему, или космосъ. И оказывается, что даже прямолинейное движеніе изолированно падающихъ тѣлъ представляетъ не болѣе, какъ послѣдствіе всеобщаго тяготѣнія, не исключеніе изъ него, а, напротивъ, его подтвержденіе, выводъ изъ него, его частный случай. Изолированность ихъ оказывается, значитъ, мнимою. Индивидъ исчезаетъ въ обществѣ и подчиняется ему. Соціологическая точка зрѣнія торжествуетъ. Такимъ образомъ можно, даже и не выходя за предѣлы науки, распространять понятіе общества на весь міръ. Если же къ этому еще прибавить немного метафизики и реторики, то и получится тотъ «синтезъ соціологіи и космологіи», о которомъ пишутъ иные авторы[2]) и для котораго весь міръ — это соціальный организмъ[3]).

[1]) Авторъ настоящей статьи подробнѣе коснулся этого вопроса въ своемъ этюдѣ «Понятіе общества въ античномъ мірѣ» (1911).

[2]) Alfred Fouillée, La science sociale contemporaine, Paris, 1880, p. 411.

[3]) Ibid., p. 412: Ce n'est pas assez d'appeler le monde un vaste organisme où tout conspire et sympathise;... on peut conjecturer encore, selon nous, que c'est un organisme social ou tendant à devenir social.

Digitized by Google

Такимъ образомъ мы видимъ, что понятіе общества можетъ быть растянуто до того, что вполнѣ возможна рѣчь не только о моральной соціологіи, но также и о зоологической, химической или астрономической. И это первая причина того, что при упоминаніи о соціологической сторонѣ права, необходимо, во избѣжаніе недоразумѣній или путаницы, имѣть въ виду, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ моральною соціологіею. Второю причиною такой необходимости является то обстоятельство, что съ момента своего возникновенія соціологія главнымъ образомъ вдохновлялась пріемами и результатами взаимодѣйствій не моральныхъ и даже не психическихъ, а біологическихъ и даже механическихъ, старалась стать соціальною физикою. Оставляя въ сторонѣ болѣе общій вопросъ, насколько вообще правильна и осуществима методологія такой соціальной физики, необходимо имѣть въ виду, что во всякомъ случаѣ юриспруденція, хотя бы это и была юриспруденція соціальныхъ отношеній, перестаетъ уже быть юриспруденціею, когда она желаетъ стать такою именно соціологіею, когда она желаетъ стать соціальною физикою и, значитъ, познавать не этику общежитія, а его механику. И надо сказать, что эту сторону дѣла не юристы лучше понимаютъ, чѣмъ юристы: въ этомъ отношеніи категорическія заявленія послѣдователей Маркса о томъ, что право — это не болѣе какъ надстройка надъ реальнымъ соотношеніемъ экономическихъ силъ (понимаемымъ чисто механически), отличаются большею ясностью и точностью, чѣмъ хотя бы разсужденія Іеринга объ анатоміи или физіологіи права, образующаго какой-то, очевидно, совсѣмъ не физическій «объективный организмъ человѣческой свободы»[1]) или же туманныя разсужденія Дюги и особенно Оріу о правѣ, какъ «равновѣсіи», искажающія въ духѣ физицизма, въ общемъ, пріемлемое ученіе Меркеля о правѣ, какъ компромиссѣ.

До какой степени юридическая точка зрѣнія, какъ моральная, расходится съ физическою точкою зрѣнія, хотя бы и въ приложеніи къ человѣческому общежитію, — это видно въ томъ случаѣ, если сопоставить отношеніе къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ съ одной стороны юриспруденціи, а съ другой стороны экономической науки, т.-е. такой именно науки, которая ставитъ себѣ спеціальною цѣлью раскрыть именно механику если не всей общественной жизни въ полномъ объемѣ, то по крайней мѣрѣ ея хозяйственной стороны. Много писали объ отношеніи между правомъ и хозяйствомъ, между юриспруденціею и экономикою. И вопросъ объ

[1]) Geist des römischen Rechts, I. Theil, 4. Auflage, S. 25.

Digitized by Google

этомъ отношеніи рѣшался самымъ различнымъ образомъ. То, какъ это дѣлали еще меркантилисты и старые полицеисты, хозяйство всецѣло растворялось въ правѣ, вѣрнѣе, въ законодательствѣ и администраціи, и экономика отождествлялась съ юриспруденціею повелѣній. То, какъ это дѣлалъ Данквардтъ, съ его «аподиктически достовѣрною»[1]) экономическою ratio juris, или дѣлаютъ марксисты, наоборотъ, право растворяется въ хозяйствѣ, и юриспруденція, понимаемая, какъ юриспруденція соціальныхъ отношеній, отождествляется съ экономикою. То, какъ это дѣлаетъ Штаммлеръ, извлекаются изъ архива метафизики старые Аристотелевы принципы «формы» и «матеріи» и право, понимаемое, въ смыслѣ юриспруденціи справедливости, разсматривается какъ форма, а хозяйство какъ матерія соціальной жизни. Если для разрѣшенія вопроса стать на строго методологическую точку зрѣнія, то станетъ очевиднымъ, что юриспруденція — это наука соціально-этическаго типа, а экономика — наука соціально-физическаго типа. И сообразно съ этимъ эти науки относятся нерѣдко къ однимъ и тѣмъ же явленіямъ и конструируютъ свои спеціальные объекты такъ же различно, какъ этика и физика. Одно и то же явленіе пріобрѣтаетъ совершенно различное значеніе въ глазахъ юриста или экономиста, поскольку конечно каждый изъ нихъ вполнѣ отчетливо и послѣдовательно проводитъ свою точку зрѣнія. Такъ, напримѣръ, если сразу же затронуть одинъ изъ самыхъ боевыхъ вопросовъ, въ глазахъ юриста рабочій является лицомъ, т.-е. моральнымъ существомъ, отчасти связаннымъ частноправнымъ договоромъ, т.-е. особымъ моральнымъ актомъ, отчасти обладающимъ извѣстными, признанными закономъ субъективными публичными правами, отчасти, наконецъ, заявляющимъ цѣлый рядъ притязаній, выходящихъ уже за предѣлы дѣйствующаго права. Очевидно, все это — чисто моральныя представленія, основанныя на теоріи моральнаго познанія. Между тѣмъ, чистый экономистъ, не впадающій въ методологическій эклектизмъ путемъ привнесенія въ свое изслѣдованіе чужеродныхъ понятій, примѣняетъ по отношенію къ тому же самому рабочему совершенно иную теорію познанія, именно физическую. Съ точки зрѣнія этой теоріи рабочій — это не лицо, т.-е. моральное существо, имѣющее свои обязанности и обязательства, но могущее также имѣть и свои притязанія. Это просто «одушевленный инструментъ», какъ выразился еще Аристотель[2]). Это извѣстная рабочая энергія, въ родѣ

[1]) H. Dankwardt, Nationalökonomisch-civilistische Studien, Leipzig und Heidelberg, 1862, S. 8.
[2]) Этика, VIII, 13.

Digitized by Google

каменнаго угля, пара или электричества, которая вырабатываетъ извѣстное количество «лошадиныхъ силъ» или «эрговъ», механически перерабатываетъ сырыя произведенія природы въ предметы экономическаго оборота и такимъ образомъ участвуетъ въ механизмѣ выработки цѣнностей, опредѣляемыхъ на рынкѣ цѣнами. При этомъ плата за трудъ рабочаго принципіально ничѣмъ не отличается отъ расходовъ на питаніе паровой машины или доменной печи; его болѣзнь и смерть равнозначны неизбѣжному изнашиванію орудій производства; и о его духовныхъ запросахъ такъ же мало можетъ быть рѣчи, какъ о духовныхъ запросахъ поршня, ткацкаго станка или электрическаго провода. Энергія рабочаго учитывается чисто механически. И далеко не случайно то обстоятельство, что нѣкоторые естествоиспытатели пробуютъ ставить проблему экономической цѣнности въ непосредственную связь съ механическою энергетикою[1]). Конечно, нѣтъ недостатка въ экономистахъ, которые не доводятъ до конца такого механическаго взгляда, которые, болѣе того, отступаютъ даже отъ него; они вспоминаютъ, что здѣсь дѣло идетъ о живыхъ людяхъ, которыхъ едва ли можно безъ остатка дробить на извѣстное количество равнозначныхъ рабочихъ часовъ или эрговъ или же путемъ статистики сгущать въ болѣе или менѣе плотныя и однородныя массы, подобно газамъ; они иногда начинаютъ даже отстаивать тѣ или иныя притязанія рабочихъ, которыя они считаютъ справедливыми, и такимъ образомъ незамѣтно вступаютъ на чисто этическій путь не только юриспруденціи справедливости, но даже естественнаго права. Хотя все это и дѣлаетъ честь этической впечатлительности такихъ экономистовъ, это не свидѣтельствуетъ о послѣдовательности ихъ методологіи. Этика въ такихъ случаяхъ торжествуетъ не только надъ физикою, но также и надъ логикою.

Такимъ образомъ мы видимъ, что не только юриспруденція повелѣній или, тѣмъ болѣе, юриспруденція справедливости имѣетъ чисто моральный характеръ, но что таковъ же характеръ и юриспруденціи соціальныхъ отношеній. Если поэтому примѣнить къ послѣдней еще до сихъ поръ не опредѣлившееся точно понятіе соціологіи, то при этомъ никакъ нельзя разумѣть соціологію типа соціальной физики, къ которой несомнѣнно тяготѣетъ теоретическая экономика; слѣдуетъ разумѣть чисто моральную соціологію, методологія которой неизбѣжно связана съ теоріею моральнаго познанія.

---

[1]) См., напримѣръ, Die Lehre von der Energie, von Georg Helm, Leipzig, 1887, S. 72 u. f. или книгу Оствальда Energetische Grundlagen der Kulturwissenschaft (Leipzig, 1909), сводящую всю соціологію къ «экономическимъ коэффиціентамъ» въ духѣ физической энергетики.

Digitized by Google

Сообразно съ этимъ если не ко всѣмъ вообще соціальнымъ или гуманитарнымъ наукамъ можетъ быть примѣнено въ качествѣ ихъ типичнаго признака названіе наукъ моральныхъ, то къ юридическимъ наукамъ оно наиболѣе подходитъ — во всякомъ случаѣ гораздо лучше, чѣмъ тѣ названія, которыми въ нѣмецкой по большей части литературѣ послѣдняго времени стараются охарактеризовать своеобразіе гуманитарныхъ знаній, въ отличіе отъ естественнонаучныхъ. Всѣ эти названія примѣнимы къ юриспруденціи только при томъ условіи, чтобы присоединять въ качествѣ differentiae specificae понятіе моральнаго. И посему болѣе удачнымъ слѣдуетъ признать примѣненіе къ юриспруденціи стараго французскаго понятія моральныхъ наукъ.

Такъ, едва ли можно признать вполнѣ удачнымъ названіе юридическихъ наукъ «духовными» науками, науками о «духѣ», который по Гегелевой традиціи противопоставляется, въ качествѣ особой субстанціи, «природѣ», какъ иной субстанціи. Понятіе субстанціи, какъ таковой, слишкомъ легко матеріализуется. Сообразно съ этимъ и духъ, въ качествѣ спиритуалистической ипостаси, пріобрѣтаетъ какъ бы пространственный, воззрительный, пневматическій характеръ, становится даже какъ бы дѣлимымъ на однородныя части, словомъ, пріобрѣтаетъ такія свойства, которыя благопріятствуютъ примѣненію къ нему категорій чисто физическаго порядка. Кромѣ того, понятіе «духа» черезчуръ насыщено метафизическими и даже мистическими традиціями. И поэтому едва ли вообще цѣлесообразно принимать пропагандировавшееся Дильтеемъ[1]) названіе духовныхъ наукъ для обозначенія какой бы то ни было гуманитарной науки.

Равнымъ образомъ, едва ли можно признать типичнымъ для юридическихъ наукъ примѣненіе къ нимъ понятія наукъ о «цѣнностяхъ», наукъ, въ которыхъ производится «оцѣнка» явленій. Понятіе оцѣнки слишкомъ широко и универсально для этого. Какъ замѣтилъ Ницше, безъ оцѣнки орѣхъ бытія былъ бы вообще пустъ. Строго говоря, во всѣхъ вообще наукахъ производится оцѣнка явленій. Производится она и въ физикѣ. Сообразно съ этимъ и вопросъ о цѣнностяхъ можетъ быть понятъ какъ вопросъ о физическомъ или математическомъ эквивалентѣ тѣхъ или иныхъ явленій, не исключая и общественныхъ. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить та общественная наука, въ которой издавна ставится проблема цѣнности, именно экономика: она, какъ отмѣчено выше, изучаетъ образованіе хозяйственныхъ цѣнностей какъ нѣчто чисто механическое и совмѣщаетъ понятіе цѣнности съ чистѣйшимъ

[1]) Einleitung in die Geisteswissenschaften, Leipzig, 1883, S. 6 u. f.

Digitized by Google

физицизмомъ. Поэтому если уже непремѣнно желать называть юридическія науки науками о цѣнностяхъ, то никакъ нельзя обойтись безъ спеціальной оговорки, что это науки объ извѣстнаго рода моральныхъ цѣнностяхъ.

Недостаточно характерно для юридическихъ наукъ и названіе ихъ науками о цѣляхъ, въ отличіе отъ наукъ о причинахъ. Съ одной стороны вопросъ объ уголовномъ вмѣненіи представляетъ своеобразную постановку въ юриспруденціи проблемы причинности, правда, чисто моральной. Съ другой стороны понятіе цѣли вообще не свойственно исключительно гуманитарнымъ наукамъ. Безъ него не обходятся и физическія науки, не только прикладныя, но и теоретическія. Не говоря уже о технологіи, этой прикладной физической телеологіи, достаточно упомянуть о громадномъ познавательномъ значеніи телеологическаго начала при изученіи растительныхъ и животныхъ организмовъ. Весьма поучительныя замѣчанія на этотъ счетъ Кантовой «Критики силы сужденія», въ сущности, до сихъ поръ еще не были опровергнуты натуралистами, несмотря на ихъ отвращеніе къ телеологіи; такія новѣйшія ученія, какъ, напримѣръ, химіотропизмъ, рѣшаютъ затрудненіе чисто терминологическимъ образомъ и посему не опровергаютъ, а, напротивъ, скорѣе подтверждаютъ неизбѣжность телеологическаго начала для объясненія какъ нормальной, такъ и патологической жизни организмовъ.

Совсѣмъ не подходитъ къ юридическимъ наукамъ предложенное Виндельбандомъ для гуманитарно-историческихъ знаній названіе наукъ «идіографическихъ», частноописательныхъ, занятыхъ изображеніемъ не похожихъ другъ на друга индивидовъ и неповторяющихся фактовъ, въ отличіе отъ «номотетическаго» законодательствующаго естествознанія, совершенно отвлекающагося отъ отдѣльныхъ предметовъ и явленій конкретнаго міра въ сторону общихъ понятій и отвлеченныхъ законовъ. Право было идіографическимъ только на самыхъ начальныхъ ступеняхъ своего развитія, когда ни мысль, ни жизнь еще не накопили общихъ, синтетическихъ началъ и когда кодексы, подобно Русской Правдѣ, ссылались на единичные конкретные случаи, въ родѣ того, «аще ли кто кого ударитъ батогомъ», «аще утнетъ мечемъ и не вынетъ?», «аще ли утнетъ руку и отпадетъ рука либо усохнетъ». На болѣе развитыхъ ступеняхъ право уже осуждаетъ идіографію: ex his, quae forte uno aliquo casu accidere possunt, jura non constituuntur, учили уже римскіе юристы[1]). И степень совершенства

[1]) L. 4, D. 1, 3. Ср. l. 5, D. 1, 3: nam ad ea potius debet aptari jus, quae et frequenter et facile quam quae perraro eveniunt.

Digitized by Google

какъ положительнаго права, такъ и науки о немъ давно уже опредѣляется степенью ихъ абстрактности или «номотетичности». Къ тому же номотетика, буквально законодательство — это понятіе до такой степени явно юридическаго происхожденія и значенія, что было бы странно противопоставлять его юриспруденціи.

Названіе наукъ о культурѣ подходитъ къ юридическимъ наукамъ опять-таки только тогда, когда спеціально имѣть въ виду моральную культуру. Безъ этой оговорки понятіе культуры, буквально, обработки, можетъ быть распространено и на пчелъ, муравьевъ и бобровъ, существа, очевидно, живущія внѣюридическою жизнью, несмотря на могущественное дѣйствіе соціальнаго инстинкта на ихъ совмѣстную жизнь. Да и въ предѣлахъ человѣческаго міра культура, какъ таковая, можетъ и не укладываться въ рамки моральнаго жизнепониманія. Культура если и не антиморальна, то часто аморальна. Культурный фактъ — это совсѣмъ не то, что моральный актъ. Культурный прогрессъ — это не непремѣнно моральный прогрессъ: такъ, напримѣръ, при прогрессѣ научной культуры, увѣрялъ Бокль, мораль остается неподвижною; Руссо шелъ еще дальше и увѣрялъ, что мораль даже регрессируетъ[1]).

Названіе психологическихъ наукъ совсѣмъ не подходитъ къ юридическимъ наукамъ, ибо юридическій актъ — это совсѣмъ не субъективный душевный процессъ и юридическая норма — это совсѣмъ не психологическій законъ. Коллективная народная душа теорій Савиньи или Пухты или же индивидуальная душа теорій Лёнинга[2]) или Л. І. Петражицкаго могутъ объяснить психологію права, какъ можно объяснить также и психологію геометріи, но не могутъ объснить самого права, во всей его своеобразной моральной, метапсихологической реальности и объективности.

Еще менѣе подходитъ названіе наукъ о жизни, предложенное Оствальдомъ для гуманитарныхъ знаній вообще[3]) и натуралистически включающее этику въ біологію, если совсѣмъ ее не упраздняющее, или замѣняющее, какъ это и сдѣлалъ Оствальдъ, какимъ-то энергетическимъ императивомъ, физически «управляющимъ всѣми превращеніями энергіи»[4]). Чтобы стать на такую точку зрѣнія, необходимо утверждать вмѣстѣ съ Оствальдомъ, что «всякая

[1]) Si la culture des sciences est nuisible aux qualités guerrières, elle l'est encore plus aux qualités morales (Discours sur cette question: Le rétablissement des Sciences des Arts a-t-il contribué à épurer les mœurs? Seconde partie, Œuvres, édit. Firmin-Didot, I, 473).

[2]) См. Ueber Wurzel und Wesen des Rechts, von Richard Loening, Jena, 1907.

[3]) Grundriss der Naturphilosophie, Leipzig, 1908, S. 64.

[4]) См. Monistische Sonntagspredigten von Wilhelm Ostwald, Erste Reihe, S. 104.

Digitized by Google

наука вообще — это естественная наука[1])», съ чѣмъ, очевидно, ни одинъ юристъ, какъ таковой, никогда не согласится.

Словомъ, сколько ни пробовать, названіе наукъ моральныхъ болѣе всего подходитъ къ юридическимъ наукамъ. Право — это объектъ специфически моральнаго познанія. Въ этомъ состоитъ величіе юриспруденціи, какъ теоретической, такъ и практической. Но въ этомъ же и ея трагизмъ. Величіе состоитъ въ томъ, что всѣхъ людей, здоровыхъ и дегенератовъ, уравновѣшенныхъ и слабовольныхъ, она ставитъ на ноуменальную, этическую высоту моральныхъ лицъ, обладающихъ моральною волею, но также и отвѣтственныхъ предъ деонтологическимъ закономъ. Трагизмъ состоитъ въ томъ, что прогрессъ эмпирическаго изученія человѣческаго міра уже давно идетъ въ сторону не суда надъ поступками людей, а ихъ объясненія и притомъ такого, что понятіе отвѣтственности и вины вытѣсняется понятіями причины и слѣдствія; этическая подзаконность вытѣсняются психическою и физическою. Экспертиза со стороны такого именно изученія все болѣе и болѣе проникаетъ какъ въ теорію права (психологическія и соціологическія ученія), такъ и въ его практику (уголовное право). Все чаще и чаще раздаются голоса, что эксперту пора перестать быть только экспертомъ передъ судьею, а необходимо самому сѣсть на судейское кресло и судить людей по-новому. Возникающій вслѣдствіе этого трагизмъ современной юриспруденціи лишаетъ ее возможности безмятежно и безсознательно заниматься своимъ традиціоннымъ дѣломъ. Это чрезвычайно обостряетъ для нея проблему этическаго жизнепониманія и неизбѣжно поднимаетъ ее на высоту нравственной философіи со всѣми ея сомнѣніями, убѣжденіями и надеждами. Юристъ, который желаетъ остаться юристомъ, долженъ уже доказать свое право на это. А безъ нравственной философіи это никакъ не возможно. Судьба нравственной философіи — это также и судьба всей юриспруденціи. Не только нравственной философіи, какъ настаиваетъ Германъ Когенъ, полезно «оріентироваться» въ юриспруденціи, но еще болѣе юриспруденціи необходимо оріентироваться въ нравственной философіи, чтобы не сбиться со своего естественнаго пути.

IV.

Не только въ нравственной философіи, но также и въ метафизикѣ юриспруденція и юристы не могутъ не встрѣтить множества знакомыхъ проблемъ и пріемовъ разсужденія. Какъ замѣтила

[1]) Тамъ же, стран. 53.

Digitized by Google

госпожа Сталь, вполнѣ опредѣлить метафизику такъ же трудно, какъ измѣрить облако съ точностью землемѣра. Тѣмъ не менѣе Аристотелево опредѣленіе метафизики какъ ученія о бытіи, о сущемъ, какъ таковомъ, далеко не лишено мѣткости. Если бытіе, какъ таковое, представляетъ для теоріи познанія проблему почти никогда окончательно не разрѣшимую, если и для науки бытіе, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ дѣйствительнаго, объективнаго бытія, соотвѣтствующаго всѣмъ ея придирчивымъ требованіямъ, нерѣдко оказывается завершеніемъ, послѣднимъ словомъ болѣе или менѣе сложнаго изслѣдованія и построенія, постоянно подлежащаго пересмотру и провѣркѣ, то для метафизики бытіе вообще и бытіе ея спеціальныхъ объектовъ въ частности, какъ бы они ни были невѣроятны, сомнѣній не представляютъ; для нея, какъ выразился Дунсъ Скотъ, понятіе бытія есть первое ясно познаваемое понятіе. Такъ какъ бытіе, какъ таковое, неизбѣжно предполагаетъ вѣру въ него, то методологія метафизики — это методологія вѣры, въ отличіе отъ методологіи науки, т.-е. методологіи опыта и доказательства. Объекты метафизики, т.-е. буквально ученія о сверхъестественномъ, выходятъ за предѣлы естественнаго какъ въ смыслѣ фактичности, такъ и въ смыслѣ доказательности; они не могутъ быть ни доказаны, ни показаны, по крайней мѣрѣ такими путями, которые могутъ быть провѣрены всякимъ сомнѣвающимся.

Такимъ образомъ, взятый съ субъективной стороны, міръ метафизики — это міръ вѣры, взятый съ объективной стороны — это міръ бытія предметовъ, выходящихъ за предѣлы научнаго опыта. Вполнѣ ли чуждъ этому міру міръ юриспруденціи? Юристы, любящіе щеголять своимъ реализмомъ, конечно, рѣшительно отвергаютъ какъ метафизику вообще, такъ и метафизику юриспруденціи въ частности. Но при этомъ они упускаютъ изъ виду, что есть два реализма — реализмъ эмпирической, опытной науки, ничего не признающей, кромѣ факта, и реализмъ метафизики, принимающей за конкретные факты предметы своей вѣры. Они упускаютъ изъ виду, что они сами слишкомъ часто приближаются къ реализму второго типа. Они не замѣчаютъ, что ихъ реализмъ весьма часто напоминаетъ «реализмъ» тѣхъ схоластическихъ метафизиковъ средневѣковья, которые, въ отличіе отъ номиналистовъ, признавали за универсаліями, за отвлеченными понятіями реальное, конкретное бытіе, то, что по-нѣмецки такъ хорошо передается словомъ Dasein. Міръ права — это совсѣмъ особый міръ, какъ бы надстраиваемый юриспруденціею надъ эмпирическою дѣйствительностью, при чемъ она очень широко пользуется не только предпосылками нравственнаго жизнепониманія, которыя, при

Digitized by Google

непремѣнномъ желаніи, можно признать всецѣло метафизическими, но и цѣлымъ рядомъ презумпцій, конструкцій и фикцій весьма далекихъ отъ эмпирической дѣйствительности. Не говоря уже о понятіи такъ называемаго юридическаго или, какъ предпочитаютъ выражаться французы, моральнаго, т.-е. коллективнаго лица, являющаго въ глазахъ юристовъ, пользуясь выраженіемъ схоластиковъ не unitatem compositionis, a unitatem essentiae, т.-е. нѣчто чисто метафизическое[1]), даже понятіе такъ называемаго физическаго, т.-е. индивидуальнаго лица вообще является чѣмъ-то надъ эмпирическимъ, является особымъ метафизическимъ придаткомъ къ эмпирическому человѣку; это понятіе является какъ бы метафизическою маскою, личиною, надѣваемою на людей юриспруденціею и судомъ — подобно той маскѣ съ очень широкимъ ртомъ, повидимому, этрусскаго происхожденія, которую носили римскіе актеры и которая называлась persona[2]) — откуда впослѣдствіи и было заимствовано это понятіе юриспруденціею.

Юридическое рожденіе человѣка — это не то же самое, что его физическое рожденіе, и «натуральныя» дѣти — это еще не непремѣнно законныя дѣти. Юридическая жизнь лица, юридическая его смерть — это опять-таки совсѣмъ особыя событія. Событія эти создаются особыми актами, сообщающими данному человѣку, кромѣ эмпирическаго бытія, еще особый метафизическій характеръ или квази-характеръ, въ родѣ «ноуменальнаго характера» человѣка въ Кантовой нравственной философіи или того character indelebilis, который, по ученію богословской метафизики, сообщаетъ эмпирическимъ людямъ совершеніе надъ ними особыхъ мистическихъ актовъ, именно таинствъ[3]). Юридическая воля субъекта права совсѣмъ не совпадаетъ съ эмпирическою волею конкретныхъ

---

[1]) На эту сторону дѣла въ послѣднее время обратилъ вниманіе парижскій адвокатъ Клюнэ, пустившійся по поводу ассоціацій въ длинный экскурсъ о номиналистахъ и реалистахъ. См. книгу Les associations au point de vue historique et juridique, par Édouard Clunet, Paris, 1909. Мотивируетъ онъ это такимъ образомъ: Notre âge de méthode expérimentale et de science positive entend à nouveau les discussions qui, sans cesse reprises et renouvellées au cours des générations, ne seront probablement jamais épuisées. Des qu'on touche à la notion de groupement, elles ressuscitent, et l'on voit se dresser le problème du réalisme ou du nominalisme social... Dans les débats sur la nature juridique de la personne morale, les «doctrinalistes élèvent contre les «légalistes» et les «réalistes» les mêmes reproches que les Thomistes adressaient aux Scottistes, au XIII siécle. C'est le différend des Réaux et des Nominaux qui renaît tel qu'il passionna la Scolastique (p. 339—341).

[2]) См. Vorcellini, Totius latinitatis lexicon, III, 1833, p. 365: Persona... larva histrionalis, h. e. ficticia facies.

[3]) Character... hoc est, signum quoddam spirituale et indelebile, какъ опредѣлилъ тридентскій соборъ. См. статью Character und Quasicharacter на стран. 65 и слѣд. третьяго тома второго изданія Kirchenlexikon von Wetzer und Welte.

Digitized by Google

людей, подобно тому какъ и воля законодателя, какъ это признаютъ даже многіе юристы, далеко не всегда отождествляется съ подлинною волею автора, редактора или издателя того или иного кодекса, съ волею носителя суверенной власти, санкціонировавшаго этотъ кодексъ. Если Бастіа и преувеличивалъ, называя государство вообще «большою фикціею»[1]), то нельзя не усмотрѣть фикціи въ томъ государствѣ-субъектѣ съ особою волею, которое такъ часто конструируется въ государственномъ правѣ — совершенно вопреки реальной дѣйствительности, какъ это не безъ убѣдительности доказываютъ Коркуновъ, Гумпловичъ, Линггъ, Дюги и другіе. Сидней Лоу объявляетъ даже понятіе короны въ англійскомъ государственномъ правѣ чисто метафизическимъ понятіемъ; и по аналогіи съ физическою гипотезою эѳира онъ говоритъ о юридической гипотезѣ короны. Дюги увѣряетъ, что и понятіе публичной власти совсѣмъ не соотвѣтствуетъ реальной дѣйствительности. Словомъ, вся работа юридической мысли совершается въ какомъ-то особомъ надъ эмпирическомъ мірѣ. И, какъ учили юристы XVII вѣка, юридическія отношенія — это отношенія между особыми надъ эмпирическими «моральными существами», имѣющія мѣсто даже въ какомъ-то особомъ «моральномъ пространствѣ»[2]). Даже такіе позитивно настроенные юристы и враги метафизики, какъ Салейль[3]), принуждены признать: en droit, il n'y a pas de réalités naturelles proprement dites[4]).

Къ такимъ свойствамъ того своеобразнаго матеріала, которымъ оперируетъ юриспруденція, присоединяются еще такія особенности юридической мысли, которыя тоже весьма близки къ метафизикѣ. Это именно ея пластичность, ея любовь къ конструкціи, даже къ фантазіи, переносящая ее изъ узкаго міра эмпирически дѣйствительнаго въ огромный[5]) міръ метафизически возможнаго, гдѣ, вопреки придирчивымъ требованіямъ научнаго въ тѣсномъ смыслѣ опыта, дѣйствуетъ правило a posse ad esse valet consequentia. Метафизика здѣсь сближается даже съ поэзіею. Это хорошо понималъ Яковъ Гриммъ, извѣстная статья котораго о поэзіи въ правѣ вплела, какъ выразился Уландъ, золотую нить поэзіи

[1]) L'État; Œuvres complètes, IV, 1854, p. 332.

[2]) См. объ этомъ на стран. 358 и слѣд. перваго тома изслѣдованія автора настоящаго этюда «Проблема соціальной фивики въ XVII столѣтіи» (1910).

[3]) Какъ и Мишу (La théorie de la personnalité morale et son application au droit français, Paris, 1906—9, II, 503), онъ не хочетъ видѣть никакой метафизики въ проблемѣ юридическаго лица: la métaphysique n'a rien à voir avec le droit (Raymond Saleilles, De la personnalité juridique, Paris, 1910, p. 621).

[4]) На той же самой страницѣ.

[5]) Le réel est étroit, le possible est immense (Lamartine, Méditations, I, 2).

Digitized by Google

въ юриспруденцію. Это понималъ до Гримма Вико, назвавшій все древнѣйшее римское право поэмою — poema quoddam[1]). Это понималъ Мишле, назвавшій Папиніана Гомеромъ юридической поэзіи[2]) и говорившій о символикѣ права, какъ объ особой наукѣ[3]). Это понимаютъ также и иные ученые юристы. Такъ, напримѣръ, не кто иной, какъ Дернбургъ, видѣлъ въ фантазіи послѣднее основаніе юриспруденціи и даже законодательства[4]). Въ такомъ же духѣ высказывался и Унгеръ: «языкъ права олицетворяетъ», писалъ онъ[5]), «какъ поэзія, такъ и фантазія играютъ роль въ правѣ... одною логикою юриспруденція не можетъ жить»[6]). Между тѣмъ, какъ Дернбургъ склоненъ былъ приписывать отчужденіе новѣйшаго правовѣдѣнія отъ народа тому, что оно обѣднѣло фантазіею, Тецнеръ, напротивъ, не безъ основанія видитъ причину этого отчужденія въ чрезмѣрномъ обиліи ученой фантазіи[7]) у этого правовѣдѣнія съ его слишкомъ замысловатыми конструкціями въ мірѣ юридически возможнаго, хотя и недѣйствительнаго эмпирически. И онъ несомнѣнно правъ. Гдѣ научная юриспруденція, тамъ и конструкція. И чѣмъ выше научная юриспруденція, тѣмъ больше ее шокируетъ inelegantia juris, тѣмъ смѣлѣе и замысловатѣе ея конструкціи, производимыя ею въ мірѣ мыслимыхъ возможностей, весьма далекихъ отъ непосредственной эмпиріи. Настоящаго юриста, смѣло пускающагося въ область «высшей», какъ выразился Іерингъ, юриспруденціи, не могутъ остановить совѣты Монтескье держаться реальности и не увлекаться «фигурами»[8]): путемъ конструктивной фантазіи онъ выходитъ далеко за предѣлы реальной дѣйствительности и создаетъ въ мірѣ юридически возможнаго не только фигуры, но даже тѣла, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ училъ Іерингъ. Какъ Пигмаліонъ, онъ одушевляетъ свои собственныя созданія. Онъ видитъ юридическія «тѣла» и изучаетъ ихъ какъ

---

[1]) Opera, III, 147.

[2]) См. Origines du droit français (XV томъ полнаго собранія сочиненій), стран. 77: Puissante poésie logique, dont l'Homère est Papinien.

[3]) Тамъ же, стран. 5: Une science nouvelle, indiquée par Vico, est devenue possible: la Symbolique du droit.

[4]) См. H. Dernburg, Die Phantasie im Rechte, 2 Auflage, Berlin, 1894, S. 9: Die Phantasie ist letzlich der Grund alles Rechtes, sie ist das belebende Element, durch welches es besteht. S. 39: Ohne Anschauung und Phantasie können Gesetzgebung und Wissenschaft ihre Ziele nicht erreichen.

[5]) См. Mosaik von Joseph Unger, Leipzig, 1911, S. 74.

[6]) Тамъ же, стран. 120.

[7]) F. Tezner, Betrachtungen über Kelsens Lehre vom Rechtssatz (Archiv des öffentlichen Rechts, Band 28). На стран. 339: ...so macht es den Eindruck, als ob der Fortschritt von Recht und Rechtswissenschaft nicht mittels der formalen Logik, sondern mittels schöpferischer Phantasie gewonnen wurde.

[8]) Esprit des lois, Livre XXIX, Chap. 16: Je dis que dans les lois il faut raisonner de la réalité à la réalité, et non pas de la réalité à la figure, ou de la figure à la réalité.

Digitized by Google

явленія: очень поучительны въ этомъ отношеніи разсужденія Іеринга о «феноменахъ въ жизни тѣлъ»[1]). Такой юридическій визіонизмъ сближаетъ юриспруденцію не только съ метафизикою, но даже съ мистикою. А между тѣмъ его исповѣдуетъ не юристъ-метафизикъ, увлекающійся естественнымъ правомъ, которое, пользуясь однимъ сравненіемъ Гирке[2]), бродитъ вокругъ положительнаго права, какъ вампиръ, т.-е. существо изъ какого-то сверхъестественнаго міра. Его исповѣдуетъ врагъ естественнаго права, реалистъ и позитивистъ въ юриспруденціи.

Такимъ образомъ юриспруденціи далеко не чужды вопросы метафизики. Если этого не сознаютъ юристы, принципіально или фактически стоящіе въ сторонѣ отъ философіи, то тѣмъ настойчивѣе твердятъ объ этомъ юристы съ философскимъ разумѣніемъ. Doctor utriusque juris Лейбницъ писалъ: doctrina juris ex earum numero est, quae non ab experimentis... nec a sensuum... demonstrationibus pendent et sunt, ut ita dicam, juris, non facti[3]). У насъ Б. Н. Чичеринъ не безъ убѣдительности доказывалъ, что безъ метафизики никакъ нельзя войти въ сущность права или государства и связанныхъ съ ними юридическихъ проблемъ. Подобно тому, какъ юриспруденціи неизбѣжно приходится вести всю свою работу не in genere naturae, a in genere morum и сообразно съ этимъ участвовать вмѣстѣ съ нравственною философіею въ выработкѣ нравственнаго жизнепониманія, ей неизбѣжно приходится заниматься метафизическими вопросами. И, значитъ, вторая изъ отмѣченныхъ выше проблемъ философіи, именно метафизическая, постоянно, хотя по большей части незамѣтно, рѣшается также и юристами.

V.

Остается третья и послѣдняя проблема, именно, проблема теоріи познанія. Казалось бы — и авторъ настоящаго этюда нѣкоторое время тоже раздѣлялъ тотъ взглядъ[4]), — что эта проблема съ ея безконечною и почти безнадежною діалектикою познающаго субъекта и познаваемаго объекта, съ ея почти смѣшными сомнѣніями и недоумѣніями относительно реальной дѣйствительности, чрезвычайно далека отъ юриспруденціи съ ея трезвымъ реализмомъ и надежнымъ опытомъ. Однако уже изъ сказаннаго выше легко

[1]) Geist des römischen Rechts, II. Theil, II. Abtheilung, 4. Auflage, S. 368.
[2]) Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien, 2. Ausgabe, Breslau, 1902, S. 366.
[3]) См. Mittheilungen aus Leibnizens ungedruckten Shcriften, von Georg Mollat, Leipzig, 1893, S. 21.
[4]) Въ первомъ выпускѣ «Очерковъ по философіи общественныхъ наукъ».

Digitized by Google

заключить, что юриспруденція, въ сущности, непрерывно рѣшаетъ вопросы теоріи познанія, но рѣшаетъ безсознательно и далеко не всегда удачно, и что поэтому ясная и опредѣленная теорія познанія вообще и теорія юридическаго познанія въ частности является для нея насущнѣйшею необходимостью.

Главный вопросъ теоріи юридическаго познанія — это вопросъ о реальности того спеціальнаго міра, съ которымъ имѣетъ дѣло юриспруденція. Относительно этого вопроса большинство юристовъ могло бы повторить то, что сказалъ бл. Августинъ относительно вопроса, что такое время: si nemo ex me quaerat, scio; si quaerenti explicare velim, nescio. Юристамъ кажется, что они знаютъ, съ какою реальностью они имѣютъ дѣло, только до тѣхъ поръ, пока ихъ объ этомъ не спросятъ. Если же ихъ спросить, то имъ уже приходится или самимъ спрашивать и недоумѣвать, или же по необходимости рѣшать одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ теоріи познанія. Они его часто и рѣшаютъ, но рѣшаютъ по большей части въ совершенно неподходящей формѣ такъ называемаго наивнаго реализма. Если такой реализмъ, при его философскомъ испытаніи, подвергается почти полному упраздненію даже по отношенію къ физическому познанію съ его все-таки весьма конкретнымъ и осязаемымъ матеріаломъ, то что же сказать о совершенно неосязаемомъ матеріалѣ правъ и обязанностей или юридическихъ институтовъ? Какъ найти или установить реальность юридическаго міра? Безъ привлеченія теоріи познанія этихъ вопросовъ юристу не рѣшить. А безъ ихъ рѣшенія онъ легко можетъ запутаться и еще поддаться гипнозу такихъ теорій, которыя могутъ посягать даже на неприкосновенность юриспруденціи.

Большой интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ психологическая теорія права, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ она исповѣдуется Л. І. Петражицкимъ. Съ одной стороны, она гипнотизируетъ многихъ юристовъ, гипнотизируетъ какъ личною убѣжденностью ея автора, такъ и своею логическою послѣдовательностью[1]). Съ другой стороны, она, несомнѣнно, сдвигаетъ юриспруденцію съ ея, быть можетъ, и искусственной, но зато прочной позиціи и толкаетъ ее на совершенно чуждый ей путь. И поэтому юристъ, желающій остаться юристомъ и только юристомъ и не желающій стать, такъ сказать, Самсономъ юриспруденціи,

[1]) Этимъ она существенно отличается отъ болѣе эклектическихъ и не доведенныхъ до конца экскурсовъ другихъ юристовъ въ область психологіи. Ср., напримѣръ, нисколько не колеблющія традиціонной юриспруденціи утвержденія Лёнинга, что все право — это не болѣе какъ «внутреннія душевныя образованія», сводимыя къ «процессамъ чувства» (Ueber Wurzel und Wesen des Rechts, Jena, 1907, S. 20 и 26).

Digitized by Google

превращающимъ ея зданіе въ развалины и погребающимъ самого себя подъ ними, не можетъ не протестовать противъ этой теоріи. Но этотъ протестъ можетъ разбиться о гипнотизирующую силу этой теоріи, если не подняться на философскую высоту теоріи познанія и, въ частности, вопроса о томъ, что такое реальность вообще. Въ этомъ именно вопросѣ и обнаруживается, какъ намъ кажется, основная ошибка психологической теоріи права. И съ этого именно пункта надлежитъ начинать ея критику[1]). Кто не замѣчаетъ этой первой ошибки, кто безъ критики принимаетъ предпосылки гносеологіи Л. І. Петражицкаго, тому только и остается, что покорно слѣдовать за его вполнѣ послѣдовательною логикою и, значитъ, принимать всѣ его выводы или же ограничиться критикою мелочей, деталей, нисколько не колеблющею самой теоріи, какъ таковой.

Въ самомъ дѣлѣ, если стать на точку зрѣнія теоріи познанія Л. І. Петражицкаго и признать, какъ это онъ, повидимому, дѣлаетъ, только два типа реальности — чувственныхъ предметовъ, которые можно видѣть, осязать и т. д. съ одной стороны и душевныхъ состояній съ другой, — то, очевидно, юристу придется выбирать между вѣрою въ чувственное бытіе правъ и обязанностей или признаніемъ всякихъ юридическихъ отношеній субъективными «переживаніями» отдѣльныхъ людей. Въ пользу перваго рѣшенія высказались древніе стоики, считавшіе чувственными предметами добродѣтель, добро, обязанность и т. п.[2]): placet nostris quod bonum est corpus esse, писалъ, напримѣръ Сенека[3]), повидимому, какъ бы самъ удивляясь такому странному утвержденію школы, къ которой онъ, тѣмъ не менѣе, принадлежалъ. Въ пользу второго рѣшенія высказывается Л. І. Петражицкій. Очевидно, что если уже выбирать только между этими двумя типами реальности, то правильнѣе стать на вторую точку зрѣнія. И, значитъ, приходится признать всѣ юридическія нормы и отношенія не болѣе какъ субъективными психическими «переживаніями» отдѣльныхъ людей. А всякаго рода попытки объективаціи этихъ переживаній приходится осудить какъ фантазмъ, какъ метафизическую проэкцію во внѣшнемъ, т.-е. чувственномъ мірѣ, міръ плотныхъ, осязаемыхъ и т. п. предметовъ.

---

[1]) Аналогичная критика психологической теоріи права въ связи съ вопросомъ о реальности права дана въ статьѣ Б. А. Кистяковскаго. Реальность объективнаго права. «Логосъ» Международный ежегодникъ по философіи культуры. Русское изданіе. Москва, 1910. Кн. II.

[2]) См. Stoicorum veterum fragmenta, collegit I. ab Arnim, volumen III, Lipsiae, 1903, p. 20 etc.

[3]) Epistola 117.

Digitized by Google

Далѣе, если признать правовыя отношенія только психическими состояніями, то совершенная теорія права можетъ и должна быть только совершенною теоріею этихъ состояній. Такая же теорія возможна только тогда, если разложить всѣ эти состоянія на ихъ простѣйшіе составные элементы, представляющіе, такъ сказать, алфавитъ или клавіатуру души. Такимъ образомъ, Л. І. Петражицкій вполнѣ логически возвращается къ той самой проблемѣ, которую пытался рѣшить Спиноза въ третьей части своей «Этики». Какъ Спиноза разлагалъ душевныя состоянія на «аффекты», такъ Л. І. Петражицкій разлагаетъ ихъ на «эмоціи»; при этомъ онъ старается перечислить и опредѣлить эмоціи съ такимъ же педантизмомъ, съ какимъ это дѣлалъ Спиноза по отношенію къ аффектамъ. Сообразно съ этимъ, теорія права, повидимому, совершенно безупречно логически сводится къ теоріи психическихъ эмоцій. И феноменологія правовыхъ «явленій» всецѣло сливается съ феноменологіею договоровъ съ чертями и домовыми или съ феноменологіею голода-аппетита и будительно-вставательной эмоціи.

Юристъ, желающій быть и остаться таковымъ, повторяемъ, никакъ не можетъ согласиться съ такими выводами. Но чтобы ихъ опровергнуть, безусловно необходимо взойти къ основному методологическому недоразумѣнію психологической теоріи права. А для этого необходимо подняться на высоту теоріи познанія и поставить чисто философскій вопросъ о томъ, что такое реальность вообще и какъ относится та реальность, которая признается или создается наукою, къ той реальности, которую мы называемъ эмпирическою дѣйствительностью.

Только тогда съ очевидностью обнаруживается вся односторонность ученія Л. І. Петражицкаго. Его теорія познанія, состоящая, какъ отмѣчено выше, повидимому, въ томъ, что есть только двѣ реальности — чувственныхъ предметовъ и душевныхъ состояній, — при свѣтѣ философіи оказывается, съ одной стороны, слишкомъ широкою, съ другой — слишкомъ узкою. Она слишкомъ широка, потому что она безъ должной критики признаетъ непосредственную реальность того, что философская теорія познанія и даже физическія науки считаютъ въ извѣстномъ смыслѣ проблематическимъ и, во всякомъ случаѣ, результатомъ весьма сложной конструкціи, именно непосредственную реальность физическихъ предметовъ. Съ другой стороны, она слишкомъ узка, ибо она упускаетъ изъ виду цѣлый рядъ реальностей весьма въ иныхъ случаяхъ солидной достовѣрности. Такова хотя бы реальность логическихъ истинъ. Онѣ достовѣрны не только субъективно, психологически, но также и объективно и притомъ съ

Digitized by Google

такою универсальностью, что онѣ объединяютъ и физическій, и психическій, и моральный міры. Болѣе того, онѣ дѣйствительны даже для міра метафизики: правила силлогизма примѣнимы къ безплотнымъ духамъ, кентаврамъ, химерамъ не менѣе, чѣмъ къ смертному Гаю или къ анонимнымъ буквамъ научной символики. Такова реальность геометрическихъ истинъ, которыя, какъ и логическія истины, трансцендентальны, что для теоріи познанія является наилучшею рекомендаціею реальности. Какъ это замѣтилъ уже Платонъ, и какъ это было очень широко использовано наукою и философіею XVII вѣка, геометрическія истины обладаютъ удивительнымъ свойствомъ: съ одной стороны, онѣ какъ бы сами собою раскрываются въ сознаніи людей и притомъ въ совершенно одинаковой формѣ, такъ что этимъ какъ нельзя лучше преодолѣваются всякія утвержденія въ Протагоровскомъ вкусѣ о безнадежномъ субъективизмѣ индивидуальнаго сознанія; съ другой стороны, онѣ обязательны и дѣйствительны также и для чувственнаго міра, представляющаго, какъ выразился Галилей, книгу, написанную треугольниками, квадратами, кругами, шарами и прочими геометрическими фигурами и тѣлами. Далѣе, такова реальность историческихъ истинъ, являющихъ при посредствѣ всякаго рода памятниковъ и документовъ, phaenomena bene fundata, выражаясь словами Лейбница. Какъ замѣтили Ланглуа и Сеньобосъ, «мы не видимъ въ исторіи ничего реальнаго, кромѣ исписанной бумаги»[1]). И тѣмъ не менѣе, изъ того, что сообщается на этой бумагѣ, историческая наука устанавливаетъ реальность прошлаго, реальность, не укладывающуюся въ теорію познанія Л. І. Петражицкаго, вообще, повидимому, не дорожащаго исторіею и тѣсно связанною съ нею юриспруденціею соціальныхъ отношеній. Какъ ни сомнѣваться въ частностяхъ исторической реальности, отвергать ее цѣликомъ никакъ нельзя. Никто, конечно, не принялъ въ серьезъ попытки одного шутника (I. B. Pérés) доказать, что вся исторія Наполеона — это миѳъ, напоминающій легенды объ Аполлонѣ. Равнымъ образомъ, никто не согласится съ Оствальдомъ, называющимъ исторію «бумажною наукою» и посему отвергающимъ ее[2]).

Какова же реальность юридическаго міра? Чтобы отвѣтить какъ можно проще на этотъ вопросъ, необходимо уяснить, въ какомъ смыслѣ реальны нормы положительнаго права, учрежденія, ихъ примѣняющія и, наконецъ, тѣ или иные юридическіе акты. Очевидно, реальность всего этого — это совсѣмъ не реальность

---

[1]) Introduction aux études historiques, Paris, 1898, p. 185

[2]) См. его статью Naturwissenschaft und Papierwissenschaft въ сборникѣ Monistische Sonntagspredigten (Erste Reihe, S. 49 u. f.).

Digitized by Google

предметовъ видимаго міра или душевныхъ состояній. Но это еще вовсе не значитъ, что это — только фантазмы. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли найдется юристъ, теоретикъ или, тѣмъ болѣе, практикъ, который серіозно отрицалъ бы реальность и притомъ не бытовую, а юридическую, хотя бы нашей высшей судебной инстанціи, именно, Правительствующаго Сената. Но при этомъ, очевидно, имѣется въ виду не зданіе на Сенатской площади и не эмоціи засѣдающихъ въ немъ лицъ, а учрежденіе, функціонирующее по опредѣленнымъ нормамъ въ моральномъ мірѣ судебныхъ притязаній. Реальность права собственности, закрѣпленной за даннымъ лицомъ, какъ выразился Кантъ, не феноменальна (possessio phaenomenon), а ноуменальна (possessio noumenon); но это, разумѣется, не субъективное переживаніе той или иной души, а совершенно конкретное примѣненіе къ данному случаю института собственности, точно опредѣленнаго дѣйствующимъ закономъ. Реальность правовой нормы состоитъ въ томъ, что она дѣйствуетъ, т.-е., что она примѣняется судомъ или иными органами примѣненія права. Сообразно съ этимъ спорные вопросы объективнаго права, напримѣръ, вопросъ о парламентаризмѣ, какъ юридическомъ институтѣ, слѣдуетъ ставить не психологически, какъ вопросъ о томъ, переживаетъ ли юридическую природу парламентаризма субъективная психика тѣхъ или иныхъ лицъ, а строго юридически, дѣйствуетъ ли парламентаризмъ какъ норма объективнаго публичнаго права, хотя бы пока только какъ норма обычнаго государственнаго права или же только какъ lex imperfecta. Словомъ, главный моментъ въ реальности всего юридическаго — это то, что оно дѣйствуетъ, дѣйствуетъ не въ смыслѣ wirken, а въ смыслѣ gelten. И сообразно съ этимъ дѣйствительность юридическаго міра — не физическая и не психическая, а моральная. Для теоріи познанія такая дѣйствительность, дѣйствительность того, что такъ хорошо передаетъ нѣмецкое выраженіе das Geltende, является однимъ изъ самыхъ надежныхъ типовъ реальности: такова именно реальность логическихъ и математическихъ истинъ. Такова же и реальность нравственныхъ истинъ. Но въ отличіе отъ нравственности въ тѣсномъ смыслѣ, міръ права познается путемъ совершенно осязаемыхъ внѣшнихъ признаковъ, сообщающихъ юридическому опыту весьма конкретный характеръ. Такъ, у нормъ положительнаго права есть вполнѣ осязаемые документальные источники. Наличность большинства юридическихъ актовъ и фактовъ опять-таки устанавливается путемъ документовъ, показаній свидѣтелей и т. п. Словомъ, все, что дѣйствуетъ въ правовомъ мірѣ и все, что въ немъ совершается, хотя и имѣетъ чисто

Digitized by Google

моральный характеръ, но подтверждается данными, весьма конкретными, все же показывающими, что юридическій опытъ — это совсѣмъ не психологическая «интроспекція» и вообще не психологическій опытъ. Какъ историкъ изъ эмпирическаго матеріала печатной или писаной бумаги заключаетъ объ объективности тѣхъ или иныхъ событій прошлаго, такъ и юристъ изъ такого же матеріала заключаетъ объ объективности той или иной нормы, той или иной сдѣлки, того или иного преступнаго дѣянія. Юридическій опытъ не менѣе надеженъ, чѣмъ историческій. Во многихъ случаяхъ онъ даже достовѣрнѣе. И, какъ отмѣчено выше, это нерѣдко сознаютъ и историки, широко пользующіеся этимъ опытомъ для своихъ спеціальныхъ цѣлей.

Такимъ образомъ, пока юристъ не выходитъ за предѣлы дѣйствующаго права и соотвѣтствующихъ ему или нарушающихъ его юридическихъ отношеній, актовъ или фактовъ, онъ имѣетъ дѣло съ реальностью совсѣмъ не психологическаго типа. То же самое происходитъ и тогда, когда юристъ или философъ права такъ или иначе ставитъ проблему «естественнаго» права: одна изъ главныхъ тенденцій такого права состоитъ въ томъ, чтобы преодолѣть субъективизмъ не только отдѣльныхъ лицъ, но цѣлыхъ народовъ и историческихъ эпохъ, и поднять дѣйственность, нормативную дѣйствительность права на трансцендентальную высоту вѣчной объективности, неизмѣнной дѣйственности, подобно дѣйственности логическихъ или математическихъ истинъ. Можно, конечно, различно относиться къ такой тенденціи. Но нельзя и въ ней не усмотрѣть такой теоріи познанія, которая весьма далека отъ гносеологическаго психологизма.

Не только гносеологическій психологизмъ, но еще и гносеологическій физицизмъ угрожаетъ юриспруденціи, какъ таковой, и побуждаетъ каждаго юриста по необходимости заняться если не теоріею познанія въ полномъ объемѣ, то, по крайней мѣрѣ, спеціальною теоріею юридическаго познанія, какъ составною частью болѣе общей теоріи моральнаго въ широкомъ смыслѣ познанія. По поводу каждаго преступленія судьѣ приходится, въ сущности, рѣшать чисто гносеологическую проблему, именно выбирать между теоріею моральнаго и физическаго познанія, т.-е. между свободною волею, вмѣненіемъ, отвѣтственностью или наслѣдственностью, дегенераціею и т. п. причинами явленій, именуемыхъ на языкѣ права преступными дѣяніями. При этомъ приходится рѣшать труднѣйшіе вопросы въ родѣ вопроса о свободной волѣ, въ сравненіи съ которымъ, какъ совершенно справедливо замѣтилъ Кантъ, понятіе трилліона представляетъ сущій

Digitized by Google

пустякъ. Приходится рѣшать проблемы «величайшей», какъ выразился Платонъ (Республика, 505А), но также и труднѣйшей науки, именно этики въ широкомъ смыслѣ. Вопросъ о такой наукѣ всегда занималъ умы философовъ и, въ концѣ-концовъ, именно она всегда считалась вершиною всѣхъ прочихъ знаній. Вся разница только въ томъ, что до XVII вѣка, до появленія механическаго міровоззрѣнія, философская мысль шла отъ этики, съ ея, казалось, совершенно безспорными понятіями, къ психологіи и физикѣ, допуская послѣднія только въ предѣлахъ, тернимыхъ тогдашнею этикою, да и въ этихъ предѣлахъ окрашивая ихъ представленіями моральнаго міровоззрѣнія. Начиная же съ XVII вѣка, приходится итти уже въ обратномъ порядкѣ и, принявъ всѣ данныя физическихъ знаній, отчасти отстаивать этику, отчасти, какъ хотѣлъ уже Декартъ, увѣнчивать ихъ ею. Величайшіе философскіе геніи отдавали свои лучшія силы этой задачѣ. И вотъ юристы тоже участвуютъ въ этой задачѣ и не могутъ не участвовать, ибо ихъ теорія познанія — это теорія моральнаго познанія.

Но для того, чтобы успѣшно участвовать въ этомъ дѣлѣ, имъ необходимо точнѣе сознавать свою гносеологію. Иначе они рискуютъ запутаться, особенно, когда они вступаютъ на новые пути. Такъ, напримѣръ, однимъ изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ новой французской теоріи «солидарности» является невыясненность ея гносеологическихъ основъ. Теорія эта осуждаетъ юриспруденцію повелѣній со всею ея идеологіею и стремится замѣнить ее отчасти юриспруденціею справедливости, отчасти же юриспруденціею соціальныхъ отношеній. Эта сама по себѣ совершенно ясная тенденція, для которой найденъ и чрезвычайно удачный синтетическій принципъ, осложняется, однако, цѣлымъ рядомъ неясностей, которыхъ не было бы, если бы была спеціально разработана гносеологія проблемы. Во-первыхъ, солидарность людей, какъ соціологическій фактъ, недостаточно отдѣляется отъ солидарности, какъ моральнаго постулата. Онтологія эклектически смѣшивается съ деонтологіею, юриспруденція справедливости съ юриспруденціею соціальныхъ отношеній. Во-вторыхъ, моральная онтологія смѣшивается еще съ психическою и даже физическою. И посему солидарность въ соціальныхъ отношеніяхъ между людьми растягивается до солидарности всей твари. Наконецъ, въ-третьихъ, при переходѣ къ практическимъ выводамъ весь этотъ размахъ метафизическаго монизма нерѣдко совершенно исчезаетъ. И наиболѣе тишичные солидаристы ограничиваются распространительнымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ статей гражданскаго кодекса — въ предѣлахъ столь характерной для французскаго правовѣдѣнія

Digitized by Google

юриспруденціи повелѣній[1]). Слишкомъ много метафизики и слишкомъ мало чисто юридическихъ результатовъ.

Какъ теорія солидарности, такъ и цѣлый рядъ другихъ новыхъ теорій стремятся изгнать изъ юриспруденціи все фиктивное, все гипотетическое, все конструктивное. А между тѣмъ, мы видѣли, что конструктивныхъ элементовъ въ юриспруденціи чрезвычайно много и что это сближаетъ ее даже съ метафизикою. Эти два обстоятельства опять-таки ставятъ каждаго сознательнаго юриста въ необходимость заняться чисто гносеологическимъ вопросомъ, объ отношеніи между субъектомъ и объектомъ въ познаніи, объ участіи нашего ума въ созданіи той реальности, которая только и можетъ удовлетворить науку. Ставши на путь этого вопроса, юристъ сразу попадаетъ межъ двухъ огней. Съ одной стороны, психологическая и экономическая теорія отвергаютъ самостоятельную, объективную цѣнность юридическихъ построеній и сводятъ ихъ или къ проекціямъ и фантазмамъ индивидуальной психики или къ идеологіи механическаго соотношенія общественныхъ силъ. Съ другой стороны, все чаще и чаще раздаются голоса, что конструктивные и притомъ не только гипотетическіе, но даже и фиктивные элементы играютъ неизбѣжную и даже преобладающую роль въ созданіи объективныхъ истинъ во всѣхъ наукахъ, даже наиболѣе точныхъ и конкретныхъ. Относительно гипотезъ особенно типична книга покойнаго математика Пуанкаре «La science et l'hypothèse» (Paris, 1902), усматривающая гипотетическіе элементы даже въ математическихъ аксіомахъ. Относительно фикцій особенно типична книга Файгингера «Die Philosophie des Als ob» (Berlin, 1911). Авторъ идетъ гораздо дальше, чѣмъ Пуанкаре. Онъ утверждаетъ, что не только гипотеза, т.-е. предположеніе, которое если не фактически, то принципіально должно подтверждаться на опытѣ, но даже фикція, т.-е. предположеніе, завѣдомо никогда не могущее подтвердиться на опытѣ, завѣдомо невѣрное, играетъ громадную роль во всѣхъ наукахъ, не исключая даже математическихъ. Для юриста, дорожащаго своими конструкціями гипотетическаго, а нерѣдко и совершенно фиктивнаго характера, путь Пуанкаре и Файгингера представится, вѣроятно, болѣе подходящимъ. Но этотъ путь опасенъ: послѣднее его слово — это прагматизмъ съ его тенденціею сводить всякую истину къ тѣмъ или инымъ теоретическимъ или практическимъ

---

[1]) Очень поучительны въ этомъ отношеніи пренія, происходившія по этому поводу въ 1903 году во французской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ (см. Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques, Septembre-Octobre, 1903, p. 305 etc.).

Digitized by Google

потребностямъ, иногда просто удобствамъ тѣхъ или иныхъ людей и такимъ образомъ совершенно упразднять объективную науку. Такъ далеко ни одинъ юристъ конечно не пожелаетъ пойти. Онъ будетъ искать такой путь, который бы ему позволилъ, въ цѣляхъ созданія совершенно объективной юриспруденціи, совмѣстить упомянутый выше прочный юридическій опытъ съ неизбѣжными въ области юридической метэмпиріи конструкціями. А это такая задача, которую едва ли можно рѣшить, не поднимаясь на философскую высоту теоріи познанія.

VI.

Такимъ образомъ, всѣ три области философіи — этика, метафизика и гносеологія — тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ юриспруденціею. Какъ сатана объявляетъ у Данте

Tu non pensavi ch'io loico fossi! •

«ты не подозрѣвалъ, что я логикъ», такъ и юриспруденція можетъ объявить: «ты не подозрѣвалъ, что я философъ». Сознаніе этого должно возвысить и облагородить ее, должно поставить ее выше тѣхъ упрековъ, которые ей слишкомъ часто приходится слышать, а именно, что она будто бы занимается только рабскимъ буквоѣдствомъ или пустымъ и вреднымъ крючкотворствомъ. Но noblesse oblige. Сознаніе этого также и обязываетъ. Оно обязываетъ юриспруденцію относиться съ бо́льшимъ вниманіемъ къ философіи и ея проблемамъ. Если вообще, какъ замѣтилъ еще Платонъ (Пиръ, 204А), отсутствіе интереса къ философіи является признакомъ скорѣе самодовольнаго невѣжества, чѣмъ превосходства истиннаго знанія, то отсутствіе такого интереса у юриста является уже пренебреженіемъ къ его собственному профессіональному дѣлу[1]), пренебреженіемъ тѣмъ болѣе непростительнымъ, что результатомъ его можетъ оказаться гибель юриспруденціи отъ натиска чужеродныхъ ученій.

Е. Спекторскій.

---

[1]) Унгеръ утверждаетъ съ полнымъ основаніемъ: ohne philosophische und historische Grundlage ist die Jurisprudenz eine öde Wissenschaft (Mosaik, 76).

Digitized by Google

Сущность парламентаризма.

Среди вопросовъ, которыми интересуется современное конституціонное право, вопросамъ парламентарнаго строя принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ настоящее время уже представляется совершенно невозможнымъ сохранить взглядъ, который нѣкогда такъ настойчиво защищалъ Гнейстъ — будто парламентаризмъ есть самобытное явленіе, сложившееся на исторической почвѣ Англіи и не способное быть отъ нея оторвано: въ другихъ странахъ мы встрѣчаемъ лишь его блѣдную и искаженную копію. Вся новѣйшая политическая исторія Европы и даже внѣевропейскихъ конституціонныхъ государствъ, напротивъ, показываетъ несомнѣнное тяготѣніе въ сторону парламентаризма, широко понятаго. Мы видимъ это и въ такъ называемыхъ дуалистическихъ государствахъ, и въ странахъ, конституція которыхъ построена была ея авторами на принципѣ полнаго раздѣленія властей. Отсюда и жгучій интересъ, вызванный симптомами кризиса, который переживается парламентаризмомъ: не поражаетъ ли онъ самыя идеи представительнаго строя и политической свободы? И если нѣмецкіе государствовѣды продолжаютъ тщательно отгораживаться отъ парламентаризма, видѣть въ немъ не высшую ступень конституціоннаго развитія, а уклоненіе этого развитія въ сторону партійнаго деспотизма и партійной анархіи, они здѣсь лишь явственно отдаютъ дань опредѣленному политическому направленію, весьма сильному въ ихъ отечествѣ.

Важность парламентаризма, какъ явленія новѣйшей конституціонной жизни, не можетъ быть оспариваема, и тѣмъ характернѣе, что теорія здѣсь до такой степени отстала отъ практики. Позволительно даже сомнѣваться, существуетъ ли такая, опредѣленная установленная теорія. Вѣдь еще возможны споры, представляетъ ли самый парламентаризмъ правовой институтъ, разлагается ли онъ на рядъ юридическихъ нормъ, или, имѣя съ нимъ дѣло, мы входимъ въ область морально-политическихъ

Digitized by Google

признаній и обязательствъ. А главное — тѣ новѣйшіе факты, такъ ярко сгруппированные въ монографіи Лоу объ Англіи, но находящіе параллели и въ другихъ, чисто парламентарныхъ государствахъ — эти факты, на которые ссылаются, изображая современный кризисъ парламентаризма, далеко не приняты теоріей въ должное вниманіе. Возвращаясь къ примѣру Англіи — можетъ ли быть такое истолкованіе парламентаризму, при которомъ характеристики, данныя у Бэджгота и у Лоу, не будутъ стоять въ противорѣчіи, а выражать лишь разные историческіе моменты одной реальности?

Наша задача — сдѣлать одинъ изъ предварительныхъ шаговъ по пути созданія этой теоріи и найти опредѣленіе парламентаризма, которое соотвѣтствовало бы нашему современному государственно-правовому опыту. Не слѣдуетъ придавать такимъ опредѣленіямъ преувеличеннаго значенія. Въ современной наукѣ за послѣдними признается лишь служебный, прагматическій смыслъ: они не претендуютъ на раскрытіе сущности понятія, они только помогаютъ разобраться въ имѣющемся у насъ матеріалѣ. Но надо сознаться, что именно парламентаризмъ, болѣе чѣмъ многія другія государственно-правовыя понятія, нуждается въ устоичивомъ опредѣленіи. Какова бы ни была его правовая природа, онъ несомнѣнно обычно вырастаетъ изъ чисто-фактическихъ отношеній. Поэтому онъ съ такимъ трудомъ пріурочивается къ точнымъ хронологическимъ датамъ. Если въ бельгійскомъ учредительномъ конгрессѣ 1830 г. было признано, что создаваемый конституціонный порядокъ является парламентарнымъ и что участь министровъ рѣшается палатой, то нужно помнить, чо здѣсь самое государство образовывалось впервые и предъ законодателемъ стояла нѣкая tabula rasa. Болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь между парламентарнымъ и непарламентарнымъ государствомъ имѣется рядъ постепенностей и оттѣнковъ.

Съ другой стороны, парламентаризмъ характеризуется исключительной гибкостью. Взаимоотношенія правительства и представительства могутъ принимать здѣсь очень разнообразный видъ. Если англійскій парламентаризмъ невозможно понять, игнорируя право министерства распускать нижнюю палату, то парламентаризмъ третьей французской республики такого права роспуска не знаетъ. Если во Франціи и Англіи существеннымъ является полное обновленіе палаты на выборахъ, то въ Бельгіи весьма строгій и правильный парламентаризмъ допускаетъ возобновленіе по половинамъ. Австралійская конституція совмѣщаетъ парламентаризмъ, который даже запечатлѣлся въ ея текстѣ, съ федеративнымъ строемъ

Digitized by Google

и институтами непосредственной демократіи. Съ нимъ въ равной степени примирима и монархическая и республиканская форма. Въ его рамкахъ умѣщались и чрезвычайно сильная правительственная власть, принимавшая обликъ національной диктатуры, и власть, совершенно обезсиленная мелкимъ парламентскимъ политиканствомъ и необузданными партійными притязаніями. Онъ способенъ становиться орудіемъ господства и мощной земле владѣльческой аристократіи съ ея древними привиллегіями и притязаніями, и аристократіи крупной промышленности и денежнаго рынка, но онъ же можетъ обслуживать интересы среднихъ классовъ и мелкой буржуазіи, можетъ передавать правительственному аппарату силу давленія и крѣпкаго, консервативнаго крестьянства и подвижнаго, безпокойнаго городского пролетаріата. Эта гибкость и приспособляемость и дѣлаетъ возможнымъ универсальное распространеніе парламентаризма, при которомъ намъ трудно даже понять близорукость Гнейста, полагавшаго, что англійская избирательная реформа 1867 года окажется несовмѣстимой съ установленнымъ режимомъ политической отвѣтственности. Въ этомъ сила и въ этомъ же слабость парламентаризма, который облекаетъ столь разнообразное соціальное и культурное содержаніе.

Намъ предстоитъ, такимъ образомъ, создавая искомое опредѣленіе, собрать существенные признаки, присущіе, по возможности, всѣмъ типамъ парламентарнаго государства и соотвѣтствующіе также его новѣйшей эволюціи, которая, съ одной стороны, ведетъ къ усиленію правительственной власти, а съ другой — подымаетъ значеніе избирателей и вообще внѣ-парламентскихъ организацій.

1) Когда мы приступаемъ къ разбору обширнаго матеріала, даннаго намъ въ историческомъ опытѣ, и ищемъ наиболѣе центральнаго признака для парламентарнаго строя, мы, неизбѣжно найдемъ его въ извѣстной солидарности правительства и представительства. Тамъ, гдѣ нѣтъ солидарности, не можетъ быть и рѣчи о парламентаризмѣ. Конституціонный режимъ, при которомъ парламентаризмъ отрицается, получилъ неточное, но характерное въ этомъ отношеніи названіе дуалистическаго. Поэтому прежде всего необходимо юридически выяснить этотъ признакъ.

Солидарность — не есть отвѣтственность. Самое понятіе «политической отвѣтственности», занимавшее такое мѣсто въ теоріи парламентаризма, заключаетъ въ себѣ внутреннія недоразумѣнія. Понятно, какъ оно сложилось исторически: этотъ типъ зависимости правительства отъ представительства замѣнилъ старую судебную отвѣтственность перваго предъ послѣднимъ: англійскій парламентаризмъ вытѣснилъ процессъ «impeachment». Іеллинекъ

Digitized by Google

доказываетъ, что въ Германской имперіи парламентаризмъ невозможенъ, но возможна судебная отвѣтственность канцлера предъ рейхстагомъ. Можно сказать, что здѣсь до извѣстной степени осуществляется одинаковая контролирующая функція народнаго представительства. Но этого еще недостаточно, чтобы говорить о политической отвѣтственности. Послѣдняя отсутствуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни вмѣненія, ни вины, ни профессіональнаго риска. Говорить объ отвѣтственности министерства, покидающаго власть вслѣдствіе разногласія съ парламентомъ, такъ же не подходитъ, какъ говорить объ отвѣтственности парламента, который подвергается досрочному роспуску въ странахъ дуалистическаго типа.

Солидарность, далѣе, не есть подчиненіе. Нечего говорить, что парламентарный строй исключаетъ режимъ, подчиняющій народное представительство правительству, какъ это имѣло мѣсто, напримѣръ, въ конституціи французской второй имперіи, или режимъ, при которомъ за представительствомъ во многихъ отношеніяхъ оставляется скорѣе совѣщательный, чѣмъ рѣшающій голосъ. Форма, которая называется «Scheinconstituzionalismus», совершенно ему противоположна. Но столь же мало совмѣстимо съ парламентаризмомъ обращеніе правительства въ слѣпое и пассивное орудіе выполненія воли представительства. Если въ эпоху французской революціи было политической аксіомой, что интересы народной свободы требуютъ всяческаго ослабленія исполнительной воли, отнятія у нея всякаго творческаго характера, если дѣятели національнаго и законодательнаго собранія такъ поняли завѣты Руссо и такъ истолковали опытъ стараго порядка, это одно создало непреодолимое психологическое препятствіе къ укорененію въ революціонной Франціи парламентаризма. Въ этомъ лежитъ, между прочимъ, коренное различіе парламентаризма и швейцарской системы, при которой правительство — союзный совѣтъ — выбирается союзнымъ собраніемъ, и самыя правительственныя функціи носятъ чисто-исполнительный характеръ. Здѣсь мы имѣемъ не солидарность, а подчиненіе—и если швейцарская практика расширяетъ на дѣлѣ роль союзнаго совѣта, то это не мѣняетъ основъ, выраженныхъ въ самой конституціи. Поэтому, когда критики парламентаризма особенно во Франціи ссылаются на превращеніе министровъ въ раболѣпныхъ слугъ парламентскаго большинства — картина, которая, впрочемъ, вовсе не вѣрно передаетъ новѣйшій французскій строй, съ Вальдекъ Руссо, Клемансо, Бріаномъ, — они попадаютъ мимо цѣли. Парламентаризма не существуетъ, если у правительства не остается извѣстной автономіи, которая не исключаетъ и зависимости.

Digitized by Google

Самое понятіе солидарности, несомнѣнно, представляетъ извѣстныя трудности для юридическаго его истолкованія, такъ какъ солидарность не предполагаетъ совпаденія двухъ волеизъявленій (какъ это мы видимъ, напримѣръ, когда законъ принимается двумя палатами). Отношенія правительства и представительства уже потому сюда не подходятъ, что компетенціи ихъ различны. Здѣсь, наконецъ, не приложимо и значеніе солидарности, которая связываетъ всѣхъ членовъ даннаго государственнаго общества, какъ носителей извѣстныхъ правъ и извѣстныхъ обязанностей.

2) Солидарность правительства и представительства при парламентарномъ строѣ должна быть политической. Смыслъ этого слова заключается въ томъ, что на главные вопросы текущей государственной жизни правительство смотритъ одинаково съ представительствомъ, т.-е. его большинствомъ. Это нѣчто гораздо большее, чѣмъ просто дѣловая или служебная солидарность, которая можетъ быть у начальника даннаго вѣдомства, солидарность въ профессіональныхъ рамкахъ. Для члена швейцарскаго союзнаго совѣта не имѣетъ рѣшающаго значенія, что политическій составъ федеральнаго собранія измѣнился: онъ простой исполнитель. Поэтому такъ называемое дѣловое министерство невольно противополагается парламентарному: оно не есть анти-парламентарное, оно не расходится съ палатой, но при выборѣ его главное вниманіе обращается на профессіональныя качества его представителей. Извѣстно, что критики парламентаризма весьма склонны подчеркивать именно отсутствіе гарантій профессіональныхъ способностей у парламентарнаго кабинета. Могутъ ли такія отрасли государственной жизни, какъ иностранная политика, армія, флотъ вѣдаться людьми, которые прежде всего политики и люди партій? При этомъ, обычно, не дается никакихъ доказательствъ, что при дуалистическомъ строѣ профессіонально-служебные интересы получаютъ болѣе полное удовлетвореніе. Дѣйствительно, есть вѣдомства, болѣе и менѣе удаленные отъ основныхъ текущихъ политическихъ проблемъ, но Англія даетъ полное доказательство возможности, напримѣръ, въ управленіи арміи и флота очень сильно представить профессіональный элементъ, не жертвуя требованіями политическаго единства въ правительствѣ. Здоровый парламентаризмъ не имѣетъ ничего общаго съ американской «spoil system», при которой, дѣйствительно, важнѣйшіе интересы дѣла уступаютъ мѣсто партійнымъ аппетитамъ. Отсюда и рѣзкое различеніе политически опредѣленнаго правительства и безпартійной бюрократіи, которая остается при коренныхъ политическихъ перемѣнахъ.

Digitized by Google

Политическая солидарность вовсе не предполагаетъ единства опредѣленнаго политическаго міровоззрѣнія. Чѣмъ дальше развивается конституціонная жизнь въ странѣ, тѣмъ менѣе предметами спора служатъ абсолютные, отвлеченные принципы. Конечно, всякое государственное устройство покоится на извѣстныхъ предпосылкахъ, отрицаніе коихъ, по общему мнѣнію, не можетъ не отражаться и на конкретной государственной дѣятельности. На этомъ основано, напримѣръ, правило французскаго парламентаризма, установленное уже въ эпоху Ваддингтона, что министерство должно имѣть за себя не только большинство нижней палаты вообще, но и большинство ея республиканскихъ депутатовъ. Считалось, что принципіальный монархизмъ не совмѣстимъ съ политикой укрѣпленія республики. Если однако извѣстныя, чисто отвлеченныя убѣжденія — не только политическія въ тѣсномъ смыслѣ слова, но также соціальныя даже религіозныя, признаются исключающими возможность солидарности, то здѣсь скрывается мысль, что эти убѣжденія должны сказаться и въ осуществленіи непосредственныхъ правительственныхъ задачъ. Можно продолжить это и далѣе и указать на психологическія трудности, связанныя съ тѣмъ, что члены правительства по своему національному или классовому происхожденію едва ли способны быть вполнѣ солидарны съ даннымъ представительствомъ. Отсюда презумпціи недовѣрія и мотивы исключенія изъ состава правительства. Понятно почему, тамъ, гдѣ національная солидарность непосредственно въ общемъ сознаніи преломляется, какъ политическая — многочисленные примѣры даетъ здѣсь Австрія — тамъ принадлежность министра къ извѣстной національности можетъ разсматриваться, какъ свидѣтельство о его политическихъ убѣжденіяхъ. Получается запросъ на министерство, связанное національной солидарностью съ большинствомъ болѣе или менѣе пестраго, въ этнографическомъ смыслѣ, парламента.

Наконецъ, признаніе солидарности политической здѣсь не равнозначаще съ признаніемъ солидарности партійной. Обычное ученіе о парламентаризмѣ придаетъ вообще партіямъ чрезвычайно преувеличенное значеніе. Такъ какъ въ Англіи парламентаризмъ развивался при наличности двухъ партій, то въ послѣднемъ обстоятельствѣ увидѣли чуть ли не conditio sine qua non. Въ дѣйствительности важно лишь созданіе среди народнаго представительства устойчиваго большинства; будетъ ли оно состоять изъ одной партіи или изъ ихъ коалиціи, это не существенно. Поэтому и единство правительства вовсе не предполагаетъ его однопартійности. Впрочемъ, въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ какъ-будто

Digitized by Google

сохраняются небольшое число рѣзко очерченныхъ и дисциплинированныхъ партій, какъ въ Англіи и Бельгіи, партійное единство кабинета болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Разстояніе, отдѣляющее Асквита и Лойдъ Джорджа, отдѣляющее сторонниковъ Вуста и «молодую правую» (Бернартъ, Верхагенъ) въ Бельгіи не меньшее, чѣмъ различія въ обычныхъ коалиціанныхъ кабинетахъ. Какъ бы ни были справедливы жалобы на партійный деспотизмъ, надо помнить, что всякая крупная современная партія есть тоже лишь коалиція, только болѣе прочная. Поэтому критика парламентаризма, какъ господства партій, основана на явномъ недоразумѣніи: не говоря о томъ, что дѣйствительное могущество партій въ ихъ вліяніи на государственную жизнь, которое, напримѣръ, мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ, возможно при совершенномъ отрицаніи парламентаризма.

3) Наличность указанной политической солидарности однако недостаточна, чтобы констатировать въ данномъ государствѣ парламентарный строй: эта наличность должна признаваться, какъ нѣчто обязательное. Нѣтъ конституціоннаго режима, гдѣ бы признавалось желательнымъ коренное политическое разногласіе между представительствомъ и правительствомъ. Такъ не смотрѣли и не могли смотрѣть на дѣло такіе сторонники полнаго обособленія власти, какъ творцы американской конституціи 1787 года: они лишь искали гарантій для независимости правительства отъ конгресса. Въ современныхъ строго-дуалистическихъ государствахъ конфликтъ палатъ съ министерствомъ признается все-таки за серіозный государственный кризисъ, только для разрѣшенія его идутъ другимъ путемъ, чѣмъ при парламентаризмѣ. Несомнѣнно, у насъ актъ 3 іюня 1907 года былъ продиктованъ желаніемъ избѣгнуть подобнаго хроническаго конфликта, хотя бы и цѣной нарушенія 86 и 87 ст. О. З. Важно то, что при парламентаризмѣ указанная солидарность является необходимой предпосылкой законнаго управленія, а не только правиломъ политической цѣлесообразности. Можно сопоставить это различіемъ съ двумя точками зрѣнія на бюджетное право. Согласно одной, выраженной въ извѣстной части нѣмецкой литературы отсутствіе утвержденнаго парламентомъ бюджета создаетъ лишь извѣстныя неудобства для правительства. По другой, напротивъ того, такое отсутствіе, проистекающее не изъ простой задержки въ бюджетѣ, а изъ опредѣленнаго несогласія парламента, отнимаетъ у правительственной дѣятельности законную почву.

Съ указаннымъ признакомъ обязательности связанъ вопросъ, который, повидимому, до сихъ поръ не рѣшенъ окончательно

Digitized by Google

въ теоріи парламентаризма: имѣемъ ли мы въ немъ дѣло съ совокупностью правовыхъ нормъ или только съ морально-политическими правилами? Можно понять, почему за парламентаризмомъ, который развился изъ фактическихъ отношеній, развился постепенно, который допускаетъ вообще рядъ постепенностей и оттѣнковъ, долгое время не признавалась юридическая природа. Но тамъ, гдѣ парламентаризмъ сдѣлался окончательно частью государственнаго строя, тамъ, намъ представляется, не можетъ быть сомнѣнія въ его правовомъ характерѣ, Дайси, который такъ отчетливо подчеркиваетъ разницу между law и convention въ англійскомъ конституціонномъ строѣ, убѣдительно показываетъ, какъ министерство, не считающееся съ враждебнымъ вотумомъ парламента, фатально обречено на незаконныя дѣйствія. Если, подобно Г. Ф. Шершеневичу, видѣть въ основныхъ законахъ, опредѣляющихъ государственный строй, вообще не-правовыя нормы, то подобное толкованіе приложимо и къ парламентаризму; но, обычно, государствовѣды исходятъ изъ болѣе широкаго и менѣе формальнаго опредѣленія права. Значительная часть англійскихъ conventiones обращаются при такомъ взглядѣ въ несомнѣнныя правовыя нормы. Поэтому и вопросъ о санкціи имѣетъ здѣсь второстепенное значеніе. Никакая санкція не подкрѣпляетъ обязанности германскаго императора обнародывать законы, прошедшіе черезъ рейхстагъ и союзный совѣтъ, но отсюда еще не дѣлается заключенія, что ст. 17-я имперской конституціи опредѣляетъ моральное, а не юридическое правило. Мы думаемъ поэтому, что при сложившемся парламентарномъ строѣ обязательность солидарности министерства съ парламентомъ должна равняться обязательности, которая признается за конституціонными нормами. Вопросъ можетъ итти только о предѣлахъ этой солидарности. Не всякое разногласіе, касающееся какой-нибудь подробности законопроекта или даже законопроекта въ цѣломъ, влечетъ за собой паденіе министерства.

Нѣтъ съ другой стороны ничего удивительнаго, если, прежде чѣмъ стать правовымъ требованіемъ, эта солидарность рекомендуется, по мотивамъ политической цѣлесообразности. А такъ какъ парламентаризмъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ закрѣпляется такъ или иначе въ текстѣ конституціи (какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ 64-й ст. австралійской конституціи, отчасти въ ст. 6-й французскаго конституціоннаго закона 1875 года объ организаціи государственныхъ властей) — то совершенно понятно, что соотвѣтствующій переходъ въ общемъ правосознаніи трудно пріурочивать къ какому-нибудь опредѣленному моменту времени.

Digitized by Google

Въ работѣ К. Н. Соколова сдѣлана попытка разрѣшить вопросъ о правовой природѣ парламентаризма привлекая критеріи, данныя Л. І. Петражицкимъ — критеріи различенія нормъ императивно-аттрибутивныхъ и просто императивныхъ. Было бы здѣсь неумѣстно разбирать указанные критеріи по существу. Намъ представляется несомнѣннымъ, что человѣкъ можетъ сознавать рядъ обязанностей — при чемъ для него самого неясно, относятся ли они къ моральнымъ или къ правовымъ. Далеко не всегда истинная природа подобнаго переживанія обязательности можетъ быть опредѣлена со стороны. Призывая къ власти въ Венгріи министерство, пользующееся довѣріемъ рейхстага, выполнялъ ли Францъ Іосифъ въ своемъ сознаніи обязанность конституціоннаго венгерскаго короля или поступалъ лишь по правиламъ политическаго благоразумія? Здѣсь возможны коренныя различія въ переживаніяхъ у различныхъ группъ населенія. Въ то время какъ прусскій король въ эпоху конфликта 60-хъ годовъ благодарилъ своихъ министровъ за противодѣйствіе антиконституціоннымъ притязаніямъ палаты депутатовъ, въ глазахъ этихъ палатъ министерство, оставаясь у власти, нарушало не только заповѣдь политической морали, но и прямую свою правовую обязанность. Важно, чтобы данное переживаніе дѣйствительно сдѣлалось столь же общепризнаннымъ, какъ и другіе элементы конституціоннаго строя. И здѣсь есть вполнѣ опредѣленная грань, отдѣляющая случаи, когда требованіе парламентаризма относится къ области de lege ferenda и къ de lege lata. Самая правильность и точность дѣйствія парламентарнаго механизма подходитъ, такъ сказать, къ общему стилю юридически опредѣленныхъ отношеній. Такимъ образомъ обязательность должна быть здѣсь понята какъ общепризнанная правовая.

4) Парламентаризмъ предполагаетъ политическую солидарность правительства съ представительствомъ. Мы уже указывали, что она вовсе не простирается на весь административный аппаратъ; она сосредоточивается на министерствѣ, которое именно въ парламентарномъ государствѣ пріобрѣтаетъ качественно-особое положенье. При дуалистической конституціи даже тамъ, гдѣ установлена особая судебная отвѣтственность министровъ передъ представительствомъ, они не выдѣляются такъ рѣзко изъ другихъ высшихъ должностныхъ лицъ; еще въ большей степени это относится къ странамъ, подобно Японіи и Россіи, гдѣ никакой подобной отвѣтственности не существуетъ. Отсюда и особый характеръ политическаго единства, присущій парламентарному министерству, характеръ, который отнюдь не обезпечивается однимъ внѣшнимъ объединеніемъ министерства, созданіемъ, напримѣръ,

Digitized by Google

совѣта министровъ съ весьма подробной регламентаціей, какъ ее устанавливаетъ нашъ законъ 19 октября 1905 года. Можно сказать, что парламентаризмъ, дѣлая лишь правительство носителемъ указанной политической солидарности, скорѣе укрѣпляетъ безпартійный или внѣпартійный характеръ остальной администраціи.

Съ другой стороны, парламентаризмъ, выставляя требованія къ правительству, совершенно не предопредѣляетъ формы правленія. Онъ лишь ограничиваетъ права главы государства выбирать лицъ для замѣщенія министерскихъ должностей. Различные обычаи, соблюдаемые въ парламентарныхъ странахъ — призывать къ власти лидера большинства, совѣтываться съ президіумомъ палатъ и т. п. никоимъ образомъ не могутъ претендовать на значеніе нормъ парламентарнаго права. Указанное же ограниченіе въ совершенно одинаковой степени относится къ монарху и къ президенту.

Нѣтъ надобности доказывать, что могутъ существовать какъ парламентарныя монархіи такъ и республики; но важно, что у парламентаризма нѣтъ даже тяготѣнія въ сторону одной изъ этихъ формъ. Повидимому, онъ въ одинаковой степени способенъ сочетаться съ обѣими. Если въ нашей практикѣ мы встрѣчаемъ больше парламентарныхъ монархій, чѣмъ республикъ, то это объясняется историческими причинами. Поэтому будущее парламентаризма совмѣстимо съ растущимъ распространеніемъ той или другой формы. Можно здѣсь лишь прибавить, что насколько ясно и несомнѣнно движеніе конституціоннаго государства въ сторону парламентаризма, настолько спорны въ отношеніи монархіи и республики законы эволюціи государственныхъ формъ. Самое различіе этихъ формъ въ предѣлахъ парламентарнаго строя становится менѣе существеннымъ. Монархическая Англія и республиканская Франція болѣе близки другъ къ другу, чѣмъ первая—къ Пруссіи или Германіи, а вторая — къ Соединеннымъ Штатамъ или къ Швейцаріи.

Часто говорятъ, что парламентарный строй требуетъ безотвѣтственности главы государства, которая восполняется отвѣтственностью министровъ. Намъ кажется, такое положеніе не можетъ быть принято. Вопреки А. С. Алексѣеву мы думаемъ, что въ республикѣ глава государства всегда отвѣтственъ — и президентъ французской парламентарной республики не составляетъ здѣсь исключенія, какъ это вытекаетъ изъ возможности суда надъ нимъ — одинаковаго съ судомъ надъ министрами (конституціонный законъ о взаимныхъ отношеніяхъ государственныхъ властей 16 іюля

Digitized by Google

1875 года, ст. 12). Въ Соединенныхъ Штатахъ парламентаризмъ исключается не отвѣтственностью президента, а безотвѣтственностью или, лучше сказать, политической независимостью министровъ отъ конгресса и обращеніемъ ихъ въ простыхъ помощниковъ и даже исполнителей воли президента. Указанная отвѣтственность президента не мѣшаетъ развитію «congressional government» — этому своеобразному суррогату парламентаризма.

То же самое слѣдуетъ сказать о монархіяхъ. Здѣсь безотвѣтственность есть основной признакъ самой формы правленія. Этотъ признакъ оставляетъ и современное государственное право, признающее въ монархѣ лишь качества органа и не раздѣляющее ученія о «собственномъ правѣ» монарха (хотя бы какъ у Бернацика: «eigenes Recht auf das Amt»). Если конституція второй французской имперіи и нидерландская конституція 1815 года провозглашали принципъ отвѣтственности монарха, здѣсь имѣлось лишь косвенное подчеркиваніе безотвѣтственности министровъ: впрочемъ, въ прокламаціи 14 января 1852 года, изданной Наполеономъ, это и не скрывается. Новѣйшія монархіи даже строго-дуалистическаго типа не прибѣгали къ подобной недостойной фикціи и вмѣстѣ съ политической безотвѣтственностью министровъ предъ представительствомъ (не предъ монархомъ) утверждали безотвѣтственность монарха.

Такимъ образомъ парламентаризмъ совмѣстимъ съ обоими опредѣленіями власти главы государства. Совмѣстимъ ли онъ съ такимъ республиканскимъ строемъ, гдѣ нѣтъ единоличнаго главы государства — хотя бы съ коллегіей, подобной директоріи, установленной французской конституціей III года? Намъ кажется, и здѣсь нѣтъ основанія для отрицательнаго отвѣта, если есть на лицо два необходимыхъ условія: самостоятельность правительства (отсутствующая въ Швейцаріи) и обязательность для его пребыванія у власти довѣрія представительнаго органа. Впрочемъ, эти вопросы едва ли имѣютъ для современности практическій интересъ.

5) Намъ остается послѣдній признакъ: въ парламентаризмѣ осуществляется солидарность правительства и представительства. Для современнаго государственнаго права народное представительство есть, выражаясь терминологіей Іеллинека, вторичный непосредственный органъ, получающій свои полномочія не отъ первичнаго — избирателей — а отъ конституціи. Исторически англійскій парламентаризмъ сложился въ эпоху такъ называемой парламентской олигархіи. При господствующей избирательной (до реформы 1832 года) процедурѣ связь избирателей и предста-

Digitized by Google

вителей являлась въ огромномъ большинствѣ случаевъ настоящей фикціей. Тамъ, гдѣ, какъ въ дѣлѣ Уилькса, парламентъ столкнулся съ избирателями, онъ показалъ къ ихъ притязаніямъ весьма пренебрежительное отношеніе. Въ Англіи устанавливается парламентарное министерство, потому что парламентъ оказывается сильнѣе ганноверскихъ королей. Въ атмосферѣ парламентской олигархіи XVIII вѣка не остается благопріятной среды для идей политическаго радикализма и народнаго верховенства, которыя такъ окрасили великую англійскую революцію и запечатлѣлись хотя бы въ Agreement of the People.

Совершенно иное мѣсто занимаетъ современный парламентъ въ эпоху политической демократіи и всеобщаго избирательнаго права. Старыя депутатскія привиллегіи — неприкосновенность, безотвѣтственность и т. п. — начинаютъ разсматриваться лишь какъ условія осуществленія извѣстныхъ функцій. Растущая активность народныхъ массъ сводитъ членовъ парламента съ ихъ стараго пьедестала и заставляетъ ихъ все болѣе чутко приглядываться и прислушиваться къ мыслямъ и настроеніямъ этихъ массъ. Важнѣйшіе законодательные вопросы, прежде чѣмъ поступаютъ на рѣшеніе парламента, проходятъ во время выборовъ передъ избирателями, и выборы, такимъ образомъ, становятся своего рода референдумомъ. Пускай доктрина классическаго конституціонализма въ своихъ главныхъ очертаніяхъ остается неизмѣнной — она принуждена считаться съ этими новыми явленіями, и даже нѣмецкая наука, столь консервативная въ вопросахъ, касающихся народнаго представительства, устами Іеллинека и Гирке начинаетъ признавать извѣстное субъективное право и за избирателемъ. Словомъ, представительный характеръ парламента выступаетъ несравненно болѣе ярко.

Намъ кажется, что въ этомъ процессѣ парламентаризмъ лишь болѣе глубоко раскрываетъ свою сущность. Политическая солидарность правительства съ парламентомъ, какъ привиллегированной корпораціей могла являться дѣломъ расчета: она могла превратиться въ правовую обязанность лишь тогда, когда самъ парламентъ — правильно или неправильно — былъ признанъ за выразителя націи. Мы знаемъ, что начиная съ конца XVIII вѣка несмотря на олигархическій составъ палаты, требованіе парламентарнаго министерства основывается именно на этомъ ея качествѣ. Такъ же смотрѣлъ на дѣло и бельгійскій конгрессъ, провозгласившій въ конституціи 1831 года съ одной стороны принципъ народнаго суверенитета, а съ другой — верховенство законодательной власти. Политическая солидарность съ парламентомъ есть

Digitized by Google

солидарность съ органомъ, выражающимъ мнѣніе народа. Это выраженіе будетъ тѣмъ авторитетнѣе, чѣмъ болѣе обезпеченной является связь палатъ съ избирательнымъ корпусомъ и чѣмъ большую часть народа въ свою очередь охватываетъ этотъ послѣдній.

Отсюда, прежде всего, разница въ отношеніяхъ парламентарнаго министерства къ нижней и верхней палатамъ. Вотумъ недовѣрія наслѣдственной палаты лордовъ или назначеннаго италіанскаго сената не вліяетъ на судьбу министерства. Солидарность съ верхней выборной палатой въ общемъ тѣмъ менѣе обязательна, чѣмъ болѣе она отличается отъ нижней. Споры, которые велись во французской литературѣ относительно соотвѣтствующаго права у сената сводились главнымъ образомъ къ вопросу, насколько его составъ, выходящій изъ всеобщихъ многостепенныхъ выборовъ обезпечиваетъ за нимъ характеръ выразителя народнаго суверенитета. Пересмотръ бельгійской конституціи 1893 года далъ сенату нѣсколько болѣе демократическій характеръ, и это обстоятельство не осталось безъ вліянія на его отношенія къ министерству. Перевѣсъ нижней палаты въ смыслѣ осуществленія парламентарнаго режима существуетъ повсюду: разница только въ степени.

Еще важнѣе, что при такомъ пониманіи парламентаризма явленія такъ называемаго новѣйшаго кризиса вовсе не оказываются критическими. Извѣстно, что въ настоящее время участь министерства въ Англіи въ наибольшей степени опредѣляется выборами; вотумъ недовѣрія есть исключительное явленіе, и на нашихъ глазахъ въ 1912 году случайное, правда, пораженіе министерства не привело къ его паденію. То же самое, хотя въ меньшей степени, мы видимъ и въ другихъ парламентарныхъ странахъ. Но это обозначаетъ только, что за избирателями, а не за парламентомъ признается высшее право выражать народное мнѣніе. Здѣсь нѣтъ чего-либо радикально новаго: англійское министерство, разойдясь съ палатой, всегда могло апеллировать къ избирателямъ, но въ новѣйшее время политическій вѣсъ этихъ послѣднихъ неизмѣнно возрастаетъ, а умаленіе авторитета парламента сопровождается усиленіемъ правительства.

Какъ далеко пойдетъ этотъ процессъ? Въ теоріи можно себѣ представить, что парламентъ низойдетъ на роль подготовительнаго учрежденія, и что на правительствѣ будетъ лежать правовая обязанность политической солидарности съ массой полноправныхъ гражданъ—избирателей. Технически, конечно, такой режимъ представлялъ бы почти неразрѣшимыя съ нашей точки зрѣнія трудности, но логически онъ представлялъ бы развитіе той самой идеи, которая лежитъ въ основѣ парламентаризма. Въ этомъ смыслѣ отвлеченно

Digitized by Google

возможенъ даже «парламентаризмъ безъ парламента», такъ какъ обязательная политическая солидарность съ парламентомъ вытекаетъ изъ признанія въ послѣднемъ подлиннаго выразителя народнаго мнѣнія. Въ настоящее уже время такое качество въ передовыхъ демократіяхъ принадлежитъ парламенту или обычно его нижней палатѣ, вмѣстѣ съ избирателями. Отсюда, съ другой стороны, ясно, что извѣстная популярность, которую пріобрѣтаютъ въ новѣйшее время идеи обязательнаго мандата и институтовъ непосредственной демократіи вовсе не предвѣщаетъ крушенія парламентаризма. То же самое приходится сказать о растущемъ значеніи внѣпарламентскихъ организацій, преслѣдующихъ матеріальные и духовные интересы и не получившихъ опредѣленнаго государственно-правового статуса, но все болѣе и болѣе вліяющихъ на законодательство. Общественное правосознаніе постепенно перестаетъ приписывать парламенту монополію выраженія народнаго мнѣнія.

Намъ такимъ образомъ снова приходится въ понятіи парламентаризма отмѣчать элементъ признанія. «Народное мнѣніе» не есть нѣчто готовое, законченное, опредѣленное и распознаваемое, какъ и «общая воля» Руссо. Оно должно быть понято динамически какъ слѣдствіе постояннаго взаимодѣйствія различныхъ общественныхъ группъ — тѣмъ болѣе сложнаго, чѣмъ сложнѣе и расчлененнѣе само общество: оно есть равнодѣйствующее. Но общественное признаніе пріурочиваетъ его къ извѣстнымъ органамъ, и въ ихъ голосѣ слышитъ воспроизведеніе голоса народа. Продолжая сдѣланное сопоставленіе, можно сказать, что если согласно декларації правъ человѣка и гражданина la loi est l'expression de la volontè générale, то эта «общая воля» распознается въ законѣ: законодатель есть единственный ея авторитетный истолкователь. Современный парламентаризмъ беретъ не понятіе народной воли — послѣдняя требовала бы не солидарности, а подчиненія, и логически она не можетъ привести къ режиму равновѣсія — а понятіе народнаго мнѣнія. Это мнѣніе всюду является вліятельной политической силой, но при парламентаризмѣ за нимъ утверждается извѣстное государственно-правовое дѣйствіе.

Такое признаніе не остается неизмѣннымъ. Оно отмѣчаетъ и расширеніе избирательнаго права — отъ выборной привиллегіи «pays légal» къ всеобщему голосованію — и въ связи съ подъемомъ политической активности народныхъ массъ и съ ростомъ внѣпарламентскихъ организацій оно начинаетъ искать у другихъ органовъ авторитетнаго выраженія народнаго мнѣнія. Если это «сумерки» — то не парламентаризма, а парламента, хотя не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать даннаго умаленія роли представи-

Digitized by Google

тельныхъ учрежденій. Несомнѣнно одно, что и въ будущемъ, пока за народнымъ мнѣніемъ будетъ признаваться въ конечномъ счетѣ опредѣляющее вліяніе на курсъ государственнаго корабля, пока на кормчихъ этого корабля, хотя бы и надѣленныхъ самыми широкими полномочіями, останется обязанность согласоваться съ этимъ мнѣніемъ — до тѣхъ поръ оно будетъ пріурочиваться къ тому или другому органу или системѣ органовъ, чтобы отличить авторитетное его выраженіе отъ всякихъ самозванныхъ притязаній, такъ охотно ссылающихся на «народное мнѣніе» тамъ, гдѣ нельзя сослаться на «народную волю». Здѣсь мы видимъ не какія-нибудь идеологическія основанія, а простой инстинктъ политическаго самосохраненія.

Соединяя всѣ черты, указанныя ранѣе, мы можемъ дать слѣдующее опредѣленіе: **парламентаризмъ есть режимъ обязательной политической солидарности между правительствомъ и органомъ или органами, которые признаются авторитетными выразителями народнаго мнѣнія.**

Это опредѣленіе кажется намъ цѣлесообразнымъ особенно тѣмъ что въ немъ implicite содержится обоснованіе парламентаризма — почему онъ никакъ не можетъ быть сведенъ ни къ случайному стеченію историческихъ обстоятельствъ, ни къ успѣху отвлеченной доктрины — и почему онъ является плодомъ здороваго и послѣдовательнаго развитія коиституціонныхъ началъ вообще.

С. Котляревскій.

Digitized by Google

Папирологія и ея значеніе для юриста[1].

Въ XIX вѣкѣ изслѣдованіе античнаго міра сосредоточивалось главнымъ образомъ на греческихъ и латинскихъ надписяхъ. Ихъ собиранію, использованію и оцѣнкѣ посвятили свои силы самые выдающіеся ученые. Въ это самое время возникли монументальные сборники Corpus inscriptionum latinarum и Corpus inscriptionum graecarum, до сихъ поръ еще не законченные. Въ XX вѣкѣ первенствующее значеніе пріобрѣтаютъ папирусы какъ источники для изслѣдованія древности, и одновременно съ этимъ вызывается къ жизни новая отрасль науки — папирологія.

Папирологія занимается преимущественно написанными на греческомъ языкѣ папирусами. Она не есть вполнѣ самостоятельная наука, а является вспомогательной дисциплиной, задача которой заключается въ служеніи всѣмъ тѣмъ наукамъ, которыя должны изслѣдовать исторію древняго міра. Несмотря на это, папирологія должна быть признана самостоятельной научной дисциплиной, такъ какъ для полнаго пониманія папирусовъ требуются знанія и богатый научный опытъ, которые можно пріобрѣсти только знакомствомъ съ самимъ матеріаломъ. Главная задача папирологіи состоитъ, съ одной стороны, въ томъ, чтобы путемъ точнаго установленія текста и изданія папирусовъ создать подходящее основаніе и подготовить почву для дальнѣйшихъ историческихъ изысканій; съ другой стороны, папирологія должна ввести, на выработанномъ палеографами и филологами твердомъ основаніи, новые матеріалы въ различныя историческія науки съ тѣмъ, чтобы отдѣльные, неизвѣстные до сихъ поръ факты приводились въ связь съ тѣми общими фактами, изъ которыхъ они когда-то возникли.

Папирологія прежде всего способствуетъ филологіи, не только благодаря множеству литературныхъ текстовъ, но и благодаря

---

[1]) Рѣчь, произнесенная на диспутѣ при защитѣ изслѣдованія: «Очерки греко-египетскаго права». Ср. «Юридическій Вѣстникъ», кн. I, стран. 233.

Digitized by Google

тому, что она даетъ возможность шире ознакомиться съ греческимъ языкомъ и его развитіемъ,— потомъ древней исторіи, въ частности исторіи права. Но львиная доля въ плодахъ папирологіи оказалась именно за юристами.

Папирусы даютъ намъ возможность прослѣдить ходъ развитія права въ Египтѣ. Здѣсь дважды произошла рецепція чужеземнаго права въ широкомъ размѣрѣ. Первый разъ такая рецепція права имѣла мѣсто въ эпоху Птоломеевъ. При этомъ ясно обнаруживается, что греческое право, какъ право народа-завоевателя, занимаетъ господствующее положеніе въ этомъ процессѣ. Этотъ періодъ завершается обширной рецепціей греческаго права. Но нельзя не отмѣтить, что греческое право было реципировано не въ чистомъ видѣ, не въ полномъ объемѣ, а напротивъ модифицировалось по частямъ благодаря египетскимъ правовымъ воззрѣніямъ. Иногда трудно установить относительно отдѣльнаго института, какіе корни онъ имѣетъ — греческіе или мѣстные египетскіе. Слѣды древне-египетскаго права могутъ быть указаны лишь въ немногихъ случаяхъ. Такимъ образомъ образовалось и утвердилось въ Египтѣ то право, которое мы теперь называемъ греко-египетскимъ въ виду смѣшаннаго его характера. Это греко-египетское право пользовалось въ первые вѣка римскаго владычества широкою терпимостью. Но въ началѣ III вѣка по Р. Х. развитіе права въ Египтѣ вступило въ новую фазу. Въ 212 году императоръ Каракалла издалъ извѣстную конституцію, такъ наз. constitutio Antonina, которая даровала провинціаламъ, за исключеніемъ низшихъ слоевъ населенія, peregrini dediticii, право римскаго гражданства, и тѣмъ самымъ подчинила ихъ римскому праву. Этотъ фактъ исключенія цѣлаго класса провинціальнаго населенія изъ римскаго гражданства доказываетъ намъ теперь недавно опубликованный гиссенскій папирусъ № 44. Constitutio Antonina знаменуетъ собою начало второй рецепціи чужого права въ Египтѣ: рецепціи римскаго права. Теперь отношеніе мѣстнаго права къ римскому существенно измѣнилось. Въ то время, какъ прежде по принципу для провинціаловъ находитъ примѣненіе мѣстное право, и право имперіи дѣйствуетъ лишь субсидіарно, — съ этого момента наоборотъ, право имперіи составляетъ правило и мѣстное право вступаетъ въ дѣйствіе только ему на помощь — субсидіарно. Тѣмъ не менѣе греко-египетское, какъ вообще эллинистическое право сумѣло въ значительной степени удержать свою позицію по отношенію къ римскому. Мы видимъ даже, что впослѣдствіи, особенно со времени Константина, имперское законодательство нерѣдко находилось подъ вліяніемъ эллинистическихъ правовоззрѣній.

Digitized by Google

Основы греко-египетскаго права составляютъ: указы и распоряженія Птоломеевъ (*προστάγματα καὶ διαγράμματα*), городскія права (*πολιτικοὶ νόμοι*), земское право (*ὁ τῆς χώρας νόμος*) и обычное право. Хотя въ папирусахъ эти источники права и упоминаются, но они сами къ сожалѣнію не дошли до насъ. Объ ихъ содержаніи мы имѣемъ только частичныя свѣдѣнія. Поэтому для изслѣдователя, который ставитъ себѣ задачей реконструировать греко-египетское право, имѣютъ значеніе только безчисленные договоры и акты, въ которыхъ отражается право страны. Папиролóгъ долженъ прежде всего ознакомиться съ трудно обозримымъ матеріаломъ греко-египетскихъ папирусовъ и на этомъ основаніи умѣть выдѣлять съ юридическимъ тактомъ существенное отъ несущественнаго, затѣмъ вытекающія изъ юридическихъ фактовъ договорныя отношенія воспроизводить и выяснять ихъ сущность. Съ какими препятствіями приходится при этомъ сталкиваться можетъ представить себѣ лишь тотъ, кто слѣдилъ за развитіемъ папирологіи съ момента ея возникновенія до настоящаго времени. Интересно наблюдать, какъ изслѣдованіе вдается сначала въ отдѣльные, нерѣдко далеко другъ отъ друга стоящіе вопросы, какъ, на основаніи скромныхъ точекъ отправленія, познаніе постепенно возрастаетъ, заблужденія устраняются, сомнѣнія разрѣшаются, какъ благодаря новымъ документамъ дополнительныя черты привступаютъ, которыя намъ въ концѣ-концовъ позволяютъ изъ даннаго матеріала создать связное, хотя и не всегда законченное цѣлое.

Изученіе греко-египетскаго права, какъ вообще всякаго древняго права чрезвычайно полезно. Знаніе одного приводитъ къ лучшему пониманію другого. Права иныхъ народовъ показываютъ нерѣдко извѣстное сходство другъ съ другомъ; мы это находимъ даже тамъ, гдѣ вліяніе одного права на другое внѣ круга возможности. Сравнимъ, напр., древнѣйшее кодифицированное право, законы Гаммураби, съ правомъ салическихъ франковъ, lex Salica. Оба правопорядка и области ихъ примѣненія отдѣлены другъ отъ друга періодомъ времени въ 2600 лѣтъ и огромнымъ пространствомъ; языкъ, религія и хозяйство у того и другого народа совершенно различны,—тѣмъ не менѣе ихъ права имѣютъ немало точекъ соприкосновенія. О рецепціи въ данномъ случаѣ рѣчи быть не можетъ. Поэтому ничего не остается какъ утверждать, что однородность этихъ обоихъ правопорядковъ можетъ быть сведена только къ общечеловѣческимъ этическимъ воззрѣніямъ. Этимъ самымъ подрывается въ корнѣ догма исторической школы юристовъ, что всякое право по существу обусловлено національностью. Послѣ сказаннаго насъ не должно удивлять, если мы найдемъ нѣкоторыя

Digitized by Google

сходныя черты и между греко-египетскимъ и древне-русскимъ правомъ. Отчасти это сходство чисто случайно; отчасти же нельзя отрицать нѣкотораго вліянія византійскаго права, которое съ своей стороны несомнѣнно носитъ на себѣ эллинистическій отпечатокъ, на русское.

Изучая греко-египетскіе папирусы, ученые, занимающіеся сравнительнымъ правовѣдѣніемъ, черпаютъ много плодотворныхъ идей. Но для романиста нашего времени стало необходимостью ознакомиться съ правомъ папирусовъ. Иначе онъ не былъ бы въ состояніи правильно понять и оцѣнить Юстиніаново право, которое проникнуто эллинистическими правовыми воззрѣніями, а изслѣдованію интерполяцій въ Corpus iuris civilis можетъ только содѣйствовать знаніе греко-египетскаго права. Въ 1900 году Миттейсъ сказалъ жестокое для того времени слово, что «незнаніе результатовъ папирологіи въ романистическихъ работахъ, гдѣ бы оно ни встрѣчалось, должно быть названо невѣжествомъ». Конечно, было бы несправедливо требовать, чтобы каждый романистъ долголѣтнимъ трудомъ самъ изучалъ папирусы; здѣсь-то именно и требуется помощь спеціалистовъ: на нихъ лежитъ обязанность, результаты папирологіи синтетически излагать и тѣмъ самымъ плоды ихъ трудовъ сдѣлать доступными болѣе широкому кругу ученыхъ. Я пытался по мѣрѣ возможности исполнить этотъ долгъ и представить нашимъ юристамъ возможность оріентироваться въ дѣлѣ столь необходимаго знанія права папирусовъ. Вотъ въ этомъ и состоитъ цѣль и задача моей книги «Очерки греко-египетскаго права».

Б. Фрезе.

Digitized by Google

Истребленіе плода и проблема его наказуемости[1].

I.

Наше время есть время переоцѣнки многихъ цѣнностей, и, если можно утверждать, что процессъ переоцѣнки коснулся сферъ религіозной, этической и соціальной, то не могъ онъ не отразиться и на области уголовнаго правосудія, которое близко и чувствительно затрагиваетъ самые существенные интересы людей. Поэтому, когда въ связи съ указаннымъ процессомъ выдвигается какая-нибудь жгучая соціальная проблема, входящая въ сферу уголовнаго правосудія, криминалистъ, въ сознаніи важности задачъ, лежащихъ на его наукѣ, долженъ приложить всѣ силы разумѣнія къ рѣшенію этой проблемы и выработать указанія, которыми могъ бы воспользоваться законодатель.

Среди вопросовъ современности, сюда относящихся, особенную важность имѣетъ вопросъ объ истребленіи плода (абортъ), о предѣлахъ его допустимости и паказуемости. Вопросъ такъ сложенъ, онъ затрагиваетъ такую массу самыхъ разнообразныхъ интересовъ, то или иное его рѣшеніе чревато столь важными послѣдствіями, что, приступая къ его рѣшенію, нельзя не сознавать, съ одной стороны, громадной отвѣтственности, лежащей на каждомъ, кто выступаетъ здѣсь съ новаторскими предложеніями, а съ другой — безусловной соціальной необходимости новаго всесторонняго его изученія. Мы говоримъ о всестороннемъ изученіи, ибо этотъ

---

[1]) Въ основу этой статьи положенъ докладъ, сдѣланный авторомъ по приглашенію организаціоннаго комитета на IV съѣздѣ общества акушеровъ и гинекологовъ, имѣвшемъ мѣсто въ Петербургѣ въ декабрѣ 1911 года. Основныя положенія доклада были приняты съѣздомъ вмѣстѣ съ предложеніемъ о выработкѣ особаго законопроекта по затронутому вопросу для представленія его въ наши законодательныя учрежденія. Работа эта выполнялась особой комиссіей изъ криминалистовъ и врачей и въ настоящее время почти закончена.

Digitized by Google

вопросъ одновременно входитъ и въ юридическую, и въ медицинскую сферу, а потому подаетъ надежду на болѣе успѣшное разрѣшеніе при солидарномъ трудѣ медиковъ и криминалистовъ и при широкомъ ознакомленіи съ результатами этого труда.

Обращаясь къ литературѣ, мы увидимъ, что за послѣдніе годы по вопросу объ абортѣ выпущенъ рядъ работъ, начиная съ небольшихъ статей и кончая капитальными монографіями, причемъ и медики и юристы проявляютъ здѣсь особое и плодотворное соревнованіе[1]).

Но, несмотря на все обиліе литературы, отношеніе къ одному изъ видовъ аборта оказывается вполнѣ солидарнымъ: абортъ, совершенный безъ вѣдома или согласія беременной, всегда разсматривается какъ серіозное преступленіе; его наказуемость безусловна, общепризнана и не оспаривается.

Поэтому въ дальнѣйшемъ мы остановимся лишь на абортѣ, учиняемомъ съ согласія беременной. Здѣсь именно лежитъ центръ споровъ и объ отвѣтственности матери, и объ отвѣтственности спеціалистовъ, если они ей помогали.

Обратимся къ дѣйствующему законодательству и мы увидимъ, что оно всецѣло покоится на старыхъ историческихъ основахъ и отличается чрезвычайной прямолинейностью и оторванностью отъ жизни. Далѣе мы приведемъ доказательства правильности этой характеристики, а пока остановимся на статистическихъ данныхъ, весьма ярко иллюстрирующихъ состояніе интересующаго насъ вопроса.

Возьмемъ сперва данныя о числѣ привлекаемыхъ къ суду и о числѣ осуждаемыхъ за преступленіе аборта.

Въ Германіи (по даннымъ Bürger'a) было осуждено въ 1902 году 558, въ 1903 году—545, въ 1904 году—634, въ 1905 году—549; число же привлекаемыхъ было значительно больше. Въ частности,

---

[1]) Aschaffenburg: «Das Verbrechen u. seine Bekämpfung», 2 Ausg. 1906; Ehinger u. Kimmig: «Ursprung und Entwickelungsgeschichte d. Bestrafung der Fruchtabtreibung», 1902; Фуксъ: «Проблема преступности плодоизгнанія», X. 1910; Garraud: «Traité», T. IV; Гернетъ: «Дѣтоубійство», М., 1910; Gross Hans: «Abtreibung» (Arch. f. Krimin.-Anthrop., XII); Jellinek Kamilla: «Frauenforderungen zur deutsch. Strafrechtsreform» (Monatschr. f. Kriminalpsychol. B. V); Якобсонъ, В.: «Выкидышъ», 1910; Jungmann: «Das Verbrechen der Abtreibung», 1893; Ed. Ritter v. Liszt: «Die kriminelle Fruchtabtreibung», 2 B., 1910 (обстоятельная двухтомная работа, заслуживающая особаго вниманія); Lewin: «Die Fruchtabtreibung durch Gifte und andere Mittel» (Handbuch, 1904); Montier: «De l'avortement criminel», Par., 1894; Radbruch: «Abtreibung» (Vergl. Darstell. d. Strafrechts, Bes. Th , B. V); Закъ: «Умерщвленіе плода и уголовное право» («Право» 1910 № 46, 47); Scheikert: «Abtreibung» (Arch. d. Krimin.-Anthrop., XVIII); Schultzenstein: «Abtreibungsverbrechen in Frankreich» (Z. vergl. R. XVII); Spangenberg: «Ueber d. Verbr. der Abtreibung», 1818; Таганцевъ: «О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву, 2 т., 1870 г. и мн. др.

Digitized by Google

въ Берлинѣ (по даннымъ Prinzing'a) въ 1898 году было привлечено 240, а наказано 61; въ 1899 привлечено 288, наказано 70; 1900 годъ даетъ 252 привлеченія и 67 наказаній, а 1901 годъ — 306 привл. и 74 наказ. Такимъ образомъ къ отвѣтственности за абортъ въ Германіи привлекаютъ очень рѣдко и въ большихъ центрахъ, какъ Берлинъ, едва $^1/_4$ привлекаемыхъ несетъ кару (вѣроятно, вслѣдствіе бо́льшей ловкости, профессіональной опытности и искусства совершителей).

Во Франціи число возбуждаемыхъ дѣлъ объ абортѣ не велико, но оно, какъ и въ Германіи, все болѣе и болѣе возрастаетъ (напримѣръ, въ 1872 году — 199, въ 1882 — 270, въ 1891 — 365 и т. д.); что же касается преданія суду, то, главнымъ образомъ, благодаря ловкости участниковъ и шаткости уликъ, оно падаетъ на долю не болѣе 20 %, а въ послѣдніе годы даже не болѣе 10 % привлекаемыхъ, да и изъ тѣхъ болѣе 40 % оправдывается.

Въ общемъ можно утверждать, что число абортовъ, извѣстныхъ судебной власти, возрастаетъ и притомъ быстрѣе, чѣмъ населеніе (въ Швеціи, напримѣръ, по даннымъ Hedren'a, число доходящихъ до суда абортовъ утроилось за десятилѣтіе съ 1891 по 1900 годъ сравнительно съ предыдущимъ десятилѣтіемъ), но число привлекаемыхъ и осуждаемыхъ все же выражается сравнительно ничтожными цифрами.

Но, если отъ этихъ данныхъ судебной статистики мы обратимся къ другимъ даннымъ, которыя собраны врачами и другими компетентными изслѣдователями, то мы увидимъ, что по приведеннымъ небольшимъ цифрамъ доходящихъ до суда абортовъ было бы просто смѣшно дѣлать заключенія о числѣ совершаемыхъ въ наше время преступныхъ абортовъ вообще. Напримѣръ, по вычисленіямъ Bürger'a, въ одномъ Берлинѣ, считая съ 1905 года, совершается ежегодно болѣе 8000 преступныхъ абортовъ; не меньшую цифру указываютъ и для Неаполя. Въ Парижѣ число абортовъ также опредѣляютъ въ тысячахъ и утверждаютъ, что за послѣднее десятилѣтіе XIX вѣка это число болѣе чѣмъ утроилось по сравненію съ предыдущимъ десятилѣтіемъ и съ тѣхъ поръ непрерывно возрастаетъ. Наконецъ, для Америки согласно даютъ прямо-таки чудовищныя указанія, опредѣляя, напр., въ одномъ Нью-Іоркѣ число преступныхъ абортовъ не меньше 80 тыс. въ годъ, и категорически утверждая, что во всей сѣверной Америкѣ во всякомъ случаѣ ежегодно бываетъ свыше 100 тыс. абортовъ. Сверхъ того, констатируя повсемѣстный ростъ числа выкидышей вообще, почти всѣ изслѣдователи болѣе $^2/_3$ изъ этихъ выкидышей относятъ къ числу криминальныхъ.

Digitized by Google

Таковы прямыя данныя, но имѣются и важныя косвенныя данныя: безчисленныя объявленія въ прессѣ всего міра объ убѣжищахъ для секретныхъ беременныхъ, о подачѣ имъ быстрой и вѣрной помощи, о содержимыхъ акушерами или акушерками учрежденіяхъ, гдѣ дѣлается спеціальный массажъ или даются ванны, помогающія «отъ простуды», также ясно свидѣтельствуютъ о замаскированной абортивной практикѣ, какъ о проституціи и сводничествѣ свидѣтельствуютъ столь частыя въ наши дни объявленія «интеллигентныхъ посредницъ по устройству браковъ и другихъ порученій» натурщицъ, «позирующихъ для артистовъ и для любителей», «молодыхъ барышень», обращающихся съ просьбой о займѣ «къ доброму пожилому господину» и т. д.

Эта все растущая волна абортовъ начинаетъ приводить въ ужасъ тѣхъ, кто ясно представляетъ себѣ дѣйствительное положеніе вопроса; около него безпомощно бьются въ поискахъ выхода, его усиленно дебатируютъ на ученыхъ конгрессахъ вообще и гинекологическихъ — въ особенности, о немъ въ Америкѣ начинаютъ говорить въ парламентахъ отдѣльныхъ штатовъ, а одинъ изъ послѣднихъ ученыхъ конгрессовъ, какъ сообщаетъ Левинъ, даже объявилъ конкурсъ за сочиненіе: «О вредѣ и наказуемости аборта», имѣя въ виду дать такому сочиненію самое широкое распространеніе въ цѣляхъ борьбы съ абортами.

Итакъ, предъ нами грозное соціальное явленіе. Какъ отнестись къ нему? Мириться ли со все возрастающимъ распространеніемъ абортовъ? Бороться ли, и если бороться, то какъ? — Все это вопросы, привлекшіе къ себѣ особое вниманіе новой литературы, дающей весьма разнообразныя попытки рѣшенія. Эти попытки теперь подкрѣпляютъ не замѣтками, не брошюрами, а цѣлыми книгами, и потому, давая свою попытку рѣшенія въ предѣлахъ журнальной статьи, мы можемъ намѣтить это рѣшеніе лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, заранѣе предвидя, что неизбѣжны будутъ пробѣлы и давая лишь краткую мотивировку.

Посмотримъ сперва, какъ относятся къ данному вопросу современныя законодательства, и мы увидимъ здѣсь удивительный и характерный фактъ трогательнаго единодушія. Рѣзко расходящіяся иногда въ оцѣнкѣ другихъ деликтовъ, современныя культурныя государства близко сходятся въ своихъ взглядахъ на преступность и наказуемость умерщвленія плода, не смотря на громадную разницу въ отношеніи ихъ политическаго уклада, соціальнаго строя и культурнаго уровня.

Франція и Германія, Англія и Эквадоръ или Перу, Испанія и Бельгія, Италія и Португалія, Японія и Норвегія, Новая

Digitized by Google

Зеландія и Россія, — всѣ согласно признаютъ (и нѣтъ ни одного культурнаго государства, которое составляло бы исключеніе), что всякій абортъ уголовно наказуемъ. Единственное исключеніе допускается для тѣхъ случаевъ аборта, гдѣ наступленіе родовъ грозитъ опасностью для жизни матери, при чемъ въ однихъ кодексахъ (напр., въ бразильскомъ) этотъ случай прямо указанъ, а въ другихъ обойденъ молчаніемъ и ненаказуемость его выводится путемъ толкованія закона (статей, говорящихъ о крайней необходимости вообще или о перфораціи — въ частности).

Наказуемость обычно средняя, т.-е. тюрьма или исправительный домъ на срокъ не очень долгій и не очень короткій (напр., отъ 2 до 5 лѣтъ). Иногда (Португалія, Эквадоръ) наказаніе назначается высокое, но допускается значительное его смягченіе, если абортъ сдѣланъ беременной «для спасенія чести» или «дабы избѣжать позора», при чемъ одни законодательства въ этихъ случаяхъ допускаютъ привиллегированную отвѣтственность только для матери, а другіе — и для помогавшаго сдѣлать абортъ лица медицинскаго персонала. Вообще же отвѣтственность врачей и другихъ спеціалистовъ и спеціалистокъ обычно является квалифицированной.

Сравнительно оригинальнымъ по вопросу объ абортѣ является лишь испанское право: слѣдуя традиціи, сохранившейся еще съ среднихъ вѣковъ отъ канонистовъ, оно различаетъ плодъ «уже живущій» и плодъ «еще не живущій»; истребленіе перваго приравнивается по наказуемости къ умышленному убійству, а истребленіе второго — къ убійству неосторожному; въ остальномъ, поскольку рѣчь идетъ объ абортѣ; испанскій кодексъ сходится съ другими.

Такова позиція современныхъ законодательствъ, которую нельзя не признать чрезвычайно дружной и согласной, если мы не будемъ уходить въ глубины далекаго прошлаго, гдѣ, какъ напр. въ Римѣ, абортъ допускался, и если мы не будемъ принимать въ соображеніе дикихъ и полудикихъ народовъ, у которыхъ обычай, замѣняющій законъ, вплоть до нашихъ дней часто допускаетъ и даже поощряетъ аборты.

II.

Если мы теперь отъ законодательства и практики обратимся къ теоріи, то мы увидимъ, что та непримиримая позиція въ отношеніи къ истребленію плода, которая почти безраздѣльно господствуетъ, какъ мы видѣли, въ законодательствѣ, защищалась почти всей безъ изъятія старой литературой уголовнаго права, да и въ наши дни такъ наз. классическая школа, къ которой

Digitized by Google

принадлежитъ большинство криминалистовъ, охраняющихъ старыя научныя традиціи, не предпринимаетъ пересмотра ученія объ абортѣ и стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, которую мы видимъ въ современныхъ уголовныхъ кодексахъ.

Въ послѣднее время эта точка зрѣнія энергично оспаривается. Одни (Камилла Еллинекъ, Гансъ Гроссъ, Радбрухъ, Фуксъ) склоняются къ почти полному упраздненію наказуемости аборта, признавая наказаніе въ этихъ случаяхъ лишеннымъ разумнаго основанія и абсолютно безсильнымъ. Другіе предлагаютъ разные компромиссы, съ которыми намъ предстоитъ ознакомитья далѣе.

Если мы сдѣлаемъ попытку сгруппировать доводы противниковъ наказуемости аборта, то получимъ въ общихъ чертахъ слѣдующее.

Исторически наказуемость аборта выросла на религіозной почвѣ; ее установили канонисты, провозгласившіе, что плодъ есть человѣкъ («Homo est, qui est futurus»), что съ извѣстнаго момента онъ является уже одушевленнымъ (animatus), что истребленіе плода лишаетъ благодати будущаго крещенія, а слѣдовательно, является тяжкимъ грѣхомъ и преступленіемъ.

Съ религіозной точкой конкурируетъ моральная, требующая борьбы съ абортомъ, какъ съ дѣяніемъ безнравственнымъ.

Но ни та, ни другая точка зрѣнія для современнаго уголовнаго права не пріемлема, ибо суть научнаго прогресса въ области уголовнаго правосудія въ томъ и заключалась, что человѣчество постепенно освобождалось отъ смѣшенія права съ одной стороны, религіи и морали съ другой. Мы видѣли ужасы среднихъ вѣковъ, когда грѣховное и безнравственное отождествляли съ преступнымъ; измѣненія этого порядка и признанія, что не все грѣховное и безправственное преступно, и что преступленіемъ можно признавать только дѣяніе, соціально вредное и опасное, человѣчество добилось тяжкими жертвами и вѣковой борьбой; поэтому сводить эти жертвы на нѣтъ и возвращаться къ старому смѣшенію понятій было бы и вредно, и опасно, не говоря уже о томъ, что, идя послѣдовательно оспариваемымъ путемъ, нужно было бы стоять за наказуемость многихъ другихъ грѣховныхъ и безнравственныхъ дѣяній, которая имѣла мѣсто въ средніе вѣка, а затѣмъ вышла или почти вышла изъ употребленія.

Непріемлемымъ, далѣе, по словамъ сторонниковъ излагаемой теоріи, является и признаніе аборта преступленіемъ во имя популяціонистическаго интереса, т.-е. во имя того, что государство нуждается въ приростѣ народонаселенія, а слѣдовательно можетъ карать абортъ, какъ дѣяніе спеціально вредное именно въ данномъ отношеніи. Такая точка зрѣнія находилась въ полной гармоніи

Digitized by Google

съ природой стараго полицейскаго государства, которое признавало за собой право на всеобъемлющую опеку и на безграничное вмѣшательство въ жизнь гражданъ, ибо смотрѣло на послѣднихъ, какъ на матеріалъ, съ которымъ можно какъ угодно экспериментировать, предписывая и запрещая гражданамъ все, что государственная власть найдетъ нужнымъ во имя такъ наз. «высшихъ соображеній».

И дѣйствительно нельзя забывать, что мы теперь исходимъ изъ идеи правового государства, которое основывается на иныхъ понятіяхъ; по самой сущности своей оно, если желаетъ бороться съ абортами, должно найти для этого правовыя основанія, въ качествѣ которыхъ не можетъ фигурировать популяціонистическій принципъ, ибо, исходя изъ него и только изъ него, пришлось бы до безконечности расширить сферу наказуемыхъ дѣяній, карая наряду съ абортомъ и другія дѣянія, вредныя съ точки зрѣнія указаннаго принципа, какъ-то: нежеланіе жениться, всѣ противоестественные пороки, включительно съ онанизмомъ, самоубійство, эмиграцію, употребленіе мѣръ противъ зачатія, изготовленіе и продажу презервативовъ и т. п. Въ результатѣ появилось бы такое чудовищное по размѣрамъ вторженіе въ частную жизнь, которое вернуло бы насъ къ худшимъ временамъ прошлаго и которое ясно показываетъ несостоятельность построенія какихъ бы то ни было каръ на идеѣ популяціонизма.

Но въ борьбѣ съ наказуемостью истребленія плода прибѣгаютъ и къ аргументамъ иного порядка, складывающимся въ цѣлую теорію, которая строится на отрицаніи возможности юридической охраны зародыша. Сторонники этой теоріи утверждаютъ, что зародышъ, во-первыхъ, самъ по себѣ не можетъ быть субъектомъ правъ, ибо онъ не человѣкъ, а единственнымъ изъ одушевленныхъ существъ, обладающихъ правоспособностью, является человѣкъ; зародышъ же такъ мало можетъ быть признанъ носителемъ охраняемыхъ правомъ интересовъ, какъ и разныя амфибіи и тѣ звѣроподобные предки человѣческаго рода, изображеніемъ которыхъ онъ является по основному біо-генетическому закону. Во-вторыхъ, утверждаютъ, что зародышъ не можетъ быть охраняемъ на томъ основаніи, что онъ будущій человѣкъ, долженствующій родиться: онъ можетъ отъ разныхъ причинъ погибнуть и не родиться, да и вообще нельзя признавать никакихъ будущихъ правъ, какъ объекта посягательства; это была бы недопустимая фикція. Невозможно, наконецъ, юридически установить обязательство матери не препятствовать развитію въ ея утробѣ зачатаго ею ребенка.

Digitized by Google

Такова суть новой теоріи. Если до сихъ поръ мы могли до нѣкоторой степени итти рука объ руку со сторонниками ненаказуемости аборта въ томъ отношеніи, что мы признавали правильной критику ими нѣкоторыхъ основаній, выставляемыхъ для наказуемости аборта, и дополняли ихъ аргументацію, то теперь передъ нами теорія, которая не можетъ не вызывать въ насъ серіозныхъ сомнѣній.

Формальные доводы, на которыхъ она основана, мы признаемъ безжизненными, схоластичными и совершенно непріемлемыми и утверждаемъ, что съ юридической точки зрѣнія охрана зародыша вполнѣ возможна. Какъ мы видѣли, прежде всего, говорятъ, что до момента рожденія зародышъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ самостоятельный субъектъ, ибо онъ является только частью тѣла матери, подобно тому, какъ еще висящее на деревѣ яблоко является лишь частью дерева. Мы могли бы еще понять такую постановку вопроса, если бы она вытекала изъ теоріи возможности самозарожденія, примѣненной къ людямъ, но поскольку и авторы указанной постановки обязаны признавать, что плодъ не можетъ явиться въ утробѣ матери безъ проникновенія въ ея половую сферу мужского сѣмени, которое для тѣла данной жещины, очевидно, является веществомъ постороннимъ, а между тѣмъ составляетъ essentialia плода, — постольку отождествленіе плода съ организмомъ матери и признаніе плода лишь частью этого организма является въ нашихъ глазахъ софизмомъ, парадоксомъ, чѣмъ угодно, но не правильнымъ научнымъ опредѣленіемъ. Недаромъ же, когда идетъ рѣчь объ умерщвленіи плода безъ согласія матери, всѣ безъ исключенія авторы смотрятъ на это дѣяніе какъ на тяжкій деликтъ особаго рода, а не какъ на простое посягательство на тѣлесную неприкосновенность и здоровье матери, т.-е. признаютъ самостоятелное значеніе плода, если не прямо, то косвено.

Второй аргументъ сторонниковъ оспариваемой нами теоріи гласитъ, что самъ по себѣ зародышъ не можетъ быть субъектомъ правъ и уголовной охраны, ибо онъ еще не человѣкъ, а единственнымъ изъ одушевленныхъ существъ, обладающимъ правоспособностью, можетъ быть только человѣкъ.

Что зародышъ еще не человѣкъ — это вѣрно, но что охрана уголовнаго закона можетъ быть дана только человѣку — это невѣрно, невѣрно, поэтому, и то, что такая охрана не можетъ быть дана зародышу, какъ таковому: право охраняетъ всевозможные жизненные и важные соціальные интересы, не связывая иногда вовсе такой охраны съ вопросомъ о правоспособности (таковы,

Digitized by Google

напр., нормы, запрещающія жестокое обращеніе съ животными, публичное безстыдство и т. п.), да и какъ отрицать правоспособность зародыша, когда съ давнихъ временъ этотъ nascilurus признается въ гражданскомъ правѣ возможнымъ носителемъ нѣкоторыхъ правъ. Вотъ почему мы не можемъ согласиться и съ послѣднимъ аргументомъ сторонниковъ оспариваемой теоріи, гласящимъ, что зародышъ не можетъ быть охраняемъ, какъ будущій человѣкъ, долженствующій родиться, ибо нельзя признавать возможнымъ объектомъ посягательствъ будущія права. Зародышъ — будущій человѣкъ, но существуетъ онъ не въ будущемъ, а въ настоящемъ и потому, давая ему охрану, мы этимъ самымъ охраняемъ не только права будущаго человѣка, но и уже наличное право на существованіе эмбріона; первое переплетается со вторымъ, ибо, если бы начали уничтоженіе всѣхъ эмбріоновъ, то прекратили бы этимъ самымъ родъ человѣческій.

Если же мы обратимся къ практической провѣркѣ отрицаемой нами теоріи, то увидимъ, что она отличается большой искусственностью. Отрицая наказуемость истребленія плода, какъ такового, сторонники данной теоріи не могутъ игнорировать имѣющихся въ медицинѣ обильныхъ и убѣдительныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что аборты часто не проходятъ безслѣдно, а могутъ давать серіозныя осложненія и даже влечь за собою смерть. Поэтому имъ приходится разсматривать истребленіе плода, какъ посягательство на здоровье матери.

Но, не говоря объ уже приведенномъ нами возраженіи относительно того, можно ли считать плодъ во всѣхъ стадіяхъ его развитія только частью организма матери, не признавая за нимъ значенія самостоятельнаго объекта, мы должны замѣтить, что при такой конструкціи удачно сдѣланный абортъ, т.-е. такой, при которомъ мать осталась здоровой, а плодъ погибъ, становится абсолютно ненаказуемымъ, неудачный же, отразившійся на здоровьи матери, но сохранившій жизнь плода, можетъ явиться преступнымъ и наказуемымъ, ибо возможность наказуемости аборта фактически здѣсь вовсе не устраняется: согласіе потерпѣвшаго, если даже потерпѣвшимъ считать здѣсь не плодъ, а самое беременную, отнюдь не всегда по началамъ современнаго права уничтожаетъ преступность посягательства; напротивъ, при деликтахъ, направленныхъ противъ жизни и здоровья, превалируетъ наказуемость.

Такимъ образомъ, принимая указанную теорію, мы отнюдь не получили бы безнаказанности абортовъ, а только по основаніямъ, шаткость которыхъ нами доказана, мы перевернули бы вверхъ

Digitized by Google

дномъ порядокъ и характеръ отвѣтственности лицъ, совершающихъ аборты.

Обратившись къ дальнѣйшимъ теоріямъ, сюда относящимся, мы увидимъ, что всѣ они построены на соображеніяхъ цѣлесообразности. Творцы ихъ заявляютъ, во-первыхъ, что, устранивъ наказуемость абортовъ, мы войдемъ въ гармонію съ народными правовоззрѣніями, которыя усматриваютъ въ абортѣ дѣяніе безразличное, и въ то же время уменьшимъ число дѣтоубійствъ, гораздо болѣе вредныхъ, чѣмъ аборты, и число незаконныхъ рожденій; отъ уменьшенія же послѣднихъ общество выиграетъ уже потому, что изъ незаконнорожденныхъ выходитъ много проститутокъ и преступниковъ. Далѣе, мы встрѣчаемся съ указаніемъ, что при наказуемости аборта, за это преступленіе судятся и несутъ отвѣтственность единицы, тогда какъ въ дѣйствительности аборты совершаются тысячами; такимъ образомъ, съ одной стороны, репрессія носитъ случайный характеръ, а съ другой — получается тотъ ненормальный порядокъ, что законъ попирается, остается мертвой буквой и оказывается совершенно безсильнымъ въ борьбѣ съ абортами.

Внимательно взвѣшивая представленные здѣсь аргументы, нельзя не замѣтить, что въ нихъ введено много недоказанныхъ положеній и, вообще, вѣрное перемѣшано съ невѣрнымъ.

Прежде всего, народное правосознаніе вовсе не говоритъ въ пользу безнаказанности аборта. Въ народныхъ низахъ на него смотрятъ какъ на тяжкій грѣхъ, близкій къ убійству; что же касается круговъ болѣе образованныхъ и интеллигентныхъ, то тутъ можно встрѣтить большое разнообразіе взглядовъ, если же мы вспомнимъ, что по рѣдко доходящимъ до суда дѣламъ объ абортахъ судъ присяжныхъ иногда выноситъ обвинительные приговоры, и что пресса, выражая мнѣніе общества, обыкновенно очень рѣзко относится къ изобличеннымъ профессіоналамъ и профессіоналкамъ, практикующимъ аборты изъ корыстныхъ цѣлей[1]), то едва ли мы можемъ утверждать, что общественная совѣсть не осуждаетъ абортовъ и требуетъ ихъ безнаказанности.

Далѣе, дѣйствительно, имѣются статистическія данныя, указывающія на извѣстное взаимоотношеніе числа абортовъ и числа дѣтоубійствъ[2]), но эти данныя иногда получаютъ слишкомъ одностороннее освѣщеніе.

---

[1]) Конечно наблюдаются и факты иного порядка: мы этого не отрицаемъ, но мы приводимъ данныя, идущія въ разрѣзъ съ категорическими обобщеніями о гармоніи абортовъ съ современнымъ общественнымъ правосознаніемъ.

[2]) Особенно много интереснаго матеріала дано въ изслѣдованіи М. Н. Гернета, посвященномъ изученію дѣтоубійства.

Digitized by Google

Такъ, по даннымъ итальянской статистики за 1896—1900 годы поденщицы и фабричныя работницы, прислуга и живущія въ семьѣ при отцѣ, мужѣ или, вообще, при родныхъ даютъ самый большой процентъ и аборта, и дѣтоубійства, но у менѣе обезпеченныхъ и одинокихъ абортъ въ три или почти въ три раза рѣже, чѣмъ дѣтоубійство, у живущихъ въ семьѣ — въ $1^1/_2$ раза, что же касается лицъ, обезпеченныхъ капиталомъ, то они даютъ почти исключительно абортъ и почти не даютъ дѣтоубійства.

Сходны и данныя нѣмецкой и русской статистики. Они свидѣтельствуютъ, что въ названныхъ странахъ число доходящихъ до суда дѣтоубійствъ понижается, а абортовъ — возрастаетъ (то же можетъ быть отмѣчено относительно Австріи и Франціи), при чемъ число абортовъ среди сельскихъ работницъ значительно меньше числа абортовъ среди городской прислуги и фабричныхъ работницъ, но первая категорія даетъ значительно больше дѣтоубійствъ, чѣмъ двѣ вторыя; что же касается состоящихъ на службѣ и занимающихся либеральными профессіями, то у нихъ абортъ неизмѣримо превалируетъ надъ дѣтоубійствомъ.

Таковы данныя. Изъ нихъ, какъ намъ кажется, можно сдѣлать нѣсколько выводовъ. Можно утверждать, что между числомъ абортовъ и дѣтоубійствъ имѣется нѣкоторое взаимоотношеніе, такъ что число первыхъ возрастаетъ отчасти за счетъ вторыхъ, число которыхъ понижается; можно сказать далѣе, что, вслѣдствіе бѣдности деревни и большей, чѣмъ въ городѣ, трудности получить для аборта помощь врача или акушерки, естественно, въ деревнѣ избавленіе отъ беременности совершается гораздо чаще путемъ дѣтоубійства, чѣмъ путемъ аборта, а въ городѣ — наоборотъ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ выводъ, что для успѣшной борьбы съ дѣтоубійствомъ необходимо уничтожить наказуемость аборта. Для послѣдняго вывода нужно раньше доказать, что абортъ не является соціальнымъ зломъ, заслуживающимъ репрессіи, а этого сторонники указанной теоріи не дѣлаютъ, ограничиваясь ссылкой на то, что абортъ во всякомъ случаѣ есть зло меньшее, чѣмъ дѣтоубійство. Такая теорія пріемлемой быть не можетъ. Во-первыхъ, прямой и полной причинной зависимости между числомъ абортовъ и числомъ дѣтоубійствъ, какъ мы видѣли, не установлено: установлена лишь зависимость частичная; во-вторыхъ, едва ли можно санкціонировать положеніе, что для борьбы съ большимъ зломъ можно давать санкцію меньшему злу; тогда пришлось бы санкціонировать кражу для борьбы съ разбоемъ и грабежомъ, ибо статистика также свидѣтельствуетъ о частичной зависимости между первой и вторыми, а также о возрастаніи первой

Digitized by Google

и уменьшеніи вторыхъ, санкціонировать обольщеніе для борьбы съ изнасилованіемъ и т. п. Наконецъ, при бѣдности деревни и маломъ обезпеченіи ея медицинской помощью, даже путемъ санкціонированія аборта мы не понизимъ или почти не понизимъ числа дѣтоубійствъ, если не будетъ принято спеціальныхъ мѣръ для организаціи за счетъ государства или муниципалитетовъ обильной и безплатной помощи медицинскаго персонала спеціально для производства выкидышей, а допустима ли такая организація — это вопросъ болѣе, чѣмъ спорный и вообще, и въ особенности тамъ, гдѣ еще очень недостаточна даже надлежащая помощь больнымъ и умирающимъ, какъ это, напримѣръ, имѣетъ мѣсто въ нашей деревнѣ.

Равнымъ образомъ мы не можемъ по аналогичнымъ основаніямъ согласиться съ предложеніемъ бороться съ фактомъ массы незаконныхъ рожденій путемъ легализаціи аборта. Прибавимъ только, что это предложеніе оставляетъ открытымъ вопросъ объ отвѣтственности за истребленіе законнаго плода и останавливается на полпути, ибо съ такимъ же основаніемъ можно добиваться и легализаціи дѣтоубійства, но этого послѣдняго предложенія, въ ущербъ послѣдовательности, еще не дѣлалъ никто.

Что же касается указанія на тотъ фактъ, что аборты растутъ и растутъ, и такимъ образомъ угроза уголовнаго закона оказывается безсильной, а самый законъ ежечасно попирается и остается мертвой буквой, то по поводу этого указанія нельзя не замѣтить, что по существу оно вѣрно, но что отсюда все же еще не вытекаетъ необходимости признанія аборта ненаказуемымъ дѣяніямъ. Во-первыхъ, существуетъ немало дѣяній, которыя совершаются весьма часто, но, вслѣдствіе трудности собрать достаточное число уликъ и по цѣлому ряду другихъ причинъ, рѣдко попадаютъ на судъ; таковы многіе случаи отравленій, дѣтоубійства, мошенничества, фальсификаціи продуктовъ питанія, контрабанды, однополой любви и другіе. Попираются многіе законы и многіе оказываются безсильными, да и вообще современная наука центръ тяжести въ дѣлѣ борьбы съ преступностью полагаетъ въ мѣрахъ предупрежденія, а не въ угрозѣ уголовнаго закона, но отсюда вытекаетъ лишь необходимость, энергично работая надъ превенціей дѣяній, которыя являются вредными и нежелательными, въ то же время приближать уголовный законъ къ жизни и стараться поднять его значеніе, а вовсе не необходимость отмѣнить въ указанныхъ случаяхъ всякую репрессію, т.-е. капитулировать передъ растущимъ зломъ.

Итакъ, мы разобрали цѣлый рядъ доводовъ, связанныхъ съ вопросомъ о наказуемости аборта. Мы видѣли, что цѣлый рядъ

Digitized by Google

основаній, на которыхъ строится наказуемость аборта, не выдерживаетъ критики и не является пріемлемымъ, но мы видѣли также, что попытки доказать юридическую невозможность наказуемости аборта построены на софизмахъ, и что разборъ указанныхъ попытокъ приводитъ къ признанію возможности отнесенія аборта въ число уголовно-наказуемыхъ дѣяній.

Для подкрѣпленія этой возможности мы остановимся еще на нѣкоторыхъ соображеніяхъ.

Отнюдь не смѣшивая уголовнаго права съ этикой, мы можемъ тѣмъ не менѣе и въ правовой области производить учетъ извѣстныхъ моральныхъ цѣнностей. Отрѣшившаяся отъ столь частаго прежде безжизненнаго формализма наука уголовнаго права говоритъ намъ, что цѣлый рядъ этико-культурныхъ понятій добытъ человѣчествомъ путемъ долгой и трудной борьбы, и что уголовный законодатель, понимая высокую соціальную цѣнность этого культурно-этическаго капитала, долженъ способствовать его приращенію, а не умаленію. Рѣшающими для законодателя являются не соображенія морали, а соображенія о важности извѣстныхъ жизненныхъ интересовъ, но, регулируя послѣдніе, онъ во всѣхъ областяхъ права и слѣдовательно и въ области, нормируемой уголовнымъ закономъ, долженъ заботиться о томъ, чтобы, какъ справедливо замѣтилъ проф. Петражицкій, изъ катехизиса народныхъ понятій не вырывались, благодаря его, законодателя, дѣятельности, лучшія и наиболѣе цѣнныя страницы.

Уваженіе къ жизни, хотя бы не созрѣвшей, хотя бы еще находящейся въ зародышѣ, присуще, какъ мы видѣли, современнымъ культурнымъ народамъ и, наоборотъ, было неприсуще народамъ болѣе дикимъ и первобытнымъ и сейчасъ отсутствуетъ у народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, а потому очевидно, что законодатель, поскольку на его пути не выростаютъ другіе важные интересы (а мы далѣе увидимъ, что въ дѣйствительности это имѣетъ мѣсто), не можетъ отрѣшиться отъ указанной соціально-цѣнной идеи охраны жизни, даже еще находящейся въ зародышѣ, не можетъ и не долженъ провозгласить эту идею для государства безразличной и безусловно a priori отказаться отъ уголовной наказуемости аборта, переведя его такимъ образомъ безъ оговорокъ въ группу дѣяній дозволенныхъ.

Если мы видимъ стремительный и повсемѣстный ростъ абортовъ, если мы видимъ, что угроза уголовнаго закона явно не въ силахъ остановить этотъ ростъ, то отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что угрозу нужно отмѣнить и такимъ образомъ создать путь для того, чтобы всѣ колеблющіеся получили благодаря законодателю

Digitized by Google

новый толчокъ, и число абортовъ еще болѣе возросло, но уже при благосклонномъ содѣйствіи законодателя.

Мы отнюдь не преувеличиваемъ значенія идеи такъ наз. общаго предупрежденія, т.-е. предупрежденія преступленій путемъ угрозы уголовнаго закона; не въ ней, какъ увидимъ далѣе, усматриваемъ мы центръ тяжести въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, но отмѣна такой угрозы — это не борьба, а капитуляція, это отказъ даже отъ тѣхъ, пусть самыхъ скромныхъ результатовъ, которые можетъ дать и даетъ общее предупрежденіе.

III.

Мы пришли, такимъ образомъ, къ нѣкоторымъ итогамъ, но итоги эти нельзя признать окончательными. Мы до сихъ поръ вращались въ предѣлахъ вопроса о возможности выступать на охрану зародыша путемъ примѣненія уголовнаго закона и говорили о зародышѣ, какъ объ элементѣ, съ которымъ связаны общественные интересы, словомъ о томъ, что въ уголовномъ правѣ именуется объективной стороной; мы не учитывали ни возможной конкретной обстановки при разныхъ случаяхъ аборта, ни свойствъ и качествъ тѣхъ лицъ, которыя совершаютъ данное преступленіе, ни тѣхъ причинъ и побужденій, которыя вызываютъ къ жизни это преступленіе. Изученіе же этой такъ наз. субъективной стороны имѣетъ громадное значеніе и можетъ заставить насъ внести самыя серіозныя измѣненія въ принятый нами общій принципъ, въ силу котораго законадатель имѣетъ право признавать абортъ преступнымъ дѣяніемъ и долженъ это дѣлать, поскольку на своемъ пути не встрѣтитъ вѣскихъ контръ-соображеній.

Мы отнюдь не можемъ и не желаемъ отстаивать ту позицію, какую въ данномъ вопросѣ занимаютъ современныя законодательства и такъ наз. классическая школа науки уголовнаго права, мало обращающая вниманія на субъективную сторону аборта. То научное теченіе, credo котораго мы раздѣляемъ, не желаетъ ограничиться чисто абстрактнымъ и оторваннымъ отъ жизни изученіемъ преступныхъ дѣяній и ихъ наказуемости. Мы желаемъ возможно болѣе учесть личность преступника, и скрывающіеся въ этой личности біологическіе корни преступности; мы стремимся познать тѣ соціальные факторы, которые творятъ ту или иную категорію преступленій; мы защищаемъ не возмездіе, а разумную охрану соціальныхъ интересовъ путемъ возможно болѣе цѣлесообразной борьбы съ преступностью.

Digitized by Google

Эта борьба должна вестись широко, съ одной стороны какъ можно интенсивнѣе захватывая область предупрежденія преступленій, которой до сихъ поръ такъ мало занимались юристы, а съ другой — отражаясь на дѣлѣ репрессіи такъ, чтобы въ этомъ дѣлѣ вмѣсто шаблона и нивеллировки явился учетъ особенностей индивидуальнаго случая, мотивовъ, которыми руководствовался виновный и т. п.

Оглянемся прежде всего на то, откуда проистекаетъ страшный ростъ абортовъ; вспомнимъ тѣ статистическія данныя, которыя мы уже приводили, вспомнимъ, что̀ приходится видѣть и слышать врачамъ, которые чаще всѣхъ другихъ лицомъ къ лицу становятся съ ужасной проблемой аборта, — и мы должны будемъ признать, что причины даннаго явленія чрезвычайно разнообразны, но громадная часть ихъ коренится въ ненормальныхъ условіяхъ современнаго спеціально-экономическаго строя вообще и положенія женщины въ частности, въ узости и односторонности взглядовъ общества, нерѣдко близкихъ къ старымъ предразсудкамъ, и въ другихъ подобныхъ причинахъ.

Тяжелымъ, а иногда прямо почти безвыходнымъ является даже положеніе беременныхъ семейныхъ, а тѣмъ болѣе тѣхъ, которыя беременѣютъ внѣ брака.

Неумолимыя и неопровержимыя статистическія данныя говорятъ намъ, напримѣръ, о томъ, что при существующемъ соціально-экономическомъ строѣ время отъ времени разражаются кризисы, приносящіе съ собою разореніе имущихъ и выбрасываніе на улицы цѣлыхъ массъ теряющаго работу пролетаріата. Да и помимо кризисовъ имѣется постоянная то убывающая, то возрастающая армія безработныхъ, т.-е. людей, желающихъ трудиться, ищущихъ работы, но ея не получающихъ. Представимъ себѣ, что забеременѣла жена такого безработнаго или дочь его, прибавимъ сюда наличность длительнаго кризиса и многосемейности, и мы увидимъ, что беременность въ такихъ условіяхъ является ужасомъ, создаетъ безвыходное положеніе.

Вспомнимъ, далѣе, о прислугѣ замужней и незамужней. Съ того момента, когда беременность становится замѣтной, первую обыкновенно «отпускаютъ», и она, будучи въ громадномъ большинствѣ случаевъ женой неимущаго, попадаетъ въ тиски острой нужды, вторую же прогоняютъ съ негодованіемъ, снабдивъ дозой нравоученій, и она оказывается на улицѣ, не имѣя выхода даже въ проституціи.

Вспомнимъ объ одинокихъ женщинахъ и дѣвушкахъ, живущихъ случайнымъ поденнымъ трудомъ, особенно же о дѣвушкахъ.

Digitized by Google

По справедливому замѣчанію Бишофа, не говоря уже о позорѣ, которымъ общество клеймитъ безбрачныхъ матерей, наши экономическія условія таковы, что для бѣдной дѣвушки совершенно невозможно поддержать себя въ теченіе беременности, а затѣмъ заработать на содержаніе себѣ и ребенку и заняться самой его воспитаніемъ.

Но, если мы нѣсколько выше подымемся по соціальной лѣстницѣ, то увидимъ, что и тутъ беременность можетъ совершенно выбивать изъ колеи и создавать критическое положеніе. Жены мелкихъ чиновниковъ, учительницы, компаньонки, гувернатки, телеграфистки, телефонистки, служащія въ магазинахъ и много другихъ, даже если онѣ замужемъ, при беременности могутъ потерять свой трудъ или даже внести въ семью тяжкую нужду, особенно, когда и безъ того уже имѣются дѣти. Что же касается незамужнихъ, то имъ беременность грозитъ зачастую полной гибелью.

Вообще, поскольку дѣло касается незамужнихъ, то съ экономическими причинами, толкающими на абортъ, конкуррируютъ причины моральныя, — тотъ позоръ, который общество обрушиваетъ на забеременѣвшую. Уже въ XVIII вѣкѣ Бриссо де-Варвилль отмѣтилъ, что съ одной стороны стоитъ этотъ позоръ, а съ другой — законъ, сурово карающій тѣхъ, кто желаетъ избѣжать позора посредствомъ аборта. «Какое противорѣчіе», восклицаетъ Бриссо; «необходимо одно изъ двухъ: или уважать всякую беременность, или смягчить суровость закона».

Но и помимо этой альтернативы, прибавимъ мы, необходимо повести энергичную борьбу съ причинами аборта для того, чтобы по возможности устранить ихъ, а поскольку это не удастся, смягчить ихъ вліяніе. Къ сожалѣнію мы, находясь уже въ XX вѣкѣ, мало ушли отъ временъ Бриссо, мало поработали для устраненія даннаго зла и остались чуть не цѣликомъ при указанной имъ противорѣчивой альтернативѣ. Законы даже въ нѣкоторыхъ передовыхъ странахъ все еще ограничиваютъ женщину въ правахъ, затрудняя ей и безъ того нелегкую борьбу за существованіе. Поскольку дѣло касается полового вопроса, законы сплошь и рядомъ всю тяжесть половой связи и ея послѣдствій возлагаютъ на женщину и болѣе чѣмъ снисходительны къ мужчинѣ, даже тогда, когда онъ являлся прямымъ соблазнителемъ. Присоединимъ сюда тотъ падающій на женщину позоръ, о которомъ мы уже упоминали, — и въ итогѣ получится картина чрезвычайно яркая и трагическая по содержанію.

Положеніе дѣлъ усугубляется тѣмъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣе становится борьба за существованіе. Растетъ дороговизна

Digitized by Google

жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ число браковъ, понижается возможность выйти замужъ безприданницѣ, повышается возрастъ вступающихъ въ бракъ и т. п. Все это факты общаго характера, прямо отражающіеся на половомъ вопросѣ, а по связи съ нимъ на беременности и абортѣ, не говоря уже о фактахъ исключительныхъ, напримѣръ, о встрѣчающихся даже въ наши дни законахъ и постановленіяхъ, воспрещающихъ вступать въ бракъ учительницамъ, или воспрещающихъ дѣвушкамъ, служащимъ на почтѣ или телеграфѣ, выходить замужъ за кого-либо, кромѣ чиновниковъ того же вѣдомства.

Такимъ образомъ все болѣе и болѣе затрудняется для женщины удовлетвореніе полового инстинкта въ рамкахъ брака, да и при наличности послѣдняго, благодаря экономическимъ причинамъ во многихъ случаяхъ не устраняется острота вопроса объ абортѣ; внѣ же рамокъ брака остается масса женщинъ. Многія изъ нихъ во имя этическихъ началъ борются съ половымъ инстинктомъ и съ тѣми соблазнами, которые жизнь расточаетъ на ихъ пути; многія падаютъ въ этой тяжкой борьбѣ и лицомъ къ лицу становятся передъ диллемой, одна изъ сторонъ которой — абортъ.

Въ рамкахъ журнальной статьи мы, конечно, не можемъ начертить программы предупредительныхъ мѣръ, но мы считали бы, что нашъ научный долгъ не исполненъ, если бы мы не указали на необходимость этихъ мѣръ, на линію, по которой должны итти эти мѣры, и на тѣ факторы, которые вызываютъ аборты. Пока центръ тяжести въ дѣлѣ борьбы съ абортами не будетъ сюда перенесенъ, пока не подымется положеніе женщины вообще, не облегчится юридически и фактически положеніе женщины-матери и особенно дѣвушки-матери, не будутъ выработаны мѣры экономической помощи будущимъ матерямъ, до тѣхъ поръ сложныя причины, питающія абортъ, сохранятъ свою силу и положеніе дѣлъ къ лучшему не измѣнится.

Обращаясь теперь отъ превенціи къ репрессіи, мы должны будемъ при рѣшеніи вопроса о наказуемости аборта и предѣлахъ послѣдней учесть тѣ сложныя причины, которыя, отражаясь въ сознаніи дѣйствующихъ лицъ, становятся мотивами ихъ преступленій.

Мы уже высказались за возможность репрессіи въ случаѣ аборта, но высказались въ томъ смыслѣ, что нельзя a priori признать репрессію безусловно необходимой во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія. Та фактическая картина, которую мы уже дали, заставляетъ насъ признать, что здѣсь невозможна нивеллировка, подведеніе всѣхъ случаевъ подъ одинъ шаблонъ.

Большой фактическій матеріалъ, собранный юристами и медиками, изслѣдовавшими вопросы объ абортѣ, показываетъ намъ,

Digitized by Google

что это дѣяніе можетъ быть вызвано мотивами самаго разнообразнаго порядка. Съ одной стороны, сюда входятъ суетность, жажда безпрепятственныхъ выѣздовъ и развлеченій или безпрерывныхъ наслажденій, боязнь испортить красоту или формы, нежеланіе нести сложныя и тяжелыя обязанности матери, крайній эгоизмъ, желаніе не дробить состоянія, т.-е. цѣликомъ передать его только одному ребенку, при существованіи котораго больше не желаютъ имѣть дѣтей, и т. п. мотивы, которые не могутъ быть отнесены въ категорію этико-соціальныхъ. Съ другой стороны, мы уже видѣли, что преступленіе аборта питается цѣлымъ рядомъ экономическихъ причинъ и соціальныхъ нестроеній; въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ передъ собой тяжко угнетенную психику и такіе мотивы, какъ страхъ позора, стыдъ, отчаяніе, сознаніе безвыходнаго матеріальнаго положенія; эти мотивы свидѣтельствуютъ намъ, что передъ нами лицо, которое согласно классификаціи, принятой соціологической школой, мы должны отнести въ группу случайныхъ преступниковъ, въ группу тѣхъ, кого на преступленіе толкаютъ лишь неблагопріятно сложившіяся обстоятельства, кто по природѣ можетъ быть вовсе не склоненъ къ причиненію зла, не имѣетъ дурныхъ привычекъ и преступныхъ предрасположеній, а потому заслуживаетъ со стороны уголовнаго законодателя особо внимательнаго и осторожнаго къ себѣ отношенія.

Мы думаемъ поэтому, что, учитывая поразительное разнообразіе относящихся сюда случаевъ, законодатель долженъ установить различные типы абортовъ съ неодинаковыми правовыми послѣдствіями. Для детальной разработки соотвѣтствующихъ проектовъ нужно значительное время; для успѣха ихъ было бы чрезвычайно полезно сотрудничество многихъ силъ. Мы теперь лишь намѣтимъ схему и дадимъ соотвѣтствующіе примѣры.

Остановимся прежде всего на случаяхъ, когда абортъ долженъ быть признанъ не только ненаказуемымъ, но и правомѣрнымъ. Современное законодательство знаетъ лишь одинъ случай этого рода: абортъ для спасенія жизни матери, которая иначе погибнетъ во время родовъ. Мы думаемъ, что эта группа должна быть расширена. Актъ зачатія есть послѣдствіе акта совокупленія и по основному юридическому правилу послѣдствія акта обязанъ нести лишь тотъ, кто шелъ на самый актъ добровольно и сознательно. Поэтому тамъ, гдѣ женщина была изнасилована или приведена въ состояніе безсознательности, тамъ, гдѣ было произведено растлѣніе малолѣтней съ употребленіемъ во зло ея невинности и довѣрія, тамъ, гдѣ женщина пошла на половой актъ, будучи психически больной или отъ рожденія лишенной разума, и въ другихъ

Digitized by Google

подобныхъ случаяхъ принципъ охраны интересовъ зародыша долженъ отступать передъ принципомъ свободы. Если мы не переводимъ женщину въ положеніе рабы общества и государства, мы не можемъ требовать, чтобы, во имя преслѣдуемой государствомъ цѣли, она брала на себя послѣдствія дѣянія, котораго она не желала, которое явилось поруганіемъ надъ ней и, можетъ-быть, и безъ того разбило ея жизнь. Если она не является невмѣняемой, она сама должна рѣшить, желаетъ или не желаетъ она носить и затѣмъ родить плодъ, самое зачатіе котораго явилось преступленіемъ по отношенію къ ней; если она невмѣняема, — этотъ вопросъ должны рѣшить ея законные представители, на которыхъ должно упасть бремя заботы о будущемъ ребенкѣ, и, если они за абортъ, — это ихъ право, которое принадлежитъ имъ во имя интересовъ рода, въ данномъ случаѣ совпадающихъ съ интересами общества, для котораго потомство душевно-больныхъ, какъ учитъ опытъ, является тяжелымъ и часто опаснымъ бременемъ, ибо не даромъ же законы (въ томъ числѣ и наши) запрещаютъ вступать въ бракъ съ безумными и сумасшедшими.

Слѣдующую категорію, которую мы намѣчаемъ по аналогіи съ ученіемъ о крайней необходимости (подобно тому, какъ первая категорія конструирована по аналогіи съ ученіемъ о необходимой оборонѣ) образуютъ тѣ случаи, когда абортъ будетъ признаваемъ неправомѣрнымъ, но не будетъ влечь за собою наказанія.

Помимо случаевъ крайней необходимости, нѣкоторыя законодательства (не при абортѣ) допускаютъ комбинаціи, подобныя намѣченной нами. Таковы, напримѣръ, случаи такъ наз. excuses légales французскаго права, расширеніе которыхъ предлагается новыми законодательными проектами и многими теоретиками.

Если мы пойдемъ по тому же пути примѣнительно къ аборту, если мы въ этой области разовьемъ основныя идеи ученія о крайней необходимости и объ excuses légales, то мы получимъ прочное юридическое основаніе для освобожденія отъ наказанія многихъ случаевъ аборта, которые въ то же время не будутъ признаваемы правомѣрными.

Первую категорію здѣсь могутъ составить тѣ случаи, когда актъ совокупленія былъ добровольнымъ, но при этомъ были на лицо такія обстоятельства, которыя были скрыты отъ будущей матери, но наличность которыхъ грозитъ опасностью ея здоровью или дѣлаетъ неизбѣжнымъ появленіе на свѣтъ больного плода, который явится для нея тяжелымъ бременемъ. Таковы, напримѣръ, случаи, когда во время беременности выяснилось, что отецъ ребенка душевно-больной, невылѣченный сифилитикъ и т. п.

Digitized by Google

Вторая категорія слагается изъ случаевъ, когда женщина забеременѣвшая имѣетъ выборъ между абортомъ и самоубійствомъ или гибелью. При этой комбинаціи плодъ погибаетъ безусловно, но въ первомъ случаѣ погибаетъ онъ одинъ, а во второмъ вмѣстѣ съ нимъ погибаетъ и мать; такъ какъ жизнь человѣка есть благо высшее жизни зародыша, то здѣсь, если благо болѣе цѣнное спасается за счетъ менѣе цѣннаго при наличности такой опасности, которая неотвратима иными путями, мы имѣемъ на лицо условія крайней необходимости и, слѣдовательно, основаніе для освобожденія отъ наказанія.

Примѣры здѣсь могутъ быть крайне разнообразны. Не имѣющая ни средствъ, ни близкихъ людей, выгнанная съ мѣста прислуга, тщетно ищущая заработка и очутившаяся на краю нищеты и голода, забеременѣвшая дѣвушка, укрывающаяся отъ деспота отца, который разыскиваетъ ее, чтобы убить за позоръ, который она навлекла на семью, жена безработнаго, которая, имѣя нѣсколькихъ и безъ того болѣющихъ отъ недоѣданія дѣтей, вновь оказывается беременной и попадаетъ въ безвыходное положеніе вмѣстѣ съ этими дѣтьми и т. д., и т. д.

Вся трудность здѣсь заключается въ томъ, что обстоятельство, создающее безвыходность положенія, должно быть доказано, а потому законодатель можетъ сдѣлать лишь одно: установить принципіальное положеніе, а провѣрку фактовъ предоставить суду. Намъ могутъ сказать, что, разъ допускается судебная провѣрка, то сохраняется этимъ самымъ огласка, — словомъ, то что и толкаетъ очень часто на абортъ. Но, во-первыхъ, мы считаемъ такія опасенія преувеличенными, ибо по такимъ дѣламъ негласность производства, особенно предварительнаго, должна быть общимъ правиломъ: во-вторыхъ, въ будущемъ возможно установленіе для подобныхъ дѣлъ особыхъ судовъ, соотвѣтствующихъ идеѣ судовъ совѣсти, съ обязательнымъ допущеніемъ въ ихъ составъ женщинъ, которыя, конечно, съ особой заботливостью отнесутся къ интересамъ обвиняемыхъ. Пока же мы считаемъ важнымъ уже то, что будетъ сломленъ старый ригористическій принципъ, не считавшійся съ реальными условіями жизни, и откроется путь къ освобожденію отъ наказанія тѣхъ, кто, во имя правильно понимаемыхъ общественныхъ интересовъ, наказанія не заслуживаетъ. Дальнѣйшее развитіе устанавливаемаго нами новаго принципа явится дѣломъ будущаго.

Въ остальныхъ случаяхъ, по причинамъ, изложеннымъ нами выше, мы не считаемъ возможнымъ установить ни правомѣрности, ни ненаказуемости аборта. Но, такъ какъ эти случаи могутъ быть

Digitized by Google

чрезвычайно разнообразны, начиная со случаевъ, гдѣ хотя и нѣтъ на лицо тѣхъ крайнихъ условій, которыя отнесены нами во вторую группу, но имѣются мотивы, чуждые низкаго или своекорыстнаго характера (напримѣръ, страхъ дурного обращенія со стороны родителей, нужда, боязнь позора и т. п.), и кончая случаями съ мотиваціей совершенно иного рода, то здѣсь необходима самая широкая индивидуализація наказанія и широкія рамки наказанія. Въ видѣ минимума наказаніемъ долженъ быть арестъ; въ этихъ, а также въ средней тяжести случаяхъ, должно допускаться условное осужденіе, но максимумъ наказанія долженъ быть довольно высокъ, чтобы въ рукахъ суда было надлежащее оружіе для борьбы съ случаями аборта особенно тяжкими и вредными. Объ этихъ случаяхъ мы скажемъ дальше.

IV.

Сдѣлавъ эти предложенія, мы все же даже въ общихъ чертахъ не закончили рѣшенія вопроса. Мы до сихъ поръ говорили объ отвѣтственности за абортъ самихъ беременныхъ; необходимо въ заключеніе коснуться отвѣтственности тѣхъ, къ кому для аборта обращаются беременныя, — отвѣтственности врачей и другихъ спеціалистовъ.

Когда говорятъ, что вся тяжесть вопроса объ абортѣ лежитъ на женщинахъ, это не совсѣмъ вѣрно: лежитъ она и на врачахъ. Случилась беременность, принесшая не радость, а тяжкое горе, бѣгутъ къ врачу, которыя выслушиваетъ зачастую повѣсть безысходныхъ страданій, и передъ врачомъ становится трагическая диллема. Что дѣлать? Помочь? Но законъ строгъ и неумолимъ, и съ нимъ идетъ объ руку современная врачебная присяга. А если тайна какъ-нибудь обнаружится? А если, несмотря на всѣ предосторожности, абортивная операція окончится неудачно? А если окажешь помощь, а потомъ сдѣлаешься жертвой систематическаго шантажа? Тутъ и перспектива суда, и огласка въ печати, и возможность въ той же печати ожесточенной травли со стороны людей, не разбирающихся въ особенностяхъ даннаго случая или даже не знающихъ объ этихъ особенностяхъ.

Не дрогнуть и отказать, даже тогда, когда слышишь и видишь, что трагедія жизни толкаетъ паціентку на неизбѣжную гибель? Правда, законъ будетъ тогда исполненъ, но что придется пережить и перечувствовать врачу, если на слѣдующій же день онъ прочтетъ, что своимъ отказомъ онъ жизни плода все же не спасъ, что жертва нежеланнаго материнства покончила съ собой, едва выйдя изъ его пріемной.

Digitized by Google

Тяжелый и мучительный получается конфликтъ, и рѣдкій изъ врачей-гинекологовъ не сможетъ примѣнить къ себѣ стихъ поэта:

«Не въ силахъ разрѣшать вопросовъ я такихъ,
Но только матери рыданья
Еще звучатъ въ ушахъ моихъ»...

Прекратятся эти конфликты и кончится трагедія лишь съ коренным измѣненіемъ существующаго соціальнаго строя, измѣненіемъ экономическихъ условій, положенія женщины въ бракѣ и внѣ брака, общественныхъ правовоззрѣній, а частью и этико-соціальныхъ понятій. Но времена эти далеки и даже, вѣрнѣе сказать, очень далеки, а жизнь не ждетъ и требуетъ отъ насъ отвѣта. Если мы не можемъ исцѣлить зла, мы должны дать возможно лучшіе палліативы, сгладить особенно острые и рѣжущіе углы.

Это мы и предлагали въ посильной попыткѣ общаго рѣшенія вопроса; это предложимъ и теперь, разсматривая частный вопросъ объ отвѣтственности врачей.

Врачъ—спаситель, а не губитель жизни; въ этомъ смыслъ его профессіи, въ этомъ его главное призваніе. Но поскольку законъ долженъ будетъ признать, что будущую жизнь, жизнь зародыша нельзя спасать, не взирая ни на какія условія и обстановку зарожденія, поскольку сдѣлается яснымъ, что, когда мать стоитъ на краю гибели, мы не можемъ жертвовать ея жизнью для спасенія зародыша, который все равно погибнетъ, если мать покончитъ съ собой, поскольку, наконецъ, какъ мы видѣли, нужна широкая индивидуализація отвѣтственности беременной за абортъ во вниманіе къ мотивамъ и условіямъ конкретнаго случая, постольку необходимымъ изъ всего этого выводомъ является полное измѣненіе отвѣтственности врачей за абортъ.

Если врачъ является соучастникомъ и помощникомъ, то его отвѣтственность, по элементарнымъ началамъ ученія о соучастіи, должна строиться аналогично съ отвѣтственностью той, которой путемъ аборта онъ помогалъ освободиться отъ беременности. На одинаковыхъ основаніяхъ и здѣсь мы должны конструировать три категоріи: абортъ правомѣрный, абортъ неправомѣрный, но ненаказуемый, и абортъ наказуемый, но наказуемый по началамъ широкой индивидуализаціи, съ допущеніемъ значительнаго смягченія наказанія во вниманіе къ ранѣе указаннымъ нами началамъ.

Существующая въ современныхъ уголовныхъ кодексахъ безусловная квалифицированная отвѣтственность за абортъ лицъ медицинскаго персонала и въ особенности врачей — неправильна и нецѣлесообразна. Неправильна она потому, что здѣсь чувствуется

Digitized by Google

презумпція, игнорирующая разнообразіе у врача возможныхъ мотивовъ, и потому, что, благодаря существующей квалификаціи, въ привилегированное сравнительно съ лицами медицинскаго персонала положеніе попадаютъ не только не имѣющіе права врачеванія фармацевты, аптекаря и т. п., но и всевозможные шарлатаны, знахари и другіе невѣжды, абортивная практика которыхъ грозитъ обществу неизмѣримо болѣе вредными послѣдствіями для здоровья и жизни «врачуемыхъ» ими матерей, чѣмъ содѣйствіе врачей.

Отмѣняя обязательную квалификацію и строго индивидуализируя отвѣтственность врачей, мы облегчимъ ихъ совѣсть, мы дадимъ имъ выходъ въ наиболѣе вопіющихъ случаяхъ и этимъ самымъ сократимъ тѣ ужасы, которые происходятъ на почвѣ абортивной практики, осуществляемой частью людьми малокомпетентными, частью круглыми невѣждами.

Поэтому квалификацію мы допускаемъ лишь въ одномъ случаѣ, когда она требуется по началамъ современной науки, выдѣляющей въ особую болѣе тяжелую группу преступниковъ привычныхъ и профессіональныхъ, дѣйствующихъ по антисоціальнымъ и антиэтичнымъ мотивамъ; это случай обращенія абортовъ въ спеціальность, профессіональное ими занятіе съ корыстными цѣлями.

V.

Работа наша кончена. Въ ней мы дали лишь общіе штрихи, лишь аккорды того, что по нашему убѣжденію должно явиться «музыкой будущаго». Трудно было дать даже эти штрихи. Мы здѣсь вращаемся въ области одного изъ такъ называемыхъ проклятыхъ вопросовъ, гдѣ такъ сложенъ каждый шагъ, гдѣ каждое предложеніе приходится переболѣть, проходя черезъ рядъ нелегкихъ колебаній.

Недаромъ же одни, подробно останавливаясь на фактической сторонѣ вопроса, очень мало дѣлаютъ опредѣленныхъ фактическихъ предложеній, рѣзко, напримѣръ, подчеркивая, что при наличности мощныхъ соціальныхъ факторовъ нельзя говорить о безнравственности абортовъ (Schultzenstein, у. с.), но въ то же время не дѣлая полностью выводовъ изъ своихъ предпосылокъ.

Другіе (Schneikert, у. с.) во имя моральныхъ соображеній не отказываются отъ наказуемости аборта, но, когда рѣчь идетъ о плодѣ незаконномъ, предлагаютъ оставлять безъ наказанія умерщвленіе его матерью до 6-го мѣсяца беременности.

Третьи (Закъ, у. с.) отстаиваютъ полную ненаказуемость матери, но въ то же время допускаютъ наказуемость совершившихъ

Digitized by Google

съ согласія матери абортъ спеціалистовъ, ставя отвѣтственность послѣднихъ въ зависимость отъ мотивовъ ихъ поведенія.

Четвертые (Liszt, у. с.) требуютъ полной безнаказанности всякаго аборта, если онъ совершенъ не позже указаннаго въ законѣ опредѣленнаго срока, но опять-таки допускаютъ отвѣтственность помогавшаго сдѣлать абортъ спеціалиста, а равно требуютъ согласія на абортъ мужа, если дѣло идетъ о замужней.

Пятые (Gross, Фуксъ), находя, что абортъ безусловно долженъ быть наказуемымъ, мало считаются съ возраженіями, имѣющимися въ литературѣ, и не даютъ себѣ достаточнаго отчета въ соціальныхъ, этическихъ и практическихъ послѣдствіяхъ предложеннаго ими радикальнаго рѣшенія.

Автора настоящей статьи предложенныя рѣшенія, какъ видно изъ всего вышесказаннаго, не удовлетворяютъ; онъ считаетъ одни изъ предложенныхъ рѣшеній непріемлемыми по существу, другія — недостаточно послѣдовательными, третьи — искусственными и непрактичными, но онъ понимаетъ, что каждое изъ этихъ рѣшеній является результатомъ глубоко добросовѣстнаго стремленія найти выходъ изъ существующаго ненормальнаго положенія.

Сознавая неполноту и несовершенство своего труда, авторъ тѣмъ не менѣе готовъ отстаивать выдвинутыя имъ положенія, продиктованныя научными убѣжденіями, интересомъ къ вопросу и совѣстью. Онъ будетъ удовлетворенъ, если ему хоть немного удалось разсѣять мрачный туманъ, окутывающій теперь вопросъ объ абортѣ, и хоть немного приблизиться къ тому, чего и въ наукѣ и въ жизни вѣками ищетъ и всегда будетъ искать человѣчество,— приблизиться къ истинѣ.

М. Чубинскій.

Digitized by Google

О мѣрахъ противъ недобросовѣстныхъ неплатежей и о переходѣ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій.

Торговля и промышленность, повидимому, приближаются къ тому кризису, который, по ученію экономистовъ, періодически наступаетъ, смѣняя собою благопріятную конъюнктуру. Особенно это можно сказать относительно нашей мануфактурной промышленности, которая послѣ значительнаго расцвѣта и колоссальныхъ барышей до 30—40% дивиденда переживаетъ въ настоящее время большія затрудненія. Однимъ изъ естественныхъ послѣдствій неблагопріятной конъюнктуры являются неплатежи долговъ, которые достигли въ послѣднее время огромныхъ размѣровъ и возбуждаютъ всеобщее безпокойство въ промышленныхъ и торговыхъ кругахъ. Одной изъ причинъ, почему значительная часть неплатежей падаетъ на промышленность мануфактурную, какъ намъ кажется, слѣдуетъ признать именно эти огромные дивиденды, благодаря которымъ фабриканты и оптовые торговцы безъ достаточной осмотрительности предоставляли кредитъ обширному кругу лицъ. Дѣлалось это по тому, довольно основательному, соображенію, что возможныя потери на дебиторахъ, хотя бы и значительныя по суммѣ, не могли оказывать замѣтнаго вліянія на высоту дивиденда. Но, по мѣрѣ приближенія кризиса, дивидендъ началъ падать и неплатежи стали ощутительнѣе. Группой московскихъ промышленниковъ сдѣланъ для Государственной Думы подсчетъ неплатежей за январь и по 18-е февраля настоящаго года; данныя эти собраны Справочной Конторой о кредитоспособности при Обществѣ Фабрикантовъ и Заводчиковъ, которой зарегистровано 963 неплатежа, изъ которыхъ падаетъ 58% на южный и западный районы и Царство Польское. Общія потери по всей Россіи по прекращенію платежей, примѣрно, 720-ью фирмами, составляютъ 54.793.000 руб. За 1912 годъ — 2.003 случая прекращенія пла-

Digitized by Google

тежей съ пассивомъ въ 170.308 тыс. руб. Число банкротовъ не измѣняется, не уменьшается и число неоплаченныхъ обязательствъ. Часть этихъ неплатежей приходится отнести къ числу недобросовѣстныхъ. Въ вышедшемъ недавно спискѣ извѣщеній о неплатежахъ и непринятомъ товарѣ (іюль — декабрь 1912 г.), издаваемомъ Обществомъ Зав. и Фабр. Моск. Пром. Района, читаемъ:

«Минувшій годъ для русской торговли по всей справедливости оказался «чернымъ». Наряду съ неплатежами, бывшими отголоскомъ неурожая 1911 г., а также вызванными послѣднимъ недородомъ и гибелью техническихъ растеній и хлѣбныхъ злаковъ на югѣ Россіи и, наконецъ, осложненіями въ международныхъ политическихъ отношеніяхъ, значительное число неплатежей не оправдывалось ничѣмъ, кромѣ желаніемъ многихъ перепродавцевъ, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, выгодно устроить свои дѣла. Противъ этихъ злостныхъ неплательщиковъ сейчасъ направлены всѣ организованныя силы купечества и промышленниковъ, вотъ уже почти два года настойчиво добивающихся осуществленія новыхъ юридическихъ нормъ для борьбы съ неплатежами и укрывательствомъ имущества. Но вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ правовыхъ институтовъ, которые, въ концѣ концовъ, не могутъ исправить торговые нравы достаточно скоро, необходима самоорганизація торговаго сословія для охраны самихъ себя отъ скомпрометтированныхъ членовъ теперь же. Такой именно самоорганизаціей и является учрежденная при Обществѣ Заводчиковъ и Фабрикантовъ Московскаго Промышленнаго Района регистрація неплательщиковъ, дѣйствующая путемъ закрытія кредита въ торговыхъ фирмахъ и банкахъ повсемѣстно, тѣмъ, кто не оправдалъ своихъ торговыхъ обязательствъ».

Само собой разумѣется, что нѣтъ никакой возможности установить статистически, какой именно процентъ неплатежей можетъ считаться недобросовѣстнымъ, но, по мнѣнію заинтересованныхъ круговъ, увеличилось число обмановъ со стороны дебиторовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ распространился слухъ объ изготовленіи проекта новаго закона противъ недобросовѣстныхъ неплатежей. Цѣлый рядъ должниковъ, желая застраховать себя отъ дѣйствія новаго закона и, вѣроятно, преувеличивая его строгость и значеніе, торопится совершать фиктивныя передачи своего имущества, во избѣжаніе платежа долговъ. Повидимому, нѣтъ возможности дать, хотя бы приблизительно, цифровой матеріалъ. Но, для полноты картины, я считаю необходимымъ указать и на этотъ фактъ, извѣстный мнѣ изъ личныхъ моихъ сношеній съ заинтересованными кругами.

Предпріятіямъ, оказывающимъ кредитъ, пришлось задуматься относительно мѣръ противъ названнаго угрожающаго явленія. И вотъ мы видимъ, что заинтересованныя лица прибѣгаютъ къ самымъ разнообразнымъ способамъ: образуются небольшіе союзы лицъ, оказывающихъ кредитъ, устраиваются періодически еженедѣльныя совѣщанія, на которыхъ обсуждаются какъ общія нормы, такъ и отдѣльные случаи неплатежей. Эти же лица на общія средства организуютъ взысканія, обращаясь для этого

Digitized by Google

къ опытнымъ повѣреннымъ. Было даже, насколько мнѣ извѣстно, предположеніе объ организаціи спеціальнаго синдиката съ обязательствомъ другъ передъ другомъ отказывать въ кредитѣ каждому должнику, который не оплатилъ своихъ обязательствъ одному изъ членовъ синдиката. Отдѣльныя эти мѣропріятія, можетъ-быть, принесутъ свою частичную пользу, но, конечно, не разрѣшаютъ вопроса о мѣрахъ противъ неплатежей. Затѣмъ, въ 1908 году, по иниціативѣ оптоваго торговца сельдями г. Волкова организованъ въ Москвѣ такъ называемый Временный Комитетъ по изысканію мѣръ противъ неплатежей. Въ этомъ комитетѣ цѣлый рядъ коммерсантовъ и представителей промышленныхъ фирмъ сообщили свои соображенія по поводу этихъ мѣръ, и былъ выработанъ проектъ закона противъ недобросовѣстныхъ отвѣтчиковъ и должниковъ. По этому проекту измѣнялся порядокъ правилъ: о торговыхъ книгахъ, о вручении повѣстки, о вызовѣ черезъ публикацію, объ исполненіи рѣшеній. Но проектъ этотъ, насколько мнѣ извѣстно, не получилъ движенія. Одновременно тѣмъ же комитетомъ разрабатывался и проектъ новыхъ правилъ о переходѣ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій; проектъ этотъ былъ разсмотрѣнъ Юридической Комиссіей Московскаго Биржеваго Комитета, гдѣ онъ значительно видоизмѣненъ и, послѣ представленія въ Министерство Торговли и цѣлаго ряда междувѣдомственныхъ совѣщаній и заключеній московскихъ юристовъ, получилъ форму проекта, представленнаго 19-го января настоящаго года въ Государственную Думу. Проектъ этотъ и послужитъ предметомъ настоящей статьи.

Независимо отъ вышеуказанныхъ частичныхъ мѣръ отдѣльныхъ коммерсантовъ и организацій, нельзя не упомянуть, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ противъ недобросовѣстныхъ должниковъ кредиторы пользовались и пользуются 2-мъ пунктомъ 1529 ст. X тома. Но всѣ эти мѣры являются просто палліативомъ: современное законодательство мало защищаетъ кредитора, торговое законодательство наше устарѣло и сплошь и рядомъ оправдываетъ афоризмъ, что торговый уставъ писали несостоятельные должники; уставъ же гражданскаго судопроизводства, какъ всѣмъ извѣстно, производитъ такое впечатлѣніе, что составители его главнымъ образомъ безпокоились за судьбу должника, предоставляя кредитору заботиться самому о себѣ.

Пунктъ 2-й 1529 ст. ставитъ кредитору на пути къ достиженію цѣли такія преграды, при которыхъ передъ нимъ часто выростаетъ диллема: разориться отъ должника или разориться отъ процесса. По этой статьѣ договоръ признается недѣй-

Digitized by Google

ствительнымъ и обязательство уничтоженнымъ, если побудительная причина къ заключенію онаго есть достиженіе цѣли закономъ запрещенной, какъ-то: (п. 2) когда договоръ клонится къ подложному переукрѣпленію имѣнія во избѣжаніе платежа долговъ. Судебная практика обязываетъ кредитора, который добивается уничтоженія сдѣлки, доказать цѣлый рядъ обстоятельствъ, а именно: недобросовѣстность продавца и покупателя при совершеніи договора, наличность фактической несостоятельности отчуждателя въ моментъ продажи торговаго предпріятія, отсутствіе у должника всякаго другого имущества, на которое кредиторъ могъ бы обратить взысканіе. Возлагая на истца доказательства фактической несостоятельности должника, законъ тѣмъ самымъ ставитъ его въ крайне затруднительное положеніе и вынуждаетъ въ большинствѣ случаевъ вступить хотя бы въ невыгодную мировую сдѣлку. Поэтому совершенно справедливо говорится въ запискѣ Министерства Торговли и Промышленности, представленной въ Государственную Думу, что подобное необезпеченное положеніе лицъ, оказывающихъ кредитъ, стѣсняетъ торговый оборотъ, основанный въ современномъ своемъ развитіи исключительно на кредитныхъ отношеніяхъ, и приводитъ къ водворенію въ торговлѣ недобросовѣстныхъ пріемовъ, что не можетъ не ронять довѣрія къ намъ и въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Фиктивная продажа торговаго предпріятія на ходу, говорится въ этой запискѣ, составляетъ повседневное явленіе, а борьба съ этимъ зломъ весьма затруднительна, такъ какъ эти сдѣлки совершаются домашнимъ порядкомъ, обставляются такими условіями, которыя, будучи съ формальной стороны правильными, устраняютъ возможность опорочиванія договора, и этимъ путемъ недобросовѣстный должникъ, оставаясь въ дѣйствительности хозяиномъ предпріятія, избѣгаетъ платежа долговъ и приводитъ кредиторовъ къ необходимости соглашаться на уступки въ платежахъ и другія льготы. Такое положеніе дѣлаетъ невозможной добросовѣстную конкурренцію и всего болѣе поражаетъ интересы того круга лицъ, на добрыхъ нравахъ коихъ держатся наша торговля и кредитъ.

Однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ способовъ уклоненія отъ платежей долга является передача предпріятій на ходу и организація товарищества на вѣрѣ, при чемъ должникъ — хозяинъ предпріятія передаетъ предпріятіе одноименному товариществу, въ которомъ онъ самъ превращается во вкладчика, отвѣчая предъ кредиторами только своимъ вкладомъ и ставя во главѣ такого товарищества другое лицо, менѣе кредитоспособное и готовое на рискъ несостоятельности, въ увѣренности, что кредиторы пред-

Digitized by Google

почтутъ невыгодную для нихъ мировую сдѣлку. Иногда это совершается путемъ превращенія полнаго товарища товарищества во вкладчика, а большею частью посредствомъ передачи, какъ сказано, всего предпріятія на ходу. Это и привело къ мысли о необходимости прежде всего регламентировать переходъ предпріятій.

На первыхъ же шагахъ, еще не приступая къ изученію проекта, мы встрѣтимся съ вопросомъ о юридической природѣ предпріятія, такъ какъ естественно возникаетъ вопросъ: что же именно слѣдуетъ отнести къ числу составныхъ элементовъ предпріятія? Однако, всѣ попытки опредѣлить эту природу не привели ни къ какимъ результатамъ. Въ то время, какъ Эндеманъ считаетъ торговое предпріятіе юридическимъ лицомъ, въ которомъ объединяются субъектъ и объектъ права, другіе ученые (Бехманъ, Леманъ, Ліонъ Канъ) смотрятъ на предпріятіе, какъ на простое сочетаніе разнородныхъ предметовъ, объединенныхъ вокругъ опредѣленнаго лица или вокругъ опредѣленной цѣли, совершенно игнорируя экономическую природу предпріятія, его обособленность и самостоятельность въ оборотѣ. Наконецъ, нѣкоторые ученые, и въ томъ числѣ Шершеневичъ, считаютъ торговопромышленное предпріятіе комплексомъ, состоящимъ изъ актива и пассива. Гойхбаргъ, сдѣлавшій интересный докладъ о переходѣ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій въ Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ, опредѣляетъ торговое и промышленное предпріятіе, какъ совокупность тѣлесныхъ вещей и нематеріальныхъ цѣнностей, при посредствѣ которыхъ торговецъ или промышленникъ осуществляютъ свой промыселъ. Такое опредѣленіе приводитъ его къ необходимости выяснить, какія именно вещества и цѣнности входятъ въ составъ предпріятія, и онъ справедливо замѣчаетъ, что это представляется необходимымъ въ особенности при переходѣ предпріятія, такъ какъ для отчуждателя и пріобрѣтателя одинаково важно уяснить себѣ, что именно перешло къ пріобрѣтателю. Оказывается, по мнѣнію докладчика, что душу торговаго предпріятія, то, что въ оборотѣ придаетъ ему наибольшую цѣнность, составляютъ элементы нематеріальные, такъ называемые «шансы», — или то, что англичане называютъ goodwill. Такими фактическими элементами являются тайны предпріятія, т.-е. извѣстныя предпріятію выгодныя мѣста сбыта и пріобрѣтенія продуктовъ, соотвѣтственное мѣстонахожденіе торговаго заведенія, годъ основанія и реномэ предпріятія, совокупность лицъ, съ которыми предпріятіе находится въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Пріобрѣтеніе предпріятія, какъ такового, безъ относящихся къ нему тѣлесныхъ вещей и правъ мыслимо, но пріобрѣтеніе его безъ этихъ шансовъ просто без-

Digitized by Google

цѣльно. Далѣе, при отчужденіи предпріятія отчуждается и кліентела, хотя предпріятіе можетъ отчуждаться и безъ нея; но въ этомъ случаѣ несмотря на то, что договоръ гласитъ о переходѣ предпріятія, мы въ дѣйствительности имѣемъ дѣло только съ отчужденіемъ отдѣльныхъ элементовъ предпріятія. Къ составу торговыхъ предпріятій необходимо причислить торговыя заведенія, обстановку и вообще оборудованіе его и даже постройки, воздвигаемыя на арендованной землѣ въ цѣляхъ эксплоатаціи предпріятія. Сюда же относится и запасъ товаровъ, безъ котораго эксплоатація предпріятія была бы немыслима. Далѣе, вывѣски, которыя являются принадлежностью торговыхъ предпріятій, товарные знаки, право пользованія медалями, наградами, почетнымъ наименованіемъ, наконецъ, патентъ на избраніе фабричной модели, рисунки и даже торговыя книги. Я лишь въ самой сокращенной формѣ передалъ содержаніе этой части доклада Гойхбарга, но изъ самаго перечисленія составныхъ частей предпріятія видно, какъ безплодны попытки дать точное опредѣленіе торгово-промышленнаго предпріятія. Надо признать, что самое правильное — это отказаться отъ опредѣленія юридической природы предпріятія, ибо съ того момента, какъ мы дадимъ то или иное опредѣленіе, мы поставимъ судъ въ необходимость, при разсмотрѣніи процессовъ о незаконныхъ или фиктивныхъ переходахъ, искать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, имѣются ли налицо всѣ признаки предпріятія и отказывать истцамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда окажется, что какая-либо составная часть не подверглась отчужденію. Недобросовѣстные же должники, которые по всей справедливости могутъ считаться очень тонкими казуистами, получатъ легкій выходъ изъ затруднительнаго положенія, такъ какъ будутъ отчуждать не всѣ составныя части и такимъ образомъ будутъ избѣгать непріятныхъ послѣдствій недобросовѣстнаго перехода.

Нѣсколько отдѣльно стоитъ вопросъ о переходѣ фирмъ. Если считать, что съ переходомъ предпріятія переходитъ и фирма, то въ корнѣ будетъ уничтожена всякая возможность преслѣдовать недобросовѣстныхъ должниковъ: они будутъ всегда отчуждать предпріятіе безъ фирмы. По англійской и французской практикѣ фирма переходитъ къ предпріятію, но если она совпадаетъ съ фирмой отчуждателя, то пріобрѣтатель въ правѣ пользоваться ею лишь съ указаніемъ на свое преемство, при чемъ отчуждатель въ правѣ требовать, чтобы пріобрѣтатель принялъ мѣры къ предотвращенію всякой возможности отождествленія перваго съ послѣднимъ (Гойхбаргъ «О переходѣ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій» Труды Юридическаго Общества при

Digitized by Google

Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, т. V, 1911 г. стран. 439—449). Наша практика допускаетъ отчужденіе фирмы, но не подразумѣваетъ ее. Такимъ образомъ, у насъ возможенъ переходъ предпріятія какъ съ фирмой, такъ и безъ фирмы.

Если мы рѣшимъ отказаться отъ точнаго опредѣленія понятія торговаго и промышленнаго предпріятія, то намъ придется рѣшеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопроса о томъ, имѣется ли налицо переходъ предпріятія или нѣтъ, независимо отъ того, подъ какимъ видомъ этотъ переходъ совершается, предоставить усмотрѣнію суда. И, какъ мы увидимъ ниже, это приводитъ естественно къ необходимости предоставить суду нѣкоторую свободу усмотрѣнія, такъ называемое «справедливое усмотрѣніе», впервые проведенное проектомъ нашего гражданскаго уложенія.

Центральнымъ же вопросомъ, интересующимъ насъ въ настоящее время будетъ вопросъ о судьбѣ долговъ предпріятія, т.-е. о томъ, переходятъ ли они на пріобрѣтателя и сохраняется ли при этомъ отвѣтственность за отчуждателемъ и въ теченіе какого времени.

Въ законодательствахъ и судебной практикѣ западно-европейскихъ государствъ вопросъ этотъ разрѣшается неодинаково. Въ Англіи при отчужденіи предпріятія долги его не переходятъ на пріобрѣтателя даже въ тѣхъ случаяхъ, когда пріобрѣтатель по договору съ отчуждателемъ приметъ эти долги на себя.

По венгерскому закону о переходѣ торговыхъ предпріятій 28 декабря 1908 года пріобрѣтатель отвѣчаетъ за всѣ вытекающія изъ предпріятія обязательства отчуждателя, о которыхъ онъ зналъ во время перехода или долженъ былъ знать при свойственной добросовѣстному купцу заботливости. Отвѣтственность отчуждателя не прекращается. Пріобрѣтатель отвѣчаетъ безъ указаннаго ограниченія, когда онъ обязался принять на себя весь долгъ предпріятія, или когда пріобрѣтатель пріобрѣлъ предпріятіе отъ своего супруга или отъ своихъ и своего супруга родныхъ братьевъ, сестеръ и т. д. Вопросъ о томъ, имѣлъ ли мѣсто переходъ предпріятія, въ частности въ тѣхъ случаяхъ, когда имущество переходитъ неполностью, равно вопросъ о томъ, принялъ ли на себя пріобрѣтатель долги отчуждателя, разрѣшается по совокупнымъ обстоятельствамъ даннаго случая. Если кто-либо учредитъ вмѣстѣ съ единоличнымъ купцомъ, въ связи съ существующимъ его предпріятіемъ, товарищество полное или на вѣрѣ, то какъ товарищество, такъ и отчуждатель отвѣчаютъ по всѣмъ обязательствамъ бывшаго предпріятія. Если ко времени перехода предпріятія былъ возбужденъ искъ противъ отчуждателя, и если пріобрѣтатель зналъ ко времени перехода предпріятія объ этомъ искѣ, то сила судебнаго рѣшенія, вынесеннаго въ отно-

Digitized by Google

шеніи отчуждателя распространяется и на пріобрѣтателя. Такимъ образомъ, какъ видите, этотъ законъ направленъ главнымъ образомъ къ защитѣ интересовъ торговыхъ кредиторовъ и предоставляетъ суду въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшать вопросъ о наличности перехода предпріятія, не давая этому послѣднему какого-либо точнаго опредѣленія.

Французскій законъ 17 марта 1909 года о продажѣ и залогѣ торговыхъ предпріятій, подъ страхомъ недѣйствительности договора, требуетъ записи въ реестръ въ двухнедѣльный срокъ со времени составленія акта о продажѣ. О всякой продажѣ или переуступкѣ предпріятія, даже заключенной подъ условіемъ или подъ видомъ другого договора, равно какъ о всякомъ образованіи товарищества или пріобрѣтеніи торговаго предпріятія по раздѣлу или съ аукціона должно быть опубликовано пріобрѣтателемъ въ двухнедѣльный срокъ, въ видѣ извлеченія изъ договора или увѣдомленія въ Вѣдомостяхъ Коммерческаго Суда, въ округѣ котораго находится предпріятіе, а за неимѣніемъ таковыхъ — въ Оффиціальныхъ Окружныхъ Вѣдомостяхъ. Публикація должна быть повторена на 8-й и 15-й день послѣ перваго объявленія. Въ теченіе не болѣе 10-ти дней со дня послѣдней публикаціи всякій кредиторъ прежняго собственника, независимо отъ того, наступилъ ли срокъ его требованію, можетъ заявить долговое требованіе и тѣмъ остановить выплату стоимости. Покупщикъ, не помѣстившій публикаціи или, не выжидая 10-дневнаго срока, учинившій расчетъ съ продавцомъ, не освобождается отъ отвѣтственности передъ кредиторами отчуждателя. Въ теченіе 20 дней послѣ 2-й публикаціи актъ о продажѣ или куплѣ долженъ представляться на просмотръ всѣмъ предъявившимъ требованіе и зарегистрованнымъ кредиторамъ. Если продажная цѣна окажется недостаточной для покрытія претензій указанныхъ категорій кредиторовъ, кредиторъ можетъ надбавить $^1/_6$ основной стоимости предпріятія и потребовать торговъ. Если торги не состоятся, кредиторъ, предложившій надбавку, считается купившимъ предпріятіе, если должностное лицо, коему поручено произвести продажу, признаетъ его достаточно состоятельнымъ для участія въ торгахъ, или если онъ внесетъ залогъ въ размѣрѣ не менѣе $^1/_2$ общей цѣны. При этомъ кредиторъ возмѣщаетъ пріобрѣтателю, лишившемуся покупки, издержки и протори, понесенные по заключенію договора, по извѣщенію и т. д.

По германскому торговому уложенію 10 мая 1897 года, пріобрѣтатель, ведущій дѣло подъ прежней фирмой, отвѣчаетъ по всѣмъ возникшимъ по предпріятію прежняго владѣльца обяза-

Digitized by Google

тельствамъ. Отступающее отъ сего соглашеніе дѣйствительно по отношенію къ 3-мъ лицамъ только въ томъ случаѣ, если оно было внесено въ торговый реестръ и опубликовано, или если оно было сообщено третьимъ лицамъ пріобрѣтателемъ или продавцемъ. Если фирма не сохраняется, то пріобрѣтатель торговаго предпріятія только въ томъ случаѣ отвѣтствуетъ по прежнимъ обязательствамъ предпріятія, когда имѣется налицо особое къ тому основаніе, въ частности, когда пріобрѣтатель обычнымъ въ торговлѣ путемъ объявилъ о принятіи на себя такихъ обязательствъ. Когда пріобрѣтатель является отвѣтственнымъ по прежнимъ обязательствамъ предпріятія, то требованія кредиторовъ къ прежнему хозяину погашаются съ истеченіемъ 5 лѣтъ, если только по общему закону давность не наступаетъ ранѣе этого срока.

Такимъ образомъ и въ французскомъ и въ германскомъ законахъ также не дается опредѣленія торговаго предпріятія, а центральнымъ пунктомъ является требованіе защиты интересовъ кредиторовъ. Наиболѣе совершеннымъ изъ этихъ 3-хъ законодательствъ надо признать венгерское, такъ какъ оно даетъ полный просторъ суду и обязываетъ пріобрѣтателя отвѣчать за всѣ обязательства, о которыхъ онъ зналъ или долженъ былъ знать при свойственной добросовѣстному купцу заботливости, при чемъ и отвѣтственность отчуждателя не прекращается.

Къ сожалѣнію, простое заимствованіе иностранныхъ законодательствъ, хотя бы и въ самыхъ общихъ чертахъ, по условіямъ русской жизни невозможно, такъ какъ всѣ эти законодательства презумируютъ наличность торговой регистраціи. При отсутствіи же регистраціи мы встрѣтимся съ такими затрудненіями, для устраненія которыхъ необходимо изыскать мѣры и способы, замѣняющіе регистрацію. Что же касается спеціально французской системы, то функціонированіе ея возможно лишь при условіи дѣйствительности связанныхъ съ нею предупредительныхъ мѣръ (публикація въ газетахъ, разсылка писемъ, циркуляры и т. д.); между тѣмъ у насъ, благодаря обширнымъ разстояніямъ, эти способы едва ли могутъ достигнуть цѣли, и кредиторы, своевременно не оповѣщенные, будутъ лишены возможности предъявлять свои требованія. Германская же система предполагаетъ два условія: продолженіе фирмы или же оповѣщеніе пріобрѣтателя о принятіи на себя обязательствъ отчуждателя. Но совершенно ясно, что отсутствіе регистраціи съ одной стороны и необычайное распространеніе фиктивныхъ сдѣлокъ съ другой не могутъ не привести къ убѣжденію, что у насъ нормы германскаго закона не могли бы служить достаточной гарантіей торговаго кредита. Поэтому Министерство Торговли

Digitized by Google

совершенно справедливо находитъ, что введеніе подобныхъ правилъ не стѣснитъ фиктивныхъ передачъ, такъ какъ никто не помѣшаетъ пріобрѣтателю измѣнить торговую фирму и не объявлять о принятіи на себя долговъ прежняго владѣльца, чѣмъ онъ оградитъ себя отъ отвѣтственности за долги своего предшественника.

Такимъ образомъ пришлось въ русскомъ законопроектѣ изыскать способы, до нѣкоторой степени восполняющіе отсутствующую у насъ регистрацію. Такими способами являются требованія совершенія актовъ о переходѣ нотаріальнымъ порядкомъ, требованіе составленія списка всѣхъ кредиторовъ, наконецъ, установленіе солидарной отвѣтственности отчуждателя и пріобрѣтателя по обязательствамъ, внесеннымъ въ списокъ кредиторовъ.

I ст. законопроекта гласитъ, что договоры о переходѣ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій совершаются нотаріальнымъ порядкомъ; затѣмъ, при совершеніи этихъ договоровъ требуется представленіе нотаріусу списка всѣхъ кредиторовъ съ указаніемъ задолженности и мѣстонахожденія кредиторовъ; если же точныхъ свѣдѣній отчуждатель не имѣетъ, то въ спискѣ объ этомъ должно быть указано, съ обозначеніемъ послѣднихъ извѣстныхъ отчуждателю кредиторовъ и послѣднихъ свѣдѣній о нихъ и, если возможно, максимальной суммы требованій ихъ. По долгамъ, которые основаны на вексельныхъ обязательствахъ отчуждателя, въ спискѣ должны быть указаны по возможности векселедатели и векселеприниматели, сумма и срокъ векселей. Списокъ подписывается договаривающимися сторонами съ засвидѣтельствованіемъ подписей и подлинный хранится у нотаріуса, а стороны получаютъ копіи. Затѣмъ нотаріусъ увѣдомляетъ всѣхъ кредиторовъ заказнымъ порядкомъ, не позднѣе трехъ дней по заключеніи договора. Въ извѣщеніи нотаріуса должно быть указано краткое содержаніе акта, общая сумма задолженности предпріятія, сумма задолженности данному кредитору, т.-е. адресату, и наименованіе и адресъ контрагентовъ. Въ тотъ же трехдневный срокъ должностное лицо обязано отправить объявленіе о переходѣ предпріятія, съ указаніемъ краткаго содержанія акта о переходѣ и общей суммы задолженности, въ одну изъ наиболѣе распространенныхъ мѣстныхъ газетъ и въ «Торгово-промышленную Газету», а также въ Биржевые комитеты той губерніи, гдѣ совершаются договоры о переходѣ.

Кто по договору пріобрѣтаетъ предпріятіе, тотъ отвѣчаетъ по проекту за вытекающія изъ такого предпріятія обязательства отчуждателя, которыя внесены отчуждателемъ въ списокъ кредиторовъ. Когда въ спискѣ показана максимальная сумма долга, пріобрѣтатель отвѣчаетъ въ показанной суммѣ, если же сумма

Digitized by Google

не можетъ быть указана, онъ отвѣтствуетъ въ полной суммѣ долга. Равнымъ образомъ пріобрѣтатель отвѣчаетъ за тѣ обязательства, относительно которыхъ будетъ доказано, что пріобрѣтатель зналъ про нихъ при пріобрѣтеніи предпріятія. Затѣмъ кредиторы въ правѣ предъявить свои требованія къ прежнему собственнику въ теченіе пяти лѣтъ, если по общимъ законамъ давность не истекаетъ ранѣе указаннаго срока. Потомъ проектъ указываетъ способъ исчисленія срока: по требованіямъ безсрочнымъ, или до востребованія, или просроченнымъ срокъ считается со дня отчужденія; по требованіямъ же, по коимъ срокъ платежа наступаетъ послѣ отчужденія — со дня срока платежа. По всѣмъ этимъ обязательствамъ устанавливается солидарная отвѣтственность отчуждателя и пріобрѣтателя. Кто пріобрѣтаетъ предпріятіе отъ своего супруга или близкихъ родственниковъ и свойственниковъ, которые перечислены въ проектѣ, тотъ отвѣчаетъ солидарно съ отчуждателемъ за всѣ обязательства предпріятія. Въ случаѣ же перехода предпріятія безъ соблюденія предусмотрѣнныхъ правилъ, пріобрѣтатель отвѣчаетъ солидарно съ отчуждателемъ по всѣмъ долгамъ.

Кромѣ гражданско-правовой санкціи предусматривается еще санкція уголовная, а именно предположено главу 12-ю разд. VIII Уложенія о Наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ дополнить ст.ст. 1168^1—1168^3. Согласно этимъ статьямъ отчуждатель и пріобрѣтатель, въ случаѣ умышленнаго невнесенія въ списокъ кого-либо изъ кредиторовъ или невѣрнаго указанія суммы задолженности, въ случаѣ послѣдовавшаго отъ сего для кредиторовъ ущерба, подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ; за завѣдомо ложное указаніе адресовъ полагается наказаніе въ видѣ заключенія въ тюрьму отъ 2 до 8 мѣсяцевъ и, наконецъ, за неосмотрительное невнесеніе въ списокъ кого-либо изъ кредиторовъ или указаніе суммы задолженности менѣе дѣйствительной — арестъ отъ 3-хъ недѣль до 3-хъ мѣсяцевъ или денежное взысканіе не свыше 300 руб. Затѣмъ ст. 1700^1 того же Уложенія дополняется правиломъ о томъ, что пріобрѣтатель, заключившій договоръ, зная о намѣреніи должника уклониться отъ платежа, подвергается заключенію въ тюрьмѣ отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 8 мѣсяцевъ. Въ соотвѣтствіи съ законопроектомъ предложены измѣненію также и ст.ст. 460 и 461 Уст. Суд. Торг. и ст. ст. 7 и 9 прилож. къ ст. 1899 Уст. Гр. Суд.

Для полноты необходимо еще привести цѣликомъ послѣднюю ст. 7-ю проекта, которая гласитъ: «дѣйствію предыдущихъ статей подлежатъ всѣ договоры о переходѣ торговыхъ и промышленныхъ

Digitized by Google

предпріятій, хотя бы отчужденіе одному лицу всего предпріятія было сокрыто подъ видомъ отчужденія отдѣльныхъ его частей, либо инымъ образомъ».

Коренное правило о необходимости нотаріальнаго порядка мотивируется въ запискѣ Министерства тѣмъ, что необходимо придать акту передачи характеръ публичности, опредѣленности и тѣмъ предотвратить вредныя послѣдствія, какія связаны съ практикующимся въ настоящее время негласнымъ переходомъ предпріятія. Такой порядокъ тѣмъ болѣе необходимъ, что отсутствіе у насъ пока торговой регистраціи даетъ мѣсто неопредѣленности и шаткости юридическихъ отношеній, вытекающихъ изъ сдѣлокъ, заключенныхъ по дѣламъ торговаго предпріятія. Благодаря нотаріальному порядку устанавливается съ точностью время совершенія договора, каковой моментъ существенно важно закрѣпить въ виду тѣхъ юридическихъ послѣдствій, какія влечетъ за собою переходъ предпріятія, а также дается возможность возстановить текстъ договора и помимо воли контрагентовъ. Нельзя по этому поводу не замѣтить, что нотаріальный порядокъ сопряженъ съ такой сложной процедурой (наличность свидѣтелей, составленіе акта нотаріусомъ), что едва ли возможно согласиться съ доводами Министерства. Было бы совершенно достаточно, если бы договоры заключались домашнимъ порядкомъ, но съ засвидѣтельствованіемъ подписей у нотаріуса и съ обязательнымъ внесеніемъ въ актовую книгу (ст. 137 Полож. о Нотар. Части). При этомъ необходимо было бы подчеркнуть, что цѣною акта считается сумма, уплачиваемая за предпріятіе покупщикомъ продавцу или сумма, указанная сторонами, какъ цѣна переходящаго имущества (при безмездныхъ переходахъ). Указаніе это необходимо, дабы не возникло предположенія, что въ цѣну акта необходимо включить и общую сумму кредиторскихъ претензій.

При этихъ условіяхъ будетъ съ одной стороны удовлетворено требованіе публичности, а съ другой — можно будетъ избѣжать указанныхъ затрудненій. Такимъ образомъ 1-я статья должна быть редактирована такъ: «Договоры о переходѣ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій заключаются домашнимъ порядкомъ съ засвидѣтельствованіемъ подписей у нотаріуса и съ обязательнымъ внесеніемъ въ актовую книгу (ст. 137 Полож. о Нотар. Части). Примѣчаніе къ этой статьѣ: цѣною акта считается сумма, уплачиваемая покупателемъ продавцу, или указанная сторонами въ случаѣ безмезднаго перехода.

Что касается списка кредиторовъ, то онъ имѣетъ цѣлью возможно полнѣе и своевременно оповѣстить кредиторовъ отчуждателя

Digitized by Google

о переходѣ предпріятія. Съ этой же цѣлью дѣлаются публикаціи въ газетахъ. Система списковъ до извѣстной степени приближается къ тому принципу, который установленъ въ венгерскомъ законѣ, а именно — отвѣтственность пріобрѣтателя за долги отчуждателя, о которыхъ первый зналъ или долженъ былъ знать. Субъективный признакъ, указанный въ венгерскомъ законѣ, сохраняется и въ нашемъ проектѣ, такъ какъ пріобрѣтатель отвѣчаетъ и за тѣ обязательства, относительно которыхъ будетъ доказано, что онъ зналъ о нихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ субъективный признакъ дополняется представленіемъ и оглашеніемъ списковъ, чѣмъ въ значительной степени устраняется возможность возникновенія на этой почвѣ споровъ.

Существенно важное значеніе имѣетъ для охраны кредита новая какъ гражданская, такъ и уголовная санкціи, заключающіяся въ томъ, что пріобрѣтатель, нарушающій порядокъ о переходѣ предпріятій, отвѣчаетъ по всѣмъ обязательствамъ отчуждателя, а контрагенты, составившіе невѣрные списки отвѣчаютъ еще и въ уголовномъ порядкѣ. Независимо отъ сего, съ введеніемъ системы списковъ, если при передачѣ предпріятія отчуждатель съ умысломъ не включилъ нѣкоторую часть кредиторовъ на болѣе или менѣе значительную сумму претензій, то это уже само по себѣ служитъ указаніемъ на его недобросовѣстность и облегчаетъ оспариваніе дѣйствительности сдѣлки по ст. 1529, т. X, ч. 1. Помѣщеніе въ разсылаемомъ кредиторамъ увѣдомленіи лишь общей суммы задолженности и суммы кредита даннаго кредитора вызвано необходимостью охранить по возможности коммерческую тайну, такъ какъ дѣйствительно неудобно сообщать всякому кредитору суммы остальныхъ кредиторовъ и такимъ образомъ распространять свѣдѣнія о кліентелѣ.

Въ Междувѣдомственномъ Совѣщаніи, въ которомъ разсматривался проектъ, между прочимъ, высказывались мнѣнія, что слѣдовало бы при передачѣ предпріятій и составленіи списковъ руководиться торговыми книгами. Но это во всѣхъ отношеніяхъ представляется неудобнымъ, такъ какъ прежде всего многія предпріятія книгъ не ведутъ и кромѣ того передача предпріятій по книгамъ обязывала бы нотаріуса произвести экспертизу и чрезвычайно усложнила бы все дѣло.

Далѣе, проектъ устанавливаетъ солидарную отвѣтственность пріобрѣтателя и отчуждателя. Въ запискѣ Министерства въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми соображеніями, которыя высказаны были въ представленіи Московскаго Биржевого Комитета и въ Междувѣдомственномъ Совѣщаніи, это правило аргументируется такъ. По

Digitized by Google

основному началу разсматриваемаго законопроекта къ пріобрѣтателю переходитъ не только активъ, но и пассивъ — обязательства въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они внесены въ списокъ кредиторовъ, и слѣдовательно отвѣтственность передъ послѣдними въ этихъ предѣлахъ. Эта опредѣленность отношеній ведетъ къ устойчивости торговаго оборота, такъ какъ, съ одной стороны, доставляетъ пріобрѣтателю точный расчетъ пассива, который не можетъ впослѣдствіи измѣняться въ смыслѣ поступленія новыхъ, не имѣвшихся въ виду при покупкѣ предпріятія, претензій, а съ другой — даетъ кредиторамъ увѣренность въ томъ, что пріобрѣтатель, принявъ на себя опредѣленный пассивъ, съ точнымъ обозначеніемъ долговъ, не будетъ въ состояніи уклониться отъ платежа по нимъ подъ предлогомъ незнанія о существованіи ихъ. Но независимо отъ отвѣтственности въ предѣлахъ списковъ имѣются основанія привлекать пріобрѣтателей къ отвѣтственности по тѣмъ обязательствамъ, относительно которыхъ будетъ доказано, что пріобрѣтатель зналъ о нихъ при пріобрѣтеніи предпріятія. Дальнѣйшее расширеніе отвѣтственности пріобрѣтателя за всѣ могущія возникнуть впослѣдствіи претензіи, а именно установленіе неограниченной отвѣтственности по торговому предпріятію, переуступленному пріобрѣтателю, не представлялось бы цѣлесообразнымъ. Хотя къ покупателю переходитъ активъ — имущество предпріятія, но этотъ активъ имѣетъ опредѣленную цѣнность, которая принята во вниманіе при взаимныхъ расчетахъ покупателя и продавца и которой соотвѣтствуетъ опредѣленный пассивъ. Возможность добавленія впослѣдствіи новыхъ составныхъ частей пассива, о которыхъ продавецъ умолчалъ, создала бы такую неопредѣленность отношеній, которая воспрепятствовала бы совершенію добросовѣстныхъ сдѣлокъ по отчужденію торговыхъ предпріятій. Еще менѣе допустимъ переходъ на пріобрѣтателя предпріятія личныхъ долговъ отчуждателя, которые не составляютъ пассива предпріятія и должны удовлетворяться изъ прочаго имущества продавца.

На ряду съ отвѣтственностью пріобрѣтателя необходимо сохранить и отвѣтственность отчуждателя по всѣмъ его обязательствамъ, такъ какъ отстутствіе отвѣтственности повело бы къ фиктивнымъ передачамъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій съ цѣлью уклоненія отъ отвѣтственности передъ кредиторами по данному предпріятію. Но и помимо того отчуждатель не можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности въ силу того основанія, что онъ былъ первоначальнымъ должникомъ передъ кредиторами и лишь съ согласія послѣднихъ могъ бы не быть привлеченнымъ къ отвѣтственности; такое положеніе отчуждателя,

Digitized by Google

въ качествѣ первоначальнаго должника, оправдываетъ приданіе его отвѣтственности характера солидарнаго. Относительно отвѣтственности пріобрѣтателя и родственниковъ высказывались сомнѣнія, не слѣдуетъ ли установить ихъ солидарную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, когда они знали о намѣреніи должника скрыть имущество. Но едва ли въ этомъ есть надобность, такъ какъ съ одной стороны совершенно справедливо устанавливается презумція, что супругъ и родственники, пріобрѣтая торговое предпріятіе, не могли не знать о положеніи дѣла отчуждателя и о его намѣреніи скрыть имущество отъ кредиторовъ, а съ другой стороны — эта презумція не лишаетъ возможности доказывать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ неосвѣдомленность супруга или родственника.

Что же касается ст. 7, которую я привелъ отдѣльно, то редакція ея совершенно недопустима. Совершенно непонятно, какъ могли составители этой статьи допустить такое положеніе, что правила о переходѣ,— и именно нотаріальный порядокъ, списокъ кредиторовъ и прочее — должны быть примѣнены и въ томъ случаѣ, когда отчужденіе предпріятія было сокрыто подъ какимъ-либо видомъ? Вѣдь само собой понятно, что когда отчужденіе скрывается, то въ силу одного этого обстоятельства не можетъ быть рѣчи объ обращеніи къ нотаріусу, къ спискамъ и вообще къ законному порядку. Изъ этого внутренняго противорѣчія можетъ быть только одинъ выходъ, а именно самая статья должна быть уничтожена и, какъ намъ кажется, въ одну изъ предыдущихъ статей, а именно въ ст. 5-ю должно быть внесено нѣкоторое измѣненіе редакціи. Ст. 5 гласитъ: При переходѣ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій безъ соблюденія правилъ ст. ст. 1—3 пріобрѣтатель отвѣчаетъ солидарно съ отчуждателемъ по всѣмъ долгамъ отчуждателя, вытекающимъ изъ его предпріятія. При обсужденіи законопроекта въ Биржевомъ Комитетѣ и въ Междувѣдомственномъ Совѣщаніи неоднократно указывалось на то, что въ самомъ законѣ должно содержаться указаніе на примѣнимость его ко всѣмъ случаямъ перехода, подъ какимъ бы видомъ такой ни производился. Такое добавленіе съ одной стороны прямо укажетъ суду на его право примѣнить законъ къ тѣмъ случаямъ отчужденій, когда сдѣлка, разрушая предпріятіе какъ цѣлое, нарушаетъ интересы кредиторовъ, хотя по внѣшности и не является передачей предпріятія на ходу; вмѣстѣ съ тѣмъ и стороны, вступая въ сдѣлку, направленную ко вреду кредиторовъ предпріятія, будутъ лишены возможности выставить возраженіе о непримѣнимости къ нимъ закона только потому, что сдѣлка по внѣшности не можетъ быть названа передачей предпріятія на ходу. Короче говоря, въ законѣ,

Digitized by Google

устанавливающемъ мѣру борьбы съ фиктивными переходами предпріятій, прямо должно быть указано на примѣнимость его къ фиктивнымъ сдѣлкамъ. При этомъ суду должны быть предоставлены настолько широкія рамки, чтобы дать ему возможность парализовать не только извѣстные нынѣ способы уклоненія отъ платежа долговъ, но и по возможности всѣ тѣ, какіе впослѣдствіи могутъ быть изобрѣтены недобросовѣстными должниками. Главнымъ признакомъ всѣхъ вообще способовъ будетъ переходъ предпріятія подъ какимъ бы то ни было видомъ. Сюда подойдетъ и такая ликвидація, при которой приняты мѣры къ тому, чтобы подъ видомъ нормальнаго торговаго оборота (напримѣръ не прекращающейся торговли) въ дѣйствительности передать въ третьи руки все или большую часть имущества и такимъ образомъ лишить кредиторовъ удовлетворенія. По этимъ соображеніямъ ст. 5-ю можно было бы изложить такимъ образомъ: при переходѣ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій безъ соблюденія правилъ ст. ст. 1—3, подъ какимъ бы видомъ такой переходъ ни совершался, пріобрѣтатель отвѣчаетъ солидарно и т. д. Можно ту же мысль провести и инымъ путемъ, а именно, сохраняя редакцію проекта, прибавить къ статьѣ небольшой абзацъ такого содержанія: та же солидарная отвѣтственность имѣетъ мѣсто, когда отчужденіе предпріятія было сокрыто подъ видомъ отчужденія отдѣльныхъ его частей либо инымъ образомъ. Остается только разрѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли имѣть въ виду отчужденіе одному лицу или съ этимъ не слѣдуетъ считаться. Дѣло въ томъ, что если имѣть въ виду отчужденіе одному лицу, то открывается недобросовѣстнымъ должникамъ выходъ чрезвычайно простой, а именно отчужденіе нѣсколькимъ лицамъ или распродажа. Если же солидарная отвѣтственность будетъ примѣняться во всѣхъ случаяхъ, то мы рискуемъ очутиться въ безвыходномъ положеніи, такъ какъ совершенно невозможно допустить солидарную отвѣтственность за долгъ отчуждателя для пріобрѣтателя части товара на распродажѣ. Поэтому правильнѣе помириться съ первымъ неудобствомъ, такъ какъ оно можетъ быть парализовано дѣйствіемъ другого закона, о которомъ рѣчь впереди и уголовной отвѣтственностью по 1700[1] ст. Улож., о Наказ. Въ такомъ случаѣ правильнѣе будетъ воспользоваться второю изъ предложенныхъ редакцій съ тѣмъ, что въ дополнительномъ абзацѣ будетъ подчеркнуто отчужденіе одному лицу. Однако наилучшій способъ былъ бы тотъ, которой предложенъ былъ въ комиссіи Гос. Думы, а именно: каждый пріобрѣтатель части предпріятія, въ случаѣ доказанной его недобросовѣстности, отвѣчаетъ передъ кредиторами отчуждателя въ суммѣ стоимости пріобрѣтенной части предпріятія.

Digitized by Google

Переходя къ уголовной санкціи, нельзя не обратить вниманія, что въ проектѣ предусмотрѣно наказаніе за умышленное искаженіе списка и въ ст. 1168[1] данъ дополнительный абзацъ о томъ, что тому же наказанію подвергается пріобрѣтатель, если будетъ доказано, что между нимъ и отчуждателемъ состоялось преступное соглашеніе. Едва ли есть надобность въ такомъ дополненіи, такъ какъ по правилу о соучастіи это само собой разумѣется. Затѣмъ въ ст. 1168[2] говорится о наказаніи за неосмотрительное внесеніе въ списокъ; не говоря уже о томъ, что такого термина уложеніе не знаетъ, едва ли справедливо наказывать за неосмотрительность.

Ничего нельзя возразить противъ редакціи ст. 1700[1] тѣмъ болѣе, что она пополняетъ недочетъ, являющійся результатомъ неудачной редакціи ст. 7 законопроекта, о чемъ я уже сказалъ раньше. Редакція ст. 1700[1] слѣдующая: Кто съ цѣлью неплатежа долговъ или зная о состоявшемся въ установленномъ порядкѣ распоряженіи о наложеніи запрещенія или ареста на имущество, до дѣйствительнаго приведенія этой мѣры въ исполненіе, перекрѣпитъ, обременитъ, безденежно передастъ или же инымъ образомъ скроетъ имущество или часть онаго, тотъ, въ случаѣ послѣдовавшаго отъ сего для кредиторовъ или другихъ лицъ ущерба, подвергается: заключенію въ тюрьмѣ на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ. Сему же наказанію подвергаются и тѣ, которые, зная о намѣреніи должника уклониться отъ платежа долговъ, заключили съ нимъ договоръ. Вообще нельзя не признать, что уголовная санкція весьма умѣстна, и что проектируемая строгость наказанія едва ли можетъ считаться несправедливой, если принять во вниманіе разнообразіе злоупотребленій и огромный вредъ, который они приносятъ торговлѣ. Такъ какъ кредиторъ, не внесенный въ списокъ, или кредитъ коего показанъ въ меньшей мѣрѣ, въ правѣ требовать платежа отъ пріобрѣтателя предпріятія, то вполнѣ понятно, что противъ этого необходимы рѣшительныя репрессіи. Контрагенты сдѣлки, особенное если она фиктивна, могутъ невѣрнымъ обозначеніемъ задолженности оградить пріобрѣтателя отъ отвѣтственности по нѣкоторой части претензій. Возможны злоупотребленія на этой почвѣ, какъ совершенно правильно указано въ Министерской запискѣ, почему и является необходимость въ уголовной карѣ. Наконецъ, вполнѣ правильной надо считать оговорку о томъ, что уголовная санкція имѣетъ мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда налицо ущербъ кредиторовъ. И дѣйствительно, когда отъ неправильныхъ дѣйствій отчуждателя не произошло никакого ущерба кредиторамъ, то едва ли можно требовать наказанія лицъ, виновныхъ только въ формальномъ нарушеніи закона.

Digitized by Google

Въ первоначальномъ проектѣ предполагалось назначить наказаніе за самый фактъ нарушенія закона внѣ зависимости отъ субъективной виновности умысла правонарушителя. Оправдывалось это тѣмъ, что и теорія и законодательная практика допускаетъ такъ называемое объективное вмѣненіе, т.-е. вмѣненіе фактовъ, стоящихъ внѣ сферы необходимыхъ отношеній сознанія и предвидѣнія. Принятіе для нѣкоторыхъ преступленій и проступковъ принципа объективнаго вмѣненія, являясь отступленіемъ отъ общаго начала субъективной виновности, оправдывается чрезвычайной трудностью констатированія элементовъ вмѣненія. Но Министерство Юстиціи рѣшительно противъ этого возражало и, намъ кажется, что возраженія вполнѣ основательны, особенно если принять во вниманіе свободу усмотрѣнія суда, при которой не можетъ не выясниться наличность или отсутствіе умысла.

Теперь намъ остается разобрать ту часть проекта, которою нормируются случаи недобросовѣстныхъ переукрѣпленій, обмана, безденежной передачи или сокрытія какого бы то ни было имущества.

Имѣя въ виду огромную важность этой части закона, мы считаемъ необходимымъ привести самый текстъ всѣхъ трехъ статей проекта.

Ст. 1. Въ случаѣ безуспѣшности обращеннаго на имущество должника взысканія, кредиторъ въ правѣ просить судъ о признаніи недѣйствительными сдѣлокъ должника, коими во избѣжаніе платежа долговъ передается, обременяется или обезцѣнивается принадлежащее ему имущество, насколько такія сдѣлки клонятся ко вреду кредитора.

Возмездный договоръ можетъ быть признанъ, по иску кредитора, недѣйствительнымъ лишь въ томъ случаѣ, если лица, съ которыми онъ заключенъ, знали о намѣреніи должника избѣжать платежа долговъ. Кредиторъ освобождается отъ обязанности доказать наличность этого условія, если договоръ заключенъ должникомъ съ своимъ супругомъ или родственникомъ его самого или его супруга по прямой восходящей линіи, съ усыновителями, или усыновленными, съ братьями и сестрами: родными, сводными по усыновленію, или съ супругами одного изъ упомянутыхъ лицъ.

2. Всякаго рода возмездныя сдѣлки должника, коими во избѣжаніе платежа долговъ передается, обременяется или обезцѣнивается принадлежащее ему имущество, насколько такія сдѣлки клонятся ко вреду кредиторовъ, если лица, съ коими сдѣлка заключена, не знали о намѣреніи должника избѣжать платежа долговъ, даютъ право кредитору, въ случаѣ безуспѣшности обращеннаго на имущество должника взысканія, предъявить къ должнику искъ о признаніи сдѣлокъ совершенными во избѣжаніе платежа долговъ.

Digitized by Google

3. При разсмотрѣніи исковъ, предъявленныхъ на основаніи приведенныхъ выше (1—2) статей, судъ разрѣшаетъ дѣло по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла и по справедливому убѣжденію.

Статьи эти не только можно назвать гвоздемъ законопроекта, но мы даже безъ колебанія сказали бы, что если бы почему-либо законопроектъ о переходѣ предпріятій былъ отвергнутъ, то эти статьи во всякомъ случаѣ должны получить силу. Они имѣютъ свою довольно сложную и продолжительную исторію, которую мы лишены возможности привести за недостаткомъ мѣста. Исторія эта интересна потому, что показываетъ, съ какой страстностью заинтересованные круги настаивали на введеніи новыхъ правилъ и заходили при этомъ такъ далеко, что въ первоначальномъ проектѣ не были даже съ достаточной опредѣленностью указаны объективные признаки, которые бы дали возможность суду сдѣлать заключенія о злонамѣренности участвовавшихъ въ сдѣлкѣ лицъ. Въ первоначальномъ проектѣ статьи эти были даже помѣщены въ самомъ проектѣ о переходѣ предпріятій,— настолько велика была увѣренность, что нужно бороться исключительно съ этимъ зломъ, т.-е. переходомъ предпріятій. Но затѣмъ стало совершенно ясно, что статьи эти слѣдуетъ помѣстить особо отъ правилъ о переходѣ, такъ какъ законъ о переходѣ касается перехода предпріятій въ цѣломъ, подъ какимъ бы видомъ таковой переходъ ни совершался. Но такъ какъ во избѣжаніе платежа долговъ очень часто передается не цѣлое предпріятіе (хотя бы и подъ видомъ части), а отдѣльная партія товара и другого имущества, то въ интересахъ торговли и промышленности необходимо было найти способъ противъ всѣхъ такихъ переходовъ и такимъ образомъ статьи эти составили отдѣльную 2-ю часть законопроекта, озаглавленную: «Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить слѣдующія правила».

Правила эти должны обнять слѣдующіе интересы: 1) они должны прежде всего касаться всего имущества, будетъ ли то цѣлое предпріятіе, часть онаго, товаръ и т.д.—и притомъ безразлично, будетъ ли это имущество торговопромышленнаго предпріятія или отдѣльнаго лица, хотя бы и не производящаго торговлю, ибо нѣтъ основанія дѣлать исключеніе для лицъ, долги коихъ возникли на почвѣ общегражданскаго оборота. 2) Необходимо различать случаи недобросовѣстности одного отчуждателя и послѣдняго совмѣстно съ пріобрѣтателемъ. Въ первомъ случаѣ надлежитъ облегчить вѣрителю способы преслѣдованія виновнаго, отнюдь не затрагивая добросовѣстнаго пріобрѣтателя и не допуская привлеченія его къ суду и не нарушая сдѣлки, дабы не затруднить гражданскаго и особенно торговаго оборота. Во второмъ долженъ

Digitized by Google

подвергаться преслѣдованію, какъ отчуждатель, такъ и пріобрѣтатель. 3) Необходимо дать суду большую свободу сужденія по дѣламъ о недобросовѣстныхъ сдѣлкахъ, дабы не стѣснять его строго формальными рамками процесса и этимъ не затруднить положеніе пострадавшихъ вѣрителей, когда недобросовѣстные должники и ихъ соучастники прибѣгли къ утонченнымъ способамъ переукрѣпленія имущества.

Какъ видно изъ проекта, для защиты интересовъ вѣрителей предложено два способа: во-первыхъ, уничтоженіе сдѣлки возмездной, когда лица, вступившія въ нее, знали о намѣреніи должника избѣжать платежа долга, причемъ въ этомъ случаѣ кредиторъ освобождается отъ обязанности доказать наличность этого условія, когда договоръ заключенъ должникомъ съ супругомъ или родственникомъ; во-вторыхъ, признаніе сдѣлки совершенною во избѣжаніе платежа долга,— когда названныя лица не знали о намѣреніи должника избѣжать платежа долговъ. Нельзя не привѣтствовать того, что законопроектъ дѣлаетъ различіе между пріобрѣтателемъ добросовѣстнымъ и недобросовѣстнымъ; и если послѣдній не заслуживаетъ пощады, то по отношенію къ первому должны быть приняты всѣ мѣры противъ нарушенія сдѣлки. Исключеніе можетъ быть допущено только для сдѣлокъ безвозмездныхъ, такъ какъ при безмездной сдѣлкѣ несоизмѣримы потери пріобрѣтателя, который будетъ вынужденъ возвратить даръ, съ потерею кредитора, который лишится своей собственности. Поэтому безмездныя сдѣлки могутъ быть уничтожены во всѣхъ случаяхъ, когда отчуждатель совершаетъ сдѣлку съ цѣлью уклоненія отъ платежа долговъ.

1-я статья есть дословное повтореніе ст. 1661 проекта гражданскаго уложенія, прибавлено только правило о договорѣ съ родственниками. Такое позаимствованіе нельзя не привѣтствовать, такъ какъ Проектъ Гражд. Улож. является результатомъ весьма серіозной и компетентной работы, и несомнѣнно вполнѣ удовлетворяетъ тѣмъ потребностямъ, которыя вызвали настоящій проектъ. Нельзя только не обратить вниманія на недостаточную редакцію начала этой статьи, гдѣ говорится о безуспѣшности обращеннаго на имущество должника взысканія. Если кредиторы будутъ вынуждены обращать взысканіе на все имущество должника, то положеніе ихъ будетъ во многомъ напоминать положеніе истца, предъявляющаго искъ по 2-му пункту 1529 ст. X т. ч. 1. Какъ уже мною было указано, главное неудобство этихъ исковъ въ такихъ случаяхъ именно и заключается въ томъ, что приходится тратить массу времени для доказательства фактической несостоятельности должника. Въ интересахъ кредитора, было бы неизмѣримо правильнѣе указать

Digitized by Google

на необходимость обращенія взысканія на какое-либо имущество должника съ тѣмъ, чтобы послѣ такого обезпеченія кредиторъ могъ бы немедленно же предъявить искъ объ уничтоженіи сдѣлки, въ случаѣ недобросовѣстности обѣихъ сторонъ.

Что касается ст. 2-й, т.-е. случая добросовѣстности пріобрѣтателя, то она съ одной стороны вызываетъ нѣкоторое сомнѣніе, а съ другой — требуетъ, если можно такъ выразиться, нѣкотораго оправданія. Намъ кажется, что необходимо было бы подчеркнуть, что въ этомъ случаѣ искъ долженъ быть предъявленъ только къ одному отчуждателю, такъ какъ, при неупоминаніи объ этомъ, судъ, согласно установившейся сенатской практикѣ, будетъ по 4 ст. Уст. Гр. Суд. требовать привлеченія къ отвѣтственности не только отчуждателя, но и всѣхъ пріобрѣтателей. А между тѣмъ для достиженія цѣли именно въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ надобности уничтожать сдѣлку, едва ли есть какой-либо смыслъ привлекать къ дѣлу пріобрѣтателя, тѣмъ болѣе, что это поставило бы истца въ затруднительное положеніе, а иногда и въ безвыходное (напримѣръ, при простой распродажѣ товара съ большой скидкой).

Затѣмъ то, что я назвалъ оправданіемъ, относится къ формулировкѣ иска, такъ какъ могутъ возникнуть сомнѣнія относительно самой возможности предъявленія иска о признаніи. Но намъ кажется, что такого рода иски вполнѣ возможны. Это будутъ иски о признаніи наличности тѣхъ юридическихъ отношеній, которыя въ данномъ случаѣ дѣйствительно сложились подъ вліяніемъ дѣйствій должника, направленныхъ къ тому, чтобы лишить кредитора удовлетворенія. И хотя по дѣйствующему закону вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ подлежатъ лишь споры о правахъ гражданскихъ, а не иски о признаніи. Но съ одной стороны ст. 896 и слѣд. Уст. Гр. Суд. допускаютъ постановленіе рѣшеній лишь о признаніи права на возмѣщеніе убытковъ безъ опредѣленія самаго количества убытковъ (т.-е. искъ объ установленіи права, безъ соотвѣтствующаго этому праву удовлетворенія), а съ другой — условія практической жизни и юридическаго быта побудили Правительствующій Сенатъ расширить предѣлы допустимости гражданскаго иска. Въ рѣшеніи 1882 года № 82 по дѣлу Рейнеке, Правительствующій Сенатъ призналъ возможнымъ предъявленіе иска о признаніи существованія юридическаго отношенія, если къ тому истецъ вынуждается немедленнымъ юридическимъ интересомъ. Далѣе, Уст. о Торг. Несост. (изд. 1887 г. ст. 592 и 602) допускаетъ иски о признаніи судомъ спорности или безспорности конкурсныхъ претензій, т.-е. иски объ установленіи права участія въ ликвидаціи конкурсной массы, безъ соотвѣтственнаго этому

Digitized by Google

праву удовлетворенія, которое можетъ опредѣлиться лишь впослѣдствіи со стороны конкурснаго управленія.

Эта точка зрѣнія вполнѣ соотвѣтствуетъ и научному взгляду, согласно коему нарушеніе права не можетъ быть разсматриваемо какъ единственное обстоятельство, являющееся по нашему праву поводомъ къ иску; это лишь одинъ изъ тѣхъ фактовъ, которые, будучи основаніемъ для возникновенія юридическаго интереса къ иску, влекутъ за собою возникновеніе права на искъ (ср. ст. 570, 574, 691 и 693 т. X ч. 1). При такомъ пониманіи воли нашего законодателя нѣтъ препятствій для возникновенія права на искъ и при наличности всякаго иного обстоятельства, хотя бы оно и не заключалось въ нарушеніи права. Коль скоро это обстоятельство создаетъ юридическій интересъ къ данному иску, коль скоро оно обнаруживаетъ, что лица, которыя просятъ судебное установленіе приступить къ производству дѣла, дѣйствительно тѣ самыя «до коихъ тѣ дѣла касаются» (ст. 4 Уст. Гр. Суд.), то такого обстоятельства и достаточно для признанія за даннымъ лицомъ права на искъ (проф. В. М. Гордонъ — «Иски о признаніи» изд. 1906 г.).

Въ виду изложеннаго и важности защищаемыхъ настоящимъ проектомъ интересовъ, было бы вполнѣ умѣстно прямо ввести въ законъ иски о признаніи.

Статьей 3-й дается суду право разрѣшать дѣла по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ и по справедливому убѣжденію, т.-е. по убѣжденію, которое складывается въ процессѣ даже и при отсутствіи строгихъ формальныхъ доказательствъ недобросовѣстности одной или обѣихъ участвовавшихъ въ сдѣлкѣ сторонъ. Насколько мнѣ извѣстно, въ Комиссіи Государственной Думы, нѣкоторые члены, принадлежащіе къ фракціи правыхъ, сильно недоумѣвали по поводу этой статьи, задаваясь вопросомъ, развѣ вообще судъ не дѣйствуетъ по справедливому убѣжденію? Мы, съ своей стороны, считаемъ эту статью весьма умѣстной, ибо въ основаніи исковъ, предъявляемыхъ по 1 и 2 ст.ст., лежатъ факты, не всегда поддающіеся установленію путемъ формальныхъ доказательствъ, но тѣмъ не менѣе выясняющіеся изъ разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ дѣла; таковы — характеръ оспариваемой сдѣлки, совершеніе ея во избѣжаніе платежа долговъ во вредъ вѣрителю. Указаніе на такое право Судомъ заимствовано изъ 1657 ст. Проекта Гражд. Улож., которая гласитъ: «При опредѣленіи вознагражденія за убытки на основаніи статей 1654—1656 Судъ, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, установляетъ размѣръ вознагражденія по справедливому усмотрѣнію». Точно такъ же и въ процессахъ, которые будутъ возникать по поводу сдѣлокъ, направленныхъ ко вреду вѣрителей и

Digitized by Google

во избѣжаніе платежа долговъ, Судъ часто поставленъ будетъ, (какъ показываетъ судебный опытъ процессовъ по 1529 ст. X т. I ч. Зак. Гражд.), въ затруднительное положеніе, когда при отсутствіи неоставляющихъ сомнѣній формальныхъ доказательствъ, все же чувствуется безусловная наличность условій, подходящихъ подъ 1 или 2 ст. настоящаго проекта. Вотъ въ этихъ случаяхъ суду надлежитъ дать какъ бы особое указаніе на его право рѣшить дѣло «по справедливому убѣжденію».

Мы считаемъ это нововведеніе тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ имѣется уже соотвѣтствующій прецедентъ, именно въ новомъ законѣ объ авторскомъ правѣ. Ст. 23 этого закона гласитъ: размѣръ вознагражденія, причитающійся автору или его правопреемникамъ на основаніи ст. 21 и 22 сего положенія устанавливается судомъ по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, по справедливому усмотрѣнію.

Привѣтствуя эти новыя правила, мы вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что ихъ слѣдуетъ примѣнять только къ случаямъ недобросовѣстности должниковъ по торговымъ дѣламъ. Мы не видимъ никакого основанія къ тому, чтобы давать какое-либо преимущество лицамъ, коихъ долги возникли не по торговлѣ. Поэтому новыя правила слѣдовало бы редактировать въ видѣ совершенно отдѣльнаго и самостоятельнаго закона. Если же помѣстить его подъ особыми литерами въ законѣ о переходѣ предпріятій, то судъ будетъ примѣнять ихъ исключительно къ случаямъ торговой сдѣлки.

Въ заключеніе я считаю долгомъ указать на то, что со всѣхъ сторонъ высказываются пожеланія, не найдутъ ли юристы какой-либо способъ придать настоящему закону обратную силу. Другими словами, нельзя ли какъ-нибудь примѣнить его къ тѣмъ обходамъ, которые такъ участились въ послѣднее время въ ожиданіи новаго строгаго закона. Вполнѣ понимая серіозность мотивовъ, которыми вызываются такія пожеланія, я не вижу способа придать закону обратную силу, но если бы совмѣстными усиліями удалось этого достигнуть, то огромное количество неплательщиковъ, которое въ послѣдніе годы съ удвоенной энергіей страховало себя противъ разрушительнаго воздѣйствія ожидаемыхъ новыхъ правилъ, потерпѣло бы вполнѣ заслуженное фіаско.

О. Гольдовскій.

Digitized by Google

Вліяніе рынка на организацію крестьянскаго хозяйства.

I.

Въ настоящее время развитіе мѣновыхъ отношеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ зашло настолько далеко, что рынокъ и цѣны на сельскохозяйственные продукты пріобрѣли значеніе одного изъ наиболѣе могущественныхъ факторовъ, опредѣляющихъ строй хозяйства русскаго крестьянина. Лучшимъ источникомъ свѣдѣній о степени развитія денежныхъ элементовъ въ хозяйствѣ крестьянъ различныхъ губерній являются данныя объ ихъ бюджетахъ. Къ сожалѣнію, число бюджетныхъ изслѣдованій очень ограничено. Мы могли воспользоваться только 230 бюджетами по Воронежской губ., собранными въ 1887—1896 гг. и обработанными Ф. А. Щербиною, 632 бюджетами по Вятскому уѣзду, собранными въ 1899—1900 гг., 136 бюджетами по Вологодскому уѣзду, собранными въ 1905 году, и 25 бюджетами по Волоколамскому уѣзду, собранными въ 1911 году и обработанными А. В. Чаяновымъ [1]). Бюджеты другихъ уѣздовъ Вологодской и Вятской губерній, которыми также можно было бы воспользоваться, мы не брали, чтобы не загромождать работы цифрами. Несмотря на недостаточность, разновременность и случайность бюджетныхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ, ими все же можно воспользоваться для выясненія вопроса, который насъ интересуетъ въ настоящее время. Нѣкоторымъ препятствіемъ является лишь то обстоятельство, что воронежскіе бюджеты сгруппированы по количеству надѣльной земли, приходящейся на дворъ; вятскіе и вологодскіе — по количеству площади, засѣваемой дворомъ; волоколамскіе бюджеты не сгруппированы вовсе. Но такъ какъ въ воронежскихъ бюджетахъ приведены свѣдѣнія о посѣвныхъ

[1]) Ленъ и другія культуры въ организаціонномъ планѣ крестьянскаго хозяйства нечерноземной Россіи, 1912 г.

Digitized by Google

площадяхъ, такъ же какъ и въ волоколамскихъ, то мы остановились на группировкѣ по этому признаку. Если мы возьмемъ группу, засѣвающую 3,3—3,6 дес. на дворъ, то валовой и денежный доходъ отъ сельскаго хозяйства, а также денежный расходъ принадлежащихъ къ ней крестьянскихъ хозяйствъ въ различныхъ губерніяхъ составитъ:

	Вал. дох.	Ден. дох.	Въ %.	Ден. расх.	Въ %.
Воронежская губ.	156,0 р.	51,9 р.	33,3 %	84,9 р.	54,4 %
Вятскій у.	205,0 »	32,7 »	16,0 %	96,3 »	47,0 %
Вологодскій у. . .	414,8 »	154,1 »	37,2 %	201,2 »	48,5 %
Волоколамскій у..	701,8 »	285,3 »	40,7 %	363,3 »	51,8 %

Денежные доходы у крестьянъ съ этою запашкою составляютъ около $^1/_3$ части валового дохода ихъ хозяйства, а денежные расходы — приблизительно половину ихъ валового дохода. Нѣсколько слабѣе развиты денежные элементы въ хозяйствѣ крестьянъ лучше обезпеченныхъ землею. Для группы съ посѣвомъ 7,2—8,4 дес. эти доходы и расходы составляютъ:

	Вал. дох.	Ден. дох.	Въ %.	Ден. расх.	Въ %.
Воронежская губ.	354,8 р.	96,7 р.	27,3 %	132,3 р.	37,3 %
Вятскій у.	320,2 »	50,5 »	15,8 %	97,7 »	30,5 %
Вологодскій у. . .	955,4 »	375,3 »	39,3 %	295,8 »	31,0 %
Волоколамскій у.	1590,7 »	564,0 »	35,5 %	497,8 »	31,3 %

Хозяйство крестьянъ, лучше обезпеченныхъ землею, сохранило болѣе натуральный характеръ, однако и въ немъ денежные элементы настолько развиты, что о его независимости отъ рынка не можетъ быть и рѣчи.

Правильнѣе было бы говорить о зависимости не отъ рынка, а отъ рынковъ. Рынки сбыта пшеницы и овса далеко не одни и тѣ же; отъ рынковъ зерновыхъ хлѣбовъ глубоко разнятся рынки сбыта свекловицы, фруктовъ или молока. Каждый городъ представляетъ собою самостоятельный рынокъ сбыта для хлѣба, овощей, молока; каждая прядильно-ткацкая фабрика является рынкомъ сбыта для хлопка или льняного волокна, каждый винокуренный или крахмальный заводъ — для картофеля. Если сильный неурожай постигъ какую-либо хлѣбородную губернію, она становится временнымъ рынкомъ сбыта для зерновыхъ хлѣбовъ урожайныхъ губерній. Несмотря на всю эту пестроту конкретныхъ рынковъ сбыта, въ теоретическомъ изслѣдованіи, изучающемъ вліяніе условій сбыта продуктовъ на организацію сельскаго хозяйства, мы можемъ

Digitized by Google

говорить о вліяніи одного, а не многихъ рынковъ. Всякое научное изслѣдованіе предполагаетъ абстрагированіе отъ многообразія конкретной дѣйствительности.

Именно такъ поступилъ Тюненъ въ своемъ классическомъ «Уединенномъ государствѣ». Онъ исходитъ изъ двухъ предпосылокъ, въ высшей степени упрощающихъ современную ему сельскохозяйственную дѣйствительность: 1) сельское хозяйство носитъ вполнѣ денежный характеръ, его продукты предназначены исключительно для продажи, и 2) рынокъ для сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ расположенъ въ центрѣ равномѣрно-плодородной равнины, лишенной другихъ путей сообщенія, кромѣ гужевыхъ. Благодаря этимъ двумъ предпосылкамъ Тюненъ получаетъ возможность выдѣлить изъ всей массы моментовъ, опредѣляющихъ организацію сельскаго хозяйства, одинъ факторъ — экономическое разстояніе отъ рынка, т.-е. издержки перевозки, и прослѣдить вліяніе большаго или меньшаго разстоянія на систему хозяйства въ различныхъ поясахъ равнины. При гужевомъ транспортѣ издержки зависятъ исключительно отъ вѣса груза и разстоянія, на которое этотъ грузъ перевозится: стоимость перевозки одного пуда прямо пропорціональна числу верстъ, которые этотъ пудъ проходитъ. Чтобы совершенно устранить вліяніе прочихъ экономическихъ моментовъ, Тюненъ предполагаетъ, что перевозка товаровъ производится въ свободное отъ полевыхъ работъ время, на лошадяхъ и телѣгахъ, употребляемыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. При подобной организаціи и техникѣ транспорта, когда издержки прямо пропорціональны вѣсу груза и проходимому имъ разстоянію, производство малоцѣнныхъ громоздкихъ товаровъ должно концентрироваться около рынка сбыта, а вдали отъ центральнаго рынка, на окраинахъ равнины должны производиться товары высокой цѣнности и малаго вѣса. Исходя изъ этихъ соображеній, Тюненъ устанавливаетъ существованіе вокругъ центральнаго города своего «Уединеннаго государства» слѣд. шести концентрическихъ поясовъ:

1) пояса огороднаго хозяйства,
2) » лѣсныхъ дачъ,
3) » плодосмѣннаго хозяйства,
4) » выгоннаго хозяйства,
5) » трехпольнаго хозяйства и
6) » пастбищнаго скотоводства.

Въ настоящее время сельскохозяйственные продукты перевозятся не на лошадяхъ, гужемъ, а по желѣзной дорогѣ. Естественно

Digitized by Google

возникаетъ вопросъ, какія измѣненія должна вызвать новая система транспорта въ организаціи сельскаго хозяйства въ «Уединенномъ государствѣ» Тюнена.

Попытаемся прежде всего установить, въ чемъ заключаются народно-хозяйственныя особенности желѣзнодорожнаго транспорта. Характерною чертою желѣзнодорожнаго транспорта является то обстоятельство, что желѣзная дорога представляетъ собою предпріятіе, имѣющее общіе расходы, независящіе отъ размѣровъ движенія. Благодаря тому, что постройка желѣзнодорожной линіи и содержаніе пути и станцій обходятся очень дорого, количество этихъ расходовъ представляетъ собою величину весьма значительную. По свидѣтельству К. Я. Загорскаго, «изъ всей совокупности желѣзнодорожныхъ расходовъ только одну четвертую часть составляютъ издержки, непосредственно связанныя съ движеніемъ и возрастающія или убывающія приблизительно въ одинаковой пропорціи съ количествомъ перевозокъ[1])». Расходы спеціальные, — на тягу, перевозку и ремонтъ рельсовъ и ихъ принадлежностей, — завися отъ величины движенія, растутъ, однако, медленнѣе, чѣмъ масса транспорта. Поэтому, чѣмъ больше плотность движенія, т.-е. чѣмъ больше масса транспортируемаго товара по расчету на единицу пути, тѣмъ меньше будетъ расходъ на единицу товара и тѣмъ дешевле, слѣдовательно, можетъ быть транспортъ. Для всякой желѣзной дороги рѣшающее значеніе имѣетъ плотность движенія, количество грузовъ по расчету на единицу пути. Если дорогѣ удалось привлечь большое количество грузовъ, она будетъ доходна и желѣзнодорожные тарифы могутъ быть понижены; если грузовъ мало, дорога будетъ приносить убытокъ и расходы на перевозку единицы товара будутъ высоки. Изъ этой основной особенности желѣзнодорожнаго транспорта по сравненію съ гужевымъ,— необходимости для безъубыточной эксплуатаціи дороги извѣстной плотности товарнаго движенія — вытекаетъ прежде всего невозможность сохраненія тарификаціи товаровъ по вѣсу, характерной для гужевого транспорта. Громоздкіе, малоцѣнные товары не могутъ оплачивать высокихъ тарифныхъ ставокъ, по которымъ перевозятся высокоцѣнные товары. Поэтому, желѣзныя дороги вынуждены устанавливать для нихъ болѣе низкіе тарифы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желѣзныя дороги не могутъ принять и систему тарификаціи товаровъ по цѣнности, такъ какъ имъ пришлось бы тогда или перевозить дешевые товары по явно убыточному тарифу, не оплачивающему даже прямыхъ расходовъ на тягу и перевозку,

---

[1]) К. Загорскій. Теорія желѣзнодорожныхъ тарифовъ, 1901 года, стр. 32.

Digitized by Google

или же установить для дорогихъ товаровъ тарифы, далеко превышающіе расходы при гужевомъ транспортѣ. Какъ комбинируютъ желѣзныя дороги эти два принципа тарификаціи, по вѣсу и по цѣнности, можно видѣть на конкретномъ примѣрѣ дѣйствующихъ русскихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Цѣна пуда различныхъ товаровъ исчислена нами на основаніи данныхъ о русскомъ экспортѣ за пять лѣтъ 1904—1908 гг.; относительно дровъ взяты данныя за 1909 годъ. Во второй графѣ приведена стоимость перевозки этихъ товаровъ за первую тысячу верстъ:

	Цѣна пуда.	Тарифъ.	Въ %%.
Бумажныя ткани.	35 р. 63,7 к.	93,33 к.	2,6%
Масло коровье.	13 » 47,6 »	50,00 »	3,7 »
Кожи невыдѣланныя.	13 » 06,5 »	34,16 »	2,6 »
Свинина соленая.	6 » 40,5 »	34,92 »	5,5 »
Ленъ.	4 » 42,7 »	24,83 »	5,6 »
Пшеница.	— » 98,9 »	18,88 »	19,1 »
Рожь.	— » 81,3 »	18,88 »	23,2 »
Доски	— » 38,2 »	11,00 »	28,8 »
Дрова	— » 12,4 »	8,33 »	67,2 »
Руда желѣзная.	— » 9,8 »	9,04 »	92,2 »

Чѣмъ дешевле товаръ, тѣмъ ниже тарифъ на его перевозку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣмъ большую долю его рыночной цѣны поглощаютъ издержки транспорта. Подобная система тарификаціи грузовъ находитъ свое объясненіе во вліяніи тарифа на количество перевозимаго по желѣзной дорогѣ товара, т.-е. на плотность движенія. Пониженіе тарифа далеко не всегда увеличиваетъ количество транспортируемыхъ товаровъ. Еще А. И. Чупровъ замѣтилъ, что не всякое измѣненіе въ стоимости провоза сопровождается соотвѣтствующимъ измѣненіемъ цѣнъ перевозимыхъ предметовъ, и не всякая перемѣна въ цѣнахъ отражается на количествѣ товаровъ, поступающихъ на желѣзную дорогу. При перевозкѣ на разстояніи 1000 верстъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, пониженіе тарифовъ на 50 % приведетъ къ удешевленію бумажныхъ тканей на 1,3 % и и желѣзной руды — на 45,9 %. Очевидно, такое радикальное измѣненіе тарифа, какъ пониженіе его на 50 %, почти не отразится на цѣнѣ аршина ситца; напротивъ, на цѣну желѣзной руды она окажетъ рѣшающее вліяніе. Чѣмъ болѣе значительную часть цѣны товара составляютъ издержки на его перевозку, тѣмъ сильнѣе вліяніе желѣзнодорожныхъ тарифовъ на эту цѣну. Далѣе,

Digitized by Google

пониженіе цѣны товара въ томъ лишь случаѣ увеличиваетъ количество транспортируемыхъ товаровъ, если можетъ быть увеличенъ соотвѣтствующимъ образомъ какъ спросъ, такъ и предложеніе товара. Спросъ на предметы личнаго потребленія на мѣстномъ рынкѣ является величиною очень устойчивой, подвергающейся лишь постепеннымъ и медленнымъ измѣненіямъ; иной характеръ носитъ спросъ на міровомъ рынкѣ, на которомъ та или другая группа производителей можетъ вытѣснить своихъ конкуррентовъ и сразу увеличить свой сбытъ на 50, 100 или 200%. Далеко не всегда возможно и расширеніе производства, особенно въ области сельскаго хозяйства. Если весь избыточный хлѣбъ данной мѣстности уже поступаетъ на желѣзную дорогу, пониженіе тарифа на его перевозку отразится на количествѣ транспортируемаго хлѣба лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, когда произойдутъ соотвѣтствующія измѣненія, — если они произойдутъ, — въ организаціи сельскаго хозяйства этой территоріи. Поэтому, пониженіе тарифовъ дастъ желательный для желѣзныхъ дорогъ эффектъ въ томъ лишь случаѣ, если имъ открывается доступъ къ рынкамъ сбыта для новыхъ производительныхъ областей, которыя были до сихъ поръ отрѣзаны отъ рынковъ дороговизною перевозки. Обстоятельство это привело къ введенію дифференціальныхъ тарифовъ, при которыхъ для районовъ, уже вовлеченныхъ въ мѣновой оборотъ, сохраняются старыя ставки, пониженныя же вводятся только для новыхъ районовъ, до сихъ поръ не имѣвшихъ рынковъ сбыта. Такъ, напримѣръ, на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ за перевозку зерновыхъ хлѣбовъ съ пуда и версты взимается слѣдующая плата:

съ	1— 180 в.	— 1/25	к.
»	181— 344 »	— 1/63	»
»	345— 800 »	— 1/68	»
»	801—1120 »	— 1/84	»
»	1121—2779 »	— 1/115	»
	свыше 2779 »	— 1/80	»

Послѣдняя ставка вызвана боязнью конкурренціи на міровомъ рынкѣ дешеваго сибирскаго хлѣба, т.- е. соображеніями экономической, а не желѣзнодорожной политики.

Наконецъ, для желѣзныхъ дорогъ выгодно не всякое пониженіе тарифа, которое поведетъ къ повышенію плотности движенія и, слѣдовательно, къ нѣкоторому пониженію издержекъ перевозки, а лишь такое, благодаря которому издержки перевозки уменьшаются въ большей мѣрѣ, нежели понижена провозная плата. Послѣднее соотношеніе можетъ наблюдаться лишь на малоцѣн-

Digitized by Google

ныхъ товарахъ, сильно реагирующихъ на пониженіе тарифныхъ ставокъ[1]).

Въ силу этого обстоятельства главное значеніе для желѣзныхъ дорогъ имѣютъ громоздкіе, малоцѣнные товары. Именно этими дешевыми товарами живутъ желѣзныя дороги, — сборами за ихъ перевозку онѣ оплачиваютъ какъ свои издержки, такъ и выдаваемые акціонерамъ дивиденды.

Этотъ краткій анализъ экономическихъ основаній желѣзнодорожныхъ тарифовъ позволяетъ намъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ, какъ отразится введеніе парового транспорта на организацію сельскаго хозяйства въ «Уединенномъ государствѣ» Тюнена.

Замѣна гужевого транспорта паровымъ, удешевивъ перевозку, должна прежде всего вызвать увеличеніе ширины всѣхъ поясовъ «Уединеннаго государства». По даннымъ, собраннымъ въ началѣ 90-хъ гг., гужевая перевозка обходилась въ Россіи на близкихъ разстояніяхъ $^1/_3$, $^1/_4$ и $^1/_5$ коп. съ пуда и версты, на далекихъ $^1/_6$—$^1/_8$ коп., рѣже $^1/_{10}$ коп.[2]). Такимъ образомъ, перевозка гужемъ пуда ржи за 1000 верстъ должна была обходиться отъ 1 руб. до 1 руб. 66,7 коп., тогда какъ въ настоящее время по желѣзнымъ дорогамъ она обходится 18,9 коп., въ 5—9 разъ дешевле. По разсчетамъ Тюнена, въ его время гужевая перевозка поглощала всю рыночную цѣну ржи на разстояніи 49,95 миль отъ рынка, т.-е. около 350 верстъ; на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ плата за перевозку съѣдаетъ всю рыночную цѣну ржи при пробѣгѣ въ 6504 версты, т.-е. на въ $18^1/_2$ разъ большемъ разстояніи. Но паровой транспортъ въ разной мѣрѣ удешевляетъ перевозку товаровъ различной цѣнности. При гужевомъ транспортѣ стоимость перевозки опредѣлялась исключительно вѣсомъ груза; при паровомъ — провозная плата опредѣляется и вѣсомъ груза, и его цѣнностью. Чѣмъ дешевле товаръ, тѣмъ меньшую плату взимаютъ желѣзныя дороги за его перевозку. Такъ, перевозка пуда бумажныхъ тканей обходится на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, при 1000 верстахъ пробѣга, въ 93,3 коп., а перевозка пуда дровъ — всего въ 8,3 коп., въ 11 разъ дешевле. Благодаря этому внутренніе концентрическіе пояса «Уединеннаго государства», производящіе громоздкіе, малоцѣнные товары, увеличатся въ большей мѣрѣ, чѣмъ наружные пояса, производящіе высокоцѣнные продукты.

---

[1]) Ср. А. И. Чупровъ, Желѣзнодорожное хозяйство, изд. 1910 года, стран. 219—221, 251—253.

[2]) К. Загорскій, Теорія желѣзнодорожныхъ тарифовъ, стр. 110—111.

Digitized by Google

Мы видимъ отсюда, насколько невѣренъ выводъ, къ которому пришелъ А. И. Скворцовъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи «Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство», что «желѣзныя дороги, устанавливая тарифъ по цѣнности и давая особыя льготы отдаленнымъ отъ рынка районамъ (дифференціальные тарифы), достигаютъ такимъ образомъ того, что районъ сбыта малоцѣнныхъ товаровъ въ высокой степени расширяется и если не сравнивается, то сильно приближается по размѣрамъ къ размѣрамъ районовъ товаровъ наиболѣе цѣнныхъ... Главной особенностью желѣзныхъ дорогъ, или современнаго парового транспорта вообще, является именно содѣйствіе расширенію района сбыта малоцѣнныхъ товаровъ, если не въ большей степени, чѣмъ высокоцѣнныхъ, то во всякомъ случаѣ въ такой мѣрѣ, что радіусы районовъ того и другого рода товаровъ дѣлаются почти равными»[1]). Районы сбыта товаровъ различной цѣнности могли бы стать равными или почти равными въ томъ лишь случаѣ, если бы провозная плата за одно и то же разстояніе брала у нихъ одну и ту же долю рыночной цѣнности, или, какъ говоритъ проф. Скворцовъ, единственною основою желѣзнодорожнаго тарифа была цѣнность товаровъ. Но, какъ мы видѣли выше, провозная плата за 1000 верстъ колеблется для разныхъ товаровъ отъ 2,6 % до 92,2 % ихъ рыночной цѣнности. Поэтому, мы рѣшительно отрицаемъ у парового транспорта тенденцію дѣлать районы сбыта разноцѣнныхъ товаровъ равными или почти равными.

Такимъ образомъ, анализъ тарифной политики желѣзныхъ дорогъ приводитъ насъ къ заключенію, что и для современной экономической дѣйствительности, въ которой такую видную роль играетъ паровой транспортъ, остается въ силѣ основное положеніе Тюнена, что разстояніе отъ рынка, или условія сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ оказываютъ опредѣляющее вліяніе на организаціонный планъ сельскихъ хозяйствъ — поскольку они втянуты въ мѣновой оборотъ — и интенсивность ихъ сельско-хозяйственнаго производства.

II.

Прямою противоположностью теоріи Тюнена, приписывающаго рынку опредѣляющее вліяніе на систему хозяйства, является теорія А. И. Скворцова, отрицающаго въ настоящее время за рынкомъ это вліяніе.

По мнѣнію проф. Скворцова, въ вопросѣ о вліяніи рынка на организацію сельскаго хозяйства рѣшающее значеніе имѣетъ

[1]) Вліяніе парового транспорта, 1890 г., стран. 305, 307.

Digitized by Google

характеръ транспорта. При гужевомъ транспортѣ рынокъ оказывалъ это вліяніе. «Тюненъ вовсе не случайно положилъ въ основу своего изслѣдованія вліяніе транспорта и разстоянія отъ рынка, а не иное какое-либо условіе, вліяющее на характеръ хозяйства. Онъ остановился на факторѣ разстоянія, потому что, при существовавшемъ въ то время способѣ транспорта, разстояніе отъ рынка являлось повелѣвающимъ условіемъ для той или иной организаціи хозяйства». Дороговизна гужевого транспорта и свойственная ему тарификація по вѣсу, безотносительно къ цѣнности продукта, умаляла значеніе естественныхъ условій и преимуществъ. «Тюненъ былъ правъ, предположивъ въ своемъ «Уединенномъ государствѣ» всюду одинаковыя естественныя условія (климатъ, почву и топографическое положеніе); при тѣхъ условіяхъ транспорта, которыя имѣли мѣсто въ «Уединенномъ государствѣ», разница естественныхъ условій не могла существенно измѣнить его выводовъ и не потому только, какъ онъ думалъ, что предѣлы «Уединеннаго государства» не велики, но еще и главнымъ образомъ потому, что условія транспорта подавляли вліяніе различія въ естественныхъ условіяхъ, не давали имъ рѣзко обнаружить свое значеніе. Другими словами, прежній транспортъ давалъ огромныя преимущества именно географическому положенію (разстоянію рынка), но за то не давалъ выразиться въ полной мѣрѣ вліянію преимуществъ области по отношенію къ производству того или другого продукта. Современный же торговый транспортъ, обратно, выдвигаетъ на первый планъ и даже усиливаетъ значеніе естественныхъ преимуществъ по отношенію къ производству, подавляя въ то же время значеніе географическаго положенія, т.-е. близости отъ рынка. Поэтому, заключаетъ проф. Скворцовъ, мы должны не только принять во вниманіе преимущества каждаго района по отношенію къ производству того или другого продукта, но именно исходить изъ этихъ преимуществъ, чтобы прійти къ выводу о расположеніи отраслей хозяйства въ современномъ мірѣ». Паровой транспортъ открылъ возможность приспособленія сельскаго хозяйства къ условіямъ почвы и климата. «Огромное удешевленіе транспорта уничтожаетъ значеніе того единственнаго фактора, который вынуждалъ концентрическое расположеніе системъ хозяйства (полеводства) въ «Уединенномъ государствѣ» Тюнена и, наоборотъ, выдвигаетъ впередъ значеніе естественныхъ факторовъ, опредѣляющихъ строй хозяйства, и, слѣдовательно, даетъ возможность сдѣлать хозяйства технически раціональными; при этомъ каждое хозяйство будетъ производить, при помощи соотвѣтствующихъ пріемовъ, только тѣ продукты, которые (при данныхъ

Digitized by Google

естественныхъ условіяхъ) могутъ быть произведены въ наибольшемъ количествѣ и наилучшаго качества съ единицы площади и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ наименьшей, сравнительно съ другими областями и хозяйствами, затратой труда и капитала»[1]).

Большинство изъ этихъ соображеній А. И. Скворцова вполнѣ правильны. Несомнѣнно, дорогой гужевой транспортъ въ сосѣдствѣ большихъ городовъ, поскольку его недостатки не компенсировались дешевымъ воднымъ транспортомъ, приводилъ къ совершенно ирраціональному использованію природныхъ данныхъ. Дешевый паровой транспортъ, ослабивъ вліяніе рынка, сдѣлалъ возможнымъ болѣе раціональное приспособленіе системы сельскаго хозяйства къ условіямъ почвы и климата. Отсюда, однако, вовсе не слѣдуетъ, что паровой транспортъ «уничтожилъ» вліяніе рынка, вынуждавшаго концентрическое расположеніе системъ хозяйства въ «Уединенномъ государствѣ». Какъ мы указывали уже выше, подобное вліяніе желѣзныхъ дорогъ могло бы имѣть мѣсто въ томъ лишь случаѣ, если бы имъ свойственна была тарификація грузовъ по ихъ цѣнности; между тѣмъ, желѣзнымъ дорогамъ свойственна совершенно иная система фиксаціи провозныхъ платъ, — по цѣнности и вѣсу, которая приводитъ къ значительному расширенію концентрическихъ колецъ «Уединеннаго государства», особенно внутреннихъ, но никоимъ образомъ не къ ихъ уничтоженію. Поэтому, желѣзныя дороги лишь ослабили, но не уничтожили вліянія экономическаго разстоянія отъ рынка на организацію сельскаго хозяйства. Также неосновательны и дальнѣйшіе выводы проф. Скворцова, что интенсивность сельскаго хозяйства «стремится уравняться въ различныхъ областяхъ» и «вовсе не убываетъ отъ центра современнаго «Уединеннаго государства» къ его границамъ, какъ она убывала у Тюнена»[2]). Ниже мы еще вернемся къ этому вопросу о вліяніи рынка на интенсивность сельскаго хозяйства.

Послѣдовательно развивая далѣе свою основную мысль, профессоръ Скворцовъ даетъ намъ классификацію системъ хозяйства, основанную на природныхъ условіяхъ. Въ основу дѣленія имъ положенъ климатъ, главнымъ образомъ его влажность. Однѣ страны имѣютъ влажный, морской климатъ; имъ свойственна скотоводственная система хозяйства, такъ какъ важнѣйшія кормовыя растенія, травы и корнеплоды, нуждаются въ большемъ количествѣ воды, чѣмъ растенія зерновыя. Другимъ странамъ свойственъ климатъ болѣе или менѣе сухой, континентальный;

---

[1]) Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство, стран. 625, 630—631, 698.

[2]) Ibid., стран. 699, также стран. 625.

Digitized by Google

тѣмъ изъ этихъ странъ, которыя въ періодъ открытія желѣзныхъ дорогъ имѣли рѣдкое населеніе, свойственна зерновая система хозяйства, такъ какъ зерновые хлѣба довольствуются относительно сухимъ климатомъ, требуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительнаго содержанія въ почвѣ азота и фосфорной кислоты въ удобоусвояемой формѣ. Наконецъ, въ густо населенныхъ странахъ съ сухимъ климатомъ развивается техническая система хозяйства, требующая затраты большого количества труда на единицу площади[1]). Всѣ эти три системы хозяйства, — правильнѣе ихъ называть типами хозяйства, — и зерновая, и скотоводственная, и техническая, — могутъ быть самой различной высоты интенсивности. Какъ замѣчаетъ проф. Скворцовъ, «почти въ каждой системѣ хозяйства найдутся предпріятія или группы предпріятій, весьма рѣзко различающихся между собою по степени интенсивности. Такъ, хозяйство оренбургскаго хозяина и англійскаго фермера будутъ съ одинаковымъ правомъ называться скотоводственными, такъ какъ и то и другое добываютъ главный доходъ отъ продажи продуктовъ скотоводства. Но, конечно, въ способѣ веденія этихъ хозяйствъ, какъ и въ высотѣ интенсивности ихъ — разница громадная»[2]). Интенсивность хозяйства зависитъ не отъ системы (или типа) хозяйства, а отъ «системы полеводства» по терминологіи профессора Скворцова, которая «указываетъ, какими способами и пріемами хозяинъ достигаетъ поставленной имъ себѣ цѣли... При этомъ она характеризуетъ и количественную сторону приложенія капитала, интенсивность хозяйства»[3]). Такимъ образомъ, для сужденія о степени вліянія рынка на интенсивность системы сельскаго хозяйства для насъ важны не «системы хозяйства», которыя допускаютъ различныя степени интенсивности, а «системы полеводства». Однако, врядъ ли можно говорить о «системѣ полеводства» при огородномъ хозяйствѣ или кочевомъ скотоводственномъ хозяйствѣ; между тѣмъ, мы и можемъ, и должны судить о степени интенсивности этихъ двухъ сельско-хозяйственныхъ организацій. Съ другой стороны, трудно климатъ среднеазіатскихъ степей, въ которыхъ ведется скотоводственная система хозяйства, признать морскимъ. Очевидно, классификацію формъ сельскаго хозяйства, предложенную проф. Скворцовымъ, нельзя признать удачной. Естественныя условія, климатъ, почва, топографія, несомнѣнно оказываютъ, при современной дешевизнѣ парового транспорта,

---

[1]) Вліяніе парового транспорта, стран. 598—624; Основы экономики земледѣлія, ч. I, 1900 г., стран. 35—37.
[2]) Основы экономики земледѣлія, стран. 38.
[3]) Основы экономики земледѣлія, ч. II, вып. 1-й, стран. 4.

Digitized by Google

значительное вліяніе на соотношеніе различныхъ отраслей сельскаго хозяйства; но не эти условія опредѣляютъ соотношеніе различныхъ факторовъ сельскаго хозяйства, труда, капитала и земли, иными словами, организаціонный планъ сельскохозяйственнаго предпріятія. Выдвинувъ на первый планъ вліяніе естественно-историческихъ условій, которыя и при паровомъ транспортѣ имѣютъ лишь второстепенное значеніе, проф. Скворцовъ придалъ всей своей системѣ искусственный, не отвѣчающій дѣйствительности характеръ. Его «системы полеводства» ближе подходятъ къ основнымъ вопросамъ организаціи сельскаго хозяйства. Но чѣмъ вызывается переходъ отъ экстенсивныхъ системъ хозяйства къ интенсивнымъ? Отрицая вліяніе рынка, проф. Скворцовъ приписываетъ этотъ переходъ демографическому фактору, приросту населенія, его плотности[1]). При проведеніи желѣзныхъ дорогъ въ странахъ съ континентальнымъ климатомъ, густо населенныя мѣстности введутъ болѣе интенсивныя системы полеводства, чѣмъ области съ рѣдкимъ населеніемъ[2]); при выработкѣ схемы географическаго распредѣленія различныхъ отраслей хозяйства приходится принимать во вниманіе, по его мнѣнію, кромѣ естественныхъ условій, также «величину землевладѣнія и величину хозяйственныхъ единицъ, а въ связи съ этимъ и населенность страны»[3]).

Положеніе это у проф. Скворцова ничѣмъ не обосновано. Между тѣмъ, оно далеко не самоочевидно. Статистика населенія учитъ насъ, что какъ приростъ населенія, такъ и его плотность опредѣляются чисто экономическими моментами. Проф. Скворцовъ, напротивъ, утверждаетъ, что экономика земледѣлія зависитъ отъ плотности населенія. Очевидно, вопросъ этотъ довольно сложный и не можетъ быть разрѣшенъ простыми утвержденіями.

Попытку дать подобное обоснованіе мы находимъ у А. Н. Челинцева. Этотъ экономистъ во многомъ расходится съ А. И. Скворцовымъ. Такъ, напримѣръ, онъ рѣшительно протестуетъ противъ дѣленія странъ на сельскохозяйственные районы по природнымъ условіямъ, — морской и континентальный климатъ А. И. Скворцова! — такъ какъ при этомъ дѣлается та ошибка, «что въ одинъ районъ включаютъ мѣстности, кои неодинаково далеко ушли

---

[1]) На вліяніе плотности населенія на системы земледѣлія, наряду съ вліяніемъ рынка, указывалъ еще И. Вильсонъ, Объясненія къ хозяйственно-статистическому атласу Европейской Россіи, 1869 г., стран. 46—47, 68—69.

[2]) Вліяніе парового транспорта, стран. 599.

[3]) Ibid., стран. 636.

Digitized by Google

въ экономической и, въ частности, сельскохозяйственной эволюціи, и, наоборотъ, мѣста, экономически однородныя, дробятъ на части. Экономическія особенности сельскихъ хозяйствъ данной мѣстности, напримѣръ, сельскохозяйственныя растенія, техника и организація сельскихъ хозяйствъ и всѣ запросы его имѣютъ своимъ началомъ особенности экономическихъ условій, но не условія природы. Между названными особенностями сельскаго хозяйства и природными условіями параллелизма, вообще говоря, не существуетъ. Этотъ параллелизмъ въ чистомъ видѣ можетъ быть встрѣченъ только въ мѣстностяхъ съ однородными въ общемъ экономическими условіями»[1]). А. Н. Челинцевъ не принимаетъ также неудачнаго дѣленія А. И. Скворцова на «системы хозяйства» и «системы полеводства». Возвращаясь къ теоріи Людоговскаго[2]), онъ считаетъ основнымъ вопросомъ сельскохозяйственнаго производства вопросъ о производительности хозяйственной площади и поддержанія ея на прежней высотѣ; поэтому, въ основу классификаціи системъ сельскаго хозяйства должны быть положены пріемы поддержанія плодородія почвы[3]).

Поэтому, А. Н. Челинцевъ никоимъ образомъ не можетъ считаться послѣдователемъ А. И. Скворцова; тѣмъ не менѣе, мы рѣшаемся утверждать, что взгляды А. И. Скворцова оказали на него глубокое и опредѣляющее вліяніе — въ вопросѣ о вліяніи цѣнъ и прироста населенія на эволюцію сельскаго хозяйства.

Какъ мы видѣли выше, неправильный анализъ принциповъ построенія провозныхъ платъ, свойственныхъ паровому транспорту (тарификація по цѣнности, а не по цѣнности и вѣсу, какъ это имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности), сдѣланный А. И. Скворцовымъ въ его изслѣдованіи о «Вліяніи парового транспорта на сельское хозяйство», привелъ его къ отрицанію опредѣляющаго вліянія на организаціонный планъ сельскихъ хозяйствъ разстоянія отъ рынка и условій сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Отвергнувъ теорію Тюнена о вліяніи рынка, проф. Скворцовъ естественно выдвинулъ на первое мѣсто вліяніе природныхъ условій и плотности населенія. Точно такъ же и А. Н. Челинцевъ могъ признать рѣшающее вліяніе на систему хозяйства плотности

---

[1]) Очерки по сельскохозяйственной экономіи, напеч. въ «Сельскомъ хозяйствѣ и лѣсоводствѣ», 1910 г., сентябрь — декабрь, стран. 262—263.

[2]) Ср. его «Основы сельскохозяйственной экономіи», 1875 г., и статью «Къ ученію о системахъ земледѣлія», помѣщ. въ журналѣ «Сельское хозяйство и лѣсоводство», 1872 г., кн. IX—XI.

[3]) Труды подсекціи статистики XII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей 1909—1910 гг., стран. 246. Ср. «Очерки по сельскохозяйственной экономіи», ibid., стран. 265.

Digitized by Google

населенія и его прироста, лишь признавъ убѣдительной критику теоріи Тюнена, данную проф. Скворцовымъ. Игнорированіе теоріи Тюнена, какъ теоріи устарѣлой и опровергнутой, привело А. Н. Челинцева къ ряду тяжкихъ недоразумѣній. Такъ, напримѣръ, онъ замѣчаетъ въ своихъ «Очеркахъ»: «въ интенсивныхъ и обильнѣе снабженныхъ скотомъ мѣстностяхъ (западн., юго-западн., сѣверо-западн., промышл.) цѣна на мясо, несмотря на ихъ многоскотность, высока, тогда какъ въ болѣе экстенсивныхъ мѣстностяхъ, имѣющихъ низкія мясныя цѣны (въ сѣверо-залежныхъ и южно-залежныхъ), многоскотность продолжаетъ существовать вопреки низкимъ цѣнамъ на мясо»[1]). Г-нъ Челинцевъ не замѣчаетъ, что эти факты не опровергаютъ, а подтверждаютъ теорію Тюнена: по этой теоріи, многоскотность существуетъ какъ вблизи рынка сбыта, при высокихъ цѣнахъ, такъ и вдали отъ этого рынка, при низкихъ цѣнахъ; малоскотенъ лишь средній поясъ трехпольнаго хозяйства. Въ другомъ мѣстѣ г. Челинцевъ говоритъ: «Можно указать на многіе примѣры изъ массового русскаго сельскаго хозяйства, когда господствующая продукція данныхъ сельскохозяйственныхъ произведеній имѣетъ мѣсто, несмотря па сравнительно самыя низкія цѣны и, слѣдовательно,— на относительно малый спросъ, но когда эта продукція вызывается типомъ организаціи соотвѣтствующей данной плотности (наибольшая мясная продукція въ окраинныхъ восточныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ, несмотря на наименьшія мясныя цѣны, и проч.). Или, наоборотъ, продукція извѣстныхъ сельскохозяйственныхъ произведеній сокращается, несмотря на самыя высокія цѣны и на ихъ ростъ; напр., относительное сокращеніе мясной свиньеводственной продукціи въ Царствѣ Польскомъ. Въ какой-нибудь Оренбургской губерніи рѣдкость населенія и связанное съ ней господство залежной системы требуютъ пока содержанія повышеннаго количества рогатаго скота, именно въ экстенсивной формѣ; а въ Царствѣ Польскомъ — при высшей въ странѣ плотности населенія и интенсивности хозяйства — даже свиньеводственная мясная продукція перестаетъ быть достаточно трудоемкой сравнительно, напр., со свѣжемолочной продукціей»[2]). О томъ, что большое количество степного скота въ восточныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ не противорѣчитъ теоріи Тюнена, мы уже говорили. Что же касается вытѣсненія производства свиней

---

[1]) «Сельское хозяйство и лѣсоводство», 1910 г., сентябрь — декабрь, страницы 733—734.

[2]) Труды Имп. Вольнаго Экономическаго Общества, 1912 г., №№ 3—4, стран. 91.

Digitized by Google

производствомъ на продажу молока, — то и этотъ фактъ не противорѣчитъ, а подтверждаетъ выводы Тюнена. Развитіе, по мѣрѣ приближенія къ рынку и роста цѣнъ, производства болѣе громоздкихъ продуктовъ за счетъ болѣе цѣнныхъ является основнымъ закономъ «Уединеннаго государства». Между тѣмъ, именно на основаніи этого рода данныхъ, совершенно невѣрно понятыхъ и истолкованныхъ, А. Н. Челинцевъ заключаетъ, что отношенія къ рынку являются не причиною того или другого строя сельскаго хозяйства, но или слѣдствіями послѣдняго или сопутствующими явленіями, которыя имѣютъ общую съ этимъ строемъ причину въ густотѣ мѣстнаго населенія. «Такимъ образомъ, говоритъ онъ, беря сельское хозяйство въ процессѣ эволюціи, мы видимъ на примѣрѣ скотоводства, что не цѣны на сельскохозяйственные продукты и ихъ повышеніе должны обусловливать ростъ интенсивности сельскаго хозяйства, но ростъ самихъ цѣнъ и интенсивности сельскаго хозяйства совершается параллельно росту мѣстнаго населенія, несущаго съ собой все болѣе напряженное требованіе хлѣба — работы. Цѣны на сельскохозяйственные продукты и интенсивность — явленія сосуществующія, но не обусловливающія въ конечномъ счетѣ другъ друга»[1]). Еще яснѣе эта мысль формулирована А. Н. Челинцевымъ въ докладѣ, читанномъ въ 1912 году въ Имп. Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Г-нъ Челинцевъ указывалъ въ немъ, что однимъ изъ препятствій «къ установленію районовъ по разнымъ типамъ организаціи сельскаго хозяйства были господствующія (часто и до сихъ поръ) преувеличенныя представленія о власти рынка, рыночныхъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты и вообще рыночныхъ конъюнктуръ надъ сельскимъ хозяйствомъ. При наличности этихъ представленій, вниманіе изслѣдователей уклонялось отъ исканій болѣе или менѣе независимой линіи развитія сельскохозяйственнаго производства и отъ того, что по природѣ вещей въ этомъ производствѣ, взятомъ на протяженіи большихъ районовъ, замѣчается приспособленіе рыночныхъ отношеній и цѣнъ къ состоянію сельскохозяйственной продукціи, обусловленному плотностью населенія»[2]). Логичнымъ дополненіемъ къ этому взгляду на отношеніе между рынкомъ и цѣнами съ одной стороны, плотностью населенія — съ другой, является утвержденіе полной независимости размноженія населенія отъ экономическихъ условій. А. Н. Челинцевъ много разъ возвра-

---

[1]) «Сельское хозяйство и лѣсоводство», 1910 г., сентябрь — декабрь, стран. 732.

[2]) Труды Имп. Вольнаго Экономическаго Общества, ibid., стран. 78.

Digitized by Google

щается къ этому вопросу и говоритъ, что «универсальнымъ двигателемъ сельскаго хозяйства въ направленіи повышенія производительности его является само неудержимо размножающееся населеніе и дифференціація занятій послѣдняго», что «перестраиваніе это совершается со стихійно непреложной силой подъ воздѣйствіемъ стихійно совершающагося умноженія населенія и индустріализаціи занятій послѣдняго... приростъ населенія дѣлаетъ ростъ сельскохозяйственной продукціи одновременно и неизбѣжнымъ, и возможнымъ»; приростъ населенія оказываетъ на сельское хозяйство «формирующее дѣйствіе»[1]).

Попробуемъ, на основаніи данныхъ о крестьянскомъ хозяйствѣ Европейской Россіи, провѣрить основательность этой теоріи. Расположимъ для этого районы, на которые обычно дѣлятся 50 губерній Европейской Россіи, въ порядкѣ убывающей интенсивности и посмотримъ, какъ измѣняется плотность населенія, его приростъ и нѣкоторыя другія явленія народно-хозяйственной жизни. Дѣленіе на 13 районовъ является въ данномъ случаѣ несравненно болѣе цѣлесообразнымъ пріемомъ, чѣмъ дѣленіе на 2 района, которымъ пользовался г. Челинцевъ,— съ плотностью населенія выше и ниже 34 человѣкъ на квадр. версту, широкимъ и слабымъ распространеніемъ унавоживанія, и т. д. Лишь болѣе дробное дѣленіе, какъ мы увидимъ ниже, позволяетъ разрѣшить вопросъ объ искомыхъ закономѣрностяхъ въ изслѣдуемой области. Въ основу сужденія о системѣ хозяйства въ различныхъ районахъ положимъ тѣ признаки, которые А. Н. Челинцевъ называетъ генетическими,— количество продуктивнаго скота, коровъ и свиней, на 100 дес. посѣва, количество пара, выгоновъ и луговъ по отношенію къ площади посѣва и % этой площади, занятый трудоемкими культурами, льномъ, коноплею и картофелемъ. Всѣ эти данныя относятся къ 1900 году; какъ извѣстно, только въ этомъ году былъ произведенъ учетъ крестьянскаго скота отдѣльно отъ частновладѣльческаго; кромѣ того, этотъ годъ достаточно близокъ къ 1897 г., году всеобщей переписи, чтобы мы могли воспользоваться данными переписи, не дѣлая большой ошибки. Передъ этими сельскохозяйственными данными, на основаніи которыхъ можно судить о системѣ хозяйства различныхъ районовъ, мы помѣстили свѣдѣнія о мѣстныхъ осеннихъ цѣнахъ на рожь въ 1896—1900 гг., исчисленныя нами на основаніи II вып. «Свода статистическихъ

---

[1]) «Сельское хозяйство и лѣсоводство», ibid., стран. 255; Труды подсекціи статистики, ibid., стран. 245; Труды Имп. Вольнаго Экономическаго Общества, ibid., стран. 52—53, 72—73.

Digitized by Google

свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи къ концу XIX вѣка». Изъ приведенныхъ въ этомъ источникѣ погубернскихъ данныхъ мы вычислили для каждаго района среднюю ариѳметическую. Мы думаемъ, что эти цифры могутъ служить нѣкоторымъ показателемъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, хотя способъ собиранія свѣдѣній о цѣнахъ далеко неудовлетворителенъ, и для сельскаго хозяйства имѣютъ значеніе не только цѣны на рожь, но и на всѣ остальные продукты сельскаго хозяйства,— притомъ для каждаго района въ особой пропорціи,— географическія измѣненія которыхъ, особенно цѣнъ на продукты скотоводства и торгово-техническія растенія, далеко не параллельны измѣненіямъ цѣнъ на рожь. За отсутствіемъ другихъ данныхъ, мы вынуждены были остановиться на цѣнахъ на одну рожь, придавая имъ значеніе лишь приблизительныхъ индексовъ цѣнъ, удачно констатирующихъ удаленность каждаго района отъ мірового рынка. Далѣе, въ 6-й графѣ мы помѣстили свѣдѣнія о сборѣ хлѣбовъ съ десятины посѣва за 1891—1900 гг., вычисленныя нами на основаніи погубернскихъ данныхъ, приведенныхъ въ «Матеріалахъ Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 года комиссіи по изслѣдованію вопроса о движеніи съ 1861 года по 1900 годъ благосостоянія сельскаго населенія Европейской Россіи»; въ 7-й графѣ помѣщены свѣдѣнія о валовой доходности десятины посѣва, вычисленныя для каждаго района на основаніи погубернскихъ данныхъ П. Н. Соковнина [1]). Въ таблицахъ г. Соковнина нѣтъ свѣдѣній о Донской области и Прибалтійскихъ губерніяхъ. Затѣмъ, въ 8-й и 9-й графахъ мы приводимъ данныя о земледѣльческомъ населеніи, его плотности и размѣрахъ переселенія въ Сибирь. Численность лицъ, живущихъ сельскимъ хозяйствомъ, заимствована нами изъ переписи 1897 года. Такъ какъ въ бюджетѣ многихъ крестьянскихъ семей, особенно въ промышленныхъ губерніяхъ, крупную роль играютъ деньги, присылаемыя ихъ членами, занятыми отхожими промыслами, то, чтобы устранить вліяніе этого фактора на плотность земледѣльческаго населенія, мы сочли болѣе правильнымъ ограничиться данными о числѣ лицъ мужского пола, живущихъ земледѣліемъ; за основаніе при исчисленіи плотности взята нами не вся площадь района, даже не вся площадь надѣльныхъ земель въ районѣ, а одна лишь посѣвная площадь. Ненадѣльныя земли, хотя и являются дополнительнымъ источникомъ средствъ существованія для крестьянскаго населенія, не играютъ, однако, въ его

---

[1]) Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ, съ поуѣздными данными, 1906, стран. 11—12.

Digitized by Google

бюджетѣ значительной роли. Частновладѣльческія и государственныя земли, обрабатываемыя за счетъ владѣльцевъ, служатъ для крестьянъ лишь источникомъ заработковъ, поденныхъ, сдѣльныхъ и сроковыхъ; арендуемыя земли, при наблюдающейся высотѣ арендной платы, въ лучшемъ случаѣ только оплачиваютъ затраченный на нихъ трудъ крестьянина; и лишь скупленныя крестьянами частновладѣльческія земли играютъ въ ихъ бюджетѣ такую же роль, какъ и надѣльныя. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстна площадь посѣва на этихъ купчихъ земляхъ. Но и изъ надѣльныхъ земель, для исчисленія плотности населенія, мы взяли только часть ихъ, именно посѣвныя площади; мы полагаемъ, что надѣльныя земли различныхъ районовъ въ цѣломъ, благодаря разницѣ климатическихъ, почвенныхъ и топографическихъ условій, совершенно между собою несравнимы,— напр., что можетъ дать намъ сравненіе площади надѣльной земли, приходящейся на душу крестьянскаго населенія въ губерніяхъ Вологодской, Виленской, Тамбовской и Оренбургской? Ничего или почти ничего. Напротивъ, посѣвныя площади этихъ губерній, какъ основной факторъ крестьянскаго хозяйства, вполнѣ соизмѣримы между собою. По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы исчислили плотность земледѣльческаго населенія (мужского пола) по отношенію къ посѣвной площади на надѣльныхъ земляхъ. Въ слѣдующей графѣ помѣщены данныя о переселеніи крестьянъ въ Сибирь въ 1896—1900 гг.; такъ какъ переселяются туда исключительно земледѣльцы, то, для опредѣленія относительной силы переселенческаго движенія изъ различныхъ районовъ, мы отнесли абсолютное число переселенцевъ къ числу душъ мужского пола, занимавшихся земледѣліемъ въ 1897 году. Въ двухъ слѣдующихъ графахъ мы приводимъ свѣдѣнія о поденной платѣ пѣшему рабочему во время уборки хлѣбовъ за 1897—1901 гг., исчисленной изъ погубернскихъ данныхъ и выраженной въ копейкахъ и пудахъ ржи. Наконецъ, въ послѣдней графѣ мы помѣстили данныя о вкладахъ въ Государственныя сберегательныя кассы на 1 января 1901 года лицъ, занятыхъ земледѣліемъ и сельскими промыслами, исчисленныя на 100 дес. посѣва.

Digitized by Google

	Цѣна пуда ржи.	На 100 дес. посѣва на надѣл. земледѣ				Сборъ хлѣбовъ съ дес. посѣва.	Валов. доходъ съ дес. посѣва.	Земледѣльческ. муж. п. на 100 дес. посѣва.	Переселялось въ Сибирь.	Поденная плата		Сумма выплатъ на 100 дес. посѣва.
		рог. скота.	свиней.	торг.-техн. растеній.	кормовой площади.					въ конеч-наго.	въ пуд. ржи.	
	Коп.	Шт.	Шт.	Дес.	Дес.	Пуд.	Руб.	Чел.	Чел.	Коп.	Пуд.	Руб.
Крайнія сѣверныя губ.	83	111,7	7,4	7,4	490,6	44,6	37,8	106,0	0,5	78	0,94	563,0
Прибалтійскія »	75	96,9	51,6	17,5	190,4	56,0	—	62,8	1,4	72	0,96	863,9
Приозерныя »	81	84,5	14,0	12,8	533,8	41,9	39,4	94,8	0,3	68	0,84	587,6
Бѣлорусскія »	62	78,5	51,2	14,7	152,9	42,4	33,1	93,5	3,4	55	0,89	416,8
Литовскія »	65	74,3	45,6	13,1	136,6	37,8	33,5	88,4	1,5	48	0,74	313,4
Моск.-промышл. »	68	62,0	13,2	12,9	198,1	43,4	37,4	65,4	0,3	72	1,14	971,5
Юго-западныя »	55	61,9	35,4	5,7	98,4	48,1	30,5	112,8	0,6	51	0,93	129,7
Малороссійскія »	51	52,2	27,7	7,4	93,5	38,9	27,4	80,7	6,5	67	1,31	146,7
Новороссійскія »	57	50,0	15,5	3,0	117,8	33,7	23,6	46,3	1,1	84	1,47	80,6
Центр.-земледѣльч. »	51	37,7	16,9	8,9	93,9	40,9	27,7	69,7	4,3	63	1,24	243,9
Средневолжскія »	48	38,4	10,2	5,0	104,6	38,0	23,9	61,5	1,5	56	1,17	257,2
Приуральскія »	45	52,0	9,6	4,4	249,1	44,8	25,4	51,4	1,1	53	1,18	132,8
Нижневолжскія »	43	50,6	6,0	1,9	354,8	29,6	21,7	48,9	2,2	68	1,58	101,9
Въ среднемъ	60	54,1	19,1	7,0	172,1	39,4	27,9	67,0	2,2	65	1,08	269,0

Digitized by Google

Посмотримъ, что дастъ эта таблица по интересующему насъ вопросу. Районы расположены нами въ порядкѣ убывающей обезпеченности скотомъ на 100 дес. посѣва. Исключеніе мы сдѣлали лишь для приуральскаго и нижне-волжскаго районовъ, въ которыхъ скотоводство имѣетъ совершенно иное хозяйственное значеніе, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ Европейской Россіи. Объ организаціи крестьянскаго хозяйства въ нашихъ восточныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ даютъ представленіе слѣдующія данныя о количествѣ скота, распредѣленіи культуръ и угодій (на 100 десятинъ посѣва):

	Рогат. скота.	Свиней.	Торг.-техн. растенія.	Кормовой площади.
Пермская губ.	74,0 шт.	12,9 шт.	4,1 дес.	347,9 дес.
Уфимская »	56,1 »	9,7 »	2,4 »	385,4 »
Оренбургская »	66,9 »	3,4 »	2,5 »	762,4 »
Астраханская »	140,4 »	10,9 »	1,7 »	629,9 »
Донская обл.	73,9 »	15,5 »	3,2 »	259,2 »

Губерніи эти, въ хозяйственномъ отношеніи, представляютъ собою переходъ къ западно-сибирскимъ, средне-азіатскимъ и сѣверно-кавказскимъ губ. и обл. Въ нихъ низкія цѣны на хлѣбъ благопріятствуютъ развитію пастбищнаго скотоводства, стоящаго совершенно независимо отъ земледѣлія. Согласно теоріи Тюнена, наибольшее количество скота на единицу посѣвной площади должно наблюдаться вблизи рынковъ сбыта, въ районѣ высокихъ цѣнъ; затѣмъ количество скота непрерывно падаетъ, по мѣрѣ паденія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, вплоть до пастбищнаго скотоводства, гдѣ скотоводство развивается независимо отъ земледѣлія и, слѣдовательно, число штукъ продуктивнаго скота на единицу площади посѣва увеличивается. Возвращаясь къ основной таблицѣ, мы найдемъ, что, въ общемъ, чѣмъ меньше рогатаго скота приходится на единицу посѣвной площади въ районѣ, тѣмъ меньше развитіе въ немъ свиноводства, тѣмъ меньшій процентъ посѣвной площади занятъ культурою торгово-техническихъ растеній и тѣмъ меньше кормовая площадь, приходящаяся на 100 дес. посѣва; развитіе пастбищнаго скотоводства не сопровождается увеличеніемъ свиноводства и посѣвомъ торгово-техническихъ растеній. Разсматривая всю совокупность этихъ генетическихъ признаковъ, въ связи съ данными о цѣнахъ на рожь и сборѣ хлѣбовъ съ десятины посѣва, мы можемъ замѣтить вліяніе пертурбаціонныхъ моментовъ, не зависящихъ отъ условій сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Сюда надобно отнести

Digitized by Google

прежде всего вліяніе климата, сильно сказывающагося въ сѣверныхъ губерніяхъ:

	Рогат. скота	Свиней	Торг.-техн. растенія	Кормовой площади.
Архангельская губ. . .	212,7 шт.	0,3 шт.	5,7 дес.	543,7 дес.
Олонецкая »	132,9 »	5,7 »	6,5 »	2728,2 »
Вологодская »	103,0 »	8,0 »	7,5 »	485,9 »
Новгородская »	89,4 »	9,7 »	8,1 »	410,8 »
Псковская »	68,8 »	11,2 »	11,6 »	341,2 »

Далѣе, вліяніе естественныхъ условій, именно, безплодія почвы, можно замѣтить въ литовскихъ губерніяхъ, сельское хозяйство которыхъ, не смотря на болѣе высокія цѣны, стоитъ ниже, чѣмъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Особенно сильно сказывается этотъ моментъ въ Виленской губ., давшей въ 1891—1900 годахъ только 34 пуда съ десятины: въ ней на 100 дес. посѣва приходится только 72,9 шт. скота и 12,1 дес. подъ торгово-техническими растеніями. Совсѣмъ другого рода моменты обнаруживаютъ свое вліяніе въ промышленномъ и новороссійскомъ районахъ: въ обоихъ этихъ районахъ цѣны на продукты сельскаго хозяйства дѣлаютъ возможною значительную его интенсификацію, но недостаточная населенность нѣкоторыхъ новороссійскихъ губерній и занятіе обрабатывающею промышленностью въ московскомъ районѣ мѣшаютъ этому. Особенно ярко сказывается вліяніе слабой плотности населенія въ новороссійскихъ губерніяхъ. Располагая эти губерніи, — за исключеніемъ Донской области, принадлежащей, какъ мы видѣли выше, къ совершенно иному сельскохозяйственному району, — въ порядкѣ убывающей интенсивности земледѣлія, мы получимъ слѣдующую табличку:

	Рогат. скота	Свиней	Торг.-тех. растенія	Кормов. площадь.	Цѣна пуда ржи	Землед. муж. п.
Бессарабск. губ.	42,3 шт.	18,6 шт.	1,4 дес.	71,8 дес.	57 коп.	69,9 чел.
Екатерин. »	49,8 »	16,1 »	5,2 »	46,8 »	52 »	50,1 »
Херсонск. »	37,3 »	15,1 »	2,3 »	45,6 »	55 »	57,7 »
Таврич. »	24,8 »	13,2 »	2,3 »	32,8 »	62 »	34,6 »

Въ этой таблицѣ совершенно не учтена наиболѣе трудоемкая культура Бессарабской губ., виноградники и сады [1]). Въ Екатерино-

[1]) Площадь подъ виноградниками въ 1900 году равнялась:

Бессарабская губернія.	67.925 дес.
Таврическая »	10.120 »
Херсонская »	7.710 »
Екатериносл. »	250 »

Digitized by Google

славской губ. недостатокъ мѣстнаго земледѣльческаго населенія легче, повидимому, пополняется притокомъ отхожихъ земледѣльческихъ рабочихъ, чѣмъ въ Херсонской и особенно Таврической губерніи. Для этихъ губерній, судя по приведеннымъ въ таблицѣ даннымъ, можно считать несомнѣннымъ, что недостатокъ земледѣльческаго населенія оказываетъ на систему хозяйства большее вліяніе, чѣмъ высота рыночныхъ цѣнъ.

Вообще, просматривая данныя о плотности земледѣльческаго населенія при разсчетѣ на единицу посѣвной площади, мы найдемъ, что, въ общемъ, плотность эта падаетъ вмѣстѣ съ пониженіемъ интенсивности сельскаго хозяйства. Изъ этого правила замѣчается, однако, нѣсколько исключеній. Въ трехъ районахъ наблюдается ненормально низкая плотность населенія, въ двухъ — слишкомъ высокая. О двухъ районахъ съ слишкомъ низкой плотностью населенія, — промышленномъ и новороссійскомъ, — мы уже говорили. Что касается третьяго района, Прибалтійскаго, то въ немъ причиною недостаточной плотности земледѣльческаго населенія являются, повидимому, особенности крестьянскаго землевладѣнія: въ этихъ губерніяхъ на крестьянскій дворъ, по даннымъ статистики землевладѣнія 1905 года, приходится въ среднемъ 36,9 дес., а во всѣхъ 50 губерніяхъ Европейской Россіи — только 11,1 дес. Сопоставляя данныя объ интенсивности сельскаго хозяйства въ этихъ районахъ, цѣнахъ на сельскохозяйственные продукты и плотности населенія, мы найдемъ, что въ двухъ изъ этихъ районовъ низкая плотность населенія оказываетъ понижающее вліяніе на интенсивность сельскаго хозяйства, а въ третьемъ, Прибалтійскомъ, этого вліянія замѣтить нельзя. Въ тѣхъ двухъ районахъ, гдѣ наблюдается слишкомъ высокая плотность населенія, — юго-западномъ и малороссійскомъ, — обстоятельство это, повидимому, не оказываетъ замѣтнаго вліянія на систему хозяйства. Если бы плотности населенія принадлежало то опредѣляющее вліяніе на организацію хозяйства, которое приписываетъ ей А. Н. Челинцевъ, тогда юго-западныя губерніи должны бы были обладать самою интенсивною системою хозяйства, занимать по его интенсивности первое, а не седьмое мѣсто. Такимъ образомъ, какъ показываютъ собранныя нами статистическія данныя, о «формирующемъ дѣйствіи» плотности населенія и его прироста на сельское хозяйство не можетъ быть и рѣчи, равно какъ и о «приспособленіи рыночныхъ отношеній и цѣнъ къ состоянію сельскохозяйственной продукціи, обусловленному плотностью населенія». Мы могли констатировать исключительно лишь задерживающее вліяніе недостаточной плотности населенія на развитіе сельскаго хозяйства, помѣшавшее

Digitized by Google

сельскому хозяйству двухъ районовъ подняться до высоты, предуказанной уровнемъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. Вообще, для насъ совершенно неясенъ тотъ механизмъ, помощью котораго плотность населенія той или другой мѣстности можетъ вліять на цѣны. Цѣны на сельскохозяйственные продукты, за исключеніемъ скоропортящихся, устанавливаются въ настоящее время на міровомъ рынкѣ; вліяніе мѣстныхъ рынковъ поглощается вліяніемъ мірового. При такомъ положеніи дѣлъ мы можемъ прослѣдить вліяніе цѣнъ, чрезъ интенсивность сельскохозяйственнаго производства, на плотность населенія, но не обратно. Гдѣ плотность выше предуказываемой цѣнами и уровнемъ сельскохозяйственной продукціи, тамъ развиваются кустарные или отхожіе промыслы и переселенія; гдѣ, напротивъ, плотность ниже этого уровня, тамъ мы наблюдаемъ вселенія, тягу въ деревню и возвратъ къ земледѣлію. Что касается переселеній, то мы, къ сожалѣнію, располагаемъ данными только о переселеніяхъ въ Сибирь; между тѣмъ, изъ западной полосы Россіи, губерній прибалтійскихъ, литовскихъ и юго-западныхъ, переселенцы идутъ главнымъ образомъ въ Америку; поэтому, приведенныя нами въ таблицѣ цифры для этихъ районовъ совершенно не показательны. Наивысшій процентъ переселенцевъ падаетъ на одинъ изъ чрезмѣрно населенныхъ районовъ, именно на малороссійскія губерніи; кромѣ того, большое число переселенцевъ дали центрально-земледѣльческія и бѣлорусскія губерніи, въ хозяйственныхъ условіяхъ которыхъ мы не могли замѣтить рѣзко выраженныхъ ненормальностей. Возвратъ на землю, подъ вліяніемъ улучшившихся условій сбыта, былъ замѣченъ въ Московской губ. Сравненіе данныхъ подворныхъ переписей 1898—1900 гг. и 1877—1881 гг. приводитъ къ заключенію, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Московской губ. за эти 20 лѣтъ имѣла мѣсто обратная тяга населенія въ деревню. Рѣшающее значеніе въ этомъ процессѣ принадлежитъ повышенію доходности земли подъ вліяніемъ улучшенія условій сбыта. По словамъ П. А. Вихляева, «въ этомъ послѣднемъ условіи, т.-е. въ повышеніи доходности земли совмѣстно съ пониженіемъ платежей и слѣдуетъ искать объясненіе факта возвращенія населенія на землю въ обширномъ подмосковскомъ районѣ, состоящемъ изъ большей части Московскаго уѣзда и сосѣднихъ съ нимъ волостей. Повышеніе доходности занятія земледѣльческимъ хозяйствомъ въ этомъ районѣ въ значительной степени объясняется развитіемъ мѣнового хозяйства, связаннымъ съ непрерывнымъ возрастаніемъ спроса столичнаго рынка на различные продукты сельскаго хозяйства. Этой же причинѣ слѣдуетъ приписать упроченіе земле-

Digitized by Google

дѣльческаго хозяйства въ западномъ районѣ Волоколамскаго уѣзда, гдѣ развитіе рыночнаго льноводства и крупныя улучшенія въ земледѣльческой техникѣ не могли не оказать вліянія на повышеніе доходности земли»[1]). Очевидно, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ переселеніями или возвратомъ на землю, ни о какомъ «стихійно совершающемся умноженіи населенія», какъ выражается А. Н. Челинцевъ, не можетъ быть и рѣчи, а слѣдовательно, нельзя говорить и о «формирующемъ дѣйствіи» этого стихійнаго прироста на сельское хозяйство. Но если на систему хозяйства плотность земледѣльческаго населенія не оказываетъ опредѣляющаго вліянія, то на нѣкоторыя другія стороны народно-хозяйственной жизни, — напримѣръ, на заработную плату сельскихъ рабочихъ и количество вкладовъ земледѣльческаго населенія въ сберегательныя кассы, — вліяніе ея весьма значительно. Въ общемъ, заработная плата за сельскохозяйственныя работы выше въ районахъ интенсивнаго земледѣлія и ниже — при экстенсивныхъ системахъ; выраженная въ пудахъ ржи, она обнаруживаетъ обратное отношеніе. Въ трехъ районахъ поденная плата пѣшему рабочему несоотвѣтственно низка, — въ литовскихъ губерніяхъ, отличающихся малоплодородной почвой, въ густонаселенныхъ юго-западныхъ губерніяхъ и въ губерніяхъ бѣлорусскихъ, давшихъ также высокій процентъ переселенцевъ въ Сибирь. Напротивъ, высокая заработная плата наблюдалась въ двухъ районахъ съ рѣдкимъ земледѣльческимъ населеніемъ, промышленномъ и новороссійскомъ, въ малороссійскихъ губерніяхъ, густо населенныхъ, но давшихъ очень высокій процентъ переселенцевъ въ Сибирь, и въ губерніяхъ нижневолжскихъ. Еще показательнѣе данныя о сбереженіяхъ земледѣльческаго населенія. Чѣмъ выше интенсивность сельскаго хозяйства какого-либо района, тѣмъ большая, въ общемъ, наблюдается въ сберегательныхъ кассахъ сумма сбереженій по разсчету на 100 дес. посѣва. Но есть и отступленія отъ этого правила. Чрезмѣрно низкую сумму сбереженій дали два перенаселенныхъ района, юго-западный и малороссійскій, и одинъ рѣдко населенный — новороссійскій, въ которомъ всѣ сбереженія, повидимому, идутъ на развитіе сельскаго хозяйства. Несоотвѣтственно высокую сумму сбереженій дали два другіе района съ рѣдкимъ земледѣльческимъ населеніемъ, центрально-промышленный и прибалтійскій.

Мы видимъ отсюда, что излишняя плотность населенія благопріятствуетъ переселеніямъ и оказываетъ понижающее вліяніе на

[1]) Московская губ. по мѣстному обслѣдованію 1898—1900 гг., томъ IV, вып. I: «Земледѣльческое хозяйство», 1907, стран. 30.

Digitized by Google

заработную плату и вклады; чрезмѣрная рѣдкость земледѣльческаго населенія, напротивъ, повышаетъ заработную плату и увеличиваетъ количество вкладовъ въ сберегательныя кассы. На всѣ эти народно-хозяйственныя явленія оказываютъ вліяніе и другіе факторы; поэтому, дѣйствіе этой причины часто уничтожается вліяніемъ другихъ, дѣйствующихъ въ обратную сторону.

Итакъ, статистическія данныя о сельскомъ хозяйствѣ крестьянъ на надѣльныхъ земляхъ въ различныхъ районахъ Европейской Россіи, рѣшительно противорѣча гипотезѣ объ опредѣляющемъ вліяніи на сельское хозяйство цѣны и плотности населенія, могутъ быть довольно успѣшно согласованы съ предположеніемъ, что опредѣляющее вліяніе на организаціонный планъ земледѣльческихъ хозяйствъ оказываетъ разстояніе отъ рынка.

III.

Въ заключеніе намъ остается разобрать, что даетъ по интересующему насъ вопросу извѣстный коллективный трудъ «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства».

Основною задачею этого изслѣдованія было изученіе вліянія на крестьянское и частновладѣльческое хозяйство колебаній въ урожаяхъ, а не тѣхъ среднихъ урожаевъ, которые носятъ въ каждомъ районѣ болѣе или менѣе устойчивый характеръ; — колебаній въ цѣнахъ, а не среднихъ цѣнъ, установившихся въ каждомъ районѣ на извѣстномъ уровнѣ. Такимъ образомъ, по самому своему заданію, изслѣдованіе это совершенно оставляетъ въ сторонѣ интересующій насъ вопросъ о вліяніи среднихъ цѣнъ той или иной мѣстности на систему ея хозяйства. Тѣмъ не менѣе, вопросъ о вліяніи колебанія «среднихъ» настолько близокъ къ вопросу о вліяніи «среднихъ», что мы не можемъ обойти молчаніемъ нѣкоторые выводы этого коллективнаго труда, имѣющіе прямое или косвенное отношеніе къ интересующему насъ вопросу.

Особый интересъ представляютъ для насъ изслѣдованіе А. Ѳ. Фортунатова «О связи хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ русскомъ земледѣліи» и работа Ф. А. Щербины «Крестьянскіе бюджеты и зависимость ихъ отъ урожаевъ и цѣнъ на хлѣба».

Въ работѣ А. Ѳ. Фортунатова для насъ представляютъ интересъ два вывода, первый изъ нихъ касается числа безлошадныхъ дворовъ и гласитъ, что возрастаніе этого числа находится въ пря-

Digitized by Google

момъ отношеніи съ возрастаніемъ хлѣбныхъ цѣнъ и въ обратномъ отношеніи — съ измѣненіемъ урожаевъ[1]). Основанъ этотъ выводъ на сравненіи конскихъ переписей 1882 и 1891 гг., а также данныхъ земской статистики, относящихся къ этому же періоду. Такимъ образомъ, въ этомъ выводѣ учтено, собственно, лишь вліяніе на число безлошадныхъ дворовъ неурожая 1891 года. Мы полагаемъ поэтому, что характеръ статистическаго матеріала, положеннаго въ основу вывода, оправдываетъ лишь вторую часть заключенія, о вліяніи неурожая, но никоимъ образомъ не первую, о вліяніи цѣнъ. Обособить въ статистическомъ изслѣдованіи вліяніе двухъ, связанныхъ между собою причинъ, каковы урожаи и цѣны, возможно лишь при условіи наблюденія дѣйствія, по крайней мѣрѣ, двухъ серій лѣтъ, съ одинаковыми урожаями и разными цѣнами, или разными урожаями и одинаковыми цѣнами. Напр., 1893—1897 года были въ Европейской Россіи періодомъ низкихъ урожаевъ и низкихъ цѣнъ, 1899—1904 гг. — періодомъ высокихъ урожаевъ и низкихъ цѣнъ, 1905—1910 гг. — періодомъ высокихъ урожаевъ и высокихъ цѣнъ. Сравнивая вліяніе на крестьянское хозяйство этихъ трехъ серій лѣтъ, мы можемъ выяснить не только вліяніе урожаевъ, но и цѣнъ. Напротивъ, беря одинъ періодъ, кончающійся голоднымъ 1891 годомъ, мы никакъ не можемъ раздѣлить вліяніе этихъ двухъ факторовъ.

Другой выводъ А. Ѳ. Фортунатова касается увеличенія крестьянской пашни на надѣльной землѣ. Изъ сравненія данныхъ за 1881 и 1893 гг. по 33 губерніямъ А. Ѳ. Фортунатовъ дѣлаетъ выводъ, что «при умѣренномъ паденіи цѣнъ возрастаніе крестьянской пашни было значительнѣе, чѣмъ при сильномъ и слабомъ паденіи»[2]). Задерживающее вліяніе сильнаго паденія цѣнъ можно понять; но почему слабое паденіе цѣнъ, въ предѣльномъ случаѣ — отсутствіе паденія цѣнъ — также мѣшаетъ расширенію запашки? А. Ѳ. Фортунатовъ объясняетъ это явленіе слѣдующимъ образомъ: «При сильномъ паденіи цѣнъ, вѣроятно, затрудняется ростъ запашки, служащей интересамъ крестьянскаго денежнаго хозяйства (за исключеніемъ Пермской губерніи всѣ губерніи, входящія въ составъ первой группы, принадлежатъ чернозему, да и въ Пермской губерніи юго-востокъ съ большими запашками относится къ черноземнымъ степямъ); при наиболѣе слабомъ измѣненіи цѣнъ, наоборотъ, скорѣе затрудняется ростъ крестьянской запашки, служащій интересамъ натуральнаго хозяйства (изъ 11 губерній послѣдней

---

[1]) «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ», 1897, т. I., стран. 266.
[2]) Ibid., стран. 250.

Digitized by Google

группы только 3 вполнѣ принадлежатъ чернозему). Въ промежуточной группѣ тѣ и другія вліянія компенсируются, и приросту крестьянской запашки дается сравнительно наибольшій просторъ»[1]). Для насъ остается неяснымъ, почему сильное паденіе цѣнъ при натуральномъ хозяйствѣ слабѣе дѣйствуетъ на сокращеніе запашки, чѣмъ незначительное; да и вообще, зависимость площади запашки при натуральномъ хозяйствѣ отъ движенія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты представляется намъ крайне проблематичной. Мы склонны, поэтому, найденную А. Ѳ. Фортунатовымъ связь считать чисто случайнымъ совпаденіемъ, а причину большаго или меньшаго развитія запашки въ различныхъ районахъ искать въ другихъ явленіяхъ экономическаго порядка, — количествѣ нераспаханныхъ земель, развитіи обрабатывающей промышленности въ подмосковскомъ районѣ и проч.

Изслѣдованіе Ф. А. Щербины о «Крестьянскихъ бюджетахъ и зависимости ихъ отъ урожаевъ и цѣнъ на хлѣба», — являющееся въ разсматриваемомъ нами коллективномъ трудѣ основнымъ и опредѣлившее главные его выводы, — исходитъ изъ положенія, что «для полученія денежныхъ средствъ сельское населеніе предпочитаетъ или прибѣгать къ промысламъ, или же отчуждать прежде всего скотъ, продукты скотоводства, огородныя овощи и т. д. и затѣмъ только кормовыя средства и хлѣбъ, покупая вмѣстѣ съ тѣмъ въ большемъ количествѣ сначала хлѣбъ и лишь послѣ того корма для скота, животную пищу, овощи и пр... Поэтому, чѣмъ выше цѣны на хлѣбъ, тѣмъ, понятно, неблагопріятнѣе онѣ должны отражаться на конечныхъ результатахъ бюджета... Сопоставленіе бюджетовъ съ средними динамическими цѣнами на хлѣбъ показываетъ, что высокія цѣны на хлѣбъ являются сопутствующимъ признакомъ бюджетныхъ дефицитовъ, а низкія, наоборотъ, совпадаютъ съ остатками»[2]). Такимъ образомъ, Ф. А. Щербина рѣзко противополагаетъ вліяніе на крестьянскіе бюджеты цѣнъ на хлѣбъ, — какъ одного изъ главныхъ предметовъ потребленія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, — значенію цѣнъ на продукты скотоводства и торгово-техническія растенія, продажею которыхъ, вмѣстѣ съ промысловыми заработками, крестьяне пополняютъ дефициты въ денежной части своего бюджета. Этотъ способъ разсмотрѣнія вліянія хлѣбныхъ цѣнъ, очевидно, глубоко отличается отъ примѣненнаго нами выше при разборѣ теорій Тюнена, А. И. Скворцова и А. Н. Челинцева. Тамъ мы оперировали

---

[1]) Ibid., стран. 250.
[2]) «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ», т. II, стран. 61—62.

Digitized by Google

съ цѣнами на всю совокупность отчуждаемыхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, поскольку она зависитъ отъ разстоянія отъ рынка; среднія цѣны на рожь мы взяли лишь какъ показатель вліянія разстоянія отъ рынка на цѣны всѣхъ продуктовъ земледѣлія, скотоводства и огородничества, вполнѣ отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что выбранный нами показатель движенія цѣнъ весьма далекъ отъ желательной точности и совершенства. Ф. А. Щербина, напротивъ, выдѣляетъ движеніе цѣнъ на хлѣбъ изъ общаго движенія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты; его постановка вопроса приводитъ къ выводу, что крестьянамъ выгодны низкія цѣны на хлѣбъ и высокія — на продукты скотоводства и торгово-техническія растенія.

Уже эта разница въ постановкѣ вопроса показываетъ, что изслѣдованіе Ф. А. Щербины очень мало можетъ дать намъ по интересующему насъ вопросу о вліяніи цѣнъ и разстоянія отъ рынка на организаціонный планъ крестьянскаго хозяйства. Затѣмъ, Ф. А. Щербина недостаточно принялъ во вниманіе то обстоятельство, что эволюція пріемовъ поддержанія плодородія почвы происходитъ въ извѣстной послѣдовательности — отъ залежи черезъ паръ къ внесенію въ почву навоза и, наконецъ, покупныхъ туковъ, вслѣдствіе чего, на извѣстной стадіи хозяйственнаго развитія, крестьянинъ фатально обреченъ на отчужденіе зерновыхъ хлѣбовъ, такъ какъ въ его хозяйствѣ уже нѣтъ продуктовъ экстенсивнаго скотоводства и еще нѣтъ продуктовъ торгово-техническихъ культуръ и интенсивнаго скотоводства. Говоря конкретнѣе, мы имѣемъ въ виду новороссійскія, центрально-земледѣльческія и средневолжскія губерніи съ минимальнымъ количествомъ продуктивнаго скота въ крестьянскомъ хозяйствѣ и ничтожнымъ размѣромъ посѣвовъ торгово-техническихъ растеній. По новѣйшимъ даннымъ, купля-продажа хлѣбовъ (и муки) играетъ въ бюджетѣ крестьянъ различныхъ губерній и различнаго земельнаго обезпеченія слѣдующую роль:

	Валовой доходъ.	Въ т. ч. отъ продажи хлѣбовъ.	Въ %%.	Расходъ на покупку хлѣбовъ.	Въ %%.
А. Съ посѣвомъ 3,3—3,6 дес.					
Воронежская губ.	156,0 руб.	9,1 руб.	5,8 %	10,0 руб.	6,4 %
Вятскій уѣздъ	205,0 »	4,7 »	2,3 »	16,1 »	7,9 »
Вологодскій »	414,8 »	24,9 »	6,0 »	46,3 »	11,2 »
Волоколамскій »	701,8 »	7,3 »	1,0 »	69,7 »	9,9 »

Digitized by Google

	Валовой доходъ.	Въ т. ч. отъ продажи хлѣбовъ.	Въ %%.	Расходъ на покупку хлѣбовъ.	Въ %%.
В. Съ посѣвомъ 7,2—8,4 дес.					
Воронежская губ.	354,8 руб.	25,6 руб.	7,2 %	7,1 руб.	2,0 %
Вятскій уѣздъ	320,2 »	20,0 »	6,2 »	6,6 »	2,1 »
Вологодскій »	955,4 »	52,0 »	5,4 »	45,4 »	4,8 »
Волоколамскій »	1590,7 »	2,3 »	0,1 »	67,3 »	4,2 »

Другими словами, всѣ хозяйства съ посѣвомъ 3,3—3,6 десятинъ больше покупаютъ хлѣба, чѣмъ продаютъ; хозяйства съ посѣвомъ 7,2—8,4 дес. больше продаютъ, чѣмъ покупаютъ, за исключеніемъ льноводныхъ хозяйствъ Волоколамскаго уѣзда; въ хозяйствѣ обезпеченныхъ землею выше средняго крестьянъ Воронежской и Вятской губерній продажа зерновыхъ хлѣбовъ является одною изъ наиболѣе крупныхъ статей денежнаго доходнаго бюджета. Наконецъ, Ф. А. Щербина упустилъ изъ виду еще то обстоятельство, что при опредѣленіи значенія цѣнъ на хлѣбъ для всей совокупности крестьянскихъ хозяйствъ Европейской Россіи, въ число которыхъ входятъ и покупающія хлѣбъ хозяйства, и продающія, рѣшающее значеніе имѣетъ не только количество хозяйствъ того и другого типа, но и размѣръ ихъ продажи и покупки. Если, напримѣръ, $^3/_5$ всего числа крестьянскихъ хозяйствъ покупаютъ 100 милл. пудовъ хлѣба, а $^2/_5$ — продаютъ 600 милл. пудовъ, въ такомъ случаѣ вся масса крестьянскихъ хозяйствъ, взятая какъ одно цѣлое, несомнѣнно заинтересована въ высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, хотя число заинтересованныхъ въ высокихъ цѣнахъ хозяйствъ меньше числа заинтересованныхъ въ низкихъ цѣнахъ. Именно таково приблизительно, по отношенію къ вопросу о цѣнахъ, положеніе русскаго крестьянскаго хозяйства. По даннымъ Центр. Статистическаго комитета, въ 72 губерніяхъ и областяхъ было собрано въ 1900—1902 годахъ въ среднемъ 2.875.176.200 пуд. чистаго сбора хлѣбовъ. Въ эти же годы было вывезено заграницу въ среднемъ 489 милл. пудовъ, или 17 % чистаго сбора. По переписи 1897 года въ Европейской Россіи сельскимъ хозяйствомъ занималось 74,4 % населенія. Извѣстно, что горожане и промысловое населеніе живутъ лучше земледѣльцевъ. Но предположимъ, что они живутъ такъ же плохо, какъ и крестьяне, слѣдовательно, и хлѣба потребляютъ на душу населенія столько же. Въ такомъ случаѣ не-земледѣльцы покупаютъ у земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ хлѣба около 611 милл. пуд., или 21,2 % чистаго сбора. Итакъ, земледѣльцы вмѣстѣ съ землевладѣльцами продаютъ по крайней мѣрѣ 38,2 % всего урожая. Цифра

Digitized by Google

эта меньше дѣйствительной, такъ какъ вывозъ падаетъ по преимуществу на урожай Европейской Россіи, а горожане и промышленники потребляютъ на душу больше хлѣба, чѣмъ крестьяне-земледѣльцы. Часть продаваемаго хлѣба производится въ экономіяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ; какъ велика эта часть, можно видѣть изъ слѣдующаго. По примѣрному разсчету[1]), изъ общаго количества 71.277.000 дес., бывшихъ подъ посѣвомъ въ 1900 году въ Европейской Россіи, на долю частновладѣльческаго хозяйства приходится всего 8.630.000 дес.; принимая урожайность частновладѣльческихъ полей на 20 % выше крестьянскихъ, мы найдемъ, что въ крупныхъ экономіяхъ собирается всего 14,2 % всего урожая хлѣбовъ. Слѣдовательно, изъ 85,8 %, приходящихся на долю крестьянъ, они отчуждаютъ по меньшей мѣрѣ 24 %, или значительно болѣе четвертой части.

Лишь игнорированіе этого момента, — относительнаго размѣра покупокъ и продажъ крестьянами хлѣба, — позволило Ф. А. Щербинѣ прійти къ выводу, что «такъ какъ, при обычныхъ среднихъ условіяхъ, крестьянскіе бюджеты характеризуются самымъ незначительнымъ остаткомъ, и такъ какъ большая часть сѣверной полосы Россіи, преимущественно ея сѣверныя, сѣверо-западныя и западныя губерніи, потребляютъ достаточную долю покупного хлѣба, то наиболѣе выгодною комбинаціей для крестьянскихъ бюджетовъ оказываются, значитъ, высокіе урожаи и низкія цѣны на хлѣбъ[2]). Русское крестьянство въ цѣломъ, продавая по меньшей мѣрѣ 28 % всего добываемаго имъ хлѣба, заинтересовано не въ низкихъ, а въ высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что, какъ мы уже указывали, самъ г. Щербина не распространяетъ этого вывода о выгодности низкихъ цѣнъ на прочіе продукты сельскаго хозяйства, продаваемые, но не покупаемые крестьянами, — прежде всего торгово-техническія растенія и продукты скотоводства.

Итакъ, коллективный трудъ русскихъ экономистовъ и статистиковъ о вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства нисколько не подрываетъ убѣдительности приведенныхъ нами выше данныхъ о вліяніи разстоянія отъ рынка и уровня цѣнъ на сельскохозяйственные продукты на систему хозяйства крестьянъ. Въ этомъ трудѣ, во-первыхъ, русскіе экономисты и статистики изучали исключительно лишь вліяніе цѣнъ на хлѣбъ, а не на всѣ сельскохозяйственные

---

[1]) См. мою книжку Аграрный кризисъ и мѣропріятія правительства, 1912 г., стран. 19—22.

[2]) «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ», т. II, стран. 74.

Digitized by Google

продукты; во-вторыхъ, вліяніе не болѣе или менѣе устойчивыхъ среднихъ цѣнъ, а лишь ежегодныхъ колебаній этихъ среднихъ. Такимъ образомъ, тѣ моменты, которые оказываютъ опредѣляющее вліяніе на организаціонный планъ крестьянскаго хозяйства, остались внѣ поля ихъ зрѣнія. Такая постановка вопроса вполнѣ оправдывалась тою ближайшею цѣлью, которую имѣло въ виду ихъ изслѣдованіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она совершенно исключаетъ возможность дѣлать изъ этого труда выводъ, что низкія цѣны на сельскохозяйственные продукты способствуютъ развитію производительныхъ силъ сельскаго хозяйства и его интенсификаціи.

С. Прокоповичъ.

Digitized by Google

Н. С. Таганцевъ.

Къ 50-лѣтнему юбилею.

19-го марта текущаго года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ научной дѣятельности профессора Николая Степановича Таганцева, сенатора и члена Государственнаго Совѣта. Юбилей былъ торжественно отпразднованъ, и юбиляра привѣтствовали на ряду съ его многочисленными учениками различныя общества, печать, политическіе дѣятели. Юбилей ученаго сталъ общественнымъ дѣломъ. Намъ кажется, что въ празднествѣ была одна особенность: вспоминая, что́ юбиляръ дѣлалъ, чему онъ служилъ, за что́ онъ боролся, каждая изъ привѣтствовавшихъ его депутацій являлась вмѣстѣ съ тѣмъ передъ маститымъ ученымъ и общественнымъ дѣятелемъ живымъ напоминаніемъ, что прошедшіе полвѣка не привели къ торжеству его идеаловъ. Депутація отъ представителей старообрядцевъ Рогожскаго кладбища должна была напомнить, что еще не передъ каждымъ открытъ свободный путь къ его Богу; представители совѣта профессоровъ С.-Петербургскаго университета теперь, когда кадры преподавателей пополняются профессорами безъ заслугъ и имени, вспоминали, какъ высоко держалъ ученый въ своихъ рукахъ знамя науки; депутаціи С.-Петербургскаго Юридическаго общества и русской группы Международнаго союза криминалистовъ теперь, когда послѣдніе годы почти не знаютъ дней безъ смертныхъ приговоровъ и казней, говорили о борьбѣ Н. С. Таганцева противъ смертной казни; представители судебнаго міра просили разрѣшенія повѣсить у себя портретъ юбиляра, чтобы «онъ напоминалъ имъ, каковъ долженъ быть судья» въ его дѣятельности; другіе говорили о его служеніи прогрессу, началамъ права и справедливости...

Въ день юбилея своей полувѣковой работы юбиляръ долженъ былъ испытывать глубокое нравственное удовлетвореніе сознанія честно исполненнаго долга и справедливой общественной оцѣнки направленія и духа его работы; но, какъ и многіе другіе дѣятели

Digitized by Google

того же направленія, онъ не могъ въ этотъ свѣтлый день его жизни чувствовать того счастія, которое дается побѣдою исповѣдуемыхъ идеаловъ. А между тѣмъ эти идеалы не были оторваны отъ жизни; они тѣмъ болѣе не были несбыточною мечтой, что отстаивавшій ихъ въ молодости Н. С. Таганцевъ боролся за нихъ убѣленнымъ сѣдинами старикомъ въ Сенатѣ, въ Государственномъ Совѣтѣ, въ своихъ научныхъ трудахъ.

Научная дѣятельность Н. С. Таганцева началась въ знаменательную эпоху русскихъ реформъ 60-хъ годовъ. Въ политической жизни господствовали либеральныя теченія; ихъ выразительницею въ наукѣ уголовнаго права должна была явиться классическая школа, въ то время еще не знавшая соперниковъ. Молодой ученый, командированный въ 1863 году за границу, рѣшительно примкнулъ къ числу наиболѣе либеральныхъ сторонниковъ этой школы. По возвращеніи въ Россію ему предстояла отвѣтственная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и благодарная задача разрабатывать въ области криминалистики ту ниву, которая оставалась еще совершенно непронутою. Ко времени выхода его магистерской диссертаціи въ 1867 году «О повтореніи преступленій» научныхъ работъ отечественныхъ криминалистовъ почти не существовало. Особенная нужда ощущалась въ общихъ руководствахъ по уголовному праву: переводный учебникъ Фейербаха, изд. 1810 года, и работа бездарнаго русскаго криминалиста Баршева «Общія начала теоріи и законодательства о преступленіяхъ и наказаніяхъ», 1841 года, совершенно не отвѣчали состоянію науки. Въ 1863 году вышелъ учебникъ Спасовича, въ 1865 году переводы курса Берпера и уголовнаго права Англіи въ изложеніи Стифена, въ 1866 году — учебникъ Калмыкова, въ 1867 году — курсъ Лохвицкаго, въ 1871 году — переводъ учебника Росси, въ 1875 году вышли учебники Кистяковскаго и Неклюдова. Приблизительно въ то же время проф. Таганцевъ печатаетъ три выпуска своего курса уголовнаго права. Эти выпуски, вышедшіе въ 1874—1880 гг., посвящены лишь ученію о преступленіи, но содержатъ въ себѣ почти 800 стран. и стоятъ на высотѣ научныхъ требованій. Это изданіе, однако, дважды заново перерабатывается авторомъ и выпускается имъ въ 1887—1892 гг. подъ заглавіемъ «Лекціи по русскому уголовному праву» и въ 1902 году — въ двухъ томахъ подъ названіемъ «Русское уголовное право». Въ юридической литературѣ единодушно и не разъ указывалось на высокія научныя достоинства этихъ изданій лекцій Н. С. Таганцева[1]). Два названныя

[1]) См., напр., отзывы Бѣлогриць-Котляревскаго, В. Д. Набокова («Вѣст. Пр.» 1904, № 1).

Digitized by Google

нами послѣднія изданія охватываютъ всю общую часть науки уголовнаго права. Въ нихъ, какъ и въ первой своей работѣ, авторъ остается вѣрнымъ послѣдователемъ классическаго направленія. Критика имъ ученія уголовно-антропологической школы даетъ ему возможность еще рѣзче и ярче подчеркнуть ту основную черту его научнаго кредо, которая полно и выпукло была выражена имъ на послѣднемъ съѣздѣ русской группы международнаго союза криминалистовъ въ 1912 году. «Позвольте пожелать вамъ, говорилъ онъ участникамъ съѣзда, чтобы вы еще много разъ собирались и несли свой трудъ на пользу не только науки, но и на пользу человѣка, чтобы вы, работая въ области уголовнаго права, не забывали, что не только страдаетъ тотъ, кто потерпѣлъ отъ преступленія, но и тотъ, кто совершилъ преступленіе, что все-таки надо видѣть въ немъ человѣка и эта мысль должна постоянно преслѣдовать всякаго криминалиста, какъ теоретика, такъ и практика въ его работѣ. И это да будетъ вашимъ девизомъ въ будущемъ».

Это гуманное отношеніе къ преступнику сильнѣе всего обнаруживается у Н. С. Таганцева въ ученіи о наказаніи. Онъ придаетъ наказанію большое значеніе въ борьбѣ съ преступностью. Какъ послѣдовательный классикъ, онъ не можетъ поступать иначе. Но онъ сторонникъ смягченія репрессіи и поэтому онъ прежде всего борется противъ смертной казни. Если въ проектѣ уголовнаго уложенія, въ составленіи котораго Н. С. Таганцевъ принималъ такое большое участіе, наказаніе смертью было оставлено «по соображеніямъ политическаго характера», несмотря на сильнѣйшія возраженія противъ этого наказанія въ объяснительной запискѣ къ этому же проекту, то на страницахъ своего курса и въ Государственномъ Совѣтѣ онъ всегда выступалъ горячо противъ удержанія смертной казни. Онъ также присоединилъ свою подпись къ извѣстному протесту ученыхъ и общественныхъ дѣятелей противъ смертной казни. Насколько сильно иногда расходится Таганцевъ съ мнѣніемъ даже своихъ научныхъ единомышленниковъ, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго частнаго примѣра: въ своей докторской диссертаціи «О преступленіяхъ противъ жизни» онъ предлагаетъ назначать матерямъ, осужденнымъ за убійство ихъ новорожденныхъ внѣбрачныхъ дѣтей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказаніе лишь выговоромъ или внушеніемъ со стороны суда. Это смѣлое предложеніе обнаруживаетъ въ криминалистѣ-классикѣ глубоко вѣрную, думается намъ, оцѣнку соціальнаго происхожденія преступленія дѣтоубійства. Но авторъ полемизируетъ не только съ антропологическою, но и соціологическою школою, и здѣсь не всегда оказывается правымъ. Такъ, нельзя согласиться

Digitized by Google

съ его упрекомъ сторонникамъ этого направленія, что они не видятъ въ преступникахъ живой души, что преступникъ для нихъ — лишь предметъ, пригодный для демонстрированія извѣстныхъ научныхъ положеній». Между тѣмъ, криминалистъ-соціологъ напрягаетъ значительную часть своего вниманія именно на изученіе этой живой души въ преступникѣ и тѣхъ причинъ, которыя толкаютъ его на путь преступленія.

Н. С. Таганцевъ разошелся съ радикальною и либеральною частью нашихъ криминалистовъ и законодательныхъ учрежденій въ оцѣнкѣ института условнаго осужденія. Онъ высказался противъ него, отказываясь признать его какъ безусловно справедливою, такъ и необходимою мѣрою въ борьбѣ съ преступностью. Наоборотъ, институтъ условнаго освобожденія нашелъ въ немъ себѣ защитника въ Государственномъ Совѣтѣ. Онъ видѣлъ въ отказѣ министра юстиціи примѣнять условное освобожденіе къ заключеннымъ въ крѣпость отраженіе той политической точки зрѣнія, по которой осужденные за политическія преступленія не должны пользоваться этой льготою въ отбываніи наказанія. Заканчивая свои обширныя замѣчанія на проектъ о введеніи условнаго освобожденія, Н. С. Таганцевъ приглашалъ членовъ Государственнаго Совѣта руководствоваться въ данномъ вопросѣ не политическими соображеніями, а началами права и справедливости. Извѣстно, что значительное большинство членовъ послѣдовало не за нимъ, а за министромъ юстиціи. Впрочемъ, Н. С. Таганцеву приходилось съ его призывами къ праву и справедливости оставаться въ Государственномъ Совѣтѣ въ значительномъ меньшинствѣ не одинъ разъ и особенно при обсужденіи проекта уголовнаго уложенія даже по такимъ вопросамъ, какъ необходимость одинаковой охраны жизни русскихъ гражданъ, внѣ зависимости отъ ихъ соціальнаго положенія: вопреки предположенію Таганцева, разрабатывавшаго отдѣлъ преступленій противъ личности [1]), Государственный Совѣтъ внесъ въ 454 ст. новый 5 пунктъ, предусматривающій повышеніе наказанія за убійство начальника, господина или члена его семьи вмѣстѣ съ нимъ живущаго, мастера или хозяина лицомъ, находящимся въ услуженіи, въ работѣ или ученіи.

[1]) Изъ восьми томовъ объяснительной записки къ проекту уголовнаго уложенія Н. С. Таганцевымъ были составлены томы I (общая часть), II (посягательства государственныя и противъ порядка управленія), V (подлогъ) и VI (посягательства личныя); томъ VIII (преступленія по службѣ) былъ первоначально составленъ проф. Неклюдовымъ, а въ окончательномъ изложеніи по поступившимъ замѣчаніямъ переработанъ Н. С. Таганцевымъ; 2-я ч. т. IV (посягательства на союзъ семейный) и т. VII (посягательства имущественныя) составлены И. Я. Фойницкимъ; I ч. IV т. (посягательства религіозныя) — барономъ Нольде и окончательно обработаны Н. С. Таганцевымъ.

Digitized by Google

Вопросъ о введеніи въ дѣйствіе уголовнаго уложенія 22 марта 1903 года былъ предметомъ подробнаго обсужденія на съѣздѣ русской группы Международнаго союза криминалистовъ въ 1910 году и присутствовавшіе рѣзко разошлись въ оцѣнкѣ уложенія въ томъ его видѣ, въ какомъ оно вышло изъ Государственнаго Совѣта: одни считали такое введеніе возможнымъ, при условіи нѣкоторыхъ измѣненій различныхъ статей, другіе полагали, что условія переживаемаго политическаго момента и несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ отдѣловъ уголовнаго уложенія началамъ справедливости не допускаютъ такого введенія его въ жизнь. Самъ Н. С. Таганцевъ въ его послѣдней статьѣ, напечатанной въ «Правѣ» (№ 12, 1913 г.), предлагаетъ внести въ законодательныя учрежденія законопроектъ о введеніи въ дѣйствіе невведенныхъ до настоящаго времени частей угол. улож. 1903 года съ предварительнымъ пересмотромъ тѣхъ его главъ, которыя «тѣсно соприкасаются съ обновленнымъ государственнымъ строемъ и находятся въ противорѣчіи съ нимъ». Позволяемъ себѣ повторить высказанную нами на означенномъ съѣздѣ криминалистовъ увѣренность, что составъ нашихъ законодательныхъ учрежденій не даетъ никакихъ основаній надѣяться, что частичный или полный пересмотръ ими уголовнаго уложенія приблизитъ его къ удовлетворенію справедливыхъ требованій демократическихъ слоевъ населенія. Вспомнимъ хотя бы тѣ пораженія, которыя потерпѣлъ самъ Н. С. Таганцевъ съ требованіемъ расширенія института условнаго освобожденія, отмѣны смертной казни и пр. Въ день своего юбилея Н. С. Таганцевъ получилъ адресъ, подписанный членами Государственнаго Совѣта и сенаторами — его учениками. Маститому ученому не дано было счастія найти среди этихъ подписавшихся, начиная съ министра юстиціи, много дѣйствительно учениковъ по духу. И, конечно, не они, стоящіе теперь такъ высоко у власти, проведутъ въ жизнь его идеи. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ и долженъ быть счастливъ сознаніемъ, что у него есть и другіе ученики и скромные, безвѣстные соратники-товарищи, для которыхъ онъ дорогъ и которые въ борьбѣ за лучшее право — съ нимъ за-одно и становятся къ нему еще ближе послѣ того, какъ онъ терпитъ пораженіе за пораженіемъ отъ своихъ же собственныхъ учениковъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Мих. Гернетъ.

Digitized by Google

Юридическое Обозрѣніе.

Сенатская практика по вопросу о пріостановленіи срока доставки въ договорахъ желѣзнодорожной перевозки.

«Особенности желѣзныхъ дорогъ въ качествѣ монопольныхъ транспортныхъ предпріятій и то громадное вліяніе, которое онѣ могутъ оказывать своею дѣятельностью на экономическую жизнь страны, вызвали необходимость строгой регламентаціи договоровъ о желѣзнодорожныхъ перевозкахъ въ огражденіе общегосударственныхъ интересовъ. Условія о размѣрѣ платы, о срокѣ доставки, о послѣдствіяхъ неисполненія или нарушенія дорогой принятыхъ на себя обязанностей опредѣляются въ самомъ уставѣ желѣзныхъ дорогъ, въ законнодѣйствующихъ тарифахъ и т. д.». Такъ говорится въ рѣшеніи Сената 1903 г. № 146, а между тѣмъ самъ Сенатъ проявляетъ такую неустойчивость въ толкованіи строго нормированнаго закономъ и разными правилами договора перевозки, что эта строгая нормировка не удовлетворяетъ вызвавшей ее потребности. Если засѣданіе суда, разсматривающаго искъ къ желѣзной дорогѣ о вознагражденіи за просрочку, посѣтитъ юристъ, незнакомый на практикѣ съ этой отраслью гражданскаго права, то его можетъ немало удивить понятная суду и представителямъ сторонъ условная лаконичность объясненій послѣднихъ. Ему доведется услышать заявленіе истца о томъ, что разсчетъ вознагражденія за просрочку составленъ «по Панкратову»,— что, если производить таковой «по Вольбергу», то придется уменьшить искъ, и наконецъ, что имъ возбуждается ходатайство объ отсрочкѣ засѣданія до распубликованія рѣшенія Сената по дѣлу Шуба; на что повѣренный желѣзной дороги, пожалуй, возразитъ, что истцу «по Подгурскому» ничего не причитается. Эти объясненія сторонъ обозначаютъ, что «по Подгурскому» (Рѣш. Гр. Кас. Деп. 1902 г. № 30) дѣла о просрочкахъ рѣшались судами съ 1902 г. по 1907 годъ, «по Панкратову» (Рѣш. Сен. 1907 г. № 78) съ 1907 г. по 1911 г., а «по

Digitized by Google

Вольбергу» (Рѣш. Сен. 1911 г. № 101) стали рѣшаться съ 1911 г., но теперь авторитетъ этого рѣшенія уже поколебленъ напечатаннымъ въ № 45-мъ 1912 г. газеты «Право» краткимъ отчетомъ о засѣданіи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Сената отъ 17 октября 1912 года по дѣлу М. и Э. Шуба.

Нѣтъ увѣренности въ томъ, что ожидаемое рѣшеніе по дѣлу Шуба дастъ окончательный отвѣтъ на спорный вопросъ, и потому совсѣмъ не безнадежной является ссылка повѣреннаго дороги на, казалось бы, устарѣвшее рѣшеніе по дѣлу Подгурскаго.

Въ настоящей замѣткѣ мы постараемся указать на причину, обусловившую на нашъ взглядъ колебанія Сената по вопросу, который разрѣшался имъ въ приведенныхъ рѣшеніяхъ». Желѣзная дорога, гласитъ 110 ст. Общ. Уст. Росс. ж. д., отвѣтствуетъ за несоблюденіе сроковъ доставки (53 ст.), если не докажетъ, что она не могла устранить просрочку, несмотря на принятіе ею всѣхъ мѣръ, которыя лежатъ на обязанности исправнаго возчика».

«Сроки доставки грузовъ, говорится въ 53 ст. Общ. Уст. Росс. ж. д., опредѣляются для мѣстныхъ сообщеній — правленіями обществъ, а для прямыхъ сообщеній — подлежащими съѣздами представителей желѣзныхъ дорогъ, съ утвержденія въ обоихъ случаяхъ Совѣтомъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ. Тѣмъ же порядкомъ составляются и утверждаются правила объ исчисленіи, измѣненіи и перерывѣ сроковъ доставки и т. д.».

По праву, предоставленному цитированной статьей закона, Совѣтомъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ изданы въ развитіе 53-й ст. Общ. уст. правила о срокахъ доставки грузовъ (Собр. Узаконеній 1891 г., № 45, ст. 467, за 1899 г., № 25, ст. 304 и за 1901 г., № 35, ст. 701) и по § 4 этихъ правилъ теченіе срока доставки прерывается между прочимъ (п. б) на время остановки движенія по желѣзной дорогѣ, временно препятствующей начатію или продолженію перевозки груза и происшедшей отъ несчастнаго случая съ поѣздомъ, отъ порчи пути, или сооруженій, отъ снѣжнаго заноса, отъ атмосферныхъ явленій, отъ чрезвычайнаго накопленія на линіи груженыхъ вагоновъ и отъ другихъ обстоятельствъ, если только во всѣхъ сихъ случаяхъ остановка не можетъ быть поставлена въ вину которой-либо изъ участвующихъ въ перевозкѣ груза дорогъ.

Согласно циркуляра Департамента желѣзныхъ дорогъ отъ 28 апрѣля 1894 года, № 7273, желѣзныя дороги ежемѣсячно представляютъ въ названный департаментъ свѣдѣнія о случаяхъ остановки движенія, сопровождавшихся перерывомъ срока доставки грузовъ и эти свѣдѣнія, по разсмотрѣніи и повѣркѣ ихъ

Digitized by Google

Департаментомъ и инспекціей дорогъ, публикуются во всеобщее свѣдѣніе въ видѣ сводныхъ вѣдомостей въ сборникѣ Тарифовъ желѣзныхъ дорогъ. Обсужденію вопросовъ о доказательной силѣ этихъ вѣдомостей, а равно о распредѣленіи тяжести доказательствъ между сторонами при наличности соотвѣтствующихъ публикацій о сложеніи отвѣтственности посвящено рѣшеніе Сената по дѣлу Подгурскаго, № 30, 1902 года. Признавъ, что публикаціи о сложеніи отвѣтственности есть удостовѣренія компетентнаго органа правительственной власти о наличности причинъ, исключающихъ отвѣтственность желѣзной дороги за просрочку, и возложивъ на истца тяжесть доказыванія того обстоятельства, что остановка движенія произошла не отъ тѣхъ причинъ, которыя указаны въ публикаціи, а вслѣдствіе неисполненія тѣхъ или иныхъ обязательныхъ для дороги правилъ (praesumptio iuris), Сенатъ уже безъ подробной мотивировки не призналъ поводомъ къ отмѣнѣ обжалованнаго рѣшенія отказъ суда въ ходатайствѣ объ истребованіи отъ дороги отвѣтчицы дорожныхъ вѣдомостей для установленія того, гдѣ находился спорный грузъ въ моментъ пріостановки движенія, ограничившись лишь слѣдующимъ поясненіемъ: «Какъ установлено въ обжалованномъ рѣшеніи, промедленіе на семь дней въ доставкѣ грузовъ, подлежавшихъ передачѣ съ Юго-Восточныхъ дорогъ на Рязанско-Уральскую дорогу въ періодъ времени съ 9 по 16 декабря 1896 года, оправдывается вполнѣ уважительными причинами, удостовѣренными въ помѣщенной въ сборникѣ тарифовъ публикаціи; при такихъ же условіяхъ не можетъ имѣть значенія, когда былъ отправленъ и гдѣ былъ задержанъ грузъ просителя, подлежавшій перевозкѣ въ томъ же направленіи въ указанный періодъ времени».

Именно эта часть рѣшенія Сената и имѣетъ принципіальное значеніе, ибо здѣсь устанавливается опредѣленная точка зрѣнія на существо перерыва срока доставки, въ согласіи съ которой практика судовъ приняла за правило, что срокъ доставки долженъ быть удлиненъ на все время перерыва его, если таковой обусловливался остановкой движенія на какой-либо изъ дорогъ слѣдованія груза за время срока доставки. Основывалась эта практика на томъ, что Сенатъ только потому и не придалъ значенія отказу суда въ истребованіи отъ отвѣтчика дорожныхъ вѣдомостей, что считалъ безразличнымъ, — находился ли грузъ на дорогѣ, гдѣ было пріостановлено движеніе, во время пріостановленія такового, не дошелъ до нея до минованія остановки или прослѣдовалъ по ней до наступленія пріостановки движенія, т.-е. считалъ пріостановленіе срока доставки неоспоримымъ послѣдствіемъ остановки

Digitized by Google

движенія въ предѣлахъ срока доставки и пути слѣдованія груза. Эта мысль высказывалась Сенатомъ и ранѣе рѣшенія по дѣлу Подгурскаго (Рѣш. Отдѣл. отъ 20 апрѣля 1901 г. по дѣлу № 7, за № 1899 г.).

Правильность этой точки зрѣнія подробно обосновываетъ г. Змирловъ въ изданномъ имъ Общемъ Уставѣ Росс. ж. д. (изд. 1909 года, стран. 503—514), гдѣ онъ подвергаетъ обстоятельной критикѣ противоположный взглядъ, высказанный г. Рабиновичемъ въ № 7 газеты «Право» за 1902 годъ, въ статьѣ «О сложеніи отвѣтственности за срочную доставку грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ».

Считая излишнимъ повторять мотивы, приводимые К. П. Змирловымъ, намъ кажется необходимымъ остановиться на одномъ, самомъ важномъ соображеніи.

Срокъ доставки груза нормируется правилами, изданными въ законномъ порядкѣ, таковыми же правилами устанавливается какъ послѣдствія извѣстныхъ событій — перерывъ срока доставки.

Какъ при установленіи сроковъ доставки несомнѣнно принималась во вниманіе вся совокупность техническихъ, экономическихъ и юридическихъ условій и въ результатѣ создана объективная норма, обязательная для примѣненія къ однороднымъ случаямъ для обѣихъ, вступающихъ въ договоръ сторонъ, такъ и при установленіи правилъ о перерывѣ срока доставки, какъ послѣдствія извѣстныхъ событій, не обусловленныхъ виной возчика, имѣлась въ виду совокупность тѣхъ же условій, и объективная норма, регулирующая перерывъ срока, подлежитъ толкованію согласно со смысломъ, въ нее вложеннымъ.

Обращаясь къ толкованію § 4 правилъ о срокахъ доставки, прежде всего слѣдуетъ установить, что юридически между перевозками мѣстнаго и прямого сообщенія никакой разницы нѣтъ (1, 7, 8 стт. Общ. Уст.), что въ отношеніи срока доставки таковой при перевозкахъ прямого сообщенія исчисляется не отдѣльно для каждой дороги, участвующей въ перевозкѣ, а соотвѣтственно всему разстоянію. отъ станціи отправленія до станціи назначенія (Рѣш. Сената 1900 г., № 86, 87) или, какъ говоритъ Рабиновичъ (Теорія и практика желѣзнодорожнаго права, изд. 2, 1898 г., стран. 85), «для исчисленія срока на перевозку надо сложить вмѣстѣ разстояніе отдѣльныхъ дорогъ и разсматривать ихъ, какъ одно цѣлое». При такомъ единствѣ срока, и установленной закономъ для перевозокъ прямого сообщенія непрерывности связанныхъ между собою желѣзныхъ дорогъ и самый договоръ перевозки прямого сообщенія, какъ и перевозки мѣстной, является единымъ договоромъ.

Digitized by Google

Въ зависимости отъ этого одной и той же нормой регулируются перерывы срока, какъ при мѣстномъ, такъ и при прямомъ сообщеніи. Эта норма гласитъ, что теченіе срока прерывается, между прочимъ, на время остановки движенія по желѣзной дорогѣ, временно препятствующей начатію или продолженію перевозки груза, если только остановка не можетъ быть поставлена въ вину которой-либо изъ участвующихъ въ перевозкѣ груза дорогъ.

Что остановка движенія при извѣстныхъ условіяхъ, т.-е. вызванная извѣстными событіями должна имѣть не единичный характеръ, а массовый и что она неизбѣжно влечетъ за собою перерывъ въ срокѣ доставки всѣхъ грузовъ, теченіе сроковъ доставки которыхъ началось и не окончилось, явствуетъ изъ § 5 правилъ доставки, налагающаго обязанность на Управленіе подлежащей дороги оповѣстить о перерывѣ, его причинахъ и предполагаемой продолжительности и публику и всѣ дороги, находящіяся съ ней въ прямомъ сообщеніи, а послѣднее обстоятельство — обязанность увѣдомленія всѣхъ дорогъ, находящихся въ прямомъ сообщеніи съ извѣщающей, а не только сосѣднихъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что остановка движенія на одной изъ дорогъ признана составителями правилъ имѣющей непосредственное отношеніе ко всѣмъ дорогамъ, связаннымъ съ ней перевозками прямого сообщенія, исполняющимъ совмѣстно съ ней договоры по таковымъ перевозкамъ и обязаннымъ притомъ срочностью доставки подъ угрозой отвѣтственности по 110 ст. Общ. Уст. ж. д.

Итакъ, § 4 правилъ о срокахъ доставки иного толкованія, чѣмъ то, которое придалъ ему Сенатъ въ Рѣшеніи 1902 г., № 30, и которое подробно обосновалъ К. П. Змирловъ, по нашему мнѣнію, имѣть не можетъ.

На другую точку зрѣнія сталъ Сенатъ въ рѣшеніи № 78, 1907 года, по дѣлу Панкратова.

Хотя соображенія, высказанныя въ этомъ Рѣшеніи, впослѣдствіи Сенатъ прямо назвалъ ошибочными (Рѣш. 1911 г., № 104, по дѣлу Вольберга), но, на нашъ взглядъ, и въ рѣшеніи по дѣлу Вольберга повторена та же принципіальная ошибка, что въ рѣшеніи по дѣлу Панкратова и объясняется она не только измѣненіемъ отправной точки зрѣнія при толкованіи § 4 правилъ о срокахъ доставки, но, главнымъ образомъ, отклоненіемъ отъ толкованія законно дѣйствующихъ правилъ къ обсужденію существа дѣла, — техническихъ вопросовъ о порядкѣ движенія грузовъ въ прямомъ сообщеніи. Въ рѣшеніи № 78, 1907 года, оставаясь при прежнемъ взглядѣ на единство срока доставки и на то, что равномѣрность движенія груза въ предѣлахъ срока не требуется

Digitized by Google

и не предполагается, Сенатъ уже призналъ необходимость установленія причинной связи между пріостановкой движенія и замедленіемъ въ доставкѣ просрочившаго груза и, не обосновавъ совершенно этого положенія путемъ толкованія законно дѣйствующихъ правилъ, вошелъ въ обсужденіе того, насколько можетъ повліять на срочность доставки остановка движенія на той изъ участвующихъ въ перевозкѣ дорогъ, которую данный грузъ или прошелъ безъ промедленія или же прошелъ до наступленія остановки или послѣ ликвидаціи таковой, хотя остановка и имѣла мѣсто въ предѣлахъ общаго срока данной доставки, при чемъ отвергъ безусловно при указанныхъ обстоятельствахъ всякое вліяніе таковой остановки на срочность доставки. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это уже не толкованіе закона, а выводъ по существу дѣла и этотъ выводъ, какъ бы вытекающій изъ толкованія закона, положенъ въ основу кассаціонной повѣрки вывода, сдѣланнаго судомъ изъ того же существа дѣла, при чемъ даже сдѣлана ссылка на Рѣшеніе 1902 года, № 30, по дѣлу Подгурскаго, какъ-будто все, что устанавливалось въ томъ Рѣшеніи, раздѣлялось Сенатомъ и при постановленіи Рѣшенія № 78, 1907 года. А вѣдь въ Рѣшеніи по дѣлу Подгурскаго Сенатъ возлагалъ на истца лишь обязанность опровергнуть законное предположеніе о наличности удостовѣренныхъ публикаціей событій и достаточности мѣръ, принятыхъ дорогой, къ отвращенію возникновенія этихъ событій и послѣдствій, съ ними связанныхъ, а вовсе не говорилъ о надобности доказывать причинную связь между доказанной остановкой движенія и движеніемъ даннаго груза, ибо эта связь представлялась для него praesumptio iuris et de iure.

Разъ уже кассаціонный судъ сталъ обсуждать вопросы по существу, въ такомъ случаѣ возможность иной оцѣнки существа при состязательномъ процессѣ и при иныхъ доказательствахъ, представленныхъ сторонами, явленіе совершенно нормальное, но, конечно, не для кассаціонной инстанціи. И вотъ въ Рѣшеніи № 101, 1911 года, по дѣлу Вольберга мы читаемъ: «на основаніи 4 ст. правилъ о срокахъ доставки, теченіе этихъ сроковъ прерывается на все то время, въ теченіе котораго было прервано правильное передвиженіе грузовъ по независящимъ отъ дороги причинамъ. Вслѣдствіе этого коль скоро доказано, что на дорогѣ было прервано движеніе по одной изъ причинъ, указанныхъ въ упомянутой статьѣ, то самый фактъ перевозки груза въ то именно время, когда произошелъ перерывъ движенія создаетъ законное предположеніе, что этимъ перерывомъ, а не виною дороги обусловливается допущенная просрочка въ доставкѣ груза. Для устраненія такого

Digitized by Google

предположенія недостаточно установить лишь, что грузъ не былъ задержанъ на томъ участкѣ дороги, гдѣ было прервано движеніе, но необходимо доказать, что задержка грузовъ на другихъ участкахъ дороги не находилась вовсе въ причинной связи съ перерывомъ движенія». Такимъ образомъ, по мнѣнію Сената, причинная связь между остановкой движенія и просрочкой даннаго груза есть лишь законное предположеніе, подлежащее опроверженію. Пусть такъ, и тутъ должна быть поставлена точка, ибо доказательство отсутствія причинной связи и установленія такового есть вопросъ существа. Но Сенатъ вновь становится на путь толкованія существа, а не закона и излагаетъ разсужденіе о томъ, «что перерывъ движенія на одной изъ дорогъ, участвующихъ въ перевозкѣ груза прямого сообщенія, не вызываетъ неизбѣжно разстройства движенія и на всѣхъ другихъ дорогахъ сѣти. Напротивъ того и т. д.»; затѣмъ, «перерывомъ движенія на одной дорогѣ не нарушается обыкновенно на другихъ дорогахъ правильное передвиженіе только тѣхъ грузовъ, которые въ моментъ перерыва уже прошли ту дорогу, гдѣ онъ произошелъ, и находились за его предѣлами».

Итакъ, оказывается, что не всякая остановка движенія во время срока доставки создаетъ законное предположеніе о томъ, что грузъ замедлилъ по причинѣ таковой, а лишь такая остановка, которая совпала по времени съ нахожденіемъ груза на той дорогѣ, гдѣ она имѣла мѣсто, или на дорогѣ предшествующей. Но это положеніе совершенно не вяжется съ только что провозглашеннымъ толкованіемъ § 4 правилъ, который не различаетъ сроковъ мѣстнаго и прямого сообщенія, и оно является выводомъ изъ данныхъ въ дѣлѣ отсутствующихъ и не основано на толкованіи какого-либо введеннаго въ текстъ закона техническаго термина. Откуда же взяты соображенія Сената, въ какихъ актахъ судебной экспертизы имѣется обоснованіе для такого разрѣшенія столь сложныхъ техническихъ вопросовъ, для разрѣшенія коихъ не достаточно однихъ апріорныхъ сужденій или сравненій изъ сферы повседневныхъ жизненныхъ явленій?

Если даже признать, что правила о перерывѣ срока доставки неудачны, какъ ошибочны и вредны часто бываютъ законы, и потому требуютъ пересмотра, то все же при ихъ толкованіи менѣе, чѣмъ при толкованіи какой-либо другой нормы можно безъ судебной или научной повѣрки входить въ обсужденіе тѣхъ техническихъ данныхъ, коими они обусловлены, ибо эта отрасль знаній совершенно скрыта отъ толкователя-юриста, обязаннаго и при разрѣшеніи существа опредѣленнаго спора обращаться за

Digitized by Google

помощью свѣдущихъ людей, если это существо требуетъ для своего разрѣшенія спеціальныхъ познаній.

Теперь мы ждемъ мотивовъ Сената по дѣлу Шуба. По краткому газетному отчету надо предполагать, что наличность причинной связи между остановкой движенія и просрочкой Сенатомъ признана лишь въ отношеніи грузовъ, находившихся на дорогахъ, сосѣднихъ съ той, на которой была остановка, и притомъ лежащихъ по пути слѣдованія груза впереди послѣдняго.

Это, по нашему мнѣнію, новый выводъ изъ существа дѣла, и столь же произвольный, какъ и предыдущіе.

Уже если допустить возможность доказыванія, что просрочка даннаго груза не находится въ причинной связи съ остановкой движенія, то разрѣшеніе этого вопроса надо предоставить суду, рѣшающему дѣло по существу.

В. Н. Челищевъ.

Digitized by Google

Проектъ правилъ объ администраціяхъ по торговымъ и промышленнымъ дѣламъ.

Изъ предполагаемыхъ реформъ въ области конкурснаго законодательства въ настоящее время ближе всего къ проведенію въ жизнь стоитъ выработанный Министерствомъ Торговли и Промышленности законопроектъ объ администраціяхъ по торговымъ и промышленнымъ дѣламъ, уже разсмотрѣнный судебной комиссіей Государственной Думы. Законопроектъ этотъ, съ одной стороны вноситъ цѣлый рядъ измѣненій и дополненій въ дѣйствующія положенія объ администраціяхъ, имѣющихъ цѣлью возстановленіе пришедшихъ въ упадокъ дѣлъ должника, а съ другой стороны, вводитъ новый институтъ администраціи для ликвидаціи, долженствующей въ рядѣ случаевъ замѣнить конкурсное производство.

Вопросъ о способахъ предупрежденія открытія конкурснаго производства въ свое время на Западѣ вызвалъ цѣлый рядъ законодательныхъ предположеній и оживленный обмѣнъ мнѣній между теоретиками и практиками. Въ результатѣ почти во всѣхъ странахъ имѣются нормы, дающія возможность при наличности извѣстныхъ условій избѣгать открытіе конкурса со всѣми его тягостными послѣдствіями для должника и извѣстными невыгодами и для самихъ кредиторовъ. Законодателю была поставлена трудная задача найти такое разрѣшеніе вопроса, которое, съ одной стороны, давало бы удовлетвореніе чувству гуманности въ отношеніи добросовѣстнаго должника, дѣла котораго пошатнулись въ силу несчастно сложившихся обстоятельствъ, а съ другой, которое возможно полно охраняло бы интересы кредиторовъ [1]). (Особенно остро потребность въ реформѣ сказалось во Франціи, гдѣ чрезмѣрная суровость личныхъ послѣдствій объявленія несостоятельности для должника побудила на ряду съ конкурснымъ порядкомъ для

[1]) B. Courtois. Traité théorique et pratique de la liquidation judiciaire, 1894, p. 43.

Digitized by Google

добросовѣстныхъ несчастныхъ должниковъ создать особый порядокъ — судебную ликвидацію.)

Большинство законодательствъ (Бельгія, Голландія, Италія, Англія) въ качествѣ мѣръ, предупреждающихъ объявленіе несостоятельности, вводитъ институты отсрочки платежей и предупредительной мировой сдѣлки. По Бельгійскому конкурсному уставу (§§ 593—635) должникъ можетъ просить судъ объ отсрочкѣ ему платежей (мораторіумъ), если онъ благодаря чрезвычайнымъ обстоятельствамъ временно прекратилъ послѣдніе, но обладаетъ достаточнымъ имуществомъ для удовлетворенія своихъ кредиторовъ по истеченіи извѣстнаго времени. При согласіи кредиторовъ, претензіи которыхъ составляютъ $^3/_4$ всѣхъ долговъ, судъ разрѣшаетъ отсрочку не болѣе какъ на годъ, впослѣдствіи отсрочка можетъ быть продолжена. Въ теченіе моратория на имущество должника не можетъ быть обращено принудительное взысканіе; должникъ самъ управляетъ имуществомъ, но подъ контролемъ комиссаровъ, назначенныхъ судомъ. Въ Бельгіи же закономъ 20 іюня 1883 года былъ введенъ институтъ предупредительной мировой сдѣлки. Просить судъ о мировой сдѣлкѣ можетъ лишь добросовѣстный должникъ; при согласіи на мировую сдѣлку большинства кредиторовъ, обладающихъ $^3/_4$ всѣхъ претензій и утвержденіи сдѣлки судомъ, должникъ не устраняется отъ управленія имуществомъ, но вся его дѣятельность проходитъ подъ контролемъ судьи-комиссара и лицъ, выбранныхъ изъ своей среды кредиторами.

Законъ 20 іюня былъ введенъ лишь какъ временная мѣра, но благодаря благопріятнымъ результатамъ его примѣненія 29 іюня 1887 года былъ обращенъ въ постоянный законъ. Сторонники институтовъ отсрочки платежей и предупредительной мировой сдѣлки указываютъ, что благодаря имъ удается сохранить цѣлость хозяйственной единицы, дѣла которой лишь временно пошатнулись, что не терпятъ и интересы кредиторовъ, такъ какъ отпадаютъ значительныя траты, вызываемыя конкурснымъ производствомъ, и что, наконецъ, добросовѣстный должникъ получаетъ возможность возстановить свои дѣла. Но нельзя не отмѣтить, что указанные институты встрѣчаютъ и горячихъ противниковъ. Указываютъ, что въ дѣйствительности возстановленіе дѣлъ рѣдко имѣетъ мѣсто, прекращеніе платежей является вѣрнымъ признакомъ серіознаго разстройства предпріятія и обычно, въ концѣ-концовъ, несостоятельность все-таки наступаетъ; а при этихъ условіяхъ лишь должникъ выигрываетъ извѣстный періодъ времени, интересы же кредиторовъ несутъ существенный ущербъ. При томъ является очень труднымъ установить, проситъ ли объ отсрочкѣ или мировой сдѣлкѣ

Digitized by Google

дѣйствительно добросовѣстный должникъ или это попытка недобросовѣстнаго должника воспользоваться временемъ въ ущербъ интересамъ кредиторовъ [1]).

Въ то время, какъ вышеуказанныя законодательства стремятся вообще предотвратить ликвидацію предпріятія, законодательство французское преслѣдуетъ другую цѣль, организовать для добросовѣстнаго должника самую ликвидацію въ иной формѣ.

Суровость личныхъ послѣдствій объявленія несостоятельности, установленная закономъ 1838 года, привела къ самымъ нежелательнымъ результатамъ. Число несостоятельностей, объявленныхъ въ силу собственнаго признанія должника, все сокращалось. Въ періодъ времени съ 1841 по 1845 годъ несостоятельности, объявленныя по этому поводу, составляли еще 59 % общаго числа несостоятельностей, въ періодъ времени съ 1876 года по 1880 — 40 %, а въ 1881 году лишь 36 %. Вмѣстѣ съ тѣмъ значительно возросло число конкурсовъ закрытыхъ за недостаткомъ актива: въ 1881 году по этой причинѣ закрылось 42 % изъ общаго числа конкурсовъ, въ 1883 — 44 %, въ 1884 — 46 % [2]). Серіозность указаннаго положенія дѣлъ заставила обратиться къ пересмотру постановленій о несостоятельности, результатомъ явился законъ 1889 года, установившій на ряду съ общимъ конкурснымъ порядкомъ институтъ судебной ликвидаціи. Сущность послѣдней сводится къ слѣдующему. Въ теченіе двухъ недѣль со дня прекращенія платежей должникъ можетъ просить судъ о судебной ликвидаціи. Ликвидація производится самимъ должникомъ при участіи и подъ надзоромъ ликвидаторовъ, назначенныхъ судомъ, кромѣ того кредиторы выбираютъ изъ своей среды также особыхъ контролеровъ. Если при разборѣ дѣла обнаружится недобросовѣстность должника, то судъ прекращаетъ судебную ликвидацію и объявляетъ должника несостоятельнымъ. Благотворные результаты устраненія суровыхъ личныхъ послѣдствій и предоставленіе ликвидаціи самому должнику подъ извѣстнымъ контролемъ не замедлили сказаться. Сильно упавшее число несостоятельностей, заявленныхъ самими должниками, вновь возросло въ 1898 году до 47 % общаго числа, въ 1900 году до 67 %, а въ 1901 году достигло 70 %. Самые результаты судебной ликвидаціи оказались для кредиторовъ болѣе выгодными, чѣмъ конкурснаго производства. Въ то время какъ въ періодъ времени съ 1897 года по 1899 за недостаткомъ актива было закрыто 35 % всѣхъ конкурсныхъ

---

[1]) S. Percerou. Des faillites et banqueroutes et des liquidations judiciaires, 1909, p. 38.

[2]) S. Percerou. Des faillites et banqueroutes et des liquidations judiciaires, 1909, p. 34—35.

Digitized by Google

производствъ, за тотъ же періодъ на этомъ основаніи закрылось лишь 19 % общаго числа судебныхъ ликвидацій, въ 1900 году — 40 % конкурсовъ, а судебныхъ ликвидацій 24 %, въ 1901 году — 41 % конкурсовъ и опять лишь 24 % судебныхъ ликвидацій. Далѣе въ 1890 году при конкурсномъ производствѣ кредиторы получили въ среднемъ 20 % дивиденда, въ 1891 году — 19 %, въ 1892 — 22 %, а при судебной ликвидаціи въ 1890 году — 35 %, въ 1891 — 35 % и въ 1892 — 40 %, т.-е. почти вдвое больше [1]). Какъ на недостатокъ закона 1889 года указываютъ на то обстоятельство, что судъ допускаетъ судебную ликвидацію и по дѣламъ такихъ лицъ, которыя, какъ обнаруживается впослѣдствіи въ процессѣ самой ликвидаціи, являлись недобросовѣстными, и тогда, закрывая ликвидацію, приходится обращаться къ конкурсному производству, чѣмъ вся процедура очень затягивается; между тѣмъ должникъ за время судебной ликвидаціи, когда управленіе находится еще въ его рукахъ, успѣваетъ нанести значительный ущербъ интересамъ кредиторовъ. Но едва ли этотъ упрекъ говоритъ противъ института судебной ликвидаціи въ цѣломъ. Возможно, что вышеуказанное нежелательное явленіе было бы въ значительной мѣрѣ устранено, если бы было принято, проектируемое высшимъ французскимъ кассаціоннымъ судомъ постановленіе, что судъ можетъ допускать судебную ликвидацію, лишь предварительно убѣдившись въ добросовѣстности должника.

Наше дѣйствующее законодательство объ администраціяхъ, подобно законодательствамъ установившимъ институты отсрочки и предупредительной мировой сдѣлки, преслѣдуетъ цѣль не особой организаціи ликвидаціи для добросовѣстнаго должника, а предотвращенія самой ликвидаціи, стремится дать должнику возможность, отсрочивъ немедленное удовлетвореніе кредиторовъ, возстановить свои пошатнувшіяся дѣла [2]). О неудовлетворительности нашихъ законоположеній объ администраціяхъ и о тѣхъ печальныхъ результатахъ, къ какимъ привелъ этотъ недостатокъ, говорить много не приходится, они общеизвѣстны: администрація обратилась въ институтъ, дающій возможность на неопредѣленно долгое время затягивать расплату съ кредиторами, и обычно или приводитъ къ несостоятельности, или хотя и къ возстановленію дѣлъ, но не путемъ равномѣрнаго и полнаго удовлетворенія всѣхъ кредиторовъ, а путемъ скупки отдѣльными заинтересованными лицами за самыя незначительныя суммы претензій кредиторовъ, отчаявшихся въ полученіи

---

[1]) B. Courtois, ibid., p. 444.

[2]) Представленіе Министерства Финансовъ по Департаменту мануфактуръ и внутренней торговли отъ 30 іюля 1896 года, за № 3064.

Digitized by Google

какого-либо удовлетворенія. Отрицательныя стороны дѣйствія института администраціи въ его настоящей формѣ признаетъ и Министерство въ объяснительной запискѣ, приложенной къ проекту. Но слѣдуетъ ли отсюда, что институтъ администраціи долженъ быть совершенно отмѣненъ? Рѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ бы быть данъ, если бы у насъ были доступны статистическія данныя, могущія наглядно и всесторонне показать результаты существованія администрацій, но такихъ разработанныхъ данныхъ къ сожалѣнію нѣтъ, да и сырой матеріалъ, находящійся въ биржевыхъ комитетахъ и въ архивахъ судовъ, недоступенъ частному изслѣдованію. Но исходя изъ общихъ соображеній, слѣдуетъ притти къ тому выводу, что институтъ администраціи, какъ мѣры, дающей возможность возстановить данное предпріятіе и избѣгнуть ликвидаціи, долженъ быть сохраненъ, при условіи однако коренного пересмотра дѣйствующаго законодательства. Дѣйствительно, исходя изъ общехозяйственныхъ интересовъ страны, нельзя не принять во вниманіе правильнаго указанія объяснительной записки къ проекту (стран. 2), что «за границею разстройство дѣлъ предпріятія влечетъ за собой въ большинствѣ случаевъ лишь перемѣну его хозяевъ, но самое дѣло или предпріятіе рѣдко уничтожается. У насъ же, наоборотъ, ликвидація дѣлъ одного хозяина сопровождается нерѣдко полнымъ прекращеніемъ и самаго предпріятія». При этихъ условіяхъ правильно организованный институтъ администрацій можетъ принести несомнѣнную пользу хозяйству страны.

Какія же измѣненія предполагаетъ ввести министерскій проектъ въ институтъ администраціи «для возстановленія дѣлъ»?

Дѣйствующее законодательство допускаетъ администраціи при согласіи «большинства наличныхъ кредиторовъ по количеству долговъ» лишь «по обширнымъ коммерческимъ и фабричнымъ дѣламъ» (стр. 359 У. С. Т.), при условіи, «что недостатокъ (deficit) простирается не свыше пятидесяти процентовъ» (стр. 379 У. С. Т.) и при томъ «единственно въ столицахъ и городахъ, гдѣ существуютъ биржи» (стр. 395 У. С. Т.).

Что касается допущенія администрацій лишь «по обширнымъ» дѣламъ, то проектъ вполнѣ правильно отбрасываетъ это условіе. Что разумѣть подъ обширностью предпріятія? Если исходить изъ хозяйственныхъ интересовъ государства, то возможно, что государство будетъ очень заинтересовано въ поддержаніи предпріятій, можетъ-быть и незначительныхъ по своимъ размѣрамъ, но необходимыхъ для развитія другихъ отраслей промышленности. Если исходить изъ интересовъ должника, то нѣтъ основанія предоставлять льготы учрежденія администраціи лишь для крупныхъ предпринимателей.

Digitized by Google

Измѣняетъ проектъ и второе условіе, выставляя при допущеніи администраціи требованіе, чтобы дефицитъ вовсе отсутствовалъ или не превышалъ 25 %. При этомъ составители проекта руководствовались тѣмъ соображеніемъ, что практика показала, что «возстановить дѣло при потерѣ 50 % кредиторскаго рубля представляется едва ли даже возможнымъ». Но намъ представляется излишнимъ вообще фиксировать максимумъ допустимаго дефицита. Вполнѣ правильно было отмѣчено въ нашей литературѣ, что вѣдь не доказано, «что изъ числа устраивавшихся доселѣ администрацій возстановлялись дѣла въ тѣхъ, которыя имѣли именно такой, а не большій дефицитъ» [1]). Неуспѣхъ учрежденныхъ у насъ администрацій обусловливался въ значительной степени не чрезмѣрной задолженностью предпріятій, а въ основѣ неправильной постановкой института администрацій, дававшей возможность широкаго развитія всякихъ злоупотребленій. Подобныя мѣры фиксаціи максимума задолженности предпріятія проектировались и во Франціи при изданіи закона о судебной ликвидаціи, но встрѣтили отрицательное отношеніе [2]). Очень часто большій или меньшій размѣръ дефицита вовсе не свидѣтельствуетъ о жизнеспособности самаго предпріятія, а можетъ обусловливаться и случайными обстоятельствами, между тѣмъ въ вопросѣ о допущеніи администраціи основное значеніе имѣетъ, именно, жизнеспособность предпріятія, заключеніе о которой должно быть выводимо изъ общаго положенія дѣлъ. Во всякомъ случаѣ, если фиксировать допустимый размѣръ дефицита, то не на 25%, ибо при этихъ условіяхъ область примѣненія института будетъ чрезвычайно ограничена. При дефицитѣ до 25% въ цѣломъ рядѣ случаевъ должникъ и помимо администраціи сможетъ найти средства для расплаты съ кредиторами. Поэтому представляется желательнымъ сохраненіе прежняго 50% размѣра. Слѣдуетъ отмѣтить, что Италіанскій законъ 24 мая 1903 года о мировой сдѣлкѣ ограничивается требованіемъ обезпеченія покрытія лишь 40% претензій, а Бельгійскій законъ 29 іюня 1887 года вовсе не выставляетъ этого требованія.

Нельзя согласиться съ постановленіями проекта о способахъ полученія должникомъ согласія большинства кредиторовъ на учрежденіе администраціи и о требованіи, чтобы просьба о разрѣшеніи администраціи исходила только отъ кредиторовъ, а не отъ самого должника. Какъ указываютъ составители (стран. 17): «проектъ не

---

[1]) М. М. Винаверъ. Гражданская хроника, «Вѣстникъ Гражданскаго Права», 1913 г. № 3, стран. 114.
[2]) B. Courtois, ibid., p. 69.

Digitized by Google

обставляетъ какими-либо формальными условіями созывъ кредиторовъ для разсмотрѣнія баланса пришедшаго въ упадокъ должника, возлагая на него лишь обязанность озаботиться полученіемъ согласія большинства своихъ кредиторовъ по количеству долговъ на учрежденіе администраціи». Такимъ образомъ проектъ узаконяетъ сложившійся у насъ ненормальный порядокъ, при которомъ «изъявленіе согласія на учрежденіе администраціи дается большею частію не въ собраніи кредиторовъ, а каждымъ порознь, по просьбѣ должника, при чемъ тогда же и подписывается составленное напередъ прошеніе въ биржевой комитетъ, по крайней мѣрѣ, кредиторами, пользующимися особымъ авторитетомъ [1])». Между тѣмъ по смыслу дѣйствующихъ законоположеній кредиторы должны выражать свое согласіе на учрежденіе администраціи не въ отдѣльности, а въ общемъ собраніи по совокупномъ разсмотрѣніи баланса, представленнаго должникомъ. Если вопросъ о допущеніи администраціи и рѣшается большинствомъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что меньшинство вовсе можетъ быть устранено отъ обсужденія этого вопроса. При этихъ условіяхъ самое учрежденіе администраціи, затрогивающее столь существенные интересы, пріобрѣтаетъ характеръ келейной сдѣлки должника съ крупнѣйшими кредиторами, прочимъ же кредиторамъ, обязательнаго вызова которыхъ проектъ не устанавливаетъ, администрація можетъ неожиданно свалиться на голову, уже разрѣшенная соотвѣтствующими учрежденіями.

Непонятно сохраненіе въ проектѣ нынѣ дѣйствующаго правила, что «просьбы объ учрежденіи администраціи могутъ исходить только отъ кредиторовъ, но не отъ самаго должника» (ст. 7 проекта). Сами составители отмѣчаютъ (Объясн. зап. стран. 17), что иниціатива просьбы объ учрежденіи администраціи всегда исходитъ отъ самаго должника «который, будучи вынужденъ прекратить платежи, лучше всего имѣетъ возможность судить о степени разстройства своихъ дѣлъ». Нѣтъ основанія лишать должника права просить объ учрежденіи администраціи тѣмъ болѣе, что этимъ постановленіемъ «не достигается цѣль закона, а именно устраненіе возможности искательства со стороны самаго должника объ учрежденіи администраціи» [2]). Въ этомъ отношеніи болѣе цѣлесообразными являются постановленія западныхъ законодательствъ, принятыя и проектомъ сенатора Тура: просьба о мировой сдѣлкѣ (учрежденіи администраціи) подается въ судъ самимъ должникомъ

---

[1]) В. Онуфріевъ. Объ администраціяхъ по дѣламъ торговымъ, Счетоводство, 1889 годъ, стран. 92.

[2]) Туръ, Проектъ устава о несостоятельности, стран. 487.

Digitized by Google

съ приложеніемъ баланса предпріятія и списка кредиторовъ. Судъ въ ближайшее время созываетъ кредиторовъ, которые въ присутствіи члена суда и обсуждаютъ вопросъ о допущеніи мировой сдѣлки. При этихъ условіяхъ въ значительной степени ослабляется возможность частныхъ соглашеній съ отдѣльными кредиторами и меньшинство получаетъ возможность привести свои возраженія, которыя могутъ быть учтены судомъ при окончательномъ разрѣшеніи вопроса о допущеніи мировой сдѣлки.

Наиболѣе острое столкновеніе различныхъ мнѣній вызвалъ вопросъ о томъ, кто долженъ разсматривать просьбы о допущеніи администраціи, — судъ или биржевой комитетъ. Сторонники послѣдняго рѣшенія вопроса указываютъ, что при допущеніи или отказѣ въ учрежденіи администраціи принимаются во вниманіе, главнымъ образомъ, не юридическіе вопросы, а фактическіе, «насколько можно признать дѣйствія должника добросовѣстными, состояніе предпріятія и имущества съ точки зрѣнія торговой оцѣнки, можетъ ли оно подвергаться скорой реализаціи, въ какой мѣрѣ предпріятіе нуждается въ дальнѣйшихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ и пр.» (Объясн. зап., стран. 11). Сужденіе же о всѣхъ этихъ вопросахъ могутъ имѣть лишь лица, близко стоящія къ торговому міру, знакомыя съ постановкой и организаціей торговаго дѣла. Таковымъ учрежденіемъ и является биржевой комитетъ, выбранныя имъ лица составятъ судъ совѣсти, который только и можетъ правильно разобраться въ вопросахъ о допущеніи или отказѣ въ учрежденіи администраціи.

Но едва ли можно согласиться съ преимуществомъ такого порядка. Какъ часто рѣшенія такого суда совѣсти, являющіяся безконтрольными, будутъ диктоваться личными симпатіями, возможными посторонними вліяніями, связями, и этому не поможетъ запрещеніе выбирать въ число лицъ, рѣшающихъ вопросъ о допущеніи администраціи, родственниковъ или свойственниковъ должника первыхъ двухъ степеней (проектъ, стр. 9). Между тѣмъ рѣшеніе, вынесенное такимъ путемъ, мотивы котораго провѣрить невозможно, затрогиваетъ самые существенные интересы порой очень обширнаго круга лицъ. Выясненіе дѣйствительнаго положенія дѣлъ даннаго предпріятія можетъ быть произведено и при судѣ, гдѣ отпадаетъ столь опасный элементъ келейности. Вѣдь, и тѣ 6 человѣкъ, избранныхъ биржевымъ комитетомъ, которымъ предстоитъ рѣшить вопросъ, если они дѣйствительно желаютъ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ предпріятія, принуждены будутъ въ свою очередь прибѣгнуть къ помощи экспертовъ. А это средство находится и въ рукахъ суда. Такъ и рѣшается вопросъ

Digitized by Google

на Западѣ; по бельгійскому закону 29 іюня 1887 года, получивъ просьбу о допущеніи мировой сдѣлки, судья немедленно назначаетъ свѣдущихъ людей, которые приступаютъ къ повѣркѣ дѣлъ должника. То же постановляетъ и проектъ сенатора Тура, обязывающій судъ по дѣламъ о торговой администраціи истребовать заключенія отъ биржевого комитета или назначить экспертовъ.

Наконецъ, не всегда и биржевой комитетъ и лица, торгующія при данной биржѣ, могутъ быть признаны компетентными въ рѣшеніи вопроса объ администраціи. По статьѣ 395 У. С. Т. «администраціи могутъ быть допускаемы... единственно въ столицахъ и городахъ, гдѣ существуютъ биржи». Слѣдуя тексту закона, практика[1]) допускала открытіе администрацій и въ тѣхъ городахъ, гдѣ не было общихъ биржъ, а существовали лишь спеціальныя. Можно ли признать компетентными лицъ, торгующихъ при яичной биржѣ, въ вопросѣ о допущеніи администраціи предпріятія, относящагося къ металлургической промышленности. Это обстоятельство было учтено составителями проекта, установившими, что администраціи могутъ быть учреждаемы лишь въ столицахъ и городахъ, гдѣ существуютъ общія биржи — и гдѣ находится предпріятіе». Но тогда администрація изъ общей мѣры обратится въ привилегію лицъ, торгующихъ въ извѣстныхъ городахъ.

Противъ предоставленія рѣшенія вопроса суду возражаютъ, указывая на медленность общаго порядка судебнаго производства. Упрекъ правильный, но недостатокъ этотъ можно исправить, введя спеціальныя постановленія о порядкѣ назначенія дѣлъ по просьбамъ о допущеніи администрацій. Между тѣмъ, сосредоточеніе дѣлъ объ администраціяхъ въ рукахъ суда, рѣшающаго и вопросъ о несостоятельности, представляетъ большія преимущества. Если биржевой комитетъ отклонитъ просьбу о допущеніи администраціи, то для объявленія должника несостоятельнымъ приходится начинать новое производство въ судѣ, въ результатѣ создается большая проволочка времени, которую недобросовѣстный должникъ, конечно, используетъ въ ущербъ кредиторамъ. Если же вопросъ объ администраціи рѣшаетъ судъ, которому должникъ подсуденъ въ вопросѣ о несостоятельности, то, отвергнувъ администрацію, судъ вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ объявить должника несостоятельнымъ; на Западѣ (Бельгія, Италія) вопросъ этотъ такъ и рѣшается[2]).

Изъ объяснительной записки, приложенной къ проекту, явствуетъ, что составители его имѣли въ виду предоставить льготу допущенія администраціи лишь добросовѣстному должнику; но

[1]) Рѣшеніе Гражд. Касс. Деп. Сената 1909 г. № 61.
[2]) См. также проектъ сенатора Тура, стран. 489.

Digitized by Google

въ самомъ проектѣ это условіе не нашло себѣ соотвѣтствующаго выраженія. Въ статьѣ 35-й указывается лишь, что «администрація можетъ быть во всякое время обращена въ конкурсъ по опредѣленію суда по иску каждаго изъ кредиторовъ — въ случаѣ обнаруженія признаковъ злостности»... Такимъ образомъ вопросъ о добросовѣстности не долженъ обязательно ставиться на обсужденіе при самомъ допущеніи администраціи, а при этихъ условіяхъ администрація можетъ въ рукахъ недобросовѣстнаго должника стать средствомъ отдалить моментъ объявленія несостоятельности. Какъ мы указали выше, именно этотъ нежелательный результатъ и ставится въ упрекъ французскому закону о судебной ликвидаціи. Здѣсь опять слѣдуетъ отмѣтить постановленія проекта Тура[1]), который въ соотвѣтствіи съ бельгійскимъ и италіанскимъ законодательствами предоставляетъ должнику просить судъ объ утвержденіи мировой сдѣлки лишь при наличности добросовѣстности, при условіи доказательства, что дѣла его пошатнулись вслѣдствіе несчастно сложившихся обстоятельствъ.

Желательнымъ является установленіе извѣстныхъ предѣловъ времени дѣйствія администраціи, но самая форма установленія срока, предлагаемая проектомъ, вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Болѣе правильнымъ представляется постановленіе бельгійскаго законодательства, по которому «не менѣе, чѣмъ черезъ каждые 3 мѣсяца (а также и по всякому постановленію суда) судья-комиссаръ обязанъ провѣрять положеніе дѣлъ должника при содѣйствіи, если признаетъ нужнымъ, свѣдущихъ людей. О результатахъ такой провѣрки судья докладываетъ суду, который по выслушаніи должника и поручителей или надлежащемъ вызовѣ ихъ, можетъ отмѣнить мировую сдѣлку и открыть несостоятельность». Цѣль администраціи — возстановленіе дѣлъ должника, и ненормальность функціонированія ихъ нынѣ, когда администраціи затягиваются на неопредѣленно продолжительное время, вовсе не заботясь объ учиненіи разсчета съ кредиторами, можетъ быть устранена введеніемъ строгаго контроля за ихъ дѣятельностью и предоставленіемъ суду права прекратить администрацію въ любой моментъ, когда обнаружится уклоненіе отъ тѣхъ задачъ, для достиженія которыхъ она допущена. Пятилѣтній срокъ, нерѣдко устанавливаемый и нынѣ въ администраціонномъ актѣ, могъ бы

[1]) Нельзя, вообще, не пожалѣть, что забыли этотъ проектъ, вырабатанный лицомъ, обладающимъ большой эрудиціей и большимъ практическимъ опытомъ (сенаторъ Н. А. Туръ продолжительное время былъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Коммерческаго суда), и какъ продуктъ единоличнаго творчества отличающійся цѣлостностью содержанія и во многомъ стоящій выше проектовъ конкурснаго законодательства послѣдняго времени.

Digitized by Google

быть введенъ только какъ крайній предѣлъ для существованія администраціи, какъ формальное доказательство нежизнеспособности предпріятія.

Наиболѣе спорнымъ представляется предлагаемое проектомъ нововведеніе: администрація не для возстановленія дѣлъ должника, а для ихъ ликвидаціи. По своей цѣли администрація для ликвидаціи должна явиться упрощеннымъ конкурснымъ процессомъ безъ объявленія несостоятельности, допускаемымъ какъ извѣстная льгота для добросовѣстнаго должника. Потребность въ параллельной организаціи, на ряду съ общимъ конкурснымъ порядкомъ, особаго способа ликвидаціи дѣлъ добросовѣстнаго должника въ значительной степени обусловливается содержаніемъ нормъ, регулирующихъ организацію и послѣдствія конкурснаго производства. Выше мы отмѣтили, что изданіе во Франціи закона о судебной ликвидаціи въ значительной степени обусловливалось чрезмѣрной строгостью послѣдствій объявленія несостоятельности, устанавливаемыхъ устарѣлымъ закономъ 1838 года. Въ Германіи же, гдѣ общій конкурсный порядокъ представляется болѣе совершеннымъ, не существуетъ особаго способа ликвидаціи имущества для добросовѣстнаго должника. Вопросъ о созданіи упрощеннаго конкурснаго процесса безъ объявленія должника несостоятельнымъ нецѣлесообразно выдвигать внѣ связи съ пересмотромъ дѣйствующаго у насъ конкурснаго законодательства, тѣмъ болѣе, что этотъ пересмотръ предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ; возможно, что при правильной организаціи конкурснаго производства администрація для ликвидаціи явится ненужнымъ институтомъ.

Нельзя согласиться и съ самой организаціей предлагаемаго нововведенія. Составители проекта хотѣли ввести особую хозяйственную ликвидацію, устраняющую дороговизну конкурснаго порядка и дающую возможность реализовать имущество на наиболѣе выгодныхъ для кредиторовъ условіяхъ. Такимъ способомъ ликвидаціи, признаннымъ другими законодательствами и рекомендуемымъ какъ теоріей, такъ и практикой, является ликвидація, производимая самимъ должникомъ подъ наблюденіемъ выбранныхъ изъ среды кредиторовъ лицъ и подъ строгимъ контролемъ суда. Проектъ не воспринялъ этой мѣры и поручаетъ по-прежнему ликвидацію лицамъ постороннимъ дѣлу, несмотря на то, что сами составители отмѣчаютъ (Объясн. записка, стран. 10), что «практика показываетъ насколько убыточно для кредиторовъ хозяйственное завѣдываніе конкурснаго управленія».

Выше были приведены соображенія за предоставленіе вопроса учрежденія администраціи вѣдѣнію суда, всѣ эти соображенія

Digitized by Google

еще въ бо́льшей степени примѣнимы къ администраціи для ликвидаціи. При послѣдней проектъ предоставляетъ администраторамъ особыя права, въ общемъ равносильныя правамъ конкурснаго управленія. Кредиторы обязываются заявлять свои требованія въ администрацію, которая раздѣляетъ ихъ на спорныя и безспорныя и выдѣляетъ изъ нихъ претензіи привилегированныя. Опредѣленія администраціи какъ по данному вопросу, такъ и другимъ не подлежатъ обжалованію, между тѣмъ какъ такое право по 501 ст. У. С. Т. принадлежитъ кредиторамъ въ отношеніи конкурснаго управленія. Проектъ лишь предоставляетъ заинтересованнымъ лицамъ въ краткій, мѣсячный срокъ предъявить искъ къ администраціи. Въ то время, какъ надъ конкурсами суду предоставлена закономъ «блюстительная» власть, администраціи для ликвидаціи вполнѣ свободны отъ контроля судебной власти, ихъ рѣшенія безапелляціонны. Едва ли можно одобрить такую организацію администраціи, дѣятельность которой призвана ликвидировать сложные и запутанные интересы различныхъ лицъ, вызванные несостоятельностью должника.

Въ заключеніе проектъ предлагаетъ нѣкоторыя измѣненія въ дѣйствующихъ положеніяхъ о несостоятельности, а именно, присоединяетъ къ уже указаннымъ въ законѣ признакамъ несостоятельности, новый — прекращеніе платежей. Въ предыдущей книжкѣ «Юридическаго Вѣстника»[1]) намъ пришлось уже спеціально коснуться этого вопроса; отмѣтимъ только, что подобное простое присоединеніе къ принятому нашимъ законодательствомъ началу неоплатности, какъ поводу къ открытію несостоятельности, отличнаго и даже исключающаго вопросъ о неоплатности новаго признака — прекращенія платежей едва ли цѣлесообразно. Самый фактъ, что указанное измѣненіе выдвигается проектомъ, посвященнымъ институту администраціи, съ наглядностью свидѣтельствуетъ о необходимости совмѣстнаго пересмотра мѣръ, предупреждающихъ открытіе несостоятельности, съ предполагаемыми измѣненіями въ самомъ конкурсномъ производствѣ — пересмотра осуществленія котораго русская хозяйственная жизнь тщетно требуетъ съ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

Д. М. Генкинъ.

---

[1]) Д. М. Генкинъ. Къ предстоящей реформѣ конкурснаго законодательства. «Юридическій Вѣстникъ», 1913 г., кн. I, стран. 169—188.

Digitized by Google

Общества чиновниковъ во Франціи.

Среди очередныхъ задачъ государственной жизни современной Франціи весьма большое мѣсто занимаетъ регламентація корпоративной дѣятельности агентовъ государства. Отчасти вслѣдствіе основной ошибки властей, не отнесшихся во-время достаточно внимательно къ основаніямъ этого движенія, отчасти по другимъ причинамъ, — оно приняло за послѣдніе годы крайне болѣзненный характеръ. Многіе отдѣльные факты этого процесса кажутся съ перваго взгляда весьма странными въ демократической странѣ, и могутъ быть объяснены лишь въ связи съ общимъ его ходомъ. — Настоящій очеркъ и имѣетъ цѣлью изобразить кратко важнѣйшія событія, право и практику по этому предмету, основныя направленія теоріи, законодательный проектъ и политическое положеніе этой задачи. Юридическое разсмотрѣніе предмета будетъ въ основѣ изложенія; но, въ виду весьма широкаго политическаго его значенія, освѣщеніе его, въ общихъ чертахъ, и съ этой точки зрѣнія необходимо.

Движеніе возникло во второй половинѣ прошлаго столѣтія, первоначально въ формѣ простыхъ кружковъ и союзовъ взаимопомощи. Начало было положено чиновниками дорожныхъ управленій и учителями низшихъ и среднихъ школъ. Отношеніе правительства къ нарождавшимся и объединявшимся кружкамъ долго не могло установиться; въ 80-хъ и 90-хъ годахъ колебанія въ этомъ отношеніи были особенно рѣзки. Однако, правительство не рѣшалось на особенно крутыя мѣры; движеніе расширялось. Въ началѣ новаго вѣка обнаружилась тенденція къ федеративному объединенію чиновниковъ различныхъ профессій и категорій. Къ 1905 году образовалась федерація союзовъ, считавшая около 215 тысячъ членовъ[1]). Эта организація ставитъ себѣ цѣлью — изучать условія службы и добиваться улучшенія ихъ въ широкомъ

[1]) Къ концу минувшаго 1912 года она считала 360.000 членовъ. — Общее число агентовъ государства во Франціи считается теперь, приблизительно, въ 800.000.

Digitized by Google

смыслѣ слова. Устраненіе «фаворитизма»[1]), регламентація условій служебной карьеры (автоматическія повышенія, гарантіи противъ произвольныхъ увольненій), увеличеніе жалованья, расширеніе пенсіонныхъ правъ — таковы ея задачи. На ряду съ этой организаціей стала развиваться, наиболѣе сильно въ 1905—1909 годахъ, пропаганда синдикалистскаго движенія. Эта пропаганда исходила изъ того же недовольства дѣятельностью правительственной машины, и въ частности, положеніемъ чиновниковъ. Борьба съ фаворитизмомъ и политиканствомъ также входила въ ближайшія цѣли этого движенія. Но оно объединяло свои интересы съ интересами рабочаго класса и, въ связи съ этимъ, примѣшивало къ профессіональнымъ задачамъ рѣзкія политическія тенденціи. Соотвѣтственно этому, мирная прежде тактика чиновничьяго движенія приняла угрожающія формы стачекъ. На ряду съ частыми и болѣе мелкими стачками низшихъ служащихъ отдѣльныхъ государственныхъ предпріятій, особенно крупными явленіями этого рода представляются: недѣльная стачка полицейскихъ чиновъ въ Ліонѣ въ маѣ 1905 года и двѣ стачки почтовыхъ служащихъ въ мартѣ и маѣ 1909 года.

Быстрый ростъ корпоративнаго движенія въ его различныхъ видахъ и, съ другой стороны, очевидная справедливость нѣкоторыхъ притязаній чиновниковъ заставили правительство и парламентскіе круги заняться внимательнымъ изученіемъ положенія и изысканіемъ способовъ мирнаго разрѣшенія вопросовъ о служебномъ правѣ и о правѣ объединенія. Было слишкомъ очевидно, что если и признавать стачку чиновниковъ незаконнымъ и противогосударственнымъ актомъ, то отвѣчать на это однимъ показаніемъ сильной власти въ видѣ массовыхъ увольненій — недостаточно. Въ результатѣ такого убѣжденія и явилось внесеніе въ палату въ 1909 году (министерствомъ Клемансо) проекта «Статута и права ассоціаціи чиновниковъ» (первая, болѣе краткая его редакція сдѣлана была въ 1907 г.). О первой части проекта, регулирующей собственно служебное право, въ частности о дисциплинарномъ правѣ и о важнѣйшей гарантіи, противъ произвольныхъ увольненій, — мы упоминали ранѣе въ другомъ мѣстѣ[2]). Здѣсь же,

---

[1]) Фаворитизмъ — зло, очень распространенное во французской администраціи до послѣднихъ лѣтъ, когда отдѣльныя вѣдомства начали принимать противъ него мѣры. Его опредѣляютъ какъ «подмѣну служебныхъ интересовъ, въ управленіи публичными службами, соображеніями политическими или иными» (главнымъ образомъ въ выборѣ персонала и движеніи его по службѣ). — Bonnard, Chronique administrative («Revue du Droit public», 1907, 481).

[2]) Пав. Алексѣевъ. Третій пунктъ («Вѣстникъ Права и Нотаріата», 1911 г., № 37—38).

Digitized by Google

пиже, мы будемъ касаться только второй части проекта, регулирующей право ассоціаціи чиновниковъ. Но предварительно ознакомимся кратко съ настоящимъ положеніемъ дѣла, съ дѣйствующимъ законодательствомъ (въ связи съ основнымъ споромъ о формѣ объединеній) и съ практикой (въ связи съ закончившимся недавно конфликтомъ властей съ союзомъ учителей[1]).

II.

Дѣйствующее французское право объ обществахъ и союзахъ (кромѣ обществъ взаимопомощи) заключается въ двухъ законахъ: 1884 года (21 марта) о профессіональныхъ обществахъ (синдикатахъ) и 1901 года (1 іюля) объ ассоціаціяхъ. Всякое общество (ассоціація), ставящее себѣ цѣли иныя, нежели пріобрѣтеніе и раздѣлъ выгодъ, можетъ образоваться, по закону 1901 года, безъ всякаго предварительнаго заявленія[2]); путемъ заявленія властямъ о своемъ существованіи оно пріобрѣтаетъ права юридическаго лица съ немногими ограниченіями. Законъ о профессіональныхъ обществахъ 1884 года примѣняется къ объединеніямъ, имѣющимъ цѣлью изученіе и защиту интересовъ экономическихъ, промышленныхъ, коммерческихъ и сельскохозяйственныхъ (ст. 3). Профессіональное общество должно быть обязательно заявлено. Оно имѣетъ меньшія, чѣмъ ассоціаціи, права по владѣнію имуществами; союзъ профессіональныхъ обществъ не имѣетъ, какъ союзъ ассоціацій, правъ юридическаго лица. Нѣкоторыя другія, менѣе значительныя права, данныя ассоціаціямъ, отсутствуютъ у профессіональныхъ обществъ. Кромѣ всего сказаннаго, профессіональное общество ограничено въ сферѣ дѣлъ, могущихъ быть предметами его сужденій (указанная выше ст. 3), тогда какъ ассоціація въ этомъ отношеніи вполнѣ свободна.

Ни тотъ ни другой изъ затронутыхъ законовъ ни словомъ не упоминаетъ о чиновникахъ, агентахъ или служащихъ государства. Это обстоятельство и служитъ источникомъ глубокихъ разногласій и на практикѣ, и въ научной средѣ, и въ мірѣ политическихъ дѣятелей.

Часть объединеній чиновниковъ образовалась въ формѣ обществъ взаимопомощи; часть составилась согласно закону 1901 года, воспользовавшись установленной формой заявленія для пріобрѣтенія

---

[1]) Подробное изложеніе исторіи корпоративнаго движенія чиновниковъ, до 1911 года, въ живой и безпристрастной формѣ — у Georges-Cahen, Les Fonctionnaires, leur action corporative (1911).

[2]) Кромѣ религіозныхъ конгрегацій, подчиняющихся разрѣшительному режиму (ст. 13 и слѣд. закона 1901 г.).

Digitized by Google

правъ юридическаго лица. Правительство и судебные органы не видѣли въ такомъ образѣ дѣйствій ничего предосудительнаго. Въ концѣ 1908 года Государственный совѣтъ (высшая инстанція административной юстиціи) имѣлъ случай высказаться по вопросу о допустимости объединеній чиновниковъ. Принявъ и обсудивъ по существу жалобу, поданную отъ имени «профессіональной ассоціаціи гражданскихъ чиновниковъ центральнаго управленія министерства колоній», — высшій административный судъ тѣмъ самымъ косвенно призналъ законность существованія общества чиновниковъ[1]). Апелляціонная палата Парижа, въ началѣ 1911 года, приняла и разбирала по существу дѣло по обвиненію со стороны ассоціаціи учителей одного департамента и «федераціи» обществъ учителей Франціи и колоній. Въ самомъ рѣшеніи палаты указывается прямо, что ассоціація законна, такъ какъ ст. 1 закона 1901 года представляетъ собою текстъ общій и не указывающій никакихъ исключеній; и что союзъ (федерація) такихъ обществъ также законенъ, такъ какъ опирается на декретъ[2]): члены этихъ объединеній — говоритъ судъ — пользуются, такимъ образомъ, правомъ, предоставленнымъ всѣмъ гражданамъ безъ исключенія[3]).

Итакъ, практика признаетъ за ассоціаціями чиновниковъ (и ихъ союзами между собою) право на существованіе. Добавимъ къ этому, что многія ассоціаціи были признаны правительствомъ «общественно-полезными», что сообщаетъ такимъ организаціямъ, по закону 1901 года, расширенную правоспособность[4]).

Иное отношеніе вызвали къ себѣ синдикаты чиновниковъ: со стороны судебной практики по причинамъ юридическимъ и со стороны правительства и большой части политическихъ дѣятелей — по причинамъ политическимъ.

По вопросу о томъ, почему часть организацій чиновниковъ предпочла форму и названіе профессіональнаго синдиката, а не

---

[1]) Рѣшеніе 11 декабря 1908 г. («Revue du Droit public», 1909, 61). — По существу дѣло шло о назначеніи на службу лица, не имѣвшаго установленныхъ данныхъ; ассоціація обжаловала актъ назначенія, какъ затрогивающій ея профессіональные интересы.

[2]) Декретъ 16 августа 1901 г., изданный въ примѣненіе закона 1 іюля 1901 г., приравниваетъ (въ ст. 7 и 10) союзы (unions) ассоціацій къ ассоціаціямъ. Самый законъ 1-го іюля союзовъ не предусматривалъ. Допустимость ихъ выводятъ изъ приготовительныхъ парламентскихъ работъ по изданію закона 1901 года и изъ сопоставленія ст. 6 закона со ст. 11.

[3]) Рѣшеніе 4 января 1911 г. («Revue du Dr. publ.», 1911, 293). — «Братская ассоціація учителей и учительницъ публичныхъ свѣтскихъ (начальныхъ) школъ департамента Марны» и «Федерація дружескихъ о-въ учительницъ и учителей (такихъ же) школъ Франціи и колоній» обвиняли кардинала Люсона въ опубликованіи письма, въ которомъ онъ заявлялъ, что свѣтскіе учителя дурно вліяютъ на нравственность учениковъ.

[4]) Законъ 1 іюля 1901 г., ст.10: ассоціаціи, признанныя «d'utilité publique», получаютъ право принимать имущества пожертвованныя и завѣщанныя.

Digitized by Google

ассоціаціи, приходится дать объясненіе фактическое, а не юридическое. Мы видѣли выше, что права ассоціацій и синдикатовъ различаются немногими чертами; и, если ихъ сравнивать, то болѣе широкими правами обладаютъ скорѣе ассоціаціи (законъ 1901 г.), чѣмъ синдикаты. Причина въ томъ, что, принимая названіе синдиката, такія организаціи заявляли себя сторонниками и участниками рабочаго движенія, усвоивая его тактику и примыкая къ учрежденіямъ, руководящимъ этимъ движеніемъ: къ «Биржамъ труда» и къ «C. G. T.» («Всеобщей конфедераціи труда»). Съ другой стороны, примыкая къ синдикальному движенію, организаціи чиновниковъ задавались болѣе отдаленными цѣлями общей соціально политической реформы: передача государственныхъ функцій въ руки свободныхъ синдикатовъ — таковъ идеалъ «государства будущаго», такова, въ основѣ, синдикалистская программа[1]). Организаціи учителей начальныхъ школъ шли во главѣ движенія, нѣкоторыя — переименовываясь изъ прежнихъ «дружескихъ обществъ», нѣкоторыя — создаваясь вновь. Число примыкавшихъ само по себѣ не было особенно велико по отношенію ко всему числу чиновниковъ данной категоріи[2]). Но ростъ и формы движенія намекали на серіозную опасность для государства; и въ ноябрѣ 1905 года, послѣ образованія синдиката Сены — въ самомъ центрѣ страны, — по инструкціямъ высшаго правительства возбуждено было судебное преслѣдованіе противъ 35 членовъ совѣта этого синдиката. Это вызвало рядъ запросовъ въ палатѣ; въ заключеніе обсужденія этихъ запросовъ, правительство (Рувье) получило весьма слабое большинство за свою точку зрѣнія. Преслѣдованіе было пріостановлено, — уже въ судебномъ засѣданіи[3]). — Между 1905 и 1909 годами синдикальное движеніе разрасталось, воспользовавшись кажущимся благопріятнымъ для себя положеніемъ[4]). Въ мартѣ

---

[1]) Идейнымъ выразителемъ этой программы является, напр., Leroy, въ своей книгѣ, получившей широкую извѣстность: Les transformations de la puissance publique (есть русскій переводъ). Ср. заявленіе учительскаго союза, опубликованное въ ноябрѣ 1905 г.— у Vincent, Les instituteurs et la démocratie (1912); «Открытое письмо г-ну Клемансо» — Cahen, op. c. 140.

[2]) Въ настоящее время оно не достигаетъ 6000 чел. изъ числа 125.000 начальныхъ учителей Франціи (свѣдѣнія августа 1912 г.). Въ 1905 году было 16 синдикатовъ; въ 1911—26; въ 1912—80. (Изъ рѣчи министра народнаго просвѣщенія въ палатѣ депутатовъ 7 декабря 1912 г.)

[3]) «Изъ уваженія (par déférence) къ парламенту», какъ сказалъ прокуроръ въ засѣданіи, прося судъ отложить дѣло. Дѣло было отложено на неопредѣленный срокъ.— Причина такого нарушенія принципа раздѣленія властей въ томъ, что вскорѣ предполагалось обсужденіе проекта объ обществахъ чиновниковъ.

[4]) Наиболѣе выдающіяся событія за это время произошли въ мартѣ 1907 года. Послѣ внесенія проекта «статута» въ первой редакціи, вызвавшей неодобреніе части обществъ чиновниковъ («Шедевръ демократическаго лицемѣрія.» — Vincent, op. c., 63), «Комитетъ для защиты синдикальнаго

Digitized by Google

1909 года произошла упомянутая выше почтовая стачка. Съ этого времени власти перешли къ политикѣ рѣшительной борьбы. Судебное воздѣйствіе противъ синдиката было осуществлено полностью, хотя и въ мягкой мѣрѣ[1]). Что касается юридическаго обоснованія приговора, то слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что оно было взято не изъ уголовнаго закона. Французскій уголовный кодексъ содержитъ, правда, статьи, предусматривающія коллективныя преступленія чиновниковъ, но эти статьи не могутъ быть примѣнимы, по самому своему тексту, ни къ синдикату, ни къ стачкѣ[2]). Въ самомъ законѣ 1884 года о синдикатахъ (ст. 9) указаны кары противъ незаконно составившихся синдикатовъ: за всякое нарушеніе этого закона руководители ихъ могутъ быть наказаны штрафомъ отъ 16 до 200 франковъ; постановленіемъ суда и синдикатъ можетъ быть закрытъ. Итакъ, незаконное образованіе синдиката — дѣяніе наказуемое. Весь вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ, законно ли образованіе синдиката чиновниковъ. Судъ (9-я камера исправительнаго трибунала Сены, 29 іюля 1909 г.) [3]) основывался на текстѣ закона 1884 года: дѣйствительно, ст. 3-я, упомянутая ранѣе, говоритъ, что профессіональные синдикаты «имѣютъ исключительною цѣлью изученіе и защиту интересовъ экономическихъ, промышленныхъ, коммерческихъ и сельскохозяйственныхъ»; ст. 6-я говоритъ о правѣ син-

---

права» опубликовалъ упомянутое «Открытое письмо г-ну Клемансо» (министру-президенту); это письмо явилось провозглашеніемъ цѣлой программы: въ немъ содержались заявленія и о правахъ «административнаго пролетаріата» на самозащиту, и о воспитаніи юношества, и о соціальной организаціи, — и рѣзкія нападки на государство въ цѣломъ. «Это было настоящимъ объявленіемъ войны» (Cahen, op. c., 140). Было возбуждено дисциплинарное преслѣдованіе противъ подписавшихъ. Тѣмъ временемъ конгрессъ учительскихъ синдикатовъ, происходившій въ Нантѣ (28—30 марта 1907 г.), вотировалъ, какъ говорятъ, единогласно, присоединеніе этихъ синдикатовъ ко «Всеобщей конфедераціи труда», — какъ бы желая подчеркнуть ихъ непримиримую позицію.

[1]) Въ парламентѣ группа депутатовъ требовала отъ правительства и въ этомъ случаѣ пріостановки преслѣдованія. Правительство отвѣтило отказомъ, опираясь на принципъ раздѣленія властей, и вотумъ палаты съ нимъ согласился.

[2]) Ст. 123—126 (Sect. III: Coalition des Fonctionnaires). Ст. 123-я предусматриваетъ согласованныя дѣйствія, противныя законамъ, со стороны чиновниковъ — носителей власти. — Закона противъ стачки вообще не существуетъ; ясно, что стачечники — почтовые чиновники сюда не подходятъ. Ст. 124-я упоминаетъ весьма туманно о дѣйствіяхъ «противъ исполненія законовъ или приказовъ правительства». Ст. 125-я — «комплотъ противъ внутренней государственной безопасности». Только ст. 126-я кажется, съ перваго взгляда, примѣнимой. Она говоритъ о коллективномъ соглашеніи подать въ отставку. Но очевидно, что стачка и коллективная отставка — весьма различныя дѣйствія. Противъ синдиката какъ такового нельзя также противопоставить ни одной изъ указанныхъ статей. Онѣ и не примѣняются на практикѣ, хотя во время изданія кодекса (1810 г.) имѣли свое основаніе.

[3]) Приговоръ приведенъ полностью, напр., въ «Revue du Dr. publ.», 1909, 510.

Digitized by Google

дикатовъ «предпринимателей или рабочихъ» выступать въ судѣ. Затѣмъ, приготовительныя работы по изданію закона 1884 года имѣли въ виду только отношенія и объединенія частныхъ предпринимателей и рабочихъ частной промышленности. По этимъ мотивамъ судъ призналъ образованіе синдиката почтовыхъ служащихъ противозаконнымъ, постановилъ закрыть синдикатъ и присудилъ каждаго изъ 16 обвиняемыхъ (членовъ совѣта) къ штрафу въ 16 франковъ, т.-е. къ минимуму взысканія, означеннаго въ указанной ст. 9-й закона 1884 года. — Осужденные подали жалобу; дѣло дошло впослѣдствіи до кассаціоннаго суда, который подтвердилъ постановленный приговоръ[1]).

Эта репрессія, слѣдуетъ замѣтить, относилась только къ почтовому синдикату, и хотя высшая инстанція установила принципъ недопустимости синдикатовъ чиновниковъ, новыхъ преслѣдованій ие было до самаго послѣдняго времени, до осени 1912 года.

На этотъ разъ преслѣдованіе было вызвано тѣмъ, что конгрессъ учительскихъ организацій Франціи, собравшійся въ августѣ 1912 года въ Шамбери, принялъ нѣкоторыя компрометирующія его постановленія: во-первыхъ, о желаніи примкнуть къ «всеобщей конфедераціи труда» и, во-вторыхъ, о своемъ присоединеніи къ дѣятельности одной организаціи, не безъ основаній заподозрѣнной въ антимилитаризмѣ[2]). Вслѣдствіе принятія такихъ постановленій, члены конгресса, подписавшіе ихъ публикацію (въ числѣ 435), подверглись дисциплинарной карѣ — выговору; синдикаты учителей получили отъ министра народнаго просвѣщенія предложеніе закрыться въ срокъ до 10-го сентября. Большинство не подчинилось. Первое преслѣдованіе было начато про-

---

[1]) Изъ мотивовъ рѣшенія его (28 октября 1910 г.): «Законъ (1884 г.) не примѣнимъ къ агентамъ почтъ, телеграфовъ и телефоновъ, которые не могутъ считаться состоящими на службѣ у предпринимателя (patron), и которыхъ подчиненное отношеніе къ государству не можетъ быть уподоблено отношеніямъ, существующимъ между предпринимателями и рабочими, свободными въ совмѣстномъ обсужденіи интересовъ тѣхъ и другихъ, касающихся капитала и труда»...— Слѣдуетъ отмѣтить, что, хотя дѣло имѣло своимъ ближайшимъ поводомъ стачку,— однако въ судѣ вопросъ о стачкѣ не ставился вовсе, и не могъ быть поставленъ (см. приведенныя выше, въ примѣч., статьи угол. кодекса). — Спеціальнаго закона, карающаго за стачку чиновниковъ, нѣтъ. Вопросъ этотъ ставился по тому же поводу (почтовой стачки) въ Государственномъ совѣтѣ; совѣтъ нашелъ (разсматривая дѣло забастовавшихъ и уволенныхъ служащихъ), что стачка прекращаетъ публично-правовой контрактъ между служащимъ и государствомъ, и освобождаетъ послѣднее, такимъ образомъ, отъ всякихъ по отношенію къ нему обязательствъ (Рѣшеніе 7 августа 1909). Это положеніе спорно.. Противъ него, напр., проф. Jèze («Revue du Dr. publ.», 1909, 494); за — проф. Esmein, Elémentsde dr. conts. (5 изд.), 1119: «C'est l'application des véritables principes»...

[2]) Члены этой послѣдней организаціи были незадолго передъ тѣмъ осуждены уголовнымъ судомъ. О дѣятельности ея см. дебаты въ палатѣ депутатовъ 29 ноября 1912 г.

Digitized by Google

тивъ синдиката Сены, дѣло о которомъ было пріостановлено въ 1905 году при обстоятельствахъ, кратко отмѣченныхъ нами выше. Обвиненіе было предъявлено на основаніи того же закона 1884 года. Въ засѣданіи исправительнаго трибунала (22 октября 1912 г.) представитель прокуратуры, по вопросу о значеніи пріостановки дѣла въ 1905 году, развилъ ту идею, что между властями и синдикатомъ былъ заключенъ въ 1905 году своего рода договоръ: власти отказывались отъ преслѣдованій синдикатовъ, ожидая рѣшенія парламента по законопроекту о правѣ ассоціацій; члены же синдиката тѣмъ самымъ обязаны были воздержаться отъ рѣзкихъ выступленій. Кромѣ того, образовывая синдикатъ въ 1905 году, члены его могли быть «bona fide» по вопросу о его законности; съ тѣхъ поръ, однако, установившаяся практика рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно[1]); синдикатъ незаконенъ. — Судъ, отклонивъ возраженіе защиты о неподсудности[2]) (въ отвѣтъ на что подсудимые покинули залу), постановилъ обвинительный приговоръ, основанный на томъ, что законъ 1884 года не примѣнимъ къ чиновникамъ, что допущеніе въ теченіе ряда лѣтъ существованія этой организаціи не отнимаетъ у прокуратуры права преслѣдованія. Мѣра наказанія на этотъ разъ была принята нѣсколько бо́льшая, чѣмъ въ процессѣ 1909 года: именно, съ закрытіемъ синдиката, штрафъ въ 50 франковъ съ каждаго изъ 25 обвиняемыхъ. Защита подала апелляціонную жалобу, которая донынѣ еще не разсмотрѣна; можно съ увѣренностью предвидѣть ея исходъ.

Дѣло не осталось единичнымъ. Противъ нѣсколькихъ провинціальныхъ синдикатовъ возбуждено аналогичное преслѣдованіе, въ нѣсколькихъ мѣстахъ уже закончившееся, съ тѣмъ же результатомъ[3]).

---

[1]) Начало этой практикѣ было положено еще въ 1885 году: кассаціонный судъ (рѣш. 29 іюня 1885 г.) постановилъ закрыть синдикатъ врачей, говоря, что «законъ 1884 года ограничиваетъ право образовывать синдикатъ тѣми лицами, которыя въ качествѣ предпринимателей (patrons) или рабочихъ (ouvriers ou salariés) принадлежатъ къ промышленности, земледѣлію или торговлѣ, съ исключеніемъ всѣхъ иныхъ лицъ и всѣхъ иныхъ профессій».— Впослѣдствіи, ст. 13-я закона 30 ноября 1892 г. (о медицинской профессіи) дала право лицамъ этой профессіи соединяться въ синдикаты по закону 1884 года — съ своеобразной оговоркой: «Для защиты ихъ профессіональныхъ интересовъ противъ всѣхъ лицъ кромѣ государства, департаментовъ и коммунъ». Статья эта принята была палатой лишь при второмъ чтеніи (Barthou, «Revue de Paris», 1906, mars).

[2]) Это возраженіе было основано на указанной выше (въ примѣч.) ст. 124-й угол. кодекса: наказаніе по ней постановляется уголовнымъ, а не «исправительнымъ» судомъ. Возраженіе было неосновательно и клонилось къ пріостановкѣ дѣла, чтобы (какъ говорилъ одинъ изъ защитниковъ) добиться вотума парламента, «единственнаго судьи» въ этомъ дѣлѣ.

[3]) Напр. въ Марсели (приговоръ 4 декабря 1912 г.), въ Ліонѣ (18 декабря 1912 г.).— Въ Марсели, послѣ закрытія судомъ синдиката учителей, образовался новый; прокуратура начала уже новое преслѣдованіе.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, настоящее положеніе практики представляется въ слѣдующемъ видѣ:

При молчаніи законовъ, — ассоціаціи чиновниковъ признаются легальными; — синдикаты ихъ сами по себѣ и, тѣмъ болѣе, присоединеніе ихъ къ рабочимъ организаціямъ, караются роспускомъ и штрафами въ порядкѣ уголовномъ. — Прибавимъ, что стачка чиновниковъ, главная политическая причина преслѣдованія синдикатовъ, разсматривается административною юстиціей какъ основаніе къ прекращенію всякихъ служебныхъ отношеній, т.-е. къ увольненію[1]).

Въ юридической литературѣ по вопросу объ обществахъ чиновниковъ можно различить три основныхъ направленія: одно, относящееся отрицательно ко всякой среди нихъ организаціи; другое, вдающееся въ противоположную крайность и принимающее синдикальную форму; наконецъ, среднее, близкое къ взглядамъ правительства и большинства палаты[2]).

Представителемъ перваго воззрѣнія является проф. Бертелеми[3]). Его взгляды по этому предмету стоятъ въ связи съ его теоріей государственной службы. Всѣ агенты государства дѣлятся имъ на двѣ категоріи: на чиновниковъ «власти» (d'autorité) и «хозяйственныхъ» (de gestion). Это раздѣленіе проводится имъ для всѣхъ служебныхъ отношеній къ государству[4]). Для рѣшенія же вопроса объ обществахъ авторъ подраздѣляетъ вторую категорію на агентовъ, дѣятельность которыхъ подобна дѣятельности таковыхъ въ частныхъ предпріятіяхъ[5]), и агентовъ, дѣятельность которыхъ отъ нихъ отличается. Послѣдніе вмѣстѣ съ чиновниками власти лишены права организовываться въ синдикаты, такъ какъ

---

[1]) Разумѣется, начальству предоставляется здѣсь инициатива; и, съ одной стороны, увольненіе всѣхъ стачечниковъ на практикѣ не проводится (оно и невозможно); и, съ другой, всегда возможно принятіе уволенныхъ вновь на службу. Послѣ почтовыхъ стачекъ 1909 года было уволено 800 человѣкъ. Въ концѣ года большинство было постепенно вновь принято на службу.

[2]) Мы не упоминаемъ о Сенатѣ: онъ не имѣлъ еще случая обсуждать широко этотъ предметъ; и неизвѣстно еще, какія измѣненія можетъ онъ внести въ свое время въ проектъ «статута».

[3]) Berthélemy, Traité élémentaire de droit administratif (7-e éd. 1913), 51, s.

[4]) Природа акта назначенія (для первыхъ — односторонній актъ, для вторыхъ — контрактъ гражданскаго права); особенная уголовная охрана (только для первыхъ); примѣненіе рабочихъ законовъ (только для вторыхъ); право увольненія, и т. д.

[5]) Промышленныхъ, торговыхъ или сельскохозяйственныхъ (согласно закону 1884 г., указанному выше, ст. 3).

Digitized by Google

не подходятъ подъ примѣненіе закона 1884 года. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они лишены также и права ассоціаціи: законъ 1884 года на нихъ не распространялся, и законъ 1901 года не призналъ за ними прямо этого права; ст. 21-я послѣдняго закона оставляетъ въ силѣ всѣ предшествовавшія положенія о профессіональныхъ синдикатахъ (и др. спеціальныхъ объединеніяхъ); всякое же общество для защиты профессіональныхъ интересовъ есть синдикатъ и подходитъ подъ дѣйствіе закона 1884 года; слѣдовательно, такое общество чиновниковъ незаконно. Правомъ ассоціаціи и синдиката обладаютъ, такимъ образомъ, только тѣ изъ государственныхъ агентовъ, дѣятельность которыхъ подобна дѣятельности частныхъ служащихъ и притомъ подходитъ подъ дѣйствіе ст. 3-й закона 1884 года[1]). — Таковъ взглядъ Бертелеми съ точки зрѣнія дѣйствующаго права. Что же касается того же предметъ съ точки зрѣнія принципіальной и «de lege ferenda», то онъ считаетъ всякія организаціи чиновниковъ всѣхъ категорій безусловно нежелательными. Онъ ставитъ синдикаты въ непремѣнную связь со стачкой[2]); и, находя неосуществимыми запрещенія и санкціи противъ стачекъ, единственнымъ противъ нихъ средствомъ считаетъ полное запрещеніе всякой организаціи[3]).

Близко къ изложенному мнѣніе проф. Ларнода — хотя и расходящагося съ Бертелеми кореннымъ образомъ въ исходныхъ пунктахъ[4]). Именно, онъ отрицаетъ даваемое Бертелеми раздѣленіе чиновниковъ. Съ точки зрѣнія дѣйствующаго французскаго права онъ считаетъ всѣ синдикаты всѣхъ чиновниковъ незаконными, основываясь на ст. 3-й закона 1901 года, говорящей о недозволенныхъ цѣляхъ. Въ синдикатахъ онъ видитъ цѣль давленія на власти, — цѣль, противную общественному порядку[5]). Дозволенными онъ считаетъ лишь тѣ организаціи, которыя не касаются служебныхъ отношеній ихъ членовъ къ государству — напримѣръ

[1]) См. предыдущее примѣчаніе.

[2]) «Синдикатъ безъ стачки — какая утопія, какая наивность».

[3]) «Revue Pénitentiaire», 1906, 828.— Бертелеми считаетъ также желательнымъ запрещеніе синдикатовъ и стачекъ во всѣхъ монополизованныхъ предпріятіяхъ (хотя бы частныхъ), напр. желѣзныхъ дорогахъ, признавая ихъ допустимыми, такимъ образомъ, только въ предпріятіяхъ, подверженныхъ режиму конкуренціи. — Ср. его статью въ «Revue de Paris», 1906, fév.

[4]) Larnaude въ «Revue Pénitentiaire», 1906, 831, s.

[5]) Указанная ст. 3-я закона 1901 года объявляетъ ничтожными «ассоціаціи, основанныя съ цѣлью, противной законамъ»... Ст. 1-я того же закона говоритъ, что относительно ихъ дѣйствительности ассоціаціи подчинены общимъ правиламъ объ обязательствахъ и договорахъ — т.-е. гражданскому кодексу. Ст. 6-я гражд. кодекса объявляетъ недѣйствительными соглашенія, противныя общественному порядку. — Изъ этого проф. Ларнодъ выводитъ, что синдикаты чиновниковъ прямо противорѣчатъ закону, такъ какъ давленіе на власти противно общественному порядку (ordre public — ст. 6 гражд. кодекса).

Digitized by Google

имѣющія цѣлью обсужденіе вопросовъ образованія, общества взаимопомощи и т. п. Сказанное относится одинаково къ ассоціаціямъ и синдикатамъ: «Ассоціація и синдикатъ — синонимы, какъ только дѣло идетъ о цѣли, противной законамъ».

Проф. Эсменъ — одинъ изъ крупнѣйшихъ авторитетовъ въ области публичнаго права во Франціи — примыкаетъ къ тому же воззрѣнію. Всякое общество государственныхъ агентовъ для защиты ихъ профессіональныхъ интересовъ противно общественному порядку, и достаточно одного закона 1901 года, чтобы признать ихъ нелегальными. Съ точки зрѣнія политической онъ считаетъ нежелательнымъ предоставленіе имъ права ассоціаціи; подобныя общества будутъ ненужны, какъ только пройдетъ «статутъ» о службѣ, достаточно охраняющій интересы чиновниковъ (въ связи съ широкой политической свободой и свободой прессы, въ частности, во Франціи). Они вредны и опасны, создавая какъ бы новую власть лицомъ къ лицу съ властью государства [1]).

Діаметрально противоположно воззрѣніе синдикалистовъ, о которомъ ранѣе было мимоходомъ упомянуто.

Синдикализмъ стремится къ «государству будущаго», — такому порядку, въ которомъ вовсе должна отсутствовать государственная власть, господствующая и принуждающая; въ которомъ правительственная организація должна замѣниться свободнымъ соединеніемъ автономныхъ синдикатовъ различныхъ профессій, законъ — системой договоровъ между ними [2]). Рабочее движеніе въ синдикальной формѣ представляется сторонникамъ такого взгляда стремленіемъ къ государству будущаго въ указанномъ видѣ. Естественно, что, относясь отрицательно къ самому существу современнаго государства, они видятъ и въ синдикальномъ движеніи чиновниковъ средство къ его постепенному уничтоженію, и слѣдовательно, къ достиженію лучшаго будущаго [3]). Все же, въ большинствѣ, они мирятся съ необходимостью, для дѣятельности своей въ настоящихъ условіяхъ, считаться съ существующимъ законодательствомъ. Единственно пріемлемымъ они признаютъ, какъ уже сказано, законъ 1884 года, рѣшительно отвергая всякій проектъ особаго закона для чиновниковъ. — Что касается способовъ дѣйствій, то стачка признается нормальнымъ средствомъ для всякаго

[1]) Esmein, Eléments de droit constitutionnel (5-e éd. 1909), 634—638, 1034, 1119—1122.

[2]) «Fédéralisme autarchique» (Leroy, Les transformations de la puissance publique, 1907, 277).

[3]) Кромѣ того, въ ближайшемъ стремленіи своемъ къ автономному управленію публичными службами, чиновники опираются (по этому воззрѣнію) на свою компетентность въ спеціальныхъ областяхъ дѣятельности (см. напр., упомянутое заявленіе учительскаго союза (1905 г.).

Digitized by Google

синдиката, въ томъ числѣ, слѣдовательно, и для синдиката чиновниковъ. Принимая теоретическое раздѣленіе Бертелеми (указанное выше) на чиновниковъ власти и «хозяйственныхъ», колеблются, правда, признать (съ точки зрѣнія современнаго положенія) за первыми право стачки. За всѣми же остальными агентами государства это право признается и съ точки зрѣнія положительнаго (французскаго) права, и съ точки зрѣнія политико-соціальной [1]).

Синдикалистское воззрѣніе находитъ себѣ приверженцевъ (по крайней мѣрѣ, отчасти) въ послѣднее время и въ средѣ юристовъ-ученыхъ. Интересно отмѣтить эволюцію взглядовъ на этотъ предметъ одного изъ извѣстнѣйшихъ французскихъ публицистовъ, проф. Дюги. Въ 1907 году въ своемъ «Руководствѣ» конституціоннаго права онъ рѣшительно отрицалъ право синдиката за чиновниками (т.-е. агентами государственныхъ публичныхъ службъ) [2]) по дѣйствующему праву, и кромѣ того, рѣшительно высказывался противъ предоставленія имъ такой возможности въ будущемъ [3]). Черезъ годъ, въ небольшой (но очень содержательной) книжкѣ о «Соціальномъ и индивидуальномъ правѣ», онъ высказалъ обратный взглядъ съ точки зрѣнія политической, смягчая его, однако, совѣтами чиновникамъ не примыкать къ революціонной дѣятельности «конфедераціи труда» и воздерживаться отъ стачекъ. Вообще же, по его мнѣнію, синдикальное движеніе чиновниковъ, сдерживаемое въ такихъ предѣлахъ, послужитъ въ близкомъ будущемъ къ «децентрализаціи» публичныхъ службъ, т.-е. къ автономности ихъ организаціи, — что приближается къ идеямъ, выраженнымъ Леруа (см. выше, примѣч.) [4]). Тѣ же мысли воспроизведены Дюги въ его обширномъ «Трактатѣ конституціоннаго права».

---

[1]) Leroy, Les transformations... (op. c.), .277; Leroy, Le droit des onctionnaires (1906), 62—74. — «Стачка публичныхъ службъ вызвала бы значительное потрясеніе въ государствѣ, но, спрашивается, было ли бы оно болѣе сильнымъ, чѣмъ, напр., стачка булочниковъ, мясниковъ, желѣзнодорожниковъ? Развѣ менѣе опасно быть лишенными хлѣба и мяса, чѣмъ іерархической дѣятельности государства?...»

[2]) «Service public» (по Дюги) — отрасль дѣятельности государства, признаваемая въ данную эпоху для него обязательною.

[3]) «И мы думаемъ, что законъ, который предоставилъ бы имъ подобное право, былъ бы закономъ несчастнымъ» (— une loi néfaste — злосчастнымъ, ужаснымъ) — Duguit, Droit constitutionnel (1907), 420, 425 (§ 63—64; есть русскій переводъ).

[4]) Duguit, Le droit social, le droit individuel et les transformations de l'Etat (1908; есть русскій переводъ), особ. 20—39; 131—136.— Въ этой книжкѣ авторъ развиваетъ преимущественно свой взглядъ на кризисъ современнаго государства, какъ постепенное исчезновеніе изъ него идей властвованія, всякихъ субъективныхъ правъ и т. д. — Общія идеи ея близки и въ этихъ предметахъ къ темѣ цитированной книги Леруа.

Digitized by Google

Что касается ассоціацій, авторъ признаетъ ихъ вполнѣ допустимыми по закону 1 іюля 1901 года[1]).

Синдикалистская программа считается нѣкоторыми, не безъ основанія, возвращеніемъ къ средневѣковымъ порядкамъ. Въ средніе вѣка власть была въ рукахъ наиболѣе сильныхъ; общественные интересы эксплуатировались отдѣльными группами; чтобы предохранить себя хотя бы отчасти отъ этихъ злоупотребленій, болѣе слабые вступали въ договоры между собою; не было государствъ въ собственномъ смыслѣ слова; было множество федерализованныхъ группъ. Все связано въ подобномъ порядкѣ одно съ другимъ; и неизбѣжный результатъ его — анархія и войны, запечатлѣвшія всю средневѣковую эпоху. — Но не входитъ ли все это, прямо или косвенно, въ задачи синдикализма, и не долженъ ли такой порядокъ произвести подобные же плачевные результаты? «Чего недоставало постоянно средневѣковью, это — мира», пишетъ депутатъ Лефасъ: и таковъ былъ бы «золотой вѣкъ», который долженъ былъ бы быть созданъ договорнымъ строеніемъ общества, согласно синдикалистскимъ вѣрованіямъ[2])!»

Между двумя изложенными крайними взглядами — «авторитарнымъ» и синдикалистскимъ — стоитъ среднее воззрѣніе, примыкающее къ взглядамъ большинства парламента и установившееся у нѣсколькихъ послѣднихъ министерствъ, смѣнившихъ другъ друга — начиная съ кабинета Клемансо (внесшаго въ 1909 году проектъ «статута») и кончая только что сформированнымъ новымъ кабинетомъ Бріана (январь 1913 г.)[3]). Нѣкоторые сторонники этого взгляда находятъ законъ 1901 года объ ассоціаціяхъ, при настоящемъ положеніи законодательства, примѣнимымъ къ чиновникамъ[4]). Почти всѣ они сходятся на признаніи необходимости новой законодательной регламентаціи предмета, въ томъ, главнымъ образомъ, смыслѣ, чтобы запретить опредѣленно стачку чиновниковъ и не допустить присоединенія ихъ организацій къ организаціямъ

---

[1]) Duguit, Traite de droit constitutionnel (1911), I, 522—535.— Того же направленія по данному предмету цитированная книжка Vincent, Les instituteurs et la démocratie (1912). Здѣсь своеобразно сочетаются синдикализмъ, федерализмъ... и роялизмъ.

[2]) Lefas, Le syndicalisme dans les fonctions publiques et le retour au moyen-âge. («Revue Politique et Parlementaire», 1912, déc.).

[3]) См. его декларацію 24 (11) января 1913 года.

[4]) Таково мнѣніе, напр., проф. Жеза (Jèze, Note, «Revue du Dr. public», 1909, 70): законъ 1901 года не говоритъ о цѣляхъ ассоціацій, поэтому онъ является закономъ общаго характера. Таковъ же взглядъ Барту (нынѣшняго министра юстиціи въ кабинетѣ Бріана), признающаго законъ 1884 года о синдикатахъ закономъ, устанавливающимъ исключеніе, въ противоположность закону 1901 года, устанавливающему общее правило (Barthou, op. c., «Revue de Paris» 1906, mars).

Digitized by Google

рабочихъ и вообще частныхъ лицъ, не находящихся на службѣ государства. Самое право ассоціаціи признается сторонниками этого взгляда законнымъ правомъ гражданина, и лишать чиновниковъ этого права нѣтъ основаній (деп. Лефасъ, ор. с.) [1]).

Указанное среднее воззрѣніе и проведено въ проектѣ «статута».

Молчаніе закона, колебанія практики, коренныя разногласія въ теоріи — все это достаточно убѣждаетъ, на нашъ взглядъ, въ необходимости законодательныхъ постановленій о правѣ ассоціаціи чиновниковъ.

Проектъ «статута», во второй своей части, регулируетъ это право приблизительно по образцу закона 1901 года. Важнѣйшее отличіе отъ него состоитъ въ обязанности заявленія о составившемся обществѣ. Затѣмъ, каждое общество можетъ быть составлено только изъ лицъ, принадлежащихъ къ одной отрасли управленія (публичной службы) или занимающихъ равныя (подобныя) должности хотя бы въ разныхъ отрасляхъ администраціи [2]). Запрещаются соединенія въ общества чиновниковъ и частныхъ лицъ: объяснительная записка мотивируетъ это тѣмъ, что подобныя объединенія неизбѣжно заключали бы въ себѣ политическія стремленія и создавали бы силу, «соперничающую съ государствомъ». — Преимущество проекта предъ закономъ 1901 года состоитъ въ томъ, что первый допускаетъ полученіе обществами чиновниковъ даровъ и имуществъ по завѣщанію [3]). По сравненію съ закономъ 1884 года о синдикатахъ, новыя общества будутъ имѣть то преимущество, что союзамъ ихъ между собою предоставляются тѣ же права, какъ самимъ обществамъ [4]).

Цѣлями проектируемыхъ обществъ могутъ быть изученіе и защита профессіональныхъ интересовъ ихъ членовъ. Для этого имъ дается право непосредственно сноситься съ начальствомъ и представлять ему свои «пожеланія», касающіяся этихъ интересовъ, а также право выступать въ судахъ общихъ и административныхъ.

---

[1]) Нѣкоторые считаютъ, кромѣ того, что, при условіи запрещенія стачки, чиновники смогутъ образовывать общества въ той формѣ, какую сами предпочтутъ, т.-е. по новому закону (статуту) или по закону объ ассоціаціяхъ 1901 г. (Chardon, секретарь Гос. совѣта: Le pouvoir administratif, 1911, p. 205—209).

[2]) Какія именно должности считаютъ здѣсь равными, предполагается опредѣлить въ формѣ règlement d'administration publique.

[3]) На общихъ основаніяхъ, т.-е. съ административнаго разрѣшенія.— По закону 1901 года такимъ правомъ обладаютъ (какъ указано выше) только общества, признанныя «общественно-полезными» (d'utilité publique).

[4]) Тогда какъ союзы профессіональныхъ синдикатовъ не могутъ имѣть недвижимостей и выступать въ судѣ.

Digitized by Google

Кромѣ общихъ наказаній за нарушеніе отдѣльныхъ статей проекта (о заявкѣ, объ объединеніи и т. д.), онъ содержитъ спеціальныя постановленія, направленныя противъ стачекъ. Призывъ къ стачкѣ со стороны общества или союза карается въ лицѣ ихъ администраторовъ штрафомъ въ 100—300 франковъ, и въ случаѣ рецидива, въ 200—600 франковъ и тюремнымъ заключеніемъ (6 дней—1 годъ); кромѣ того, общество можетъ быть закрыто. За возобновленіе же закрытаго общества — штрафъ въ 16—3000 франковъ и такое же тюремное заключеніе[1]).

III.

Ближайшая судьба проекта зависитъ отъ исхода политической борьбы по этому предмету въ ея центрѣ — парламентѣ, и — по крайней мѣрѣ для ближайшаго будущаго — ему принадлежитъ здѣсь рѣшающее слово. Важно видѣть поэтому, какъ относится парламентъ и правительство къ этому предмету.

Ограничимся новѣйшими событіями. Мы уже упоминали, что въ 1905 и 1909 годахъ палата депутатовъ обсуждала вопросъ о синдикатахъ. То же случилось и при процессѣ учителей Сены, въ концѣ минувшаго 1912 года, также описанномъ нами. Новое преслѣдованіе вызвало новые запросы и новые дебаты въ палатѣ[2]). Дѣло кончилось не въ пользу синдикатовъ. Хотя обсуждался спеціально вопросъ о синдикатахъ учителей, это дало поводъ правительству и депутатамъ высказаться по предмету болѣе широкому — о синдикатахъ чиновниковъ вообще. Нѣкоторые члены палаты защищали синдикальную свободу[3]). Представители правительства высказались рѣшительно противъ синдикальной формы. Министръ-президентъ

---

[1]) Напомнимъ, что стачка (по 1-й части проекта, ст. 22) даетъ право начальству принять по отношенію къ отдѣльнымъ ея участникамъ, безъ обращенія къ дисциплинарнымъ совѣтамъ, всѣ дисциплинарныя мѣры до увольненія включительно. — Проектъ въ правительственной редакціи напечатанъ въ «Revue du Droit public», 1909, 343, сл. — Комиссія палаты депутатовъ, внесши нѣкоторыя поправки въ первую часть проекта (о службѣ), оставила вторую часть (объ обществахъ) почти совершенно безъ измѣненій. См. докладъ ея въ «Revue du Dr. p.», 1909, 595.

[2]) Просьба о пріостановкѣ дѣла была на этотъ разъ предъявлена не въ палатѣ, а защитой обвиняемыхъ непосредственно министру юстиціи; министръ отказалъ въ своемъ воздѣйствіи.

[3]) Напримѣръ, депутатъ Томà (при аплодисментахъ соціалистовъ) настаивалъ на неправильности преслѣдованія синдикатовъ на томъ основаніи, что правительство терпѣло ихъ до того времени. Что касается присоединенія синдикатовъ къ «C. G. T.» («всеобщей конфедераціи»), пять лѣтъ тому назадъ на конгрессѣ въ Нантѣ, 1907 г., то тогда учителя заявили, что не будутъ считать для себя обязательнымъ могущій быть призывъ ко всеобщей стачкѣ. Значитъ, ихъ преслѣдовали за мнѣнія? — «Правительство должно имѣть такое же довѣріе къ синдикализму учителей, какое оно имѣетъ къ синдикализму рабочихъ...»

Digitized by Google

(нынѣ президентъ республики) Пуанкарэ, указавъ на связь синдикальной дѣятельности съ революціонными и антипатріотическими тенденціями «C. G. T.» («всеобщей конфедераціи», упомянутой нами выше), заявилъ, что видитъ въ этомъ движеніи опасность для государства, противъ которой можно и должно принять мѣры. Объединенія чиновниковъ, и въ частности, учителей, для защиты своихъ интересовъ допустимы; но если эти объединенія принимаютъ революціонный характеръ, отъ этого страдаетъ служебная дѣятельность чиновника: это не допустимо. Министръ высказалъ сожалѣніе, что слишкомъ задержалось обсужденіе «статута». Слѣдуетъ сочетать плодотворныя стороны корпоративной идеи съ правилами дисциплины, которыя всякое правительство должно соблюдать. — «Чиновники — не народъ и не представители народа; они не въ правѣ диктовать правительству его образъ дѣйствій; только парламентъ создаетъ законы. Дисциплина чиновниковъ — одинъ изъ видовъ гражданской обязанности. Преслѣдованія синдикатовъ были необходимы: правительство взяло на себя эту иниціативу для защиты дисциплины и общественнаго порядка»[1]).

Таковъ правительственный взглядъ на это дѣло. Палата депутатовъ приняла переходъ къ очереднымъ дѣламъ (большинствомъ 331 голоса противъ 121), въ которомъ высказывала одобреніе заявленій правительства и пожеланіе скорѣйшаго осуществленія «статута» (засѣданіе 13 декабря 1912 г.).

Изложенные взгляды правительства можно считать теперь прочно установившимися, и не только у послѣднихъ двухъ министерствъ. Въ апрѣлѣ 1907 года министръ-президентъ Клемансо далъ подробный письменный отвѣтъ представителямъ учителей на ихъ требованіе признанія синдикальнаго права. Въ этомъ отвѣтѣ излагались тѣ же основныя идеи, и кромѣ того, детально мотивировалась невозможность допущенія организацій чиновниковъ въ биржи труда и «всеобщую конфедерацію»[2]).

---

[1]) Сопоставимъ съ этимъ, въ видѣ дополненія, одну изъ предыдущихъ рѣчей Пуанкарэ (въ Нантѣ, на собраніи «республиканской федераціи», 27 октября 1909 г.). Въ ней онъ говорилъ, между прочимъ: «Парламентъ никогда не хотѣлъ сказать, чтобы организаціи чиновниковъ могли примыкать къ революціоннымъ организаціямъ или выходить изъ предѣловъ ихъ профессіональныхъ полномочій. Предоставить корпораціямъ чиновниковъ подобную возможность значило бы создать нѣкую новую власть, независимую и безотвѣтственную, противъ власти законодательной и исполнительной; это значило бы разрушать, мало-по-малу, до основанія, начала парламентскаго режима... Чиновники имѣютъ соціальныя преимущества, которыхъ не имѣютъ ни рабочіе, ни земледѣльцы; и они не могутъ имѣть права на такую же свободу, какою обладаютъ тѣ».

[2]) Биржи труда (говорится въ этомъ документѣ) имѣютъ главною цѣлью сообщеніе свѣдѣній о спросѣ и предложеніи — которые не касаются государственныхъ служащихъ. Въ уставѣ «всеобщей конфедераціи» имѣется

Digitized by Google

Открытое признаніе свободы ассоціаціи; карательныя санкціи противъ стачки; препятствія къ объединенію съ рабочимъ движеніемъ и возможное исключеніе политики, — такъ можно формулировать взглядъ правительства и основы проекта.

Важность разрѣшенія государствомъ задачи, поставленной организаціями его агентовъ, видна сама собою. Въ формахъ корпоративной дѣятельности нѣкоторой части французскаго чиновничества, въ ея направленіяхъ и стремленіяхъ, видна серіозная государственная опасность. Съ другой стороны, самое право объединенія (въ той или иной формѣ) настойчиво заставляетъ себя принять. — Задача и заключается, на нашъ взглядъ, въ отысканіи той середины, которая, давая чиновникамъ право объединенія, предотвращала бы, по возможности, проистекающія отсюда опасности.

Вся политическая конъюнктура [1]) даетъ намъ основаніе предположить, что такимъ разрѣшеніемъ задачи, — правда, несовершеннымъ, но наиболѣе пріемлемымъ, по крайней мѣрѣ, для ближайшаго времени, — явится законопроектъ 1909 года, согласный съ взглядами руководящихъ политическихъ круговъ.

Правда, среди самого чиновничества мнѣніе объ этомъ проектѣ далеко не единогласно. Очевидно, онъ не можетъ удовлетворить синдикалистовъ, такъ какъ не даетъ возможности примкнуть къ рабочему движенію и ограничиваетъ способы воздѣйствія на власть. Но послѣднія событія увеличили число сторонниковъ синдикальнаго права и среди тѣхъ организацій, которыя составились и дѣйствовали отдѣльно отъ синдикалистскаго направленія [2]).

Однако это явленіе едва ли воздѣйствуетъ на парламентъ. Память о стачкахъ 1905—1909 гг., опасенія предъ направленіемъ «C. G. T.»

прямое указаніе на пропаганду всеобщей стачки. Кромѣ того, тамъ указываются и «нѣкоторыя другія черты противогосударственной дѣятельности «всеобщей конфедераціи». — Цитируемый документъ напечатанъ полностью, напр., у Vincent, Les instituteurs et la démocratie (op. c., 1912), въ приложеніи.

[1]) Ибо разбираемая задача прежде всего политическаго характера. Мы видѣли, что политика была настолько сильна въ этомъ дѣлѣ, что проникала даже въ судъ — вся исторія судебныхъ преслѣдованій синдикатовъ есть сплетеніе политики и юриспруденціи.

[2]) Въ ноябрѣ 1912 года составился особый комитетъ для пропаганды отрицательнаго отношенія къ проекту статута и требованія примѣненія закона 1884 года къ чиновникамъ. Въ число его членовъ вошли, между прочимъ, представители «федераціи» чиновничьихъ обществъ, о которой мы упоминали вначалѣ. — Годичный конгрессъ этой федераціи (22 декабря 1912 г.) принялъ постановленіе требовать исключительно примѣненія закона 1884 года къ организаціямъ, и отвергать первую часть проекта статута (о службѣ собственно), такъ какъ онъ составленъ безъ участія представителей чиновниковъ. Кромѣ этого, собранія отдѣльныхъ организацій высказывались за послѣднее время противъ статута.

Digitized by Google

(«всеобщей конфедераціи труда») не допустятъ, надо думать, открытаго признанія синдикальной формы для корпоративнаго движенія[1]).

Съ другой стороны, тотъ «авторитарный» принципъ, который проповѣдуютъ нѣкоторые изъ цитированныхъ ученыхъ,— недопущеніе какихъ бы то ни было объединеній — провести въ жизнь представляется невозможнымъ; и, тѣмъ болѣе, во Франціи, гдѣ вообще всякаго рода объединенія (ученыя, профессіональныя, благотворительныя, образовательныя, взаимно-вспомогательныя и т. д.) распространены въ громадномъ числѣ, и гдѣ режимъ ассоціацій (съ 1901 г.) и общая политическая свобода чрезвычайно широки. Запретительный режимъ невозможно провести еще и потому, что пришлось бы уничтожать уже давно существующія и пустившія глубокіе корни корпоративныя учрежденія: задача неосуществимая чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе [2]).

Поэтому намъ кажется, что правительственный проектъ является наиболѣе удовлетворительнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія.

Существуетъ по этому предмету еще одна идея, стоящая въ сторонѣ отъ всего изложеннаго.— Не слѣдуетъ забывать, что въ странахъ широкаго избирательнаго права огромное большинство чиновниковъ — избиратели, участвующіе въ составленіи парламента и, слѣдовательно, могущіе оказывать косвенное давленіе на депутатовъ. Вотъ почему въ Англіи, въ концѣ прошлаго вѣка, вслѣдствіе попытки почтовыхъ служащихъ оказать давленіе на кандидатовъ (по поводу образованія комиссіи объ изслѣдованіи экономическаго положенія этихъ служащихъ) явилась идея лишить чиновниковъ избирательныхъ правъ[3]). Во Франціи сторонники того взгляда, что въ администраціи должна быть прежде всего обезпечена дисциплина, и что всякая корпоративная дѣятельность чиновниковъ ей вредитъ,— склонны предложить такую же мѣру [4]).

Ни въ Англіи, ни въ Германіи, гдѣ общества чиновниковъ весьма распространены, отношенія ихъ къ государству никогда не принимали такихъ формъ, какія очерчены здѣсь относительно Франціи.

---

[1]) Депутатъ Таламà, на съѣздѣ тюремныхъ служащихъ въ Парижѣ (7 ноября 1912 г.) сказалъ весьма рѣшительно: «Никогда ни одинъ парламентъ не дастъ вамъ (чиновникамъ) права пользоваться закономъ 1884 года, тѣ, кто вамъ это обѣщаетъ, дѣйствуютъ какъ демагоги!»

[2]) Правда, государство борется во Франціи очень рѣшительно съ корпораціями религіозными. Но, во-первыхъ, борьба эта донынѣ очень болѣзненна и изобилуетъ эксцессами съ обѣихъ сторонъ, и во-вторыхъ, что здѣсь главное, самыя цѣли этихъ объединеній слишкомъ различны, чтобы ихъ сравнивать съ тѣмъ движеніемъ, о которомъ здѣсь шла рѣчь.

[3]) Lowell, The Government of England (1908), I, 150—153.

[4]) Esmein, Eléments (op. c.), 642.

Digitized by Google

Въ Россіи подобное положеніе, при современномъ состояніи законодательства, конечно, юридически невозможно. Стачка въ публичныхъ службахъ (понимаемыхъ болѣе широко, чѣмъ во Франціи) карается въ уголовномъ порядкѣ [1]). Образованіе всякаго общества среди чиновниковъ обусловлено разрѣшеніемъ начальства, закрытіе его производится въ порядкѣ административномъ, союзы такихъ обществъ воспрещены [2]).

Франція, вслѣдствіе предполагаемаго открытаго признанія права ассоціаціи чиновниковъ (чему начало сдѣлано уже практикой), въ то время когда это движеніе фактически достигло уже весьма широкихъ (или даже слишкомъ широкихъ) размѣровъ,— стоитъ, быть-можетъ, передъ новымъ «соціальнымъ экспериментомъ». Исходъ его въ дальнѣйшемъ будущемъ предсказать, конечно, невозможно. Ограничимся пожеланіемъ, чтобы, вдумчиво отнесшись къ удачамъ и ошибкамъ государственныхъ властей и обществъ чиновниковъ, обѣ стороны и сторонніе наблюдатели вынесли для себя изъ этого поучительнаго процесса наибольшую пользу.

Пав. Алексѣевъ.

---

[1]) Высочайшіе Указы 2 и 14 декабря 1905 г.
[2]) Временныя Правила объ обществахъ 4 марта 1906 г., ст. 9—12.

Digitized by Google

Къ вопросу о юридической оцѣнкѣ хулиганства.

Въ послѣднее время общественное вниманіе все чаще и чаще обращается къ одному изъ больныхъ мѣстъ нашей внутренней жизни, именно къ вопросу о хулиганствѣ. Страницы газетъ пестрятъ сообщеніями о болѣе или менѣе выдающихся случаяхъ хулиганства, и эта своеобразная казуистика растетъ безостановочно. Довѣрчивый читатель, впитывающій въ себя всѣ эти сообщенія, часто не лишенныя сенсаціи, долженъ притти къ выводу, что наша родина сдѣлалась какимъ-то питомникомъ не знающихъ совѣсти озорниковъ и необузданныхъ хулигановъ.

Къ сожалѣнію, наша повременная печать (мы разумѣемъ преимущественно наиболѣе доступную читательской массѣ мелкую прессу) очень рѣдко отдаетъ себѣ надлежащій отчетъ о томъ предметѣ, которому она посвящаетъ столько вниманія, заставляя вспоминать язвительное замѣчаніе Биндинга, утверждавшаго, что пресса «bei Ventilirung wissenschaftlicher Fragen so oft mehr verwirrt als belehrt». Что̀ такое хулиганство, почему тотъ или иной проступокъ клеймится именемъ хулиганства — отвѣта на этотъ вопросъ мы здѣсь не найдемъ. Читателю самому приходится разбираться во множествѣ ежедневныхъ сообщеній о проявленіяхъ хулиганства, которымъ готовы окрестить каждый, выходящій изъ рамокъ обыденности, преступный случай.

Насколько намъ извѣстно, вопросъ о хулиганствѣ до послѣдняго времени не затрагивался въ нашей юридической печати. Между тѣмъ, казалось бы, именно юристъ могъ сказать свое трезвое и вѣское слово въ этомъ вопросѣ. Тѣмъ бо́льшій интересъ должна вызвать напечатанная въ февральской книжкѣ «Журнала Министерства Юстиціи» статья п. н. «О хулиганствѣ, какъ о явленіи, не предусмотрѣнномъ закономъ», принадлежащая перу уфимскаго губернатора П. П. Башилова. По сообщенію «Права», этому предмету былъ посвященъ особый докладъ, сдѣланный авторомъ въ уфимскомъ .юридическомъ обществѣ.

Digitized by Google

Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, взгляды, высказываемые почтеннымъ авторомъ, далеко небезспорны, а практическія предложенія совершенно непріемлемы. Но было бы несправедливо не отмѣтить серьезнаго тона статьи и ея содержательности. Сравнительная умѣренность общаго духа выгодно отличаетъ эту статью, напр., отъ статьи проф. Л. Е. Владимирова («Южный Край», 1913 г., № 11175), предлагающаго «перековывать хулигановъ тяжелымъ молотомъ», вспоминающаго о благодѣтельномъ вліяніи девятихвостой кошки въ борьбѣ съ гарротерствомъ въ Англіи и утверждающаго, что «въ острыхъ случаяхъ страхъ оказываетъ благодѣтельное дѣйствіе и на человѣка-звѣря, потерявшаго и никогда не имѣвшаго моральнаго чувства» [1]).

Въ своей краткой замѣткѣ мы не будемъ обсуждать статью г. Башилова въ полномъ объемѣ, а остановимся, главнымъ образомъ, на сдѣланной имъ попыткѣ указать юридически-существенные признаки хулиганства, дать квалификацію хулиганскаго проступка.

Къ своей задачѣ авторъ подошелъ слѣдующимъ образомъ. По предложенію Министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ обратился къ земскимъ начальникамъ и уѣзднымъ исправникамъ съ вопросомъ, въ чемъ именно выражается на мѣстахъ хулиганство. Данныя этой административной анкеты послужили матеріаломъ для «погубернскаго списка дѣяній хулигановъ». Списокъ этотъ является характернымъ показателемъ той «смуты», которая господствуетъ въ пониманіи хулиганства. Къ категоріи хулиганскихъ дѣяній отнесены «праздношатайство (?) днемъ и ночью группами, попарно и одиночками съ пѣніемъ пѣсенъ» и убійство въ дракѣ, «мелкое воровство разныхъ съѣстныхъ припасовъ, домашней птицы и овощей для своего употребленія» и поджогъ, «нанесеніе словесныхъ обидъ лицамъ, укрѣпившимъ землю въ личную собственность», и изнасилованіе... Что общаго между этими дѣяніями, какой признакъ объединяетъ ихъ и позволяетъ подвести совершенно несоизмѣримые по своему значенію деликты подъ понятіе хулиганства? По мнѣнію г. Башилова, каждое изъ перечисленныхъ въ спискѣ дѣяній (общее число ихъ — 25) можетъ быть и хулиганскимъ и не-хулиганскимъ, при чемъ принадлежность къ первой категоріи еще не указана въ законѣ въ качествѣ обстоятельства, увеличи-

[1]) Не можемъ не вспомнить по этому поводу совершенно иныхъ мыслей того же автора, высказанныхъ имъ лѣтъ десять назадъ: «Какъ люди, мы должны съ ужасомъ отвернуться отъ казней и всею душою отдаться дѣлу исправленія и лѣченія павшихъ. Тонкая, лицемѣрная западно-европейская жестокость не должна соблазнять и совращать насъ. Будемъ крѣпко держаться сердечнаго и мудраго воззрѣнія русскаго народа, для котораго преступникъ есть прежде всего несчастный». Л. Е. Владимировъ. Психологическое изслѣдованіе въ уголовномъ судѣ», стран. IV.

Digitized by Google

вающаго вину. Авторъ и задается цѣлью дифференцировать дѣянія по этому новому признаку, выяснить объективные признаки этой специфической окраски и проектировать точную терминологію, могущую быть введенною въ уголовный законъ.

Въ понятіи хулиганства авторъ различаетъ элементы внутренніе и внѣшніе. «Съ внутренней стороны хулиганство есть проявленіе грубой силы въ формѣ злоупотребленія ею по отношенію къ болѣе слабымъ существамъ. Сюда подходитъ народное слово «обижать», именно въ смыслѣ надругательства силы надъ слабостью. Къ той же группѣ внѣшнихъ элементовъ хулиганства относится и примѣненіе силы къ разнаго рода предметамъ съ цѣлью ихъ поврежденія или истребленія» (стран. 225). Со стороны внутренней слѣдуетъ различать незлобивую подгруппу дѣяній, которыя можно назвать озорствомъ. Таковы, напр., безчинства, творимыя новобранцами, безобразія, учиняемыя молодежью, кутящею по случаю окончанія курса, и т. п. Такъ какъ въ этихъ выходкахъ, несмотря на всю ихъ некультурность и неприглядность, отсутствуетъ элементъ злобы, то — полагаетъ авторъ — случаи эти не требуютъ выдѣленія, тѣмъ болѣе, что наказанія, которыя за нихъ полагаются по закону, представляются достаточными.

Хулиганствомъ же, въ собственномъ смыслѣ, авторъ называетъ «ничѣмъ со стороны потерпѣвшаго не вызванное и никакимъ стремленіемъ къ личной выгодѣ не внушенное, противозаконное, умышленное, злобное посягательство на чужую жизнь, здоровье, честь или имущество» (стран. 227). «Самодовлѣющая злоба и «совершенная безкорыстность» — вотъ признаки хулиганства. Такая форма злой воли не предусмотрѣна закономъ въ качествѣ обстоятельства, увеличивающаго вину, и этотъ пробѣлъ, по утвержденію г. Башилова, «имѣлъ своимъ послѣдствіемъ широкое развитіе хулиганства какъ общественной язвы». Въ тѣхъ случаяхъ, когда уголовно-частные проступки принимаютъ оттѣнокъ хулиганскій, они пріобрѣтаютъ характеръ противообщественный, и потому возбужденіе отвѣтственности по нимъ не должно зависѣть отъ воли потерпѣвшаго.

Таковы основныя положенія автора по интересующему насъ вопросу. Въ соотвѣтствіи съ ними онъ проектируетъ рядъ измѣненій въ дѣйствующихъ уголовно-матеріальныхъ и процессуальныхъ законахъ. Такъ, онъ вводитъ въ законъ самый терминъ «хулиганство» и предлагаетъ изложить опредѣленіе этого понятія въ примѣчаніи къ ст. 129 ул. о нак. и въ ст. 14 уст. о нак. Статью 129 ул. о нак. проектируется также дополнить новымъ 11-мъ пунктомъ[1]):

[1]) Соотвѣтствующее дополненіе вводится и въ ст. 14 Уст. о Нак.

Digitized by Google

«Вина учинившаго какое-либо преступленіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и мѣра слѣдующаго за сіе наказанія увеличивается по мѣрѣ того... 11) чѣмъ безпричиннѣе была злоба, руководившая виновнымъ при совершеніи имъ преступнаго дѣянія». Не довольствуясь этимъ, г. Башиловъ предлагаетъ усугубить карательную санкцію въ рядѣ статей уложенія о наказаніяхъ и устава о наказаніяхъ и вводитъ новую форму наказанія, неизвѣстную нашему дѣйствующему уголовному закону, именно,—временное заключеніе въ работномъ домѣ. О степени предлагаемаго усиленія репрессіи можно судить хотя бы по слѣдующему. Ст. 145 уст. о нак. въ качествѣ наказанія за самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ опредѣляетъ, какъ извѣстно, денежное взысканіе не свыше 10 рублей. По проекту нашего автора нормальное наказаніе за этотъ проступокъ — арестъ отъ 1 до 3 мѣсяцевъ, а въ случаѣ признанія проступка хулиганскимъ — отдача въ работный домъ на срокъ отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года! Мы оставляемъ въ сторонѣ другія проектируемыя мѣры, напр., удаленіе вредныхъ лицъ изъ крестьянскихъ обществъ административнымъ порядкомъ, возстановленіе права сельскихъ обществъ не принимать въ свою среду тюремныхъ сидѣльцевъ и т. п.

Обращаясь къ предлагаемому опредѣленію хулиганскаго дѣянія, позволительно спросить, въ какой мѣрѣ правильно утвержденіе, что существуютъ въ качествѣ широко распространеннаго явленія проступки и преступленія, выражающіе безпричинную, самодовлѣющую злобу, злобу какъ искусство для искусства. Вѣдь рѣчь идетъ здѣсь не о явленіяхъ патологическихъ, требующихъ внимательнаго изученія со стороны психіатра или невропатолога и соотвѣтствующаго леченія. Нѣтъ, авторъ считаетъ акты безпричинной злобы столь обычными, что вводитъ это понятіе въ законъ и предлагаетъ карать ихъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ они... безпричиннѣе.

Но допустимъ, что акты безпричинной злобы свойственны и душевно-здоровому человѣку. Гдѣ искать мѣрило этой безпричинности? Въ дефиниціи хулиганства этотъ моментъ охарактеризованъ все-таки болѣе или менѣе опредѣлительно: злоба не должна быть вызвана потерпѣвшимъ. Но въ проектируемомъ п. 11 ст. 129 уложенія о нак. говорится уже просто о безпричинности злобы, руководящей виновнымъ при совершеніи дѣянія. Въ основѣ такой своеобразной концепціи лежитъ, думается намъ, совершенно неправильное пониманіе явленій душевной жизни. Утверждать, что у душевно-здороваго человѣка злоба можетъ возникать безпричинно, значитъ признавать возможность эмоціональнаго возбужденія, возникающаго какъ deus ex machina, ничѣмъ не обусло-

Digitized by Google

вленнаго. Нѣкто разбиваетъ камнемъ зеркальное окно въ витринѣ магазина. Для поверхностнаго взгляда здѣсь налицо проявленіе безпричинной злобы и притомъ безкорыстной, т.-е. проступокъ хулиганскій. Но при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что виновный — безработный, изголодавшійся, на просьбу о помощи получившій грубый отказъ. Поведеніе его можно признать нелѣпымъ, но кто рѣшится сказать, что проявленная въ такой формѣ злоба безпричинна. И если вдуматься въ тѣ проявленія грубаго озлобленія, о которыхъ мы читаемъ ежедневно, непремѣнно откроются мотивы такого озлобленія. Недаромъ же многіе, вслѣдъ за Листомъ, признаютъ нормальную мотивацію критеріемъ вмѣняемости. Тѣ же случаи, когда самое внимательное изслѣдованіе не открываетъ въ злобномъ дѣяніи мотивовъ, наводятъ на серьезное подозрѣніе, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ ненормальнымъ или дефективнымъ. Мѣры охраны въ отношеніи такихъ лицъ должны, разумѣется, заимствоваться не изъ того арсенала, которымъ располагаетъ наше уложеніе о наказаніяхъ.

Что авторъ совершенно игнорируетъ патологическій моментъ въ актахъ безпричинной злобы, явствуетъ особенно изъ слѣдующихъ его словъ. Не предлагая тѣлеснаго наказанія, г. Башиловъ все-таки замѣчаетъ, что «только тотъ, кто въ чужой физической боли можетъ находить безумное (sic!) и безнравственное наслажденіе, находится на уровнѣ розги, какъ единственно убѣдительнаго по отношенію къ себѣ аргумента» (стран. 230). Безумное наслажденіе чужой физической болью! Неужели это не явный признакъ серьезнаго душевнаго разстройства, вызывающій въ памяти страшный образъ маркиза де-Сада?

Авторъ признаетъ, что существующій карательный аппаратъ безсиленъ въ борьбѣ съ хулиганствомъ и, увѣренный во всемогуществѣ уголовнаго закона, объясняетъ, какъ мы видѣли, этой слабостью репрессіи широкое распространеніе хулиганства. Но на кого же должны обратиться предлагаемыя усиленныя наказанія? Какъ это ни неожиданно — на юныхъ преступниковъ[1]). По словамъ г. Башилова, «хулиганскіе проступки и преступленія совершаются главнымъ образомъ подростками и молодыми людьми» (стр. 233). Намъ представляется мрачная картина: юное населеніе

---

[1]) Правда, согласно мысли автора, за хулиганскіе проступки и преступленія малолѣтніе и несовершеннолѣтніе, не достигшіе семнадцати лѣтъ, отдаются въ колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ до достиженія ими совершеннолѣтія. Но, начиная съ семнадцати лѣтъ, несовершеннолѣтніе, по его предположенію, должны быть отдаваемы за тѣ же дѣянія въ работные дома на сроки отъ полутора года до трехъ лѣтъ. См. проектъ ст. 141 и 142 Улож. о Нак. въ редакціи г. Башилова (стран. 240).

Digitized by Google

нашей родины, разнузданное, движимое въ своемъ поведеніи слѣпымъ озлобленіемъ, съ одной стороны, и государство, не довольствующееся въ борьбѣ съ нимъ обычными мѣрами воздѣйствія и прибѣгающее къ способамъ чрезвычайнымъ, съ другой. Не слишкомъ ли сгущенными красками нарисована эта картина? И не примѣчательно ли, что намъ предлагаютъ усилить уголовную репрессію въ отношеніи юныхъ преступниковъ въ то самое время, когда даже у насъ возникаютъ «дѣтскіе суды», когда все глубже и глубже общество проникается мыслью, что къ юнымъ преступникамъ нельзя подходить со средневѣковыми пріемами, въ основѣ которыхъ лежалъ взглядъ, будто «malitia supplet aetatem».

Мы указывали, что г. Башиловъ хочетъ видѣть въ хулиганскомъ характерѣ дѣянія (въ томъ смыслѣ, какъ онъ его понимаетъ) обстоятельство, увеличивающее вину и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, дополняетъ ст. 129 улож. о наказ. Но авторъ какъ будто забываетъ, что эта статья и въ теперешней редакціи увеличиваетъ наказаніе, между прочимъ, по мѣрѣ того, «чѣмъ болѣе было жестокости, гнусности или безнравственности въ дѣйствіяхъ, коими сіе преступленіе было предуготовлено, приведено въ исполненіе или сопровождаемо» (п. 7 ст. 129). Такимъ образомъ, судъ имѣетъ полную возможность примѣнить болѣе высокую мѣру наказанія къ гнусному, жестокому, безнравственному дѣянію хулигана. Прибавленіе п. 11 къ ст. 129 представляется поэтому излишнимъ, какъ всякій плеоназмъ.

Резюмируя сказанное въ нашей бѣглой замѣткѣ, слѣдуетъ признать попытку автора статьи въ «Ж. М. Ю.» указать юридически существенные признаки хулиганства неудавшеюся. Страннымъ является и то, что хулиганство трактуется, какъ «явленіе, не предусмотрѣнное уголовнымъ закономъ». Еще болѣе сомнѣній вызываетъ предложеніе автора наскоро перестроить весь уголовный кодексъ въ соотвѣтствіи съ защищаемыми имъ положеніями, особенно предложеніе о крайнемъ повышеніи репрессіи за хулиганство. «Behaupten ist nicht beweisen». Утвержденіе, что хулиганство приняло характеръ общественной язвы благодаря слабости уголовной репрессіи, требуетъ доказательствъ, а ихъ критикуемая статья не даетъ.

«Можно не раздѣлять съ человѣкомъ образа мыслей, даже осуждать вкусъ его, но требовать, чтобы онъ чувствовалъ, какъ мы, или еще болѣе — укорять его, зачѣмъ онъ не говоритъ, чего мы желаемъ, несправедливо» [1]). Эти слова А. С. Пушкина должны,

---

[1]) А. С. Пушкинъ. О гекзаметрахъ Мерзлякова.

Digitized by Google

по нашему мнѣнію, служить руководящимъ началомъ всякой полемики. Укорять автора статьи «О хулиганствѣ» мы, разумѣется, не будемъ. Но не можемъ не высказать въ заключеніе слѣдующаго. Новѣйшія изслѣдованія германскихъ уголовныхъ статистиковъ показываютъ, что увлеченіе мѣрами уголовной репрессіи привело къ тому положенію, которое превосходно характеризуется выраженіемъ «карательное перепроизводство», «strafliche Ueberproduktion». Новѣйшій трудъ директора одиночной тюрьмы въ Моабитѣ, К. Финкельнбурга [1]), свидѣтельствуетъ, что по явно преуменьшенному исчисленію среди нынѣ живущаго населенія Германской имперіи наказанію подвергалось каждое 12-е лицо, въ частности каждый 6-й мужчина, каждая 25-я женщина, каждый 43-й мальчикъ и каждая 213-я дѣвочка. Эти выводы подтверждаются изслѣдованіями Böckh'a и Tschiersky. Фактъ крайняго и при томъ безрезультатнаго перенапряженія карательной энергіи заставляетъ вспомнить о необходимости строгаго примѣненія экономіи карательныхъ средствъ. «Strafökonomie und wieder Strafökonomie und nochmals Strafökonomie ist die Weisheit, die Not tut», заявляетъ упомянутый германскій тюремный дѣятель. Наказаніе умѣстно только какъ крайнее средство, только тамъ, гдѣ его ничѣмъ нельзя замѣнить въ интересахъ общаго блага. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ общество должно искать опору въ себѣ самомъ и находить ее въ спеціальныхъ реформахъ. Такъ думаютъ умѣренные нѣмецкіе политики... У насъ же еще сильна вѣра въ то, что каждый нажимъ карательнаго пресса дастъ благодѣтельные результаты. Вмѣсто принципа карательной экономіи у насъ провозглашаютъ принципъ карательной расточительности [2]). Результаты такого положенія у всѣхъ на глазахъ.

Ал. Маклецовъ.

---

[1]) Dr. jur. K. Finkelnburg. Die Bestraften in Deutschland. Nebst einem kriminalstatistischen Atlas. Berlin. 1912. Объ этой весьма интересной и поучительной работѣ мы будемъ имѣть случай говорить подробно въ другомъ мѣстѣ.

[2]) Блестящимъ подтвержденіемъ этого являются хотя бы изданныя недавно во многихъ губерніяхъ въ порядкѣ охраны обязательныя постановленія о борьбѣ съ хулиганствомъ, по которымъ арестомъ до 3 мѣсяцевъ и штрафомъ до 500 руб. караются, между прочимъ, «безчинство и озорство, хотя бы не нарушающія общественной тишины и порядка, но вызывающія недовольство окружающихъ».

Digitized by Google

Русскія тюрьмы по отчетамъ Главнаго Тюремнаго Управленія за 1903—1909 годы.

За послѣдніе годы какъ въ Государственной Думѣ, такъ и въ періодической печати неоднократно поднимался вопросъ о положеніи тюремъ въ Россіи; но на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя удавалось добыть отдѣльнымъ лицамъ, хотя бы и членамъ Думы, конечно, нельзя было нарисовать ясной и достовѣрной картины нашего тюремнаго быта.

Отчеты Главнаго Тюремнаго Управленія, ежегодно имъ выпускаемые, были слишкомъ сухи и мало наглядны, чтобы ими можно было пользоваться для указанной цѣли. Но за 1908 годъ Главное Тюремное Управленіе выпустило отчетъ, «въ значительной мѣрѣ дополненный по сравненію съ отчетами за предыдущіе годы», и кромѣ того первую, объяснительную часть отчета стало печатать въ «Тюремномъ Вѣстникѣ» — съ цѣлью, между прочимъ, «распространенія въ широкихъ кругахъ общества болѣе правильныхъ понятій о нашемъ тюремномъ устройствѣ и примѣняемомъ въ нашихъ мѣстахъ заключенія режимѣ, тѣмъ болѣе, что нерѣдко появляющіяся въ періодической печати несоотвѣтствующія дѣйствительности сообщенія, касающіяся этого предмета, вытекаютъ, можетъ-быть, не столько изъ злонамѣренности авторовъ этихъ сообщеній, сколько изъ недостаточной освѣдомленности ихъ о дѣлѣ». (Отчетъ по Гл. Тюр. Управленію, 1908 г., ч. I, стран. 3.)

Къ сожалѣнію, выходъ въ свѣтъ отчетовъ очень сильно задерживается: отчетъ за 1909 годъ появился лишь въ концѣ 1911 года, а отчетъ за 1910 годъ еще не появился, и лишь объяснительная часть его напечатана въ «Тюремномъ Вѣстникѣ».

Нельзя не привѣтствовать подобнаго начинанія Главнаго Тюремнаго Управленія, такъ какъ дѣйствительно въ высшей степени интересно знать истинное положеніе нашего тюремнаго быта; отчеты, такимъ образомъ измѣненные, въ значительной мѣрѣ выполнили эту задачу.

Digitized by Google

Объемъ ихъ такъ великъ, и вопросы, ими затрогиваемые, такъ разнообразны, что для подробнаго ихъ изложенія потребовалась бы цѣлая книга, и поэтому по необходимости приходится о многомъ говорить лишь вскользь, а кое-что — напр. вопросъ объ исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ — совершенно оставить въ сторонѣ, ибо вопросъ этотъ настолько интересенъ и важенъ, что мелькомъ говорить о немъ нельзя, и настолько обширенъ, что требуетъ для своего болѣе или менѣе подробнаго освѣщенія отдѣльной статьи.

Въ настоящей статьѣ будутъ разсматриваться отчеты за годы 1903—1909. Періодъ нашей тюремной жизни за послѣднія 15 лѣтъ можно разбить на 2 неравныя части: до 1905 года (включительно) и позднѣе. Въ первую половину періода ни режимъ, ни устройство тюремъ, ни количество тюремнаго населенія почти не подвергались измѣненію, такъ что картина, данная отчетами за 1903—1905 годы, не только въ общемъ, но и въ значительной мѣрѣ въ частностяхъ дастъ вѣрное представленіе о предыдущихъ годахъ; начиная же съ 1906 года, положеніе рѣзко измѣняется, и продолжаетъ мѣняться ежегодно. Нужно, къ сожалѣнію, признать, что положеніе это по меньшей мѣрѣ печально. Правда, принципъ «внутренняго тюремнаго строя и распорядка», выставляемый Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ, можетъ быть признанъ правильнымъ; но провести его въ жизнь совершенно не удалось.

«Во всемъ, что касается внутренняго тюремнаго строя и распорядка, въ примѣненіи къ этой категоріи (отбывающихъ наказаніе. *С. Г.*) заключенныхъ должна проходить красной нитью идея объ исправительномъ режимѣ, имѣющемъ конечною цѣлью выпустить изъ тюрьмы вмѣсто врага общественной безопасности, какимъ преступникъ вошелъ въ нее — полезнаго члена общества. Признаніе этого принципа обусловливаетъ собою: 1) поддержаніе физическаго здоровья заключенныхъ на такомъ уровнѣ, который бы обезпечивалъ сохраненіе ими трудоспособности и не допускалъ бы существенныхъ разстройствъ въ ихъ организмѣ, которыя, естественно, сдѣлали бы непроизводительными и совершенно безцѣльными всѣ мѣры моральнаго на нихъ воздѣйствія; 2) подчиненіе заключенныхъ строгой дисциплинѣ и пріученіе ихъ къ чистотѣ и порядку, что̀ безусловно необходимо для ихъ перевоспитанія и безъ чего они никогда не сдѣлаются людьми благонадежными въ нравственномъ отношеніи; 3) разобщеніе отдѣльныхъ группъ заключенныхъ съ такимъ расчетомъ, чтобы наиболѣе порочные изъ нихъ, и въ особенности рецидивисты, не оказывали дурного вліянія на прочихъ; 4) обязательное занятіе заключенныхъ про-

Digitized by Google

изводительнымъ трудомъ, который не только заполнялъ бы съ пользою ихъ время и отучалъ бы ихъ отъ тунеядства, но и давалъ бы имъ въ руки такое ремесло, которое впослѣдствіи могло бы служить имъ для добыванія средствъ къ существованію, и, наконецъ, возмѣщалъ бы хоть отчасти издержки государства на ихъ содержаніе, и 5) религіозно-нравственное и просвѣтительное воздѣйствіе на заключенныхъ, путемъ соотвѣтствующихъ собесѣдованій съ ними, устройство для нихъ школъ и чтеній, а также надлежащимъ образомъ составленныхъ библіотекъ» (1909 г., ч. I, стран. XII—XIII).

«При выборѣ тѣхъ или иныхъ мѣръ воздѣйствія на арестантовъ, обыкновенно, имѣются въ виду задачи двоякаго рода: съ одной стороны, достаточная степень интенсивности этихъ мѣръ, обезпечивающая устрашающее значеніе ихъ даже для наиболѣе порочныхъ изъ заключенныхъ, съ другой — огражденіе личности арестанта отъ излишней жестокости и подавленія въ немъ чувства собственнаго достоинства, поддержаніе котораго составляетъ одну изъ главнѣйшихъ пенитенціарныхъ задачъ» (1908 г., ч. I, стран. 58).

«Практика тюремнаго дѣла во всѣхъ государствахъ привела къ несомнѣнному убѣжденію, что наказаніе лишеніемъ свободы, какъ бы разумно и цѣлесообразно оно организовано ни было, не въ состояніи само по себѣ предупредить уголовнаго рецидива, постоянное возрастаніе котораго показываетъ, что лица, освобожденныя изъ мѣстъ заключенія, представляютъ особую опасность для правопорядка. Отсюда явилось сознаніе необходимости, въ видахъ уменьшенія преступныхъ посягательствъ со стороны лицъ, освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія, позаботиться объ оказаніи тюремнымъ выпущенникамъ необходимой помощи и покровительства, для чего при мѣстахъ заключенія учреждаются особыя попечительства надъ освобожденными арестантами, или такъ называемыя Общества патроната, дѣятельность которыхъ является необходимымъ звеномъ въ цѣпи мѣропріятій, примѣняемой въ видахъ успѣшной борьбы съ преступностью» (1908 г., ч. I, стран. 163).

Итакъ, физически и нравственно оздоровленный арестантъ, дисциплинированный, но безъ жестокости и безъ подавленія чувства собственнаго достоинства, огражденный отъ вреднаго вліянія рецидивистовъ и вообще наиболѣе порочныхъ элементовъ, занятый производительнымъ трудомъ, по выходѣ изъ тюрьмы получающій поддержку отъ Обществъ патроната — таковъ поставленный Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ идеалъ.

Какими средствами располагало оно, чтобы этого идеала достигнуть?

Digitized by Google

Прежде всего, конечно, должны быть средства матеріальныя. Довольно трудно сказать, много или мало было этихъ средствъ: «много» и «мало» — понятія относительныя; но сама по себѣ цифра, которой располагало Тюремное Управленіе, очень внушительна — именно, 29.000.000 руб. въ 1909 годъ, а всего за годы 1903—1909 — 144 милліона руб., т.-е. въ среднемъ 20 $^1/_2$ милліоновъ въ годъ[1]). Къ общей государственной росписи въ годы 1903—1909 тюремный бюджетъ находился въ такомъ отношеніи (1909 г., ч. II, стран. 285):

Годы	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909
% тюр. бюджета.	0,75%	0,61%	0,5%	0,55%	0,81%	1,04%	1,11%

Однако, однѣхъ денегъ мало — нужны еще люди, подготовленные къ выполненію въ высшей степени сложныхъ и трудныхъ пенитенціарныхъ задачъ.

«Среди начальниковъ тюремъ и ихъ помощниковъ лица, получившія высшее образованіе, встрѣчаются только единицами, въ видѣ рѣдкихъ исключеній, и даже лица, окончившія курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, составляютъ лишь незначительную группу» (1908 г., ч. I, стран. 19—20). «По образовательному цензу преобладали лица, получившія образованіе ниже средняго, получившія же среднее образованіе, какъ общее, такъ и военное, составляютъ не болѣе 27%» (1909 г., ч. I, стран. 11). «Въ отчетномъ году... участились и случаи удаленія отъ должности вслѣдствіе возбужденія уголовнаго преслѣдованія по обвиненію въ преступленіяхъ по службѣ» (1908 г., ч. I, стран. 20). Такой низкій образовательный и нравственный уровень начальниковъ тюремъ и ихъ помощниковъ Главное Тюремное Управленіе объясняетъ слишкомъ скромнымъ ихъ вознагражденіемъ и служебнымъ положеніемъ. Отчасти это вѣрно, но лишь отчасти: есть еще причины, препятствующія итти на эти должности лицамъ подходящимъ и желательнымъ.

Какъ выше было сказано, Главное Тюремное Управленіе намѣчаетъ 6 пунктовъ, выполненіе которыхъ обусловливаетъ достиженіе исправленія арестантовъ, т.-е. дѣлаетъ производительнымъ ежегодное расходованіе десятковъ милліоновъ рублей и оправдываетъ самое существованіе тюремъ съ ихъ настоящей организаціей и цѣлями.

Попытаемся прослѣдить, какъ удалось Управленію выполнить эти задачи.

---

[1]) Сюда не входятъ расходы О-ва Попечительнаго о тюрьмахъ, достигавшіе въ 1909 году почти 5.000.000, а за годы 1903—1909 — 27.697.000 руб.

Digitized by Google

I. Физически здоровый арестантъ.

«Санитарное состояніе нашихъ тюремъ представляется также не вполнѣ благопріятнымъ: отсутствіе во многихъ тюрьмахъ вентиляціи, устроенныя по примитивной системѣ отхожія мѣста, простыя деревянныя помойныя ямы составляютъ, къ сожалѣнію, довольно распространенное явленіе. Невозможность устройства во всѣхъ тюрьмахъ отдѣльныхъ для каждаго арестанта коекъ заставляетъ довольствоваться сплошными нарами, способствующими развитію паразитовъ» (1908 г., ч. I, стран. 78—79). «Арестантскими камерами признаются помѣщенія, въ которыхъ имѣютъ постоянное мѣстопребываніе арестанты... Число мѣстъ въ общихъ камерахъ опредѣляется по кубическому содержанію воздуха изъ слѣдующаго расчета: въ камерахъ, превышающихъ по емкости 5,40 куб. саж. — по 1,14 куб. саж. на человѣка, и въ камерахъ меньшей емкости — по слѣдующей таблицѣ (1909 г., ч. II, стран.146):

Число мѣстъ	1	2	3
Куб. содержаніе воздуха (въ саж.). .	3,56	4,71	5,40

«Число общихъ камеръ 13.926.

Число мѣстъ въ общихъ камерахъ 119.570» (1909 г., ч. II, страница 169).

Изъ этой послѣдней таблицы видно, что на каждую камеру въ среднемъ приходится по 9 мѣстъ; и если просмотрѣть всю вѣдомость о числѣ общихъ камеръ и о числѣ арестантскихъ мѣстъ въ нихъ (1909 г., ч. II, стран. 40—49), то окажется, что лишь въ единичныхъ случаяхъ на камеру приходится меньше 4 мѣстъ; такимъ образомъ, въ подавляющемъ числѣ случаевъ на арестанта нормально приходится 1,14 куб. саж. воздуха.

«Вслѣдствіе значительнаго переполненія въ отчетномъ (1907) году мѣстъ заключенія имперіи, на каждаго арестанта приходилось 0,65 нормальнаго арестантскаго мѣста, что составляетъ, приблизительно, 0,74 куб. саж. воздуха» (1907 г., стран. 99).

За разбираемые годы количество арестантовъ, приходящихся на 100 мѣстъ, и количество куб. саженъ воздуха, приходящихся на одного арестанта, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ[1]):

---

[1]) «Отчеты по Гл. Тюр. Управленію»: 1903 г., стран. 51; 1904 г., стран. 48; 1905 г., стран. 48; 1906 г., стран. 73; 1907 г., стран. 63; 1908 г., ч. II, стран. 89; 1909 г., ч. II, стран. 69.

Digitized by Google

Годы.	Количество мѣстъ.	Среднее ежедн. число арестантовъ.	Высшій однодн. составъ арестантовъ.	На 100 мѣстъ арестантовъ: при среднемъ ежедн. числѣ.	На 100 мѣстъ арестантовъ: при высшемъ однодн. составѣ.	На 1 арестанта куб. саж. воздуха[1]): при среднемъ ежедн. числѣ.	На 1 арестанта куб. саж. воздуха[1]): при высшемъ однодн. составѣ.
1903	98447	93361	123867	95	126	1,20	0,90
1904	100006	89131	123838	89	123	1,28	0,93
1905	101552	82614	122553	81	120	1,40	0,95
1906	104277	108032	156259	104	150	1,10	0,76
1907	110321	134949	182445	122	165	0,94	0,69
1908	116888	167701	214119	145	183	0,78	0,62
1909	128593	171761	220666	134	171	0,85	0,66

Это — въ среднемъ; въ отдѣльныхъ же, и не рѣдкихъ случаяхъ, число арестантовъ, приходящихся на 100 мѣстъ, значительно повышается — и, конечно, соотвѣтственно уменьшается количество кубовъ воздуха, падающее на 1 арестанта. Въ этомъ отношеніи въ 1908 году выдѣлялись крупныя тюрьмы — Бакинская, Екатеринославская и особенно Кіевская (1908 г., ч. II, стран. 60—89); въ нихъ среднее ежедневное количество арестантовъ было болѣе 2 человѣкъ на одно мѣсто. Въ тюрьмахъ небольшихъ положеніе было иногда еще печальнѣе. Такъ, въ Баталпашинской тюрьмѣ (Кубанской обл.) на 1 мѣсто приходилось 6,4 человѣка при среднемъ ежедневномъ составѣ, а при высшемъ — 7,95 человѣкъ, т.-е. на каждаго арестанта ежедневно, въ теченіе цѣлаго года, приходилось не болѣе 0,178 куб. саж. воздуха, а иногда — всего 0,1435 куб. сажени.

Но если и не брать этихъ отдѣльныхъ — далеко, однако, не рѣдкихъ случаевъ — то все же за послѣдніе 2 (отчетныхъ) года на каждаго арестанта приходилось въ теченіе цѣлаго года самое большее (въ среднемъ) по 0,78 куб. саж. воздуха въ 1908 году и по 0,85 куб. саж. въ 1909 году. И это — при санитарныхъ условіяхъ, которыя даже само Главное Тюремное Управленіе признаетъ «не вполнѣ (?!) благопріятными».

Между тѣмъ, въ наукѣ куб. объемъ воздуха на 1 человѣка при различныхъ жилищныхъ условіяхъ опредѣляется такими цифрами (ссылаюсь на Эрисмана, авторитетъ котораго, очевидно, признаетъ и Главное Тюремное Управленіе, ибо само на него ссылается въ другомъ мѣстѣ):

«При обыкновенныхъ условіяхъ для каждаго человѣка требуется 25—37,5 куб. метровъ (2,5—4 куб. саж.) пространства»[2]). «Генералъ Моренъ предъявляетъ слѣдующія требованія относительно того

[1]) Принимая за норму 1,14 куб. саж. на человѣка.
[2]) Эрисманъ, Курсъ гигіены, т. II, стран. 474.

Digitized by Google

количества вентиляціоннаго воздуха, которое необходимо доставлять въ часъ на человѣка при различныхъ условіяхъ:

... «Въ тюрьмахъ — 50 куб. метр. (5 куб. саж. *С. Г.*). Ланг признаетъ нѣкоторыя изъ этихъ (опредѣляемыхъ Мореномъ. *С. Г.*) цифръ недостаточными, и выражаетъ желаніе, чтобы при расчетахъ на количество вентиляціоннаго воздуха и при исполненіи вентиляціонныхъ приспособленій... имѣли въ виду возможность случайной усиленной порчи воздуха, требующей временное, болѣе или менѣе значительное увеличеніе вентиляціи»[1]).

Врядъ ли лучше обстоитъ дѣло и съ пищей арестантовъ. «Профессоръ Эрисманъ установляетъ для взрослаго человѣка такую суточную норму: бѣлковъ — 130,0 гр., жировъ — 75,0 гр. и углеводовъ — 400—450 гр.... Въ пищевыхъ раскладкахъ, принятыхъ, напр., въ московскихъ мѣстахъ заключенія, приходится на каждаго арестанта въ день: бѣлковъ — 116,2 гр., жировъ — 35,5 гр. и углеводовъ — 579,2 гр.» (1908 г., ч. I, стран. 87).

Не говоря уже о томъ, что это количество не особенно близко подходитъ къ нормѣ, установленной Эрисманомъ (излишекъ углеводовъ — падающій, несомнѣнно, на счетъ хлѣба — и хлѣба чернаго — отнюдь не можетъ замѣнить недостающее количество бѣлковъ и жировъ), нужно замѣтить, что такъ обстояло дѣло въ московскихъ тюрьмахъ, гдѣ въ 1908 году въ день отпускалось по 10 коп. на человѣка; а десятикопеечный паекъ отпускается далеко не вездѣ. Въ 1905 году только въ 5,5 % всѣхъ мѣстъ заключенія суточный арестантскій паекъ равнялся или превышалъ 10 коп. Лучше обстояло дѣло въ 1908 году, но и то лишь $^1/_3$ всѣхъ мѣстъ заключенія отпускала паекъ въ 10 коп. и болѣе въ сутки. И если при 10-копеечномъ пайкѣ пищевая норма не совпадала съ «научной», то что же сказать про паекъ 6- или 7-копеечный, не говоря уже о 3—4-копеечномъ? Отчасти отвѣчаетъ на этотъ вопросъ само Главное Тюремное Управленіе. «Въ значительномъ большинствѣ тюремъ мяса совершенно не дается, горячая пища выдается одинъ разъ въ день и состоитъ изъ одного блюда (щи, супъ, борщъ и пр.). Въ скоромные дни вмѣсто мяса прибавляется сало или масло, а въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ — воловьи головы» (1907 г., стран. 128). Правда, указывается на то, что арестанты могутъ извѣстную часть своего заработка употреблять на улучшеніе пищи; но эта «возможность» выражалась, напр., въ 1908 году цифрой maximum 1,2 коп. въ день на арестанта, а у ссыльно-каторжныхъ спускалась до $^1/_{14}$ коп. въ день (объ этомъ подробнѣе будетъ сказано ниже).

---

[1]) Ibid., стран. 470.

Digitized by Google

Итакъ, «не вполнѣ благопріятны» санитарныя условія, съ количествомъ куб. саженъ воздуха на человѣка, въ самомъ лучшемъ случаѣ достигающимъ едва $^1/_2$ «научной» нормы для обыкновенныхъ жилищъ и $^1/_4$ для тюремъ; болѣе, чѣмъ недостаточна пищевая норма въ однѣхъ и просто недостаточна въ другихъ тюрьмахъ. Очевидно, при такихъ условіяхъ приходится признать, что «физически здороваго» (не говоря уже объ «оздоровленномъ») арестанта выпустить изъ тюрьмы Главному Тюремному Управленію не удалось.

II. Арестантъ дисциплинированный, но безъ жестокости и безъ подавленія чувства собственнаго достоинства.

Этимъ «общимъ правиломъ» руководствовалось Главное Тюремное Управленіе при выборѣ «мѣръ дисциплинарнаго воздѣйствія на арестантовъ». Примѣнительно къ нему «хотя и было оставлено въ силѣ для нѣкоторыхъ разрядовъ заключенныхъ наказаніе розгами, но въ то же время исключены изъ числа ранѣе примѣнявшихся наказаній: бритье головы, званіе виновныхъ однимъ именемъ, а не по отчеству (?!) и наложеніе кандаловъ» (1908 годъ, ч. I, стран. 58). «Въ болѣе важныхъ случаяхъ арестанты, содержащіеся въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, а также присужденные къ нимъ, но... содержащіеся въ тюрьмахъ, подвергаются... ... 2) аресту въ темномъ карцерѣ на срокъ не свыше одного мѣсяца, съ переводомъ въ свѣтлый карцеръ и съ разрѣшеніемъ прогулки черезъ 3 дня въ 4-й. Для лицъ, принадлежавшихъ до осужденія ихъ къ тѣмъ разрядамъ, кои ранѣе изданія Высочайшаго манифеста 11 августа 1904 года не были изъяты по закону отъ наказаній тѣлесныхъ, указанныя мѣры могутъ быть замѣнены розгами не свыше 50 ударовъ» (ibid., стран. 59). «Дисциплинарныя мѣры могутъ быть въ случаѣ нужды возобновляемы... Въ отношеніи ссыльнокаторжныхъ... кромѣ взысканій, предусмотрѣнныхъ для арестантовъ исправительныхъ отдѣленій, примѣненіе коихъ ссыльнокаторжнымъ опредѣляется властью начальника тюрьмы, арестанты этого разряда могутъ быть подвергаемы слѣдующимъ наказаніямъ: 1) одиночному заключенію... или наказанію розгами не свыше 100 ударовъ; ... 2) для каторжныхъ, находящихся въ разрядѣ испытуемыхъ: ... б) наложенію вновь оковъ, если они сняты» (ibid., стран. 60). «Какъ видно изъ всего изложеннаго, установленная дѣйствующимъ у насъ закономъ система дисциплинарныхъ взысканій... не содержитъ наказаній, носящихъ характеръ истязаній» (ibid., стран. 61).

Digitized by Google

Думается, что изъ изложеннаго видно какъ разъ обратное: вѣдь даже сенатскія разъясненія къ ст. 1489 Улож. о Нак. признаетъ сѣченіе розгами за истязаніе ($^{72}/_{491}$ Дрейера; $^{75}/_{434}$ Боровика; $^{73}/_{837}$ Болтовскаго и т. д.). О «неподавленіи чувства собственнаго достоинства», конечно, и рѣчи быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ: отмѣнено бритье головы (что̀, конечно, очень отрадно), отмѣнено «званіе лишь по имени» (на практикѣ и прежде и теперь арестантовъ зовутъ обязательно «на ты» и по фамиліи); наложеніе же кандаловъ, что само Главное Тюремное Управленіе признаетъ «принижающимъ чувство достоинства», какъ оказывается, оставлено въ силѣ. Не отмѣнены также и тѣлесныя наказанія — а при ихъ существованіи ироніей звучитъ даже упоминаніе о «чувствѣ собственнаго достоинства».

III. Арестантъ, огражденный отъ вреднаго вліянія порочныхъ элементовъ.

«Къ отчетному 1908 году мы имѣли, при общемъ числѣ арестантскихъ мѣстъ 110.321, только 8194 одиночныхъ камеры и 361 келью ночного разъединенія» (1908 г., ч. I, стран. 77). «Наши тюрьмы построены преимущественно по системѣ общаго заключенія и во многихъ мѣстностяхъ переполнены арестантами даже при нормальныхъ условіяхъ тюремной жизни, почему, не говоря уже о нравственно-исправительномъ воздѣйствіи на заключенныхъ, даже распредѣленіе ихъ по отдѣльнымъ категоріямъ, возрасту, роду совершенныхъ преступленій и выдѣленіе рецидивистовъ и такихъ арестантовъ, которые отличаются вреднымъ вліяніемъ на другихъ заключенныхъ, представляетъ значительныя трудности» (ibid., стран. 78).

Такимъ образомъ, и третье положеніе Главнаго Тюремнаго Управленія, по его же собственному признанію, не могло выйти изъ области desiderata.

IV. Арестантъ, занятый производительнымъ трудомъ.

«Весьма многіе изъ арестантовъ, содержащихся въ каторжныхъ тюрьмахъ Сибири, по необходимости остаются въ совершенной праздности, и въ лучшемъ случаѣ заняты такими хозяйственными работами, какъ, напр., носка воды, колка дровъ и пр.» (1908 г., ч. I, стран. 32). Совершенно то же самое можно сказать вообще о всѣхъ нашихъ тюрьмахъ[1]). Изъ данныхъ, приведенныхъ въ раз-

[1]) 1903 г., стран. 118; 1904 г., стран. 148; 1905 г., стран. 156; 1906 г., стран. 154; 1907 г., стран. 160; 1908 г., ч. II, стран. 210; 1909 г., ч. II, страница 238.

Digitized by Google

сматриваемыхъ отчетахъ, видно, что въ среднемъ каждый арестантъ былъ занятъ работою не больше, а часто меньше 2 дней въ недѣлю. При этомъ нужно принять во вниманіе, что около 30% рабочихъ сутокъ падаетъ на «хозяйственныя», т.-е. въ сущности очень мало «производительныя» работы. Очевидно, что и четвертое положеніе Главнаго Тюремнаго Управленія очень недостаточно было проведено въ жизнь, и если арестанты выходили и продолжаютъ выходить изъ тюремъ не «тунеядцами» и «имѣя въ рукахъ такое ремесло, которое могло бы служить имъ для добыванія средствъ къ существованію», то отнюдь они не обязаны этимъ заботамъ Главнаго Тюремнаго Управленія.

V. Арестантъ, оздоровленный нравственно.

«Нравственное перевоспитаніе арестанта путемъ укрѣпленія въ немъ религіи и положительныхъ душевныхъ качествъ, которыя, по освобожденіи изъ заключенія, могли бы оградить его отъ возвращенія на путь преступленія, составляло въ отчетномъ году, какъ и въ предшествовавшіе годы, одну изъ главныхъ заботъ тюремнаго вѣдомства. Просвѣтительное дѣло въ тюрьмахъ, однакоже, до настоящаго времени не можетъ быть признано поставленнымъ на надлежащую высоту» (1905 г., стран. 176). «Въ задачи тюремнаго вѣдомства входитъ, въ качествѣ одного изъ важнѣйшихъ способовъ исправительнаго воздѣйствія на заключенныхъ, надлежащее урегулированіе арестантскаго чтенія вообще, и въ частности — устройство, по возможности, при всѣхъ мѣстахъ заключенія, хорошихъ библіотекъ, разсчитанныхъ на поднятіе общаго уровня умственнаго, нравственнаго и религіознаго развитія заключенныхъ, и сообщеніе имъ полезныхъ профессіональныхъ знаній. Тюремныя библіотеки имѣютъ важное значеніе въ особенности при современныхъ обстоятельствахъ, когда въ большинствѣ тюремъ не достаетъ помѣщенія для устройства необходимыхъ мастерскихъ и когда самое размѣщеніе арестантовъ, за переполненіемъ мѣстъ заключенія, не можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ, вслѣдствіе чего нерѣдко приходится отказываться отъ устройства тюремной школы даже тамъ, гдѣ въ этомъ чувствуется потребность» (1909 г., ч. I, стран. XVIII).

Хотя «нравственное перевоспитаніе арестанта» и составляетъ «одну изъ главныхъ заботъ тюремнаго вѣдомства», однако въ своихъ отчетахъ оно удѣляетъ этой задачѣ очень мало мѣста, а начиная

Digitized by Google

съ 1907 года, не отводитъ даже самостоятельной рубрики, посвященной этому вопросу; и лишь изъ рубрики, посвященной «Обществу Попечительному о тюрьмахъ», можно почерпнуть кое-какія свѣдѣнія. Въ виду этого, необходимо сказать нѣсколько словъ о названномъ Обществѣ. «...Основнымъ правиломъ его дѣятельности является исправленіе нравственности заключенныхъ и религіозно-просвѣтительное на нихъ воздѣйствіе. Въ то же время къ предметамъ его занятій отнесено улучшеніе также и физическаго состоянія арестантовъ, а равно и мѣстъ заключенія» (1908 г., ч. I, стран. 21).

Изъ отчетовъ о дѣятельности Общества Попечительнаго о тюрьмахъ[1]) видно, что если судить о важности того или иного правила для Общества по произведеннымъ расходамъ, то «основнымъ правиломъ», поглощающимъ 46 % всѣхъ расходовъ за разсматриваемые годы, является содержаніе здоровыхъ, и содержаніе и леченіе больныхъ арестантовъ (17,3 %); затѣмъ слѣдуетъ содержаніе тюремной администраціи, надзора и канцелярій (5,9 %), а также собственной канцеляріи (3,8 %), далѣе — содержаніе духовенства и церквей (2,6 %), почти на ряду съ нимъ — содержаніе лошадей и кучеровъ при нихъ для хозяйственныхъ надобностей мѣстъ заключенія (2,1 %), затѣмъ — содержаніе благотворительно-тюремныхъ учрежденій (0,48 %), и лишь наконецъ — содержаніе школъ, библіотекъ, учителей и библіотекарей (0,38 %). Отсюда же вытекаетъ что Общество, не выполняя своего прямого назначенія, направляетъ свои силы въ область, ему чуждую. Именно, на улучшеніе состоянія тюремъ оно не тратитъ ни копейки, а на содержаніе тюремной администраціи, надзора и тюремныхъ канцелярій (что никакъ нельзя считать улучшеніемъ мѣстъ заключенія) — тратитъ сотни тысячъ ежегодно. И если бы на школы и библіотеки затрачивалась ежегодно только та сумма, которая теперь затрачивается на содержаніе тюремной администраціи, надзора и канцелярій, то, пожалуй, Главному Тюремному Управленію не пришлось бы заявлять, что «просвѣтительное дѣло въ тюрьмахъ не можетъ быть признано поставленнымъ на надлежащую высоту», и такимъ образомъ хоть одна изъ шести задачъ была бы выполнена. Теперь же, къ сожалѣнію, приходится не только всецѣло согласиться съ характеристикой Главнаго Тюремнаго Управленія, но и сказать еще значительно рѣзче.

---

[1]) 1903 г., стран. 156—7; 1904 г., стран. 216—17; 1905 г., стран. 224—5; 1906 г., стран. 248—9; 1907 г., стран. 270—71; 1908 г., ч. I, стран. 154—60; ч. II, стран. 317; 1909 г., ч. I, стран. 149—56, ч. II, стран. 353.

Digitized by Google

VI. Арестантъ, получающій по выходѣ изъ тюрьмы поддержку отъ Обществъ патроната.

«Въ то время, какъ, напр., въ Англіи число Обществъ патроната значительно превышаетъ количество мѣстъ заключенія, въ Германіи достигаетъ 854, во Франціи — 107 и т. д., у насъ на 36 исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій и на 645 тюремъ общаго устройства имѣется всего лишь 23 Общества, преслѣдующихъ задачи патроната» (1908 г., ч. I, стран. 164). Вѣроятно, именно поэтому Главное Тюремное Управленіе до послѣдняго времени совсѣмъ не интересовалось этими Обществами: до 1906 года въ отчетахъ о нихъ совершенно не упоминалось, и лишь въ 1906 году появляются крайне скудныя свѣдѣнія по этому вопросу, при чемъ общихъ итоговъ ни въ этомъ, ни въ слѣдующемъ году подведено не было. Только начиная съ 1908 года, свѣдѣнія начали печататься въ наглядной формѣ; но и теперь остаются такими же скудными: само Главное Тюремное Управленіе оговаривается, что «отъ многихъ Обществъ патроната свѣдѣній совсѣмъ не поступило» (1908 г., ч. I, стран. 168; та же оговорка повторяется въ отчетѣ за 1909 годъ).

Насколько можно вывести изъ отчетовъ, результаты дѣятельности Обществъ патроната за 1908 и 1909 годы (когда прибавилось 36 новыхъ Обществъ) выразились въ слѣдующемъ.

«Всего призрѣвалось во всѣхъ пріютахъ, убѣжищахъ и другихъ заведеніяхъ, о которыхъ имѣются отчетныя свѣдѣнія, 684 малолѣтнихъ мужского пола, 380 дѣвочекъ и 180 взрослыхъ арестантокъ, а всего 1224 призрѣваемыхъ... Свѣдѣнія объ оказаніи патронатской помощи арестантамъ и ихъ семьямъ страдаютъ крайней недостаточностью... Болѣе замѣтные расходы оказываются по содѣйствію къ пропитанію... а также по содѣйствію къ обезпеченію необходимыми предметами и одеждой. С.-Петербургскимъ мужскимъ благотворительно-тюремнымъ комитетомъ за 1908 годъ оказано содѣйствіе на пропитаніе на сумму 788 руб. 80 коп., дамскимъ комитетомъ — на 825 руб. 20 коп., Московскимъ мужскимъ благотворительно-тюремнымъ комитетомъ — на 990 руб. 66 коп. Выдано одежды и обуви С.-Петербургскимъ мужскимъ комитетомъ на 1110 руб. 95 коп., Московскимъ мужскимъ комитетомъ — на 550 рублей. Приведенныя суммы — наиболѣе крупныя, въ другихъ случаяхъ цифры значительно меньше или вовсе не указаны» (1908 г., ч. I, стран. 168). «Виды патронатской помощи... довольно разнообразны. Наиболѣе крупныя суммы выдаются патронатскими Обществами въ видѣ денежной помощи членамъ семействъ арестантовъ. Въ 1909 году подобная помощь была оказана 748 лицамъ на сумму

Digitized by Google

4792 рубля. Оказано было въ 1909 году пособіе необходимыми предметами и одеждой всего 913 лицамъ на сумму 3060 рублей. Оказано было содѣйствіе къ пропитанію и къ пріисканію жилищъ и заработка 785 лицамъ... Что касается числа призрѣваемыхъ патронатскими Обществами, то по даннымъ тѣхъ Обществъ и учрежденій, о которыхъ имѣются отчеты за 1909 годъ, движеніе числа призрѣваемыхъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Мужчинъ:		Женщинъ:	
	несовершеннолѣтнихъ.	совершеннолѣтнихъ.	несовершеннолѣтнихъ.	совершеннолѣтнихъ.
Къ 1 января 1910 г. состоитъ.	372	26	362	208
» » » 1909 » состояло.	324	—	231	151
Въ теченіе » » прибыло.	454	69	522	10988
» » » » убыло . .	406	43	490	10931

Кромѣ того, было принято въ 1909 году подъ покровительство патронатскихъ Обществъ изъ числа досрочно освобожденныхъ мужчинъ: несовершеннолѣтнихъ — 1, совершеннолѣтнихъ — 77; женщинъ — 4 (совершеннолѣтнихъ), а всего — 82 лица (1909 г., ч. I, стран. 165—166). Таковы болѣе, чѣмъ плачевные результаты дѣятельности нашихъ Обществъ патроната.

Итакъ, ни одинъ изъ 6 постулатовъ, поставленныхъ Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ, даже въ малой степени не былъ проведенъ въ жизнь; между тѣмъ само же Управленіе признаетъ, что безъ этого нельзя говорить объ «идеѣ исправительнаго режима, имѣющаго конечной цѣлью выпустить изъ тюрьмы вмѣсто врага общественной безопасности, какимъ преступникъ вошелъ въ нее,— полезнаго члена общества» (1909 г., ч. I, стран. XII).

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ «интересы мѣстнаго (Сибири. *С. Г.*) населенія, терроризуемаго и не рѣдко разоряемаго отбывшими каторгу ссыльнопоселенцами, по большей части, потерявшими трудоспособность и не имѣющими никакихъ средствъ къ существованію, кромѣ разбоевъ, кражи и, въ лучшемъ случаѣ, милостыни, настоятельно требуютъ защиты отъ разрушительнаго вліянія этого элемента на благосостояніе края» (1908 г., ч. I, стран. 32).

Въ заключеніе — нѣсколько словъ по поводу самихъ отчетовъ.

Выше, при разсмотрѣніи вопроса о пищевомъ довольствіи арестантовъ, было сказано, что, по увѣренію Главнаго Тюремнаго Управленія, арестанты могутъ значительно улучшать свою пищу путемъ употребленія для этой цѣли причитающейся имъ части

Digitized by Google

заработка. Именно, въ отчетѣ за 1908 годъ говорится: «На основаніи ст. 365 Уст. Угол. Суд., арестантамъ всѣхъ категорій предоставляется расходовать, съ разрѣшенія тюремнаго начальства, на свои надобности, и, между прочимъ, на улучшеніе пищи, до $^1/_2$ причитающейся каждому изъ нихъ доли заработка. Подобная же льгота предоставляется арестантамъ и въ большинствѣ мѣстъ заключенія Западной Европы, гдѣ, однакоже,... въ пользу арестантовъ дѣлаются отчисленія, по своему размѣру рѣдко превышающія 5 копеекъ въ день... При такихъ условіяхъ, въ смыслѣ возможности улучшенія своей пищи за собственный счетъ, положеніе нашего арестанта, зарабатывающаго обыкновенно 20 и болѣе копеекъ въ день на свою долю[1]), представляется значительно болѣе благопріятнымъ» (1908 г., ч. I, стран. 49).

Однако, если сравнить цифры среднесуточнаго состава арестантовъ и заработка ихъ, то цифра ежедневнаго заработка арестанта окажется нѣсколько ниже опредѣляемой Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ.

«Выдано арестантамъ 755.331 руб. 08 коп.»(1908 г., ч. I., стран. 113). Если считать, что эта сумма распредѣлилась только между одними срочными арестантами (число которыхъ, какъ ниже будетъ указано, опредѣлялось въ 1908 году въ 87.000 человѣкъ), то все же на долю каждаго арестанта въ день придется всего 2,4 коп., т.-е. въ 8 разъ меньше цифры, указываемой Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ, и, слѣдовательно, на улучшеніе пищи арестантъ можетъ тратить не болѣе 1,2 коп. въ день, т.-е. въ 4 раза меньше, чѣмъ въ Западной Европѣ. Если, въ частности, взять ссыльнокаторжныхъ, то цифры ихъ заработка еще значительно понизятся. «Выдано 10.591 руб. 18 коп. осужденнымъ въ каторжныя работы» (1908 г., ч. I, стран. 113). «Число ссыльнокаторжныхъ на 1 января 1909 года опредѣлялось въ суммѣ 20.936 человѣкъ» (1908 г., ч. I, стран. 29) — и очень близко къ этой цифрѣ подходилъ среднесуточный составъ ихъ. Такимъ образомъ, на долю каждаго ссыльнокаторжнаго пришлось менѣе 50 коп. въ годъ, или менѣе $^1/_7$ копейки въ день. Если даже всю эту сумму, а не $^1/_2$ ея, каторжане могли бы употреблять на улучшеніе своей пищи, то и тогда улучшеніе врядъ ли можно было бы признать особенно значительнымъ. Очевидно, Главное Тюремное Управленіе ошиблось, говоря, что положеніе нашего арестанта, въ смыслѣ возможности улучшенія своей пищи, представляется значительно болѣе благопріятнымъ по сравненію съ арестантомъ Западной Европы.

---

[1]) Разрядка здѣсь и ниже моя. *С. Г.*

Digitized by Google

Ошиблось оно также и въ одномъ изъ своихъ выводовъ.

«По отдѣльнымъ категоріямъ тюремное населеніе (среднесуточный составъ) распредѣляется за послѣднее трехлѣтіе слѣдующимъ образомъ:

Года.	Подслѣдственные.	Срочные, въ томъ числѣ сс.-каторжн.	Друг. катег.
1906	40%	46%	14%
1907	37%	51%	12%
1908	36%	52%	12%

«Приведенная таблица показываетъ, что въ теченіе трехлѣтія 1906—1908 гг. относительное число подслѣдственныхъ арестантовъ постепенно понижалось, и что въ тотъ же періодъ времени относительный контингентъ срочныхъ арестантовъ все болѣе и болѣе повышался. Данныя эти ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что притокъ новыхъ преступныхъ элементовъ постепенно ослабѣваетъ, и что, начиная съ 1906 и въ особенности съ 1907 года, производится уже преимущественно ликвидація ранѣе возникшихъ уголовныхъ дѣлъ» (1908 г., ч. I, стран. 35—36).

Таковъ «ясный выводъ» изъ относительныхъ цифръ. Цифры же абсолютныя говорятъ нѣсколько иное. Какъ указано выше, среднее ежедневное число заключенныхъ было въ 1906 году 108.032 чел., въ 1907 году — 134.949 чел. и въ 1908 году — 167.701 чел. Выведя приблизительно, въ круглыхъ цифрахъ, показанный %, получаемъ слѣдующую таблицу:

Годы.	Подслѣдственные.	Срочные, въ томъ числѣ сс.-каторжн.	Друг. катег.
1906	43.200	49.680	15.100
1907	49.930	68.800	16.190
1908	60.370	87.200	20.120

Приведенная таблица показываетъ, что въ теченіе трехлѣтія 1906—1908 гг. число подслѣдственныхъ арестантовъ рѣзко повышалось,— именно, почти на 7000 (т.-е. на 14 %) въ 1907 году и слишкомъ на 10.000 (т.-е. на 25 %) въ 1908 году. Данныя эти ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что... не на всѣ выводы отчетовъ по Главному Тюремному Управленію можно въ достаточной мѣрѣ полагаться.

С. Гавриловъ.

Digitized by Google

Къ вопросу о смертной казни.

С. Н. Викторскій. Исторія смертной казни въ Россіи и современное ея состояніе, Москва, 1912 г. 387 стр. Ц. 2 р. 50 к.

М. Н. Гернетъ. Смертная казнь. Москва, 1913 г. IV+149 стран. Ц. 4 р.

Если есть какой-либо вопросъ въ юридической наукѣ, въ которомъ тѣсно и неразрывно сплетались бы другъ съ другомъ импульсы и научные мотивы, въ которомъ перемѣшались бы лицемѣріе съ святой преданностью традиціямъ, ученое недомысліе съ безстрашной смѣлостью мысли, — то это несомнѣнно вопросъ о смертной казни. Нося на себѣ печать всѣхъ недостатковъ и достоинствъ наказанія вообще, связанный невидимыми нитями съ цѣлымъ рядомъ глубоко-метафизическихъ вопросовъ о правѣ человѣка на жизнь своего ближняго, о правѣ государства на жизнь своихъ гражданъ, о самомъ существѣ человѣческаго общежитія — смертная казнь на нашей стадіи культурнаго развитія уже вышла изъ предѣловъ чисто общественно-научнаго интереса, и стала проблемой личной совѣсти, проблемой индивидуальнаго міросозерцанія. Эта ея связанность съ интимнѣйшими корнями культурной души, этотъ ея жизненно-обостреннозвучащій тонъ налагаютъ на нее, съ одной стороны, отпечатокъ неуклонно и упорно стоящей передъ нами очередной задачи для разрѣшенія, но зато, съ другой стороны, заранѣе уже лишаетъ ее возможности быть разрѣшенной въ рамкахъ такъ называемаго научнаго, безпристрастнаго изслѣдованія. Раздѣляя въ этомъ отношеніи судьбу еще многихъ соціально-психологическихъ вопросовъ, черпая свои жизненные соки не столько отъ доводовъ разума и разсчета, сколько отъ полноты всей культурной личности, отъ совокупности ея культурныхъ цѣнностей, проблема смертной казни является въ извѣстномъ смыслѣ алогичной и внѣнаучной.

Вотъ почему мы никакъ не можемъ согласиться съ выполнимостью той задачи, которую поставилъ себѣ г. Викторскій въ своемъ трудѣ. Его слова о томъ, «что единственно правильною точкой зрѣнія слѣдуетъ признать въ данномъ случаѣ — научную», — звучатъ заманчиво и многообѣщающе, но носятъ уже въ самомъ рожденіи своемъ грѣхъ методологической неясности. И, дѣйствительно, эта книга, представляющая почти исчерпывающую сводку матеріаловъ по исторіи смертной казни въ Россіи, отношенія къ ней различныхъ общественныхъ круговъ, законодательныхъ формулировокъ ея примѣненія и данныхъ о фактическомъ ея примѣненіи вплоть до

Digitized by Google

ближайшихъ къ намъ дней, дающая не разъ новое освѣщеніе отдѣльнымъ эпохамъ русской исторіи и возобновляющая въ памяти многіе характерные моменты изъ этой исторіи, — въ то же время нисколько не убѣдила насъ въ необходимости отмѣны смертной казни. Всѣ доводы автора не въ состояніи создать того психологическаго умонастроенія, при которомъ сознаніе принуждено было бы рѣзко стать передъ трагической дилеммой: или — или, принуждено было бы дать прямой и открытый отвѣтъ. Если же вспомнить, что этотъ отвѣтъ, прямой, непріятный отвѣтъ, въ то же время существуетъ въ душѣ каждаго мыслящаго человѣка, то очевиднымъ станетъ, что послѣднимъ вліяющимъ моментомъ или, лучше сказать, изначальнымъ опредѣляющимъ моментомъ въ этомъ вопросѣ является та совершенно неконтролируемая логическимъ сознаніемъ подпочва, которая только и должна быть здѣсь признана рѣшающей инстанціей.

И въ самомъ дѣлѣ: многимъ изъ насъ ясна, ясна до очевидности недостаточность аргументаціи защитниковъ смертной казни. Одни изъ этихъ соображеній — напр. о необходимости ея, какъ средства устрашенія и соціальной обороны — намъ кажутся слабыми и нуждающимися въ провѣркѣ, другія — какъ указаніе на народное правосознаніе, требующее будто бы смертной казни — возмущаютъ даже своей неприкрытой фальшью, ибо мы отлично знаемъ, какъ удобно и безотвѣтственно ссылаться на этотъ факторъ, о которомъ еще до сихъ поръ никто не рѣшилъ, въ какой степени и онъ самъ подчиняется властной рукѣ законодателя.

Но какова сила аргументаціи и противниковъ смертной казни? Развѣ не допускаетъ каждый и ихъ доводъ противныхъ доводовъ? На всѣ указанія, что смертная казнь противна духу и смыслу культуры или христіанства, слѣдуетъ спокойный отвѣтъ: а развѣ лишь здѣсь одно противорѣчіе съ ними? Развѣ войны — эти задолго арранжированныя и облеченныя въ лицемѣрно-правовую оболочку массовыя бойни — не того же порядка явленія, что и смертная казнь? На указаніе непоправимости смертной казни слѣдуетъ возраженіе: въ этой непоправимости — и главный смыслъ этого наказанія; возможныя же ошибки не могутъ быть препятствіемъ для его примѣненія. — Государство должно показывать примѣръ уваженія жизни человѣка — говорятъ противники смертной казни. — Да, но государство не можетъ прощать гибели жертвъ преступника — отвѣчаютъ сторонники смертной казни. Смертная казнь совершенно не обладаетъ устрашающей силой — говорятъ первые, больше того, каждая голова, скатившаяся отъ ножа гильотины, рождаетъ двѣ новыхъ преступныхъ головы. — Да, — от-

Digitized by Google

вѣчаютъ вторые, — но смертная казнь, какъ и всякое другое наказаніе, преслѣдуетъ не одну только цѣль устрашенія, но еще и цѣли охраны общества и искорененія и возмездія. Характера серіозности не лишены, во всякомъ случаѣ, и тѣ и другіе доводы.

Мы еще хотимъ остановиться на двухъ основныхъ тенденціяхъ, проникающихъ книгу г. Викторскаго, которыя онъ, очевидно, считаетъ аргументаціей противъ смертной казни. Мы говоримъ объ историческомъ и статистическомъ изученіи этого вопроса. Но въ какомъ смыслѣ историческое разсмотрѣніе смертной казни въ Россіи можетъ стать доводомъ противъ первой? Дать доказательство ея постепеннаго упраздненія? Но историческія данныя сами по себѣ не могутъ автоматически превращаться въ нормы будущаго; для этого превращенія требуется участіе творческаго элемента въ лицѣ соціально-этическаго убѣжденія современности, т.-е. элемента уже не историческаго. Да и можно ли вообще говорить объ исторической эволюціи Россіи въ сторону отмѣны смертной казни? Слишкомъ многое говоритъ противъ, и въ этомъ лучше всего убѣждаетъ книга г. Викторскаго.

Еще менѣе убѣдителенъ статистическій методъ, подъ которымъ мы разумѣемъ подсчетъ по эпохамъ и другимъ признакамъ ужасающихъ цифръ вынесенныхъ смертныхъ приговоровъ и приведенныхъ въ исполненіе смертныхъ казней. Человѣческая жизнь, какъ объектъ статистики, вообще не аргументъ: жизнь человѣка — понятіе не количественное, а качественное. Не потому смертная казнь должна быть упразднена, что много казнено, и не потому она можетъ быть сохранена, что мало казнено, а потому, что она принципіально допустима или недопустима. Государственный умъ и человѣческая совѣсть должны отвѣтить лишь на одинъ единственный вопросъ: допустимо ли положеніе, при которомъ общество, закованное въ сталь и броню современной государственности, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, въ состояніи политическаго хладнокровія, отнимаетъ жизнь у уже поверженнаго и беззащитнаго врага своего — бѣдной человѣческой личности? Цифры же — аргументъ не сами по себѣ, а цѣнны лишь какъ дополненіе, какъ усиленіе важности другого основного аргумента о цѣнности жизни, какъ таковой; но тогда онѣ уже не доводъ отъ разума, а призваны дѣйствовать на воображеніе.

Мы резюмируемъ: въ вопросѣ о смертной казни рѣшающее слово принадлежитъ не логикѣ, а соціальной психологіи, соціальной философіи. И какъ разъ въ этомъ положеніи вопроса мы видимъ благопріятную судьбу его.

Проблема смертной казни уже давно оставила тихую комнату ученаго, чтобы въ волнующемся шумѣ улицы испытать и горечь

Digitized by Google

пораженія, и торжество окончательной побѣды. Лучшимъ показателемъ этого можетъ служить засѣданіе послѣдняго съѣзда нѣмецкихъ юристовъ въ Вѣнѣ. Оно напоминало скорѣе возбужденное политическое собраніе, чѣмъ научный конгрессъ. Вотъ какъ описываетъ состояніе умовъ на немъ спокойная и сдержанная «Deutsche Juristenzeitung». Зала и трибуны были переполнены людьми, съ нервнымъ напряженіемъ торопили они голосовать, подобно залпамъ врывались рукоплесканія въ рѣчи; всѣ потеряли терпѣніе слушать ораторовъ до конца, мѣшали предсѣдателю, голосъ котораго не могъ побѣдить шума, нервность заражала всѣхъ, и напряженіе достигло высшей точки, когда перешли къ голосованію». Такое отношеніе общества къ этому вопросу лучше всего доказываетъ, что онъ уже достигъ той степени элементарной ясности и высшей простоты, при которыхъ всѣ доводы и аргументы выяснены окончательно, отвѣтомъ можетъ служить лишь прямое «да» или «нѣтъ», и судьба его уже находится въ вѣрныхъ рукахъ столкнувшихся въ послѣдней борьбѣ общественныхъ силъ. Для смертной казни уже пробилъ часъ историческаго рѣшенія, и исходъ его для каждаго вдумчиваго наблюдателя современной жизни не оставляетъ никакихъ сомнѣній. Его лучше всего формулировалъ самъ г. Викторскій: «недалеко то время, когда будетъ, наконецъ, произнесенъ единственно цѣлесообразный и на радость всѣмъ смертный приговоръ, это смертный приговоръ надъ самой смертной казнью». До тѣхъ же поръ наукѣ въ этомъ вопросѣ можетъ быть оставлена лишь задача работы регистрирующей и синтезирующей результаты наблюденій, но никакъ не творчески-созидательной и иниціативной. За ея долго неумолчно звучавшимъ словомъ[1]) должно теперь послѣдовать дѣло, и свершить его дано не безстрастной наукѣ, а живымъ людямъ.

То, что намъ кажется истинной задачей науки въ вопросѣ о смертной казни въ настоящее время съ особенной силой и исключительнымъ умѣніемъ выполнено книгой М. Н. Гернета. Уже самое расположеніе матеріала въ ней, а еще болѣе начало книги лучше всего доказываютъ, что авторъ смотритъ на эту проблему, какъ на уже окончательно выясненную и рѣшенную. Онъ сразу, безъ какихъ-либо предварительныхъ объясненій вводитъ читателя in medias res, какъ бы желая дать лишь тѣ послѣдніе штрихи, наложить послѣднія краски, которыхъ еще нехватало для художественной законченности картины. Совершенно далекій отъ мысли давать еще и еще разъ защитникамъ смертной казни раціонали-

[1]) Воплощеннымъ въ русскомъ классическомъ трудѣ на эту тему А. Ф. Кистяковскаго: «Изслѣдованіе о смертной казни». Изд. 2-ое. С.-Пб. 1896.

Digitized by Google

стически-логическое сраженіе на почвѣ вопроса, зачѣмъ нужна смертная казнь, онъ зато съ тѣмъ большимъ вниманіемъ отдается выясненію вопросовъ: почему существуетъ смертная казнь, то-есть интересамъ и симпатіямъ какихъ общественныхъ круговъ она соотвѣтствуетъ (гл. I книги: «Смертная казнь и общественное мнѣніе»), гдѣ она существуетъ (гл. II: «Законодательство о смертной казни»), въ какой мѣрѣ она существуетъ (гл. III: «Статистика смертной казни»), какъ она осуществляется (гл. IV: «Способы смертной казни»). Нечего говорить о томъ, что отвѣты на всѣ эти вопросы — почему, гдѣ, сколько и какъ, данные съ исчерпывающей для настоящаго момента полнотой, данные въ видѣ огромныхъ статистическихъ таблицъ, призваны воздѣйствовать уже не на разумъ, не на холодный разсчетъ, а на силу воображенія, на отзывчивый порывъ сердца, на сочувственный откликъ души. Это — внутренній смыслъ книги, и этой цѣли книга достигаетъ вполнѣ. Достигаетъ настолько, что подчасъ слова въ этой книгѣ кажутся излишними: за нихъ говорятъ цифры и изображенія. Слова самого автора поэтому кратки, сдержанны, скупы, и на всемъ обликѣ книги лежитъ печать тихаго, печальнаго молчанія. Воистину, авторъ могъ бы избрать своимъ эпиграфомъ слова: cum tacent — clamant.

Когда-то люди, все равно, честные или преступные, нуждались въ наглядныхъ, хоть и ужасающихъ примѣрахъ благонравнаго поведенія: на базарахъ совершались публичныя казни, и добрые горожане мирно прогуливались среди эшафотовъ съ своими семьями. Съ тѣхъ поръ мы далеко шагнули впередъ и казни исполняемъ въ тиши темныхъ ночей и тайнѣ тюремныхъ оградъ. Но для окончательной отмѣны ея, для полнаго уничтоженія ея, очевидно, нужно на время вернуть прошлое: нужно на свѣтъ улицы, на страницы книги вынести и залитыя кровью стройныя, нескончаемыя колонки цифръ, и свидѣтельства человѣческой жестокости — безконечныя орудія пытокъ и казни, и сухо-протокольныя и художественно-совершенныя описанія самыхъ казней. Когда всѣ опять почувствуютъ себя, какъ бы присутствующими при «обрядѣ» преданія смертной казни, тогда навсегда и окончательно создастся та психологическая, а не логическая, невозможность пріятія смертной казни, та психологическая неизбѣжность ея отмѣны, которая такъ нужна для того, чтобы свалить ее въ историческую бездну. Книга Гернета даетъ людямъ услышать заглушенные стоны и рыданія казнимыхъ, пріобщаетъ ихъ къ этому царству непоправимаго горя и ужаса, какъ тяжкимъ молотомъ бьетъ ихъ по нервамъ и спокойнымъ душамъ — и потому она должна выполнить свою роль. Да будетъ она послѣдней въ этомъ родѣ!

И. З. Штейнбергъ.

Digitized by Google

Литературное Обозрѣніе.

Н. И. Лазаревскій. Русское государственное право. Т. I. Конституціонное право. Изд. 3-е. С.-Петербургъ 1913 г. Ц. 2 руб. 50 коп. Стран. 1—672.

Въ 1908 году Н. И. Лазаревскій издалъ I томъ своихъ «Лекцій по русскому государственному праву», посвященныхъ разсмотрѣнію и систематическому изложенію нашего «конституціоннаго» права. Изданное теперь «Русское государственное право», т. I, представляетъ собой дополненное и переработанное 3-е изданіе I тома этихъ лекцій. Успѣхъ книги г. Лазаревскаго, выдержавшей за столь непродолжительное время нѣсколько изданій, свидѣтельствуетъ, насколько велика у насъ потребность въ научныхъ руководствахъ по дѣйствующему русскому государственному праву, и объ удовлетвореніи этой потребности книгою г. Лазаревскаго, но несомнѣнно также, что этотъ успѣхъ обусловленъ и крупными достоинствами труда г. Лазаревскаго. Ясность и содержательность изложенія, обстоятельность и современность литературныхъ указаній, хорошій юридическій анализъ положительно-правового матеріала, надлежащее историческое и теоретическое освѣщеніе его и широкое использованіе сравнительнаго метода — таковы достоинства книги г. Лазаревскаго, посвященной разсмотрѣнію нашего конституціоннаго права. Она несомнѣнно является не только лучшимъ современнымъ учебнымъ руководствомъ для изученія нашего реформированнаго государственнаго права, но въ значительной мѣрѣ имѣетъ значеніе самостоятельнаго научнаго изслѣдованія, облегчающаго дальнѣйшую разработку этого права.

По сравненію съ предыдущими изданіями книги послѣднее ея изданіе отличается бо́льшимъ развитіемъ теоретическаго элемента, полнотою и новизною положительно-правового матеріала и литературныхъ указаній и нѣсколько большей стройностью системы изложенія. Авторъ ввелъ въ послѣднее изданіе рядъ новыхъ главъ, посвященныхъ разсмотрѣнію столь важныхъ теоретическихъ вопросовъ, какъ вопросы о понятіи государства, его юридической

Digitized by Google

природѣ, происхожденіи государства, правовыхъ элементахъ государства, о народномъ суверенитетѣ, о государственномъ единствѣ, при чемъ разсматриваетъ и различныя формы децентрализаціи и вопросы о союзѣ государствъ и союзномъ государствѣ. Авторъ добавляетъ также цѣлую главу, посвященную разсмотрѣнію государственно-правового положенія Финляндіи и новѣйшаго общеимперскаго законодательства, столь рѣзко обрѣзавшаго автономный конституціонный строй этого края. Въ отдѣлѣ, трактующемъ объ избирательномъ правѣ, авторъ даетъ новый параграфъ, посвященный разсмотрѣнію пропорціональныхъ выборовъ. Слѣдуетъ пожалѣть, однако, что въ новомъ изданіи своей книги г. Лазаревскій выпустилъ трактовавшіеся имъ въ прежнихъ изданіяхъ вопросы о понятіи конституціоннаго права и основныхъ элементахъ конституціоннаго строя. Особенно слѣдуетъ пожалѣть, что г. Лазаревскій въ своемъ курсѣ конституціоннаго права столь мало удѣлилъ вниманія одному изъ важнѣйшихъ элементовъ конституціоннаго правопорядка — правамъ гражданской свободы; онъ лишь вскользь касается этихъ правъ и только вопроса о возможности формальнаго ограниченія этими правами верховной государственной власти, при чемъ отрицаетъ эту возможность. Утвержденіе Н. И. Лазаревскаго (стран. 25), что «признаніе правъ гражданской свободы ограниченія верховной государственной власти въ себѣ не заключаетъ», слишкомъ категорично, и неправильность этого утвержденія обусловлена неправильностью другой теоретической предпосылки автора (стр. 24), именно отрицаніемъ формальной ограничиваемости государственной власти конституціей. Г. Лазаревскій сводитъ сущность перехода къ конституціонной формѣ правленія лишь къ взаимному (субъективному) ограниченію высшихъ органовъ власти, къ тому, что законодательная власть, прежде принадлежавшая единолично монарху, раздѣляется имъ съ народнымъ представительствомъ. Но эти два органа, говоритъ онъ, вмѣстѣ обладаютъ тою же полнотою власти, которою прежде обладалъ и король (стр. 24 сл.).

Такимъ образомъ объективное формально-правовое ограниченіе государственной власти конституціей не только въ лицѣ отдѣльныхъ органовъ власти, но во всей ея совокупности — г. Лазаревскій отрицаетъ. Доказательства, приводимыя имъ въ пользу такого своего мнѣнія, мы не можемъ признать убѣдительными и правильными[1]), тѣмъ болѣе, что г. Лазаревскій совершенно правильно отвер-

[1]) Критику такихъ воззрѣній мы дали въ другомъ мѣстѣ. См. Паліенко. Ученіе о существѣ права и правовой связанности государства 1908 г., стран. 321 сл.

Digitized by Google

гаетъ воззрѣніе, признающее государство единственнымъ источникомъ права. Впрочемъ, воззрѣніе г. Лазаревскаго на природу власти и юридическую ограниченность государственной власти не отличается послѣдовательностью. Признавая формальную неограниченность власти, онъ въ то же время замѣчаетъ, что, «когда мы теоретически анализируемъ существо власти, мы должны признать, что принудительная сила государства именно потому, что она коренится въ извѣстныхъ правовыхъ представленіяхъ, можетъ найти и свои предѣлы» (стр. 30). Но вѣдь эти правовыя представленія и приводятъ къ тому, что извѣстныя нормы, законы и особенно конституціонные законы являются объективными нормативными границами государственной власти, поскольку она является принудительной силой; государство же и власть его органовъ не растворяется вся въ его правопорядкѣ и легальныхъ полномочіяхъ органовъ, и право противостоитъ государству какъ норма долженствованія. Въ изложеніи русскаго конституціоннаго права г. Лазаревскій не удѣлилъ также должнаго вниманія и одному изъ основныхъ учрежденій конституціонализма — конституціонному положенію министерской власти; на спеціальномъ разсмотрѣніи этого вопроса тѣмъ болѣе слѣдовало бы остановиться особо въ русскомъ государственномъ правѣ, что положеніе министерской власти въ нашемъ конституціонномъ правѣ весьма своеобразно и является больнымъ мѣстомъ нашей конституціи. Изложивъ положеніе главы государства въ Россіи и парламента, г. Лазаревскій счелъ возможнымъ разсѣять освѣщеніе государственно-правового положенія министерской власти въ Россіи по различнымъ частямъ книги, трактующимъ спеціально другіе вопросы, и даже конституціонная роль Совѣта Министровъ въ Россіи осталась безъ спеціальнаго изслѣдованія въ курсѣ русскаго конституціоннаго права г. Лазаревскаго. Авторъ, повидимому, имѣлъ въ виду, что министерской власти онъ удѣляетъ спеціальное вниманіе въ той части курса русскаго государственнаго права, въ которой онъ излагаетъ «административное право», именно «органы управленія»[1]), но при такой систематизаціи не удѣляется надлежащаго вниманія положенію министерской власти какъ особаго фактора въ конституціонномъ строѣ государства. Вообще система изложенія г. Лазаревскаго представляется недостаточно выдержанной. Г. Лазаревскій считаетъ необходимымъ, напримѣръ, подробно разсматривать административныя полномочія монарха въ отдѣлѣ книги, трактующемъ о главѣ государства, а административныя функціи парламента

[1]) См. т. II, ч. I «Лекціи по русскому государственному праву» 1910 г.

Digitized by Google

онъ разсматриваетъ не въ отдѣлѣ, посвященномъ спеціально «парламенту» (отд. III), въ которомъ онъ излагаетъ лишь организацію парламента, а лишь въ части книги, озаглавленной «высшіе органы управленія».

Что касается выводовъ, къ которымъ приходитъ авторъ при разсмотрѣніи русскаго государственнаго права, то мы не замѣтили измѣненій въ нихъ по сравненію съ предшествующими изданіями. Въ частности, прежнихъ воззрѣній своихъ держится г. Лазаревскій и относительно спорнаго вопроса о юридической природѣ манифеста 17 октября, т.-е. что этотъ манифестъ не создалъ непосредственно юридическаго перехода отъ абсолютизма къ конституціонному строю.

Очень недавно одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ юристовъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ въ своемъ докладѣ Московскому Юридическому Обществу и въ статьѣ своей «Юридическая природа манифеста 17 октября» («Юридическій Вѣстникъ» 1913 г., кн. I, стран. 35—56), оспаривая воззрѣніе г. Лазаревскаго и такое же мое (Паліенко, «Основные законы и форма правленія въ Россіи»), пытался доказать, что манифестъ юридически установилъ конституціонный строй въ Россіи, такъ какъ источникомъ права можетъ быть и то, что г. Кокошкинъ называетъ «общественнымъ провозглашеніемъ или декларацією», и манифестъ, именно, санкціонировалъ по мнѣнію г. Кокошкина правосознаніе подавляющаго большинства русскаго общества, требовавшаго введенія конституціи. Доводы же г. Лазаревскаго и мои «логически неизбѣжны», по мнѣнію Ѳ. Ѳ. Кокошкина, лишь при признаніи единственнымъ источникомъ права и закона воли государства или законодателя, но, какъ теперь видно изъ послѣдняго изданія книги г. Лазаревскаго, г. Лазаревскій и самъ рѣшительно оспариваетъ такое пониманіе права («Русское государственное право», т. I, 1913 г., стр. 2-ая), мы же давно и рѣшительно опровергали узкое и невѣрное пониманіе права и закона какъ воли властителя и даже указывали, что законъ въ современномъ государствѣ по своему значенію является не только императивомъ власти, но и подвластныхъ (Паліенко, Ученіе о существѣ и правовой связанности государства 1908 г. См. въ особенности стр. 235, стр. 337).

Мы всецѣло признаемъ тотъ источникъ права, о которомъ говоритъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, достаточно вспомнить американскіе билли о правахъ и французскую декларацію правъ, но только утверждаемъ, что то общественное правосознаніе, о которомъ говоритъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, не нашло надлежащаго проявленія въ манифестѣ 17-го октября; общественныя требованія получили санкцію

Digitized by Google

законодателя лишь въ указаніи на предстоящее введеніе конституціоннаго порядка, въ предписаніи монарха провести соотвѣтствующую реформу въ законодательствѣ. И, какъ извѣстно, значительная часть русскаго общества, независимо отъ политическихъ своихъ воззрѣній и стремленій, еще при появленіи манифеста 17-го октября не усматривала въ немъ непосредственнаго правового перехода къ конституціонному строю, а лишь торжественное предвозвѣщеніе его.

Ни въ чемъ не измѣнилъ г. Лазаревскій и прежняго истолкованія своего термина «самодержавный» въ новыхъ основныхъ законахъ. На этомъ спорномъ у насъ вопросѣ юристу слѣдовало бы больше остановиться, между тѣмъ Н. И. Лазаревскій, по примѣру прежнихъ изданій своей книги, довольствуется ссылкой на ходячее словоупотребленіе и неопредѣленнымъ и нерѣшительнымъ замѣчаніемъ, что въ новыхъ основныхъ законахъ слово «самодержавіе имѣетъ какой-то иной смыслъ, чѣмъ тотъ, какой въ него влагали и русскій народъ и русская литература» (эта ссылка на литературу слишкомъ категорична).

Г. Лазаревскій почему-то предполагаетъ, что, именуя власть монарха «самодержавной» въ нашихъ новыхъ основныхъ законахъ, хотѣли отмѣтить «внѣшнюю независимость Россіи». Другими словами, отмѣтить то, въ чемъ никто рѣшительно не сомнѣвался со времени уничтоженія татарскаго ига!

Весьма обстоятельно разсматриваетъ Н. И. Лазаревскій правовое положеніе Финляндіи. Въ частности, г. Лазаревскій совершенно правильно отмѣчаетъ, что вопросъ, является ли Финляндія государствомъ или нѣтъ, практически не имѣетъ интереса, такъ какъ разрѣшеніе его не обусловливаетъ рѣшенія вопроса о юридической самостоятельности Финляндіи. Н. И. Лазаревскій совершенно правильно указываетъ, что общегосударственный законъ при извѣстныхъ условіяхъ не можетъ правомѣрно отмѣнить дѣйствіе мѣстнаго законодательства автономной области, какъ это, напримѣръ, должно быть признано относительно Финляндіи [1]).

Русское государственное право Н. И. Лазаревскаго является однимъ изъ лучшихъ произведеній нашей публично-правовой литературы. Это — работа, стоящая на уровнѣ современнаго правосознанія и государственно-правовыхъ знаній, она даетъ читателю обильный матеріалъ и представляетъ собою хорошее научное руководство для всѣхъ изучающихъ наше реформированное и формирующееся еще государственное право.

Проф. *Н. И. Паліенко.*

---

[1]) Лазаревскій. Государственное право, т. I, стран. 253.

Digitized by Google

Н. А. Захаровъ. Система русской государственной власти. Юридическое изслѣдованіе. Новочеркасскъ. 1912.

Г. Захаровъ ищетъ новыхъ путей въ юриспруденціи. Онъ глубоко неудовлетворенъ современной наукой государственнаго права, погруженной въ «чисто схоластическіе споры объ основныхъ началахъ и не желающей» подчинить отвлеченныя теоріи требованіямъ жизненныхъ, естественныхъ условій, вслѣдствіе чего выводы этой науки, или, какъ предпочитаетъ выражаться авторъ, «правомѣрныя постановленія правовѣрныхъ юристовъ», «разбиваются фактическимъ ходомъ жизни». Первородный грѣхъ «ученія о государствѣ» заключается, по мнѣнію г. Захарова, въ томъ, что оно прибѣгаетъ къ «сравнительному изложенію внутренняго устройства государствъ», при которомъ «ярко выступаютъ недостатки и несовершенство отдѣльныхъ государственныхъ системъ и конституцій». Между тѣмъ «не дѣло юриста, излагающаго ученіе о государствѣ, входить въ критику существующей конституціи». Критиковать должны «люди практики и опыта — законодательныя палаты»; руководствуясь «освѣщеніями» юристовъ, они «сумѣютъ разобраться въ существующихъ недостаткахъ и замѣнить ихъ новыми, которыя затѣмъ, въ свою очередь, подлежатъ изученію государствовѣдѣнія». Такимъ образомъ, теоретики, освѣщая государственный строй, должны тщательно наблюдать, чтобы при этомъ не выступали слишкомъ ярко его недостатки, а люди опыта и практики призваны, пользуясь этимъ освѣщеніемъ, «замѣнять существующіе недостатки новыми» (стр. 3, 4). Озадачивая читателя съ самаго начала этой своеобразной и мало утѣшительной картиной комбинированнаго сизифова труда теоретиковъ и практиковъ, г. Захаровъ, впрочемъ въ дальнѣйшемъ, не вполнѣ выдерживаетъ предначертанную имъ для юриста-государствовѣда роль «фотографа» событій и учрежденій, воздерживающагося отъ всякой ихъ критики (стр. 5). Онъ беретъ подъ сомнѣніе преобразованія Петра I (стр. 23), сурово порицаетъ освободительное движеніе (стр. 53 прим., 56), относится неодобрительно къ французскимъ и многимъ другимъ западно-европейскимъ конституціямъ, составленнымъ подъ громъ орудій (стр. 112), критикуетъ парламентаризмъ и, вообще, современное правовое государство (274—275). Заповѣдь воздержанія отъ критики относится у него, на практикѣ, лишь къ существующему русскому строю, и въ самомъ концѣ «изслѣдованія» онъ съ полной откровенностью раскрываетъ причины своей методологической непослѣдовательности: «основы нашего государственнаго порядка столь много критиковались

Digitized by Google

въ различныхъ юридическихъ сочиненіяхъ, что чувство уваженія къ своему «я», олицетворяемому въ своей народности, чувство собственнаго національнаго самолюбія считаетъ этотъ вопросъ исчерпаннымъ» (312). Такимъ образомъ, методъ г. Захарова обосновываетъ не столько логически, сколько психологически; это, такъ сказать, — методъ національнаго самолюбія. Не мудрено, что не усвоившая еще этого метода русская наука государственнаго права производитъ на автора тягостное впечатлѣніе. Онъ обвиняетъ русскихъ юристовъ въ «робости» и «пассивности», побуждающей ихъ «принимать какъ святыню концепціи юридическихъ понятій, составленныхъ иностранными учеными», и «насильственно натягивать эту перчатку иноземнаго опредѣленія на руку русской дѣйствительности» (5). Нужно «скроить перчатку юридическихъ концепцій по русской рукѣ» или, какъ подробнѣе опредѣляетъ свою задачу авторъ, нужно, чтобы «русскія ученія въ такихъ воспріятіяхъ проанализировали теоретическія ученія иностраннаго юриста, дѣлающаго свой вкладъ въ міровую науку съ точки зрѣнія жизни, условій и примѣнимости къ государству, величайшему на земномъ шарѣ» (6). О какомъ «иностранномъ юристѣ» здѣсь говорится и въ какихъ именно «воспріятіяхъ» надлежитъ «проанализировать» его ученія, остается неразъясненнымъ, но, въ общемъ, можно догадаться, что рѣчь идетъ о томъ же методѣ національнаго самолюбія. Русскіе юристы не сумѣли «всесторонне и детально разобрать и изложить» «понятіе о той русской государственной власти, которая создала огромнѣйшее государство земного шара, которая заставляла трепетать и Европу и Азію, рѣшавшая (sic!) однимъ почеркомъ пера труднѣйшіе вопросы не только внутренней жизни, но и міровые» (108). Восполненіе этого пробѣла государственной науки и беретъ на себя г. Захаровъ. Въ извѣстномъ смыслѣ трудъ его, несомнѣнно, оригиналенъ и самобытенъ. Нельзя сказать, чтобы были новы и оригинальны развиваемыя въ немъ идеи (какъ указываетъ самъ г. Захаровъ, онѣ высказывались не только въ «статьяхъ», но даже въ «романахъ» и «повѣстяхъ»), но, безспорно, оригинально то, что идеи эти развиваются въ книгѣ, вышедшей въ 1912 году и претендующей быть «юридическимъ изслѣдованіемъ». Самобытность русской государственной власти обусловливается въ глазахъ автора ея историческимъ происхожденіемъ. Въ основу ея легло «смѣшеніе національнаго частно-правового характера власти и византійскаго религіознаго автократизма». О томъ, что частно-правовой и религіозно-автократическій характеръ, а равно сочетаніе того и другого свойственны не только русской, но и западно-европейской власти на извѣстныхъ ступеняхъ ея развитія,

Digitized by Google

авторъ, повидимому, совершенно не подозрѣваетъ. Онъ остается также свободнымъ и отъ близкаго соприкосновенія съ русской исторической наукой, несмотря на то, что цитируетъ нѣкоторыхъ ея представителей. Такъ, напримѣръ, г. Захаровъ не различаетъ вѣчевого періода русской исторіи отъ удѣльнаго въ точномъ смыслѣ слова, русскіе князья эпохи княжескихъ съѣздовъ представляются ему помѣщиками-вотчинниками (12), борьба классовъ, борьба монархіи съ земельной аристократіей, въ его глазахъ суть чуждыя русской жизни, специфически западныя явленія, порожденныя отсутствовавшимъ въ Россіи феодализмомъ (14). Съ историческими свѣдѣніями такого уровня авторъ подходитъ къ опредѣленію характера русской монархической власти до-конституціоннаго періода, которую онъ настойчиво отграничиваетъ отъ западнаго абсолютизма. Въ чемъ же именно заключается различіе обѣихъ формъ монархіи? Этотъ вопросъ, составляющій камень преткновенія для всѣхъ эпигоновъ славянофильства, г. Захаровъ разрѣшаетъ съ чрезвычайной простотой и легкостью. Отличительнымъ свойствомъ западной монархіи являлась тенденція «угнетать населенія» и «извлекать большіе доходы» и «политика личной выгоды». Отсюда — «недовѣріе» и «конфликты». Въ Россіи имѣло мѣсто обратное. «Понимать народныя нужды, руководить ими — вотъ традиціонная политика русской Верховной власти». «Сами государственные перевороты, революціи» у насъ «шли подчасъ сверху», въ подтвержденіе чего авторъ цитируетъ слова императора Николая I декабристу Завалишину: «Зачѣмъ вамъ революція, я самъ вамъ революція — я самъ сдѣлаю все, чего вы стремитесь достигнуть революціей» (55). Короче говоря, «абсолютная западная монархія есть монархія эгоизма»; русская же монархія — «монархія альтруизма» (55—56). Было бы едва ли цѣлесообразно подходить къ этому противоположенію съ критическимъ анализомъ. Очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло не столько съ разсудочными построеніями, сколько съ непосредственными «воспріятіями» патріотически настроеннаго автора. Нѣсколько неожиданный диссонансъ въ ихъ самобытно-національный характеръ вноситъ лишь то обстоятельство, что, какъ оказывается изъ сообщенія самого г. Захарова, силу, составляющую сущность русскаго самодержавія, «отлично понялъ нѣмецкій ученый Лоренцъ фонъ-Штейнъ» (55), но, какъ мы увидимъ ниже, это далеко не единственный случай, когда авторъ, измѣняя своему profession de foi, «натягиваетъ перчатку иноземнаго опредѣленія на руку русской дѣйствительности».

При столь восторженномъ отношеніи автора къ старому національному строю можно было бы ожидать, что къ дѣйствую-

Digitized by Google

щимъ основнымъ законамъ, явно заимствующимъ западныя начала, онъ отнесется болѣе сдержанно. Но новѣйшая теорія національнаго самолюбія оказывается болѣе гибкой и изворотливой, чѣмъ старая славянофильская доктрина. Въ глазахъ г. Захарова, наша конституція 23 апрѣля 1906 года «и по своему содержанію и по формѣ изданія народна, хотя и нѣсколько своеобразна» (126). Дѣло въ томъ, что реформы 1905—1906 годовъ «не измѣнили существа нашей исторической Верховной власти», но только «установили иной порядокъ ея волеизъявленія», дали «точную формулировку основныхъ понятій нашего государственнаго строя» (57, 96, 115). Авторъ дѣлаетъ тутъ любопытнѣйшія историческія открытія, къ сожалѣнію, впрочемъ, не подтверждая ихъ никакими фактическими данными. Оказывается, напримѣръ, что реформы 1905—06 годовъ были «преднамѣчены» еще въ эпоху Плеве манифестомъ 1903 года, что онѣ не имѣли никакой связи съ освободительнымъ движеніемъ, а, напротивъ, «шли въ разрѣзъ» съ проектами его дѣятелей (54, прим.), что основные законы 23 апрѣля 1906 года представляли собой не что иное, какъ «завершеніе работъ, возбужденныхъ указомъ 12 декабря 1904 года» (116). Какъ? — воскликнетъ съ изумленіемъ читатель,— куда же дѣвались извѣстныя всѣмъ историческія обстоятельства изданія манифеста 17-го октября, ссылки на которыя содержатся въ вступительныхъ словахъ самого манифеста, мотивирующихъ его изданіе? какимъ образомъ согласовать съ открытіемъ автора такіе факты, какъ совпаденіе содержанія манифеста съ формулами общественныхъ заявленій, указаніе Высочайше одобреннаго доклада графа Витте на необходимость осуществленія «выяснившейся политической идеи большинства русскаго общества», дословныя заимствованія составителей Основныхъ Законовъ изъ земскаго конституціоннаго проекта?.. Какъ объясняетъ всѣ эти факты г. Захаровъ? Но г. Захаровъ поступаетъ очень просто и съ своей точки зрѣнія цѣлесообразно: онъ этихъ фактовъ не замѣчаетъ, они для него не существуютъ. Nous avons changé tout cela!

Событія 1905—1906 годовъ, какъ оказывается далѣе, не только не подвинули нашего государственнаго развитія впередъ по тому пути, на который указывало освободительное движеніе, но, къ удовольствію автора, какъ разъ наоборотъ — отодвинули его на нѣсколько вѣковъ назадъ. «Увлеченіе западомъ привело къ полнѣйшему банкротству идей нашего космополитическаго общества, и Россія возвратилась снова назадъ, къ идеямъ Іоанна IV Грознаго» (57). Но, сдѣлавъ этотъ гигантскій попятный прыжокъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ, по существу дѣла, оказались далеко впереди запада и запад-

Digitized by Google

ныхъ юридическихъ теорій. «Юристы не могутъ отрѣшиться отъ понятія эгоистическихъ и принудительныхъ началъ въ области властвованія»..., между тѣмъ какъ «наша конституція пошла далеко впередъ, она сразу обосновала свой принципъ на началахъ морали» (130). Это явствуетъ, по мнѣнію г. Захарова, изъ ст. 7 основныхъ законовъ, гдѣ въ противоположность западному «принципу разъединенія — дуализма», говорится «объ единеніи, какъ извѣстномъ моральномъ началѣ, руководящемъ правотворящимъ сознаніемъ нашей соединенной законодательной власти». «Принципы конституціи, выработанные жизнью другихъ государствъ», еще «не знаютъ» этого начала, но къ нему «постепенно направляетъ свои шаги человѣческая цивилизація» (130—131). Если бы г. Захаровъ заглянулъ въ столь низко цѣнимыя имъ западно-европейскія конституціи, онъ сдѣлалъ бы ошеломляющее и убійственное для его теоріи открытіе; дѣло въ томъ, что о «единеніи», «согласности дѣйствій» или «совмѣстной дѣятельности» законодательныхъ факторовъ при осуществленіи законодательной власти говорятъ не только наши основные законы, но и многія западныя конституціи, въ томъ числѣ и тѣ, которыя имѣютъ революціонное происхожденіе. Но счастливое невѣдѣніе спасаетъ патріотическаго автора отъ тяжелаго разочарованія и поддерживаетъ въ немъ вѣру въ специфическія моральныя свойства русской конституціи. Впрочемъ, надо замѣтить, что господство моральныхъ началъ въ государственной жизни авторъ понимаетъ крайне своеобразно. Такъ, напримѣръ, на стр. 288 своего труда, пригласивъ насъ бросить взглядъ на Китай и упомянувъ объ «извѣстныхъ примѣрахъ, когда императоръ посылалъ виновному лицу шелковый шнурокъ, какъ символъ смертнаго приговора, и послѣдній самъ, добровольно, дома приводитъ надъ собой въ исполненіе приговоръ безъ всякаго внѣшняго принужденія», г. Захаровъ восклицаетъ: «Что это такое, какъ не вѣра въ нравственное право, въ государственную мораль?» При свѣтѣ такихъ примѣровъ становится какъ-будто нѣсколько болѣе ясной загадочная на первый взглядъ ассоціація мыслей, соединяющая въ умѣ автора торжество моральныхъ началъ съ «идеями Іоанна Грознаго».

Переходя отъ историко-соціологическаго обоснованія нашего государственнаго строя къ его юридической конструкціи, авторъ заявляетъ себя убѣжденнымъ сторонникомъ извѣстнаго опредѣленія готскаго альманаха. Россія для него есть «конституціонная, самодержавная монархія» (127), при чемъ при раскрытіи этой двусмысленной формулы «конституціонность» безъ остатка растворяется въ самодержавіи. Правда, авторъ многократно и на-

Digitized by Google

стойчиво говоритъ о существованіи въ Россіи «конституціи», но дѣло въ томъ, что, съ его точки зрѣнія, Россія и при Николаѣ I была конституціоннымъ государствомъ, ибо обладала «основными», т.-е. «конституціонными» законами (139). Г. Захаровъ избѣгаетъ прямого и категорическаго отвѣта на вопросъ, считаетъ ли онъ современную Россію ограниченной или неограниченной монархіей, но цѣлый рядъ его отдѣльныхъ утвержденій не оставляетъ сомнѣнія, что въ концѣ-концовъ онъ склоняется ко второму рѣшенію. Такъ, онъ утверждаетъ, что манифестъ 17-го октября далъ Государственной Думѣ только тѣ права, которыми уже ранѣе обладалъ Государственный Совѣтъ (120); что наша конституція «ограничила понятіе закона, но не свободное волеизъявленіе Верховной власти (286) и что русскому монарху всецѣло принадлежитъ власть учредительная (126). Отвергнувъ съ негодованіемъ теорію Іеллинека о самоограниченіи государства, какъ «идолопоклонническую» (272), онъ въ то же время примѣняетъ ее къ опредѣленію власти монарха (299—300). Въ связи съ этими положеніями, стоящими въ прямомъ и очевидномъ противорѣчіи съ текстомъ дѣйствующихъ основныхъ законовъ, авторъ, въ противоположность «ограниченности и перѣшительности» юристовъ, «рабски подчиненныхъ теоріи о трехъ властяхъ», строитъ «оригинальное понятіе» «четвертой» или «выше парящей» власти, которую онъ отождествляетъ съ самодержавной властью (279 сл., 185). Логическое содержаніе этого понятія оказывается весьма сложнымъ и запутаннымъ. Четвертая власть является одновременно и «основнымъ свойствомъ нашей Верховной объединенной государственной власти» и особой «властью непосредственнаго волеизъявленія», причемъ въ послѣднемъ качествѣ она, съ одной стороны, включаетъ въ себя полномочія, предусмотрѣнныя основными законами (напр., право войны и мира), а съ другой стороны представляетъ собой «вовсе неупоминаемую» въ законахъ, экстраординарную власть, «къ которой прибѣгаютъ въ послѣдніе крайніе моменты» и которая, по опредѣленію П. А. Столыпина, «призвана въ минуты потрясенія и опасности для государства къ спасенію Россіи и обращенію ея на путь порядка и исторической правды» (280, 302—303). Проявленіемъ этой власти былъ, напр., актъ 3-го іюня. Справедливо признавая «нѣсколько затруднительнымъ разсматривать понятіе, которое въ одно и то же время является какъ бы и общимъ свойствомъ цѣлаго и частью его проявленій», авторъ, къ немалому удивленію читателя, ищетъ выхода въ тѣхъ самыхъ «иноземныхъ опредѣленіяхъ», которыя онъ ранѣе объявлялъ «формами, приготовленными для чужой руки». Для объясненія самаго «ориги-

Digitized by Google

нальнаго» понятія русской конституціи привлекаются на помощь Локкъ, Клермонъ-де-Шоннерръ, Сіэсъ, Бенжаменъ Констанъ, Лабандъ, Іеллинекъ (280—282, 286). «Перчатка», такимъ образомъ, кроится въ концѣ концовъ по иностранному фасону, и, конечно, трудно представить себѣ болѣе нелѣпое «втискиваніе русской дѣйствительности» въ чуждую ей форму, чѣмъ эта попытка сблизить абсолютистическіе взгляды нашихъ націоналистовъ съ ученіемъ Бенжамена Констана о «нейтральной» королевской власти.

Мы останавливались лишь на главнѣйшихъ мысляхъ труда г. Захарова. Но не менѣе цѣнны для характеристики уровня познаній и идей автора отдѣльныя замѣчанія, разбросанныя въ его книгѣ. Между ними встрѣчаются настоящіе перлы. Напримѣръ, г. Захаровъ увѣряетъ насъ, что Государственному Совѣту въ лицѣ 1-го его департамента «принадлежитъ право, подобное англійскому impeachment» (208), что пользованіе 87-й статьей «едва ли часто можетъ выходить за предѣлы мѣропріятій, не имѣющихъ длительнаго характера» (257), что право запросовъ является «исполненіемъ обѣщанія манифеста 17-го октября» (209), что «какъ у насъ, такъ и по другимъ конституціямъ» монархъ издаетъ «распоряженія, опредѣляющія порядокъ дѣйствія судебныхъ органовъ» (147) и т. п. Нашъ авторъ самымъ серьезнымъ образомъ, усматривая, повидимому, въ этомъ сопоставленіи какую-то научную цѣнность,— сравниваетъ преобразованіе Государственнаго Совѣта въ 1906 года съ англійскимъ закономъ 1911 года о верхней палатѣ и отмѣчаетъ, что въ Англіи, въ отличіе отъ Россіи, реформа «не обошлась безъ разговоровъ о назначеніи новыхъ лордовъ» (194). Каноническія правила онъ смѣшиваетъ съ догмами вѣры (308), основные законы — съ учрежденіемъ министерствъ (221).

Представленіе читателя о книгѣ г. Захарова было бы неполно, если бы мы не остановили его вниманія еще на одной характерной ея чертѣ, относящейся уже не къ ея содержанію, а къ внѣшней формѣ. Согласно ходячему представленію о соотношеніи человѣческихъ знаній предполагается, что юридическія и иныя «изслѣдованія» пишутся лицами, уже успѣвшими овладѣть основами грамматики и стилистики, хотя бы въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Г. Захаровъ кладетъ конецъ этому традиціонному предразсудку. Его русскій языкъ, съ нѣкоторыми образчиками котораго мы уже познакомились, не менѣе оригиналенъ, чѣмъ его юридическіе взгляды. Онъ пишетъ, напримѣръ: «узость понятія о нашемъ государственномъ строѣ, объясняемой игнорированіемъ историческихъ основъ»... «изложить основы нашего государственнаго строя, какъ представляющихъ извѣстную ори-

Digitized by Google

гинальность»... (10) «какъ курьезнѣйшимъ явленіемъ можно считать» (54, прим.)... «представлять... доклады и проекты указовъ Сенату, содержащихъ вопросы» (181)... «власть... является отвѣтственнымъ» (268)... «никакія теоріи о существованіи права объ измѣненіи этого акта» (291)... «ст. 96 осн. зак.... получила Высочайше утвержденное 24 августа 1909 года положеніе Совѣта министровъ о ея примѣненіи» (230)... «встрѣчая несимпатіи нововведеніямъ» (35)... «работы... были поставлены на мудрую точку»... Въ гимназическихъ сочиненіяхъ подобные согласованія и обороты обыкновенно влекутъ за собой непріятныя послѣдствія для авторовъ.

Въ общемъ, книга г. Захарова и съ внутренней и съ внѣшней стороны живо напоминаетъ типическія произведенія бойкихъ самоучекъ, не лишенныхъ способностей, но совершенно не соразмѣряющихъ своей предпріимчивости съ уровнемъ своей подготовки. У автора «есть свѣдѣнія, но нѣтъ знаній». Онъ, повидимому, немало прочиталъ, но результаты прочитаннаго сливаются въ его построеніяхъ въ какую-то хаотическую смѣсь. Если прибавить къ этому рѣзкую политическую тенденціозность, игнорирующую и насилующую факты и тексты, то можно усомниться въ томъ, чтобы автору, говоря его собственнымъ языкомъ, удалось когда-нибудь «поставить свои работы на мудрую точку».

Ѳ. Кокошкинъ.

К. А. Кузнецовъ. Опыты по исторіи политическихъ идей въ Англіи (XV—XVII в.). Владивостокъ, 1913. 223 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Изслѣдованіе К. А. Кузнецова по исторіи политическихъ идей въ Англіи въ XV—XVII вв. нѣсколько отступаетъ отъ обычнаго типа подобныхъ работъ по своему плану и по выполненію. Авторъ даетъ въ своемъ трудѣ рядъ отдѣльныхъ изложеній политическихъ идей цѣлой серіи авторовъ интересующей его эпохи, не вводя при этомъ предварительно читателя въ кругъ изучаемыхъ идей и не пытаясь въ своемъ изложеніи вставить ихъ въ рамки болѣе широкихъ обобщеній. Вдумчиво изучивъ матеріалъ, онъ старается лишь объективно передать существенные пункты содержащагося въ нихъ политическаго міросозерцанія, воздерживаясь при этомъ по мѣрѣ возможности отъ общихъ выводовъ, аналогій и сопоставленій.

Если такой характеръ работы можетъ и не вполнѣ удовлетворить читателя, то необходимо, однако, отмѣтить, что имъ все же об-

Digitized by Google

условливается цѣнность и значеніе работы. Дѣло въ томъ, что та эпоха исторіи Англіи, которую изучаетъ К. А. Кузнецовъ, относится къ дореволюціонному періоду ея политическаго развитія, когда крѣпли въ медленной борьбѣ устои англійской государственной жизни, готовясь къ моменту окончательнаго опредѣленія ихъ взаимоотношеній. Тогда политическая доктрина не довлѣла еще себѣ, не носила обобщающаго и отвлеченнаго характера и не отличалась той логической отточенностью и систематической законченностью, которыя обыкновенно отдаляютъ ее отъ конкретныхъ политическихъ интересовъ и которыя, однако, свойственны были политическимъ доктринамъ слѣдующей эпохи при достаточно уже опредѣлившихся реальныхъ отношеніяхъ. Политическая теорія того времени была, поэтому, лишь отраженіемъ компромиснаго характера реальныхъ политическихъ условій. Вотъ эту именно теорію, которая еще не стала самоцѣлью, но зато непосредственно отражала дѣйствительное соотношеніе политическихъ факторовъ, нашъ авторъ и хотѣлъ изобразить. Этимъ и объясняется и оправдывается избранный имъ пріемъ объективнаго протоколированія взглядовъ публицистики той эпохи, потому что лишь такимъ путемъ раскрываются у самаго корня въ наиболѣе чистомъ видѣ идеологическіе зачатки позднѣйшихъ доктринъ, ставшихъ столь значительными и принципіально и исторически. Въ самомъ дѣлѣ, при такихъ условіяхъ всякая попытка установленія связи и обобщеній по линіи чисто идеологическаго развитія, столь соблазнительная иногда, была бы лишь измѣной не только той задачѣ, которую, очевидно, поставилъ себѣ авторъ, но и той, которая въ извѣстной степени продиктована самой его темой.

Вообще, значеніе книги К. А. Кузнецова заключается въ томъ, что авторъ обращается въ ней не къ теоріямъ, которыя расплывались въ даль широкихъ и отвлеченныхъ обобщеній, а къ такимъ ученіямъ и взглядамъ, которые зародились, крѣпли и оправдали себя среди конкретныхъ условій. Это тѣмъ болѣе важно, что Англія вѣдь, потому и стала «матерью» европейскихъ конституцій, что въ ней обострялись и разрѣшались не отвлеченныя проблемы, а конкретныя, назрѣвшія задачи даннаго момента. Большой заслугой автора является, поэтому, уже самый фактъ обращенія къ политическимъ теоріямъ мало изученной въ этомъ отношеніи дореволюціонной эпохи Англіи. Для этой цѣли ему пришлось изучить мало доступные, а отчасти даже совсѣмъ не напечатанные трактаты и памфлеты, хранящіеся въ рѣдкихъ экземплярахъ или только въ рукописяхъ въ Британскомъ музеѣ. Съ содержащимися въ нихъ ученіями К. А. Кузнецовъ и знакомитъ читателя въ зна-

Digitized by Google

чительной степени впервые. Въ своей передачѣ наиболѣе существенныхъ политическихъ положеній авторъ при этомъ стремится оставаться, по возможности, ближе къ подлиннымъ выраженіямъ трактатовъ, прибѣгая часто къ цитатамъ въ очень удачномъ переводѣ; въ этихъ случаяхъ въ примѣчаніяхъ повсюду приводится и подлинный англійскій текстъ. Хорошимъ пособіемъ для оріентировки въ этомъ его объективно протоколирующемъ изложеніи служитъ очень живо написанное заключеніе, которое, резюмируя, кратко формулируетъ основныя положенія съ ссылками на соотвѣтственныя страницы предыдущаго изложенія и въ общемъ даетъ ясное и связное представленіе о политическихъ идеяхъ изученной эпохи. Въ результатѣ мы имѣемъ, такимъ образомъ, передъ собой изслѣдованіе англійскихъ политическихъ ученій «стараго режима», которое не возстановляетъ и не комбинируетъ отвлеченныхъ теорій, а объективно отображаетъ живую, такъ сказать, дѣйственную политическую доктрину. Изложенію автора слѣдуетъ только, пожалуй, поставить въ упрекъ его временами слишкомъ далеко идущую краткость, которая нѣсколько мѣшаетъ иногда уловленію существеннаго. На общемъ впечатлѣніи, однако, на общей характеристикѣ политическаго міросозерцанія изученной эпохи это отражается мало. Намъ представляется, что отъ этой краткости особенно пострадала глава о теологахъ, хотя и здѣсь позиція англиканскихъ епископовъ выяснена вполнѣ опредѣленно. Отдѣльные очерки, какъ напр., о Джонѣ Элліотѣ, о Твисденѣ и Яковѣ I вышли очень удачными.

При всей сдержанности автора въ книгѣ все-таки разсѣяны отдѣльныя интересныя замѣчанія общаго характера. Къ сожалѣнію, и онѣ лишь какъ бы брошены вскользь и подробнѣе не развиваются. На одно изъ такихъ замѣчаній мы считаемъ необходимымъ обратить особенное вниманіе. Мы имѣемъ въ виду очень удачную формулировку той реальной политической доктрины, которая въ политической жизни Англіи извѣстна подъ именемъ «King in parliament». Намъ представляется, что въ связи со всѣмъ своимъ изложеніемъ К. А. Кузнецовъ проливаетъ новый свѣтъ на истинное положеніе вещей, когда онъ характеризуетъ эту доктрину, какъ теорію единенія властей (въ очеркѣ о Твисденѣ), противопоставляя ее классической континентальной характеристикѣ англійскаго государственнаго строя, какъ подходящаго подъ формулу «раздѣленія властей».

При всѣхъ этихъ своихъ свойствахъ книга К. А. Кузнецова, не расчитанная на средняго читателя, является цѣннымъ и даже необходимымъ пособіемъ для всякаго — не только русскаго —

Digitized by Google

изслѣдователя политическихъ ученій въ Англіи. Правда, это не «книга выводовъ», но тѣмъ не менѣе она очень важна для тѣхъ, кто захочетъ этими выводами заняться: она приблизитъ его къ тому непосредственному матеріалу, къ которому, какъ къ живому источнику, всегда слѣдуетъ обращаться за свѣжими впечатлѣніями для провѣрки и исправленія всякихъ, унаслѣдованныхъ и благопріобрѣтенныхъ обобщеній.

Вен. Гинцбергъ.

Г. А. Замятинъ. Къ вопросу объ избраніи Карла Филиппа на русскій престолъ (1611—1616 гг.). Юрьевъ, 1913 г.

Вопросъ, поставленный авторомъ на разсмотрѣніе въ его небольшой, но обстоятельной dissertatio pro venia legendi является еще далеко неразрѣшеннымъ въ нашей ученой литературѣ. А между тѣмъ ему нельзя отказать въ извѣстной важности, какъ съ соціальной, такъ и съ чисто-юридической точки зрѣнія. Съ первой — весьма интересно выяснить, какія обстоятельства, съ одной стороны, и какія основанія, съ другой, вынудили новгородцевъ обсуждать кандидатуру на русскій тронъ шведскаго принца Карла-Филиппа; со второй — нельзя пройти мимо тѣхъ условій, на которыхъ шведскій король Густавъ-Адольфъ соглашался на то, чтобы новгородцы въ единеніи съ Москвою выставили означенную кандидатуру его брата Карла-Филиппа. Между основаніями, заставившими новгородцевъ обратиться къ шведской коронѣ за кандидатомъ на русскій престолъ, заслуживаетъ упоминанія то ихъ соображеніе, что «прежніе государи наши, и корень ихъ царьской, отъ ихъ же Варяжескаго княженія, отъ Рюрика и отъ великаго государя царя и великаго князя, блаженныя памяти Ѳедора Ивановича всеа Русіи былъ» (стран. 23). По остроумному замѣчанію автора цитируемаго труда, очевидно, что «въ вопросѣ о происхожденіи первыхъ русскихъ князей новгородцы были, выражаясь языкомъ XIX вѣка, норманистами» (ibid.). Выясненіе обстоятельствъ, почему новгородцамъ пришлось, volens-nolens, быть норманистами», представляется, несомнѣнно, важнымъ дѣломъ въ исторіи нашей смуты начала XVII вѣка. Авторъ, для изученія вопроса о кандидатурѣ Карла-Филиппа, привлекъ не только печатный, но частью и рукописный матеріалъ, извлеченный имъ изъ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ. Матеріалъ этотъ весьма интересенъ, какъ мы сами могли въ этомъ убѣдиться, и проливаетъ новый свѣтъ на нѣкоторыя важныя част-

Digitized by Google

ности вопроса; онъ будетъ авторомъ напечатанъ въ одномъ изъ томовъ «Русской Исторической библіотеки», онъ даетъ, во всякомъ случаѣ, нашему автору право пересмотрѣть вопросъ и сопоставить нечатныя свѣдѣнія о немъ въ связи съ литературными ихъ объясненіями, съ новыми архивными данными. Не входя въ подробности, отмѣтимъ, что Г. А. Замятинъ, изложивъ кратко состояніе вопроса о кандидатурѣ Карла-Филиппа въ нашей литературѣ разбираетъ затѣмъ исторію приговора объ избраніи его, составленнаго въ ополченіи Прокопія Ляпунова, описываетъ посольство новгородцевъ въ Швецію и планы Густава-Адольфа по поводу избранія, говоритъ объ образованіи второго земскаго ополченія и его намѣреніяхъ относительно избранія царя, а равно и о любопытныхъ переговорахъ, которые велись какъ въ Ярославлѣ съ новгородскими посланными, такъ и въ Москвѣ съ Новгородомъ во время движенія къ ней изъ Ярославля ополченія, останавливается, наконецъ, на избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича (главы I—VI). Казалось бы, съ момента избранія Михаила Ѳеодоровича самъ собою оканчивался вопросъ о кандидатурѣ шведскаго герцога. Однако Карлъ-Филиппъ 9 іюля 1613 года прибылъ въ Выборгъ, гдѣ ждалъ посольства изъ Новгорода. Посольство замедлило прибытіемъ, такъ какъ новгородцы вступили въ переговоры съ Москвою. Хотя новгородцы звали герцога «на богодарованный свой престолъ на новгородцкое государство государемъ царемъ и великимъ государемъ» (стран. 96), но онъ потребовалъ, чтобъ къ нему прибыли «полномочные послы всего Московскаго государства занеже намъ свой походъ въ Новгородцкое государство прежде нельзѣ учинити, доколѣ Россійскаго государства полномочные послы здѣсь будутъ и обо всемъ договорятся» (стран. 98). Не воспроизводя здѣсь интересныхъ переговоровъ новгородскихъ пословъ со шведами, составляющихъ VII главу разбираемаго труда, замѣтимъ, что переговоры эти не пришли ни къ какимъ осязательнымъ результатамъ, а послѣдующіе годы, а именно 1614 годъ и первая половина 1615 года, ясно показали, что Швеція преслѣдуетъ цѣль присоединенія Новгорода къ себѣ (стран. 119 и сл.) и въ этихъ цѣляхъ принуждаетъ новгородцевъ присягнуть королю шведскому, на что новгородцы отвѣчаютъ, что они обѣщались быть вѣрными его брату. По заключенію автора, «волею судьбы признаніе новгородцами Карла-Филиппа своимъ государемъ послужило препятствіемъ къ присоединенію Новгорода къ Швеціи» (стран. 129). Мы думаемъ, однако, что ссылка новгородцевъ на свою присягу Карлу-Филиппу была лишь формальнымъ отводомъ противъ присяги самому королю. Дѣло присоединенія было вовсе нежела-

Digitized by Google

тельно самому Новгороду, да оно и не могло быть пассивно воспринято Москвою, имѣвшею уже съ начала 1613 года царя-избранника «всея Русіи»; шведы опоздали съ своими притязаніями на Новгородъ и дѣло ихъ было проиграно ранѣе, чѣмъ начались выборгскіе переговоры.

А. Филипповъ.

Общее Уложеніе Финляндіи 1734 года и дополнительныя къ нему узаконенія, съ приложеніями и указателями, въ трехъ томахъ. Т. I «Общее Уложеніе»; т. II «Приложенія», Т. III «Указатели» (С.-Пб., 1912 г.). Составилъ Н. Н. Корево, предсѣдатель Высочайше учрежденной комиссіи для систематизаціи финляндскихъ законовъ (С.-Пб., государственная типографія, 1912 г.).

Указанное офиціальное изданіе столь важнаго памятника, какъ Общее Уложеніе Финляндіи 1734 г., весьма тщательно сдѣланное и снабженное превосходными указателями, содержащими, между прочимъ, переводъ юридическихъ терминовъ, заслуживаетъ вниманія съ двухъ сторонъ. Оно, во-1-хъ, знакомитъ насъ съ основными нормами гражданскаго и уголовнаго права, а равно и нормами процесса, дѣйствовавшими и донынѣ дѣйствующими, — въ силу тѣхъ или иныхъ дополненій къ Общему Уложенію, собранными издателемъ, въ Финляндіи. Оно, во-2-хъ, имѣетъ значительный историко-юридическій интересъ. Почтенный возрастъ Общаго Уложенія Финляндіи», а именно почти 180 лѣтъ его существованія со времени его принятія государственными чинами (на общемъ сеймѣ 1734 г.), уже самъ по себѣ заслуживаетъ вниманія. Если же мы примемъ въ соображеніе справедливое мнѣніе, высказанное Н. Н. Корево (въ «Предисловіи» къ I тому), что «происхожденіе и дѣйствующая сила разработанныхъ въ немъ (т.-е. въ Общемъ Уложеніи) правоположеній ведетъ свое начало отъ временъ отдаленныхъ отъ насъ вѣками» (стран. XXIII), что оно, далѣе, «исходило изъ обычаевъ, записанныхъ въ отдѣльности судьями и затѣмъ утвержденныхъ правителями», благодаря чему это законодательство «уже въ самомъ своемъ началѣ приняло форму собранія правилъ, приспособленныхъ къ практическому употребленію въ народѣ» (стран. XXXIV), то памятникъ представитъ большой интересъ, какъ живое свидѣтельство о старомъ народномъ правѣ, о «старинѣ и о пошлинѣ», долго примѣнявшейся и частію донынѣ сохранившейся. Текстъ «Общаго Уложенія» носитъ нерѣдко слѣды

Digitized by Google

первобытныхъ примитивныхъ понятій и отношеній, столь цѣнныхъ для соціолога, занимающагося историко-сравнительными изысканіями. Уже § 1 главы I отдѣла о бракѣ открывается постановленіемъ, что «если мущина желаетъ вступить въ супружество съ дѣвицею (то долженъ испросить на то согласіе брачнаго опекуна), а не брать ее насильно и тайно къ себѣ не заманивать». Если законъ что-либо запрещаетъ, то это явно свидѣтельствуетъ о силѣ обычая, неодобряемаго имъ,— а обычай этотъ, носящій у древнихъ германцевъ терминъ raptus, у славянъ — умычка, одинъ изъ обычаевъ сѣдой первобытной древности. Въ § 1 главы V того же отдѣла читаемъ, что «если мущина приживетъ дѣтей съ своею невѣстою, или свободною особою, въ обѣщаніи на ней жениться, или безъ онаго, то таковыя дѣти суть законныя»... Здѣсь видимъ нашъ институтъ народнаго права, а именно такъ назыв. «привѣнчиваніе», находящій себѣ аналогію въ римскомъ институтѣ «legitimatio per subsequens matrimonium». Мы указали кратко на одну сторону постановленій «Общаго Уложенія», но это Уложеніе, въ связи съ обширными къ нему дополненіями и измѣненіями, не менѣе, если не болѣе, важно для ознакомленія съ основами правовыхъ нормъ Финляндіи во всемъ ихъ своеобразіи. Уже краткое указаніе на тѣ «отдѣлы», на которые распадается Уложеніе (отдѣлы: о бракѣ, о наслѣдствѣ, о недвижимости, о строеніи, о торговлѣ, о преступленіяхъ, о наказаніяхъ, о взысканіяхъ и о судопроизводствѣ), показываетъ богатство его содержанія, а примѣчанія и цѣлый томъ «приложеній» къ нему иллюстрируютъ ту гамму эволюцій, какія оно пережило въ послѣднее столѣтіе.

А. Филипповъ.

Столѣтіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.—Съ Высочайшаго соизволенія составилъ приватъ-доцентъ В. Н. Строевъ (С.-Пб., 1912 г.).

Цѣлый рядъ юбилеевъ нашихъ учрежденій, имѣвшихъ мѣсто съ начала нынѣшняго столѣтія, создалъ своеобразную ихъ литературу, выразившуюся во многихъ, нерѣдко роскошныхъ, но мало, однако, удовлетворительныхъ въ научномъ отношеніи изданіяхъ. Прежде всего внѣшне эта неудовлетворительность выражается частью въ отсутствіи точныхъ ссылокъ на тѣ, весьма часто, архивныя данныя, на которыхъ основывается то или иное изслѣдованіе, иногда же въ нихъ отсутствуютъ вовсе какія-

Digitized by Google

либо ссылки. Возьмемъ, напр., превосходное, по внѣшности, изданіе «Государственный Совѣтъ 1801—1901 гг.» (С.-Пб., 1901 г.), представляющее in folio 215 страницъ текста (помимо приложеній); однако, ни на одной изъ этихъ страницъ мы не найдемъ указаній на его первоисточники, почему очень важныя свѣдѣнія, здѣсь сообщаемыя, могутъ быть провѣрены лишь съ большимъ трудомъ. Только въ новомъ юбилейномъ изданіи, явившемся черезъ 10 лѣтъ,— а именно въ изданіи, касающемся «Исторіи Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ 1711—1911 гг.» (С.-Пб., 1911 г., томы I—V),— мы находимъ соблюденіе этого перваго основного условія всякаго изслѣдованія, претендующаго на сколько-нибудь научное значеніе. Благой примѣръ, преподанный указаннымъ изданіемъ, однако, не всегда затѣмъ соблюдался позднѣе — юбилей трехсотлѣтняго царствованія дома Романовыхъ вызвалъ, напр., нѣсколько изслѣдованій, мало или вовсе не отвѣчающихъ указанному условію, о чемъ нельзя не пожалѣть. Очеркъ, составленный В. Н. Строевымъ, представляетъ пріятное исключеніе, такъ какъ мы находимъ у него вполнѣ точныя указанія на тѣ архивныя и иныя извѣстія, на которыхъ онъ основываетъ свои выводы. Архивныя извѣстія, впрочемъ, использованы авторомъ очерка далеко неисчерпывающимъ образомъ, иногда же они вовсе отсутствуютъ. Такъ, говоря о біографіи извѣстнаго Д. П. Трощинскаго, В. Н. Строевъ совсѣмъ не использовалъ бумагъ его, хранящихся въ Московскомъ отдѣленіи Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора (въ Троицкой башнѣ), между тѣмъ этотъ выдающійся дѣятель заслуживалъ бы большаго къ себѣ вниманія. Но во всякомъ случаѣ указанія, дѣлаемыя авторомъ очерка, доступны какъ провѣркѣ, такъ и пользованію въ тѣхъ случаяхъ, когда они представляютъ интересъ въ томъ или иномъ отношеніи, хотя и приведены въ очеркѣ лишь въ отрывкахъ. Такъ, напр., въ новой нашей исторіи, начиная съ XVIII вѣка, можно отмѣтить много примѣровъ борьбы населенія за идею законности, желаніе его отыскать правомѣрные пути къ ея защитѣ. Мы уже имѣли случай отмѣтить, что депутаты Екатерининской, напр., комиссіи выступали нерѣдко въ роли защитниковъ населенія, посылали въ присутственныя мѣста «разныя прошенія и по частнымъ дѣламъ ходатайствовали «подобно какъ стряпчіе», при чемъ Сенатъ разъяснялъ, что депутаты «призваны единственно въ комиссію сочиненія проекта новаго уложенія», и требовалъ, чтобъ они, «находясь, по своему депутатскому званію, въ комиссіи, ожидали бъ, на представленные отъ нихъ наказы, новыхъ, къ общенародной пользѣ, государственныхъ постановленій, такъ что и не остается

Digitized by Google

теперь, ни по какимъ общественнымъ ихъ дѣламъ, въ присутственныхъ мѣстахъ имъ хожденіе имѣть и просьбы употреблять, но, если, напротивъ того, кто изъ нихъ имѣетъ какое-либо ихъ свое особенное дѣло, то за онымъ хожденіе имъ не воспрещается»[1]). Сенатъ былъ, формально, правъ въ своемъ напоминаніи депутатамъ ихъ «прямой должности», но не менѣе было право и населеніе, искавшее въ депутатахъ, за неимѣніемъ другихъ, «народныхъ защитителей», «стряпчихъ по мѣстнымъ дѣламъ» и т. п. Ждать же, когда будутъ выработаны новые законы, депутаты не могли, такъ какъ, вѣроятно, ясно представляли себѣ, какъ длиненъ путь къ ихъ созданію. Да и созданіе новыхъ законовъ еще не служило гарантіею ихъ исполненія. Недаромъ и «отецъ природной русской юриспруденціи», проф. Московскаго университета С. Е. Десницкій, представившій въ 1768 году проектъ учрежденія постояннаго законодательнаго корпуса, рисовалъ себѣ народное представительство въ такомъ видѣ, что въ лицѣ выборныхъ «всякая губернія, провинція и корпусы» должны были имѣть «своего въ законодательной власти представителя, заступника и ходатая, которому бы своихъ согражданъ, соподданныхъ и сосѣдовъ, обстоятельства и жалобы всегда извѣстны были и черезъ него всему государственному правленію въ Сенатѣ на разсмотрѣніе представляемы были» (ibid., стран. 23 и сл.). «Гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно». Депутаты Екатерининской комиссіи были, говоря современнымъ жаргономъ, сначала «разъяснены», затѣмъ распущены, никакого законодательнаго корпуса мѣстныхъ «заступниковъ и ходатаевъ» за права гражданъ создано не было, но время отъ времени, подъ тѣмъ или инымъ видомъ, они появлялись. Въ очеркѣ В. Н. Строева мы находимъ одинъ любопытный примѣръ такихъ добровольныхъ защитниковъ права. Въ 1812 году надворный совѣтникъ Наумовъ, съ Высочайшаго соизволенія, учредилъ «домъ Практическаго Правовѣдѣнія, въ которомъ молодые люди приготовлялись бы къ стряпчеству». Скоро, однако, онъ, «отступивъ отъ цѣли сей, принялъ на себя разборъ рѣшенныхъ дѣлъ; ему начали подавать просьбы, онъ требуетъ справокъ и новаго разбора дѣлъ, однихъ просителей обращаетъ къ министру юстиціи съ такими просьбами, которыхъ безъ нарушенія закона удовлетворить нельзя, другимъ выдаетъ свидѣтельства, что они и послѣ отказа могутъ приносить на Высочайшее имя просьбы, третьихъ ласкаетъ, что дѣла ихъ помѣщены въ отчетѣ», поднесенномъ го-

---

[1]) «Депутаты Екатерининской комиссіи и Правительствующій Сенатъ» (С.-Пб., 1910 г., стран. 14 и сл.).

Digitized by Google

сударю. Изъ приведеннаго авторомъ очерка отрывка не видно ясно, насколько основательны были обвиненія, воздвигнутыя противъ Наумова, и насколько онъ отступилъ отъ цѣли своего оригинальнаго учрежденія. Но изъ записки оберъ-полицеймейстера того времени, а равно и отвѣта на нее Наумова можно заключить, что дѣло имѣло принципіальный характеръ. Такъ, оберъ-полицеймейстеръ заявилъ: «министръ юстиціи присовокупилъ, что еслибъ Наумовъ, оставивъ свои ни съ чѣмъ несообразныя предположенія такъ называемаго имъ открытаго адвокатства, рѣшилъ подчинить себя правиламъ службы, то, судя по его способностямъ, онъ могъ бы быть весьма полезнымъ чиновникомъ». На это Наумовъ возражалъ: «Трощинскій не понимаетъ важности открытаго адвокатства, ибо правосудіе далеко отъ его сердца и разума по его образу жизни» (стр. 29 разбираемаго сочиненія). Открытое адвокатство, — т.-е. закономѣрная прямая защита гражданина чрезъ опытныхъ представителей,— было институтомъ, не выработаннымъ нашей исторіею, тогда какъ подпольное, а нерѣдко и крамольное, добываніе и отстаиваніе своихъ притязаній находило у насъ пути для развитія. Оправдываясь передъ государемъ въ своихъ дѣйствіяхъ, Наумовъ указывалъ, что онъ старался облегчить участь притѣсненныхъ безкорыстною своею «работою», и восклицаетъ: «Государь! больно христіанину и вѣрноподданному видѣть своего государя, очерненнымъ именемъ тирана» (ibid.). Неудивительно, что Собственная Его Величества канцелярія, — несмотря на существованіе комиссіи прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, осаждалась (особенно во время путешествій государя) просьбами всякаго рода, такъ какъ только у трона люди мечтали найти защиту своихъ поруганныхъ правъ[1]) или прекращеніе вопіющихъ злоупотребленій, казнокрадство и т. п. Очеркъ В. Н. Строева представляетъ не мало любопытныхъ бытовыхъ чертъ по вопросу, какъ въ царствованіе Александра I, «когда просить государя», какъ говорится въ одной офиціальной запискѣ, сдѣлалось, такъ сказать, промысломъ, такъ и въ послѣдующія царствованія. Очеркъ В. Н. Строева, къ сожалѣнію, слишкомъ сжатъ и далеко не исчерпываетъ богатѣйшихъ архивныхъ извѣстій по дѣятельности учрежденія, столь близко стоявшаго къ государямъ, а потому и столь вліятельныхъ. Естественнымъ, впрочемъ, къ нему дополненіемъ служатъ двѣна-

---

[1]) См., напр., на стран. 249 и сл. данныя слѣдствій о злоупотребленіяхъ помѣщиками своею властью надъ крѣпостными; на стран. 259 — записку А. С. Танѣева отъ 1845 г. о произволѣ начальства надъ своими подчиненными, оставленную, впрочемъ, Комитетомъ Министровъ безъ послѣдствій и мн. др.

Digitized by Google

дцать томовъ «Сборника историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его И. Величества канцеляріи» Н. Ф. Дубровинымъ, но и они не обнимаютъ, однако, всего этого матеріала.

Александръ Филипповъ.

Проф. М. П. Чубинскій. Курсъ уголовной политики. Изд. 2-е. С.-Пб. 1912 г.

Въ свое время вопросъ о томъ, входитъ ли уголовная политика въ предѣлы науки уголовнаго права, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ вопросомъ о правѣ уголовной политики на существованіе въ качествѣ научной дисциплины. Криминалисты боролись за включеніе уголовной политики въ рамки науки уголовнаго права, какъ за свое право работать надъ созданіемъ раціональной системы борьбы съ преступностью и надъ изслѣдованіемъ ея причинъ, не порывая связи съ академической наукой и не выходя изъ ея традиціонныхъ подраздѣленій. Криминалисты считали нужнымъ какъ бы оправдываться въ своемъ стремленіи сосредоточить изученіе на вопросахъ реформы уголовнаго законодательства. Въ одной изъ своихъ статей Листъ признается съ полною откровенностью: «Мы должны писать объемистые учебники со всѣмъ аппаратомъ учености и съ историческими введеніями для того, чтобы не уронить нашъ авторитетъ, ослабленный борьбою за реформу уголовнаго законодательства».— Теперь вопросъ объ отношеніи уголовной политики къ наукѣ уголовнаго права утратилъ свою остроту. Входитъ или не входитъ уголовная политика съ ея антропологическимъ и соціологическимъ основаніями въ составъ науки уголовнаго права, она, во всякомъ случаѣ, поднялась на уровень научной дисциплины. Курсъ профессора М. П. Чубинскаго — наглядное тому доказательство. Его книгой, подводящей итоги уголовно-политической мысли, уголовная политика какъ бы говоритъ: «cogito, ergo sum» — существую, какъ наука, ибо уголовно-политическая мысль не только не перестала работать, но и достигла той степени развитія, при которой явилась возможность вылить ее въ форму академическаго курса (другой курсъ уголовной политики принадлежитъ перу С. К. Гогеля).

Книга М. П. Чубинскаго вышла вторымъ изданіемъ. Уже первое изданіе вызвало въ юридической литературѣ рядъ весьма лестныхъ отзывовъ. Сведеніе въ систему обширнаго матеріала, рядъ интересныхъ мыслей, искусная аргументація, всегда отчетливое из-

Digitized by Google

ложеніе составляютъ уже признанныя достоинства книги проф. Чубинскаго. Такъ какъ новое изданіе вышло почти безъ измѣненій, то оно и не нуждается въ новой рекомендаціи. Мы, поэтому, въ настоящей рецензіи ограничимся лишь немногими, наиболѣе общими, критическими замѣчаніями и притомъ такими, которыя, насколько мы могли убѣдиться, еще не были сдѣланы въ отзывахъ о первомъ изданіи курса (намъ извѣстны отзывы: Е. Н. Ефимова въ «Критическомъ Обозр.», М. Н. Гернета въ «Совр. Мірѣ», П. И. Люблинскаго въ «Правѣ»).

Прежде всего намъ не кажется достаточно точнымъ то опредѣленіе уголовной политики, которое даетъ проф. Чубинскій. «Уголовная политика», пишетъ онъ, подводя итоги первой части своей книги, «есть вѣтвь науки уголовнаго права, призванная вырабатывать указанія для наилучшей постановки въ странѣ дѣла уголовнаго правосудія, какъ путемъ соціальныхъ реформъ, такъ и путемъ созданія лучшаго уголовнаго законодательства» (стран. 52). Мы думаемъ, что авторъ привелъ немало краснорѣчивыхъ аргументовъ въ пользу включенія въ составъ уголовной политики ученія о мѣрахъ предупрежденія преступленій, но намъ непонятно, какимъ образомъ эти превентивныя мѣры, среди которыхъ авторъ первое мѣсто удѣляетъ соціальнымъ реформамъ, превращаются въ опредѣленіи уголовной политики въ путь для наилучшей постановки уголовнаго правосудія. Затѣмъ, если, по взгляду автора, «уголовная политика должна взять на себя широкую задачу указанія на все то, что связано съ усовершенствованіемъ уголовнаго законодательства» (стран. 49), то почему авторъ совсѣмъ не касается классическихъ конструктивныхъ вопросовъ уголовнаго права, каковы, напр., вопросы о правильномъ опредѣленіи понятія вмѣняемости, о предѣлахъ — de lege ferenda — крайней необходимости, о надлежащей конструкціи соучастія. Развѣ рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ не относится къ категоріи «указаній на все то, что связано съ усовершенствованіемъ законодательства?» Возможно, что авторъ надлежащее мѣсто для этихъ вопросовъ видѣлъ въ параграфѣ «Преступленіе, какъ первый основной моментъ въ дѣлѣ уголовной репрессіи», но этому параграфу удѣляется меньше страницы на томъ основаніи, что надъ относящимися сюда вопросами уже «много и плодотворно потрудилась классическая школа», и уголовный политикъ можетъ лишь принять «съ благодарностью наслѣдіе предшественниковъ». Мы думаемъ, однако, что давность и разработанность вопросовъ не есть основаніе для того, чтобы исключать ихъ изъ курса, преслѣдующаго, какъ подчеркиваетъ самъ авторъ, цѣли преподаванія.

Digitized by Google

Самой цѣнной частью книги несомнѣнно является часть историческая, воспроизводящая съ сокращеніями историческій матеріалъ, содержавшійся въ вполнѣ самостоятельномъ изслѣдованіи автора «Очерки уголовной политики». Намъ лишь кажется, что слишкомъ мало мѣста удѣлилъ здѣсь авторъ уголовно-политическому творчеству въ Россіи въ тотъ періодъ, который онъ называетъ періодомъ расцвѣта уголовно-политическихъ ученій (съ первой четверти XVIII по первую четверть XIX вѣка). Если въ качествѣ главнѣйшихъ представителей уголовно-политическаго теченія на Западѣ въ этомъ періодѣ М. П. Чубинскій называетъ Монтескье и Беккаріа, воззрѣнія которыхъ онъ излагаетъ съ большою обстоятельностью, то, на нашъ взглядъ, исключительное мѣсто, занимаемое этими авторами въ исторіи уголовной политики, обязывало М. П. Чубинскаго остановиться и на тѣхъ русскихъ авторахъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ отражали идеалы Монтескье и Беккаріа. Такими авторами, кромѣ императрицы Екатерины (о ея «Наказѣ» въ «Курсѣ» содержится упоминаніе), были Ушаковъ съ его «Размышленіями о правѣ наказанія и о смертной казни», Радищевъ съ его «Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву» и «О цѣнахъ за людей убіенныхъ», И. В. Лопухинъ, оставившій послѣ себя къ качествѣ литературнаго наслѣдія «Отрывки сочиненія одного стариннаго судьи и его же замѣчанія на извѣстную книгу Руссову: du contrat social», «Вопль стариннаго судьи» и другія. Указанія на уголовно-политическія воззрѣнія названныхъ авторовъ содержатся въ вышедшей уже послѣ перваго изданія «Курса уголовной политики» спеціальной работѣ Г. С. Фельдштейна, посвященной исторіи науки уголовнаго права въ Россіи.

Въ вопросѣ о факторахъ преступности М. П. Чубинскій останавливается на трехчленной ихъ классификаціи, раздѣляя ихъ, вслѣдъ за Ферри, на космическіе, антропологическіе и соціальные. Мы думаемъ, однако, что соображенія автора о мѣрахъ борьбы съ факторами преступности говорятъ о предпочтительности двухчленной классификація Листа (факторы индивидуальные и соціальные), предложенной имъ въ докладѣ международному конгрессу въ Петербургѣ въ 1902 году. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, классификація факторовъ преступности имѣетъ для уголовнаго политика значеніе въ той мѣрѣ, въ какой она обусловливаетъ различіе въ мѣрахъ противодѣйствія имъ. Недаромъ и М. П. Чубинскій говоритъ о факторахъ преступности въ отдѣлѣ «политики превенціи». Но каковы же тѣ мѣры, которыя рекомендуются для борьбы съ космическими факторами преступности? Оказывается, это — «долгія

Digitized by Google

и планомѣрныя усилія, направленныя къ подъему въ странѣ цивилизаціи и культуры», т.-е. тѣ мѣры, о которыхъ, конечно, гораздо умѣстнѣе говорить въ главѣ «соціальные факторы преступности и борьба съ ними».

Въ послѣднемъ отдѣлѣ своей книги, посвященномъ политикѣ репрессіи, авторъ останавливается на «основныхъ моментахъ въ дѣлѣ уголовной репрессіи», считая таковыми: преступленіе, преступника и мотивъ преступной дѣятельности. Полагая, что мотивъ дѣйствія совершенно неотдѣлимъ отъ самого дѣйствующаго лица, которое онъ характеризуетъ, мы считаемъ рѣшительно невозможнымъ вмѣсто того, чтобы говорить объ объективныхъ моментахъ, учитываемыхъ въ дѣлѣ уголовной репрессіи, противополагать преступленію преступника и мотивъ преступной дѣятельности, какъ двѣ самостоятельныя предпосылки репрессіи. О такой невозможности лучше всего говоритъ изложеніе самого автора. Въ главѣ о «преступникѣ» онъ признаетъ за основную классификацію преступниковъ дѣленіе ихъ на привычныхъ и случайныхъ, при чемъ случайнымъ считаетъ преступника, дѣяніе котораго «вызвано, главнымъ образомъ, давленіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и не свидѣтельствуетъ о глубокой нравственной испорченности». Не требуется ли этимъ опредѣленіемъ для отнесенія преступника къ той или другой категоріи изслѣдованіе мотивовъ его поведенія, приведшаго его къ колизіи съ уголовнымъ закономъ? На ряду съ указанной основной классификаціей авторъ считаетъ заслуживающей серіознаго вниманія, могущей служить показателемъ, въ какомъ направленіи слѣдуетъ работать, классификацію Гарофало, противопоставлявшаго виновниковъ формальныхъ преступленій виновникамъ преступленій «естественныхъ», совершеніе которыхъ говоритъ объ отсутствіи у преступника «состраданія и честности». А между тѣмъ, развѣ въ основѣ и этой классификаціи не лежитъ различеніе мотивовъ преступной дѣятельности?

Такой богатый содержаніемъ и притомъ не выбирающій проторенныхъ путей трудъ, какимъ является трудъ проф. Чубинскаго, не можетъ не дать повода для полемики и по другимъ, болѣе частнымъ, вопросамъ, но за недостаткомъ мѣста мы не можемъ остановиться на нихъ въ настоящей рецензіи.

Н. Полянскій.

Digitized by Google

А. М. Рубашева. Особые суды для малолѣтнихъ и система борьбы съ дѣтской преступностью. Томъ I. Америка, Англія, Германія и Австрія. Москва, 1912. 416 стран. Ц. 1 р. 50 к.

Е. П. Тарасова. Дѣтскій судъ заграницей и въ Россіи. Москва, 1912. 90 стран. Ц. 50 коп.

Современное, столь быстро распространяющееся движеніе въ области борьбы съ дѣтской преступностью едва ли не наиболѣе ярко и отчетливо отражаетъ на себѣ тотъ переломъ во взглядахъ на цѣли и задачи карательной дѣятельности государства, который является такимъ характернымъ для нашего времени. Если по отношенію къ взрослымъ преступникамъ только медленно и съ большимъ трудомъ завоевываетъ себѣ мѣсто идея необходимости изысканія средствъ и способовъ ихъ исправленія и приспособленія къ общественной жизни, то, напротивъ, въ отношеніи къ юнымъ преступникамъ уже можетъ считаться господствующей та точка зрѣнія, что не сложившаяся, не законченная дѣтская психика легче всего и скорѣе можетъ быть подвержена благотворнымъ вліяніямъ; антисоціальные инстинкты, образующіеся въ ней большею частью подъ вліяніемъ дурныхъ условій общежитія могутъ быть скорѣе заглушены. Отсюда вытекаютъ разнообразныя мѣропріятія, имѣющія цѣлью не только исправленіе уже сдѣлавшихся преступными дѣтей, но и мѣры для предупрежденія еще не проявившихся преступныхъ склонностей; такимъ образомъ, борьба съ дѣтской преступностью не должна ограничиваться организаціей спеціальныхъ дѣтскихъ судовъ; здѣсь тѣсно связаны и взаимно дополняютъ другъ друга и общія мѣры соціальной политики, и спеціальныхъ мѣропріятій, касающихся попеченія о безпризорныхъ и заброшенныхъ дѣтяхъ, а также учрежденіе воспитательныхъ и исправительныхъ заведеній.

Г-жа Рубашева, уже раньше посвятившая обзору мѣропріятій въ борьбѣ съ дѣтской преступностью, примѣняемыхъ въ Америкѣ и Западной Европѣ, весьма обстоятельный очеркъ въ сборникѣ «Дѣти-преступники»[1]), теперь выпустила книгу, въ которой излагаетъ подробно формы дѣятельности и организаціи дѣтскихъ судовъ въ четырехъ странахъ: Америкѣ, Англіи, Германіи и Австріи, уже начинающихъ вырабатывать цѣлую стройную систему «дѣтскаго права». Придерживаясь преимущественно описательнаго метода, и только въ немногихъ случаяхъ дѣлая экскурсы въ область

[1]) См. «Юридическій Вѣстникъ» 1913, кн. I, стран. 227.

Digitized by Google

общей теоріи уголовнаго права, авторъ достаточно полно даетъ обзоръ не только законодательнаго матеріала четырехъ странъ, но умѣло используетъ любопытный матеріалъ, содержащійся въ отчетахъ судей, анкетахъ парламентскихъ комиссій и т. п., въ результатѣ чего, передъ читателемъ ясно вырисовываются тѣ жизненныя условія и практическіе результаты, къ какимъ приводитъ вся система мѣропріятій въ борьбѣ съ дѣтской преступностью. Однако, однимъ описаніемъ дѣтскихъ судовъ и относящихся сюда законодательныхъ актовъ авторъ не ограничивается; онъ гораздо шире взглянулъ на вопросъ, включивъ въ свою книгу обзоръ мѣропріятій, относящихся къ области попеченія о безпризорныхъ и заброшенныхъ дѣтяхъ, ибо, какъ говоритъ авторъ во введеніи (стран. 15): «это было бы искусственнымъ раздѣленіемъ, котораго жизнь не знаетъ; оно сдѣлало бы непонятной внутреннюю необходимость цѣлаго ряда мѣропріятій, составляющихъ сущность новыхъ судовъ». Та же точка зрѣнія побудила автора включить въ свою книгу и описаніе воспитательно-исправительныхъ заведеній, какъ одного изъ необходимыхъ элементовъ въ общей схемѣ мѣръ борьбы съ малолѣтними преступниками. Соотвѣтственно этимъ тремъ темамъ и книга г-жи Рубашевой раздѣлена на три части, дающія ясную картину современнаго состоянія мѣропріятій въ данной области.

Авторъ внимательно и добросовѣстно отнесся къ разработкѣ обширнаго матеріала, не загромождая своего изложенія деталями и не утомляя излишними подробностями. Книга г-жи А. М. Рубашевой является, несомнѣнно, полезнымъ трудомъ для ознакомленія съ постановкой этого «больного вопроса» современной уголовной репрессіи въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ, откуда это движеніе получило свое дальнѣйшее распространеніе.

При нашей отсталости въ дѣлѣ борьбы съ преступностью малолѣтнихъ, знакомство съ опытомъ Запада, предостерегающее отъ неизбѣжныхъ увлеченій и ошибокъ, становится особенно настоятельнымъ. Изученіе формъ этого движенія на Западѣ и въ Сѣверной Америкѣ даетъ прочный фундаментъ для той мысли, что успѣшнымъ залогомъ для борьбы съ малолѣтними преступниками является взаимодѣйствіе государственной помощи и общественной иниціативы. Поэтому, популяризація идеи дѣтскихъ судовъ становится у насъ вопросомъ дня, и въ этомъ отношеніи, вторая изъ рецензируемыхъ книгъ «Дѣтскій судъ за границей и въ Россіи» г-жи Е. П. Тарасовой должна сослужить полезную службу для лицъ, мало знакомыхъ съ этимъ движеніемъ.

Digitized by Google

Хотя теорія уголовнаго права въ лицѣ такихъ выдающихся ея представителей, какъ Кистяковскій, Дриль и др., уже давно въ Россіи занималась вопросомъ о малолѣтнихъ преступникахъ, однако, проведеніе практическихъ мѣропріятій не получило надлежащаго распространенія, ограничиваясь отдѣльными исключительными мѣрами, какъ напр., учрежденіе особаго судьи для малолѣтнихъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Несомнѣнно, что особый интересъ имѣетъ исторія тѣхъ подготовительныхъ шаговъ и перипетій, какіе предшествовали возникновенію спеціальнаго суда для малолѣтнихъ въ Петербургѣ; книга г-жи Тарасовой въ этомъ случаѣ какъ бы дополняетъ первый трудъ, излагая возникновеніе этого суда и указывая ту роль и иниціативу, какая принадлежала въ этомъ дѣлѣ С.-Петербургскому Обществу Патроната.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ отмѣтить, что обѣ эти книги принадлежатъ перу женщинъ-юристокъ и своими научными достоинствами наглядно опровергаютъ ходячія, рутинныя представленія о неспособности женщинъ плодотворно работать на нивѣ юриспруденціи.

И. Лебединскій.

Проф. М. П. Чубинскій. Статьи и рѣчи по вопросамъ уголовнаго права и процесса. Т. 2. (1906—1911 гг.). С.-Пб. 1912. Стран. 318. Ц. 2 руб.

Почти $^1/_3$ всего сборника занимаютъ двѣ статьи, посвященныя судебной реформѣ Императора Александра II и судьбѣ ея — судьбѣ прекраснаго начинанія, вся исторія котораго превратилась въ сплошной «мартирологъ». — «Когда сдѣлалось яснымъ, что основныя черты нашего государственнаго строя должны остаться неприкосновенными, то, чѣмъ больше проникала въ жизнь и укрѣплялась судебная реформа, тѣмъ въ болѣе яркое и непримиримое противорѣчіе становилась она съ основами нашего режима — всемогущей бюрократіей и идеей надзаконности власти. Это долго не сознавалось... Понадобился рядъ ударовъ, не оставившихъ въ зданіи судебныхъ установленій камня на камнѣ, чтобы... общество поняло, что произошло печальное, но неизбѣжное присособленіе новаго суда къ духу стараго режима, что новый судъ утерялъ многіе изъ тѣхъ признаковъ, которые непроходимой гранью отдѣляли его отъ стараго суда». Очень скоро «рядомъ съ обычнымъ судомъ выросла административная расправа». Система изъятій изъ общаго порядка подсудности, которая, казалось бы, должна была отойти въ область безвозвратнаго прошлаго, снова стала

Digitized by Google

практиковаться въ широкихъ размѣрахъ. На ряду съ этимъ «шла цѣлая вереница мѣръ, имѣвшихъ цѣлью, во-первыхъ, сокращеніе компетенціи суда присяжныхъ и правъ адвокатскаго сословія, во-вторыхъ, уменьшеніе судейской независимости и несмѣняемости, и, въ-третьихъ, уничтоженіе созданной судебными уставами твердой границы между властью судебной и административной». Наконецъ, уничтоженъ «ставшій на пути новой «дворянской эры» одинъ изъ краеугольныхъ камней судебныхъ уставовъ — мировой институтъ», и съ изданіемъ «Положенія» о земскихъ начальникахъ «дѣлу судебной реформы былъ нанесенъ окончательный ударъ».

Довольно много мѣста въ сборникѣ отведено «вопросамъ дня», такъ или иначе входящимъ въ сферу компетенціи криминалиста: смертной казни, различнымъ «изобрѣтеніямъ въ области уголовнаго правосудія», сенатскимъ «разъясненіямъ» и т. д. Серіозный и глубокій ученый, авторъ, очевидно, не признаетъ науку an und für sich, не является сухимъ гелертеромъ, погруженнымъ въ свои книги и ничего кромѣ нихъ не видящимъ и не желающимъ видѣть; онъ чутко слѣдитъ за жизнью и спѣшитъ присоединить свой «голосъ науки» къ тѣмъ голосамъ, которые возвышаются противъ печальныхъ «бытовыхъ явленій» русской дѣйствительности. И слова гражданина — ученаго, — слова простыя, ясныя, убѣдительныя — успокаиваютъ, ободряютъ душу, и внушаютъ твердую вѣру, что если «такъ было», если еще хуже «такъ есть», то наступитъ же время, когда «такъ не будетъ».

С. Гавриловъ.

*****Записки судьи. Третье изданіе, дополненное и съ новыми приложеніями. С.-Пб. 1912. Стран. 84. Ц. 80 коп.**

Едва ли не съ перваго же момента введенія Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II начался противъ нихъ ожесточенный походъ. Появились «новеллы», будто бы имѣющія цѣлью дополнить и разъяснить Уставы, а въ дѣйствительности — подрывающіяся подъ самое основаніе ихъ; ограничивалась сфера компетенціи суда присяжныхъ; вмѣсто судебныхъ слѣдователей, облеченныхъ большою властью, независимыхъ, несмѣняемыхъ — появились «исправляющіе должность» ихъ; наконецъ, уже въ девятисотыхъ годахъ была предпринята «очистка» судебнаго вѣдомства отъ дѣятелей, провинившихся тѣмъ, что слишкомъ строго блюли чистоту Судебныхъ Уставовъ...

Digitized by Google

Все это — ни для кого не тайна, все это уже давно и, къ величайшему сожалѣнію, слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ и каждому. Вѣроятно, именно этимъ и нужно объяснить необыкновенный успѣхъ «Записокъ Судьи», въ теченіе года выдержавшихъ 2 изданія и вышедшихъ уже третьимъ: сенаторъ, старшій предсѣдатель Судебной Палаты, уволенный отъ службы по прошенію, имъ не подававшемуся, «пострадавшій за правду» и печатно ополчившійся на защиту Судебныхъ Уставовъ и на свою собственную — все это, конечно, не могло не возбудить сенсаціи.

Къ сожалѣнію, защита оказалась по меньшей мѣрѣ неудачной. Уже съ самаго начала производитъ непріятное впечатлѣніе incognito автора: ужъ если брать на себя защиту «святого дѣла», если, защищая себя, бросать въ то же время обвиненія, и обвиненія тяжкія, другимъ — нужно дѣйствовать съ открытымъ забраломъ, прямо называть и себя, и своихъ враговъ и друзей,— или, по крайней мѣрѣ, писать, такъ сказать, абстрактно, не давая совершенно ясными намеками понять, гдѣ происходитъ дѣйствіе и о какихъ лицахъ идетъ рѣчь, какъ это сдѣлалъ авторъ «Записокъ Судьи».

Такое же неблагопріятное впечатлѣніе производятъ и «приложенія», занимающія, кстати сказать, почти $^1/_3$ всей книжки (26 страницъ) и заключающіяся въ перепечаткѣ газетныхъ отзывовъ о книгѣ и изъ писемъ друзей автора по поводу нея: невольно напрашивается сравненіе съ рекламами о различныхъ чудодѣйственныхъ средствахъ, гдѣ также приводятся хвалебные отзывы «профессоровъ» и благодарственныя письма «баронессы Z, священника X и чиновника У».

Не только не сглаживаетъ, а еще усиливаетъ непріятное чувство и самое содержаніе «Записокъ». Непосредственно за очень краткой автобіографіей начинается повѣствованіе о столкновеніяхъ автора, тогда товарища прокурора суда, съ прокуроромъ, — повѣствованіе, похожее на какую-то мелкую сплетню (стран. 6—12); на стран. 16, 20—22, 48—53 идетъ рѣчь о «зломъ геніи» автора — «по виду (?) бѣлобрысомъ и сухопаромъ нѣмчикѣ (?)», который сдѣлался, по мнѣнію автора, его заклятымъ врагомъ на всю жизнь лишь потому, что счелъ себя обиженнымъ (опять-таки по мнѣнію автора) какими-то до смѣшного, до нелѣпости ничтожными пустяками; на стран. 25 мы читаемъ, что одинъ изъ Министровъ Юстиціи «возненавидѣлъ» автора лишь за то, что онъ, авторъ, на пятомъ году своей службы былъ назначенъ членомъ Судебной Палаты, тогда какъ Министръ даже прокуроромъ былъ назначенъ позже, чѣмъ черезъ 5 лѣтъ по поступленію на службу.

Возмущаясь взведенными на него, по его мнѣнію, совершенно необоснованными, обвиненіями, авторъ этимъ же и самъ грѣшитъ,

Digitized by Google

и грѣшитъ, пожалуй, еще въ большей степени. Назначенный старшимъ предсѣдателемъ Судебной Палаты, онъ, по его словамъ, засталъ въ Судебной Палатѣ развалъ; при объѣздахъ по округу Палаты «замѣчалась та же распущенность, отсутствіе всякой дисциплины, даже невоспитанность». Казалось бы, такое серіозное обвиненіе должно быть всесторонне обосновано фактами; и авторъ, дѣйствительно, спѣшитъ привести ихъ. Оказывается, что одинъ изъ судебныхъ разсыльныхъ, не узнавъ только что пріѣхавшаго старшаго предсѣдателя Палаты, толкнулъ его на улицѣ, и «довольно грубо заявилъ: развѣ я обязанъ знать всякаго?» Оказывается, далѣе, что «адвокаты ходили по коридорамъ и канцеляріямъ съ папиросами въ зубахъ», «сторожа и курьеры дѣлали видъ, что не замѣчаютъ проходящихъ предсѣдателя и членовъ», «въ канцеляріяхъ всякая дисциплина была изгнана и даже титулъ «превосходительства» устраненъ», «писцы не вставали при входѣ старшаго предсѣдателя». И это — все! Не мало ли для того, чтобы говорить о «развалѣ» въ Судебной Палатѣ? Вѣдь, она не изъ однихъ курьеровъ и писцовъ состоитъ!

Переходя къ исторіи объ увольненіи автора отъ должности сенатора, приходится ограничиться лишь тѣмъ вопросомъ, который былъ заданъ однимъ изъ его корреспондентовъ: «Зачѣмъ Вы малодушествовали и подали прошеніе объ отставкѣ?» Кстати, въ газетахъ промелькнуло недавно извѣстіе, что Сенатъ оставилъ безъ послѣдствій жалобу автора на дѣйствія лицъ, которыя, по его словамъ, были причиной его вынужденнаго выхода въ отставку.

С. Гавриловъ.

Труды Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Т. V (1911 г.). С.-Пб. 1913 г. 552 стран.

«Труды», начавшіе выходить вмѣсто журнала Юридическаго Общества съ 1910 года, представляютъ для читателей «Юридическаго Вѣстника» двоякій интересъ: какъ средоточіе и сборное мѣсто наиболѣе ярко бьющей русской юридической мысли и какъ примѣръ изданія родственнаго намъ Юридическаго Общества, но другого типа, чѣмъ нашъ журналъ. Не представляя собою органа какого-нибудь опредѣленнаго теченія научной юриспруденціи, «Труды», конечно, не могутъ въ содержаніи своемъ указать какую-либо единую тенденцію или отправную точку, не имѣютъ матеріальнаго единства. Но зато, какъ отъ органа стоящихъ въ самой гущѣ жизни и законодательнаго творчества страны юристовъ,

Digitized by Google

отъ «Трудовъ» можно ожидать послѣдовательно проведенной нѣкую формальную основную линію; эта линія, очевидно, можетъ заключаться лишь въ степени близости и чуткости ихъ по отношенію къ практическимъ потребностямъ жизни. И это именно достоинство у нихъ и есть, создавая изъ «Трудовъ» единое произведеніе, хотя доклады читались разными лицами и по самымъ различнымъ поводамъ. Эта близость жизни отражается уже на самомъ тонѣ и темпѣ докладовъ и преній: говоря словами В. М. Гессена о Г. Елленекѣ, въ этихъ же «Трудахъ» «въ спокойномъ теченіи стройныхъ и законченныхъ фразъ слышится тотъ этическій пафосъ, которымъ проникнута всякая творческая мысль». Но еще больше вліяніе жизни отражается на темахъ докладовъ, которые представляютъ собою какъ бы заранѣе опредѣленную и выполняемую законодательную программу. Достаточно указать на цѣлый рядъ темъ, какъ разъ теперь ставшихъ на очередь въ Государственной Думѣ и Г. Совѣтѣ (отвѣтственность должностныхъ лицъ, переходъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, реформа Сената, раздѣльное жительство супруговъ).

Но если можно указать на тѣсную связь науки, воплощающейся въ Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ, съ жизнью, то нельзя, къ сожалѣнію, того же самаго сказать о связи ея съ законодательствомъ. И если въ этой столь логически связанной тройной цѣпи: жизнь — наука — законодательство, нѣтъ фактической связи второго звена съ третьимъ, то вина во всякомъ случаѣ ложится не на науку: не она задается утопическими проектами и невыполнимыми планами, а, наоборотъ, законодательная власть не прислушивается внимательно къ голосу жизни, научно проясненному и обработанному, идущему изъ Юридическаго Общества. Въ этомъ отношеніи любопытно прослѣдить какъ разъ на двухъ изъ разбираемаго нами тома «Трудовъ» докладахъ, какія измѣненія претерпѣли они и съ какими мнѣніями столкнулись въ Думѣ и Совѣтѣ. Мы беремъ вопросъ о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ и о реформѣ Сената.

Глубокій теоретическій и практическій интересъ представляетъ собою сопоставленіе доклада І. В. Гессена о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ и преній по нему въ Юридическомъ Обществѣ съ редакціей закона, принятаго недавно Государственнымъ Совѣтомъ. Докладъ Гессена имѣлъ уже въ виду не только законопроектъ министерства, но и всѣ поправки, внесенныя въ него думской комиссіей, и, тѣмъ не менѣе, онъ находилъ его недостаточнымъ и во много разъ худшимъ, чѣмъ всѣ его предшественники въ этой области. Недостаточность эту Гессенъ, главнымъ образомъ, усмат-

Digitized by Google

ривалъ въ томъ, что сущность законопроекта «направлена — говоря словами Синода — не на установленіе раздѣльнаго жительства, а лишь къ тому, чтобы установить взаимныя права супруговъ, уже фактически живущихъ врозь, и выяснить участь и положеніе дѣтей. Въ этомъ новомъ проектѣ супругамъ не предоставляется право раздѣльнаго жительства... и, слѣдовательно, не устанавливается раздѣльное жительство, какъ самостоятельный юридическій институтъ» (536). «Конструкція,—говоритъ Гессенъ,— новаго проекта, слѣдовательно, такова, что судъ не вмѣшивается въ установленіе раздѣльнаго жительства супруговъ, это предоставляется ихъ желанію и усмотрѣнію» (537). «Вопросъ объ установленіи раздѣльнаго жительства рѣшается самими супругами. Въ судъ они могутъ обращаться только въ томъ случаѣ, если между ними не рѣшены полюбовно вопросы относительно ихъ взаимныхъ имущественныхъ отношеній и относительно судьбы дѣтей» (538). Теперь, послѣ принятія законопроекта именно въ такомъ его видѣ, небезинтересно отмѣтить, что и въ Государственномъ Совѣтѣ точка зрѣнія, защищаемая Гессеномъ, имѣла своихъ защитниковъ въ лицѣ трехъ членовъ группы правыхъ. Далекая отъ мотивировки Гессена (устойчивость правового сознанія), такъ называемая поправка Стишинскаго исходитъ изъ неумѣстности вообще этого законопроекта «въ переживаемое нами время господства подрывающихъ общественный строй соціалистическихъ теорій и принциповъ крайняго индивидуализма». Поэтому, въ качествѣ реванша, она хочетъ установить въ законѣ основанія, при наличности которыхъ замужней женщинѣ должно быть предоставлено право на полученіе отдѣльнаго вида на жительство. Властью, устанавливающей наличность такихъ основаній, долженъ быть мировой или городской судья или земскій начальникъ. Т.-е. она требуетъ, чтобы раздѣльное жительство допускалось только въ силу судебнаго постановленія, т.-е. стремится создать юридическій институтъ раздѣльнаго жительства. Поправка эта была Государственнымъ Совѣтомъ отвергнута, но исчерпывающую мотивировку этого почти единогласнаго рѣшенія мы бы напрасно стали искать въ отчетѣ о преніяхъ. Лучше и ярче всего она дана въ рѣчи Ф. А. Вальтера по поводу доклада Гессена въ Юридическомъ Обществѣ. Онъ указывалъ, что требованіе, выставленное Гессеномъ, практически едва ли проводимо». Можно смѣло утверждать,— говорилъ онъ,— что въ огромномъ большинствѣ случаевъ это предположеніе (о томъ, что супруги до постановленія судомъ рѣшенія будутъ продолжать совмѣстную жизнь) оказалось бы ошибочнымъ; супруги будутъ обращаться къ суду уже послѣ того, какъ ихъ раздѣльная жизнь

Digitized by Google

фактически уже возникла». «А если это такъ, то слѣдуетъ признать, что проекты о разрѣшеніи супругамъ раздѣльнаго жительства представляются недостаточными» (548). Вообще, «не слѣдуетъ преувеличивать значенія этого института. Когда отношенія супруговъ настолько уклонились отъ нормы, что совмѣстная ихъ жизнь стала невозможною, то слѣдуетъ не только дать имъ право жить раздѣльно, но и облегчить имъ возможность расторгнуть ихъ несчастный бракъ. Этой возможности институтъ раздѣльнаго жительства супругамъ не даетъ; онъ — лишь суррогатъ развода и въ качествѣ такового все болѣе теряетъ свое значеніе по мѣрѣ того, какъ облегчается разводъ» (550). «А въ стремленіи русскаго общества добиться нѣкотораго облегченія развода, наличность въ законодательствѣ института разлученія явилась бы скорѣе вреднымъ факторомъ, какъ всякій суррогатъ и всякая полумѣра, дающая противникамъ радикальной реформы возможность ссылаться на то, что предъявляемыя требованія уже находятъ себѣ хотя бы частичное удовлетвореніе» (551).

Такъ же полно интереса и сопоставленіе доклада бар. Корфа и преній о реформѣ Сената, впервые поднятыхъ въ Юридическомъ Обществѣ, съ рѣшеніями, недавно принятыми судебной комиссіей Государственной Думы. Комиссія не задавалась цѣлью измѣнить самую компетенцію тѣхъ 3-хъ департаментовъ (герольдіи, судебнаго и I-го), которые подлежали ея обсужденію. Поэтому ни въ преніяхъ ея, ни въ выступленіяхъ представителей Министерства Юстиціи мы не найдемъ откликовъ на предложенія Корфа образовать вмѣсто нынѣшняго Сената два центральныхъ учрежденія: Верховный Судъ и Верховный Сенатъ. Слѣдуетъ лишь отмѣтить слова И. Г. Щегловитова по поводу широкихъ плановъ о реформѣ Сената: «если поставить вопросъ о реформѣ широко, то окажется невозможнымъ реформировать и старые департаменты Сената». Но зато были обсуждены и такъ или иначе разрѣшены всѣ остальные вопросы, касающіеся организаціи и порядка дѣятельности этихъ департаментовъ, и разрѣшены въ духѣ, чрезвычайно близкомъ къ пожеланіямъ бар. Корфа. Рѣшеніе перваго вопроса о составѣ департаментовъ и способѣ ихъ пополненія имъ былъ съ самаго начала предложенъ въ компромиссномъ видѣ: «представленія къ утвержденію сенаторовъ должны совершаться двумя путями; посредствомъ докладовъ министра юстиціи и посредствомъ кооптаціи данной коллегіи» (376). Онъ не отрицалъ, въ отвѣтъ на указанія во время преній, что «послѣдній порядокъ имѣетъ многія очевидныя преимущества», но, очевидно, считаясь съ условіями момента, а также указывая, «что не столько способъ назначенія судей, сколько

Digitized by Google

дальнѣйшая обстановка ихъ дѣятельности и гарантіи ихъ независимости обезпечиваютъ безпристрастность и справедливость судебныхъ рѣшеній»,— онъ поставилъ оба способа параллельно. Любопытно отмѣтить, что въ комиссіи Государственной Думы этотъ вопросъ разрѣшался соотвѣтствующимъ образомъ. Поправка о пополненіи департаментовъ путемъ одной кооптаціи была внесена оппозиціей, но встрѣтила, какъ и слѣдовало ожидать, рѣшительный отпоръ министра, который находилъ, что именно «тогда его авторитетъ будетъ чрезвычайно умаленъ», ибо «разъ самъ Сенатъ будетъ себя пополнять, его рѣшенія не будутъ имѣть значенія: теперь за составъ Сената несетъ отвѣтственность министръ юстиціи, а тогда будетъ неотвѣтственная ни передъ кѣмъ коллегія. Если къ тому же еще предположить, что кандидатъ Сената не будетъ утвержденъ, то этимъ будетъ нанесенъ тяжелый ударъ авторитету и достоинству Сената». Нужно признать, что за такого рода защиту достоинства Сената въ Юридическомъ Обществѣ не брался никто, можетъ быть потому, что тамъ всѣ слишкомъ помнили о «нежелательномъ вліяніи министра юстиціи». Въ результатѣ и принятъ тотъ компромиссъ, который предлагался бар. Корфомъ: «Министръ представляетъ Государю какъ указаннаго департаментомъ кандидата, такъ и другихъ лицъ, имѣющихъ право на занятіе открывшейся должности сенатора».

Принципъ несмѣняемости для сенаторовъ одинаково признается всѣми и даже министръ противъ него не возражалъ. Условіе, которое было имъ выставлено при этомъ и въ свое время не предусмотрѣнное Корфомъ, тоже было принято; оно заключается въ образованіи особаго дисциплинарнаго присутствія изъ состава Сената для сужденія проступковъ сенаторовъ, не совмѣстныхъ съ ихъ званіемъ.

Сообразно съ пожеланіями Корфа, дѣла во всѣхъ департаментахъ Сената рѣшаются простымъ большинствомъ, а не квалифицированнымъ. Министры имѣютъ лишь совѣщательный голосъ при рѣшеніи дѣлъ, а не рѣшающій, на чемъ особенно настаивалъ министръ. Быть-можетъ, нѣкоторой уступкой прежнему порядку явилось отклоненіе поправки к.-д. о томъ, чтобы предоставить министрамъ возможность давать заключенія лишь въ засѣданіи, но не въ совѣщательной комнатѣ, дабы такимъ путемъ лишить ихъ возможности производить давленіе на сенаторовъ. Зато доклады по дѣламъ, требующимъ Высочайшаго утвержденія, дѣлаются первоприсутствующимъ департамента, а не министромъ юстиціи.

Докладъ Г. Н. Штильмана въ «Трудахъ» о судѣ присяжныхъ въ Германіи весь представляетъ собою какъ бы предвосхищенный отвѣтъ на всѣ тѣ нападки на судъ присяжныхъ, свидѣтелями кото-

Digitized by Google

рыхъ пришлось намъ быть недавно при преніяхъ въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу подсудности дѣлъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ. Въ ровномъ и достойномъ тонѣ преній по докладу Штильмана въ Юридическомъ Обществѣ можно увидѣть бо́льшее проявленіе правового сознанія и уваженія къ праву, чѣмъ въ откровенныхъ жалобахъ членовъ Государственнаго Совѣта на недостаточную репрессивность и услужливость присяжныхъ засѣдателей и въ полупризнающей ихъ защитѣ министра юстиціи.

Переходя къ оцѣнкѣ «Трудовъ» въ качествѣ органа Юридическаго Общества, хочется указать на нѣсколько достоинствъ, характерныхъ для него и самаго Юридическаго Общества. Быть можетъ, указанная нами выше стройность и нѣкоторая законченность его работы зависитъ отъ дѣленія Юридическаго Общества на три отдѣленія: гражданское, уголовное и административное. Сосредоточеніе членовъ Общества въ опредѣленныхъ по симпатіямъ отдѣленіяхъ и направленіе ихъ дѣятельности особыми руководителями, быть можетъ, не даетъ работѣ Общества превратиться въ нѣкоторымъ образомъ случайную, мозаичную. Особеннымъ достоинствомъ «Трудовъ» мы считаемъ то, что въ нихъ дается дѣйствительно полная картина засѣданій Общества. Въ отчетѣ о нихъ в с е г д а печатается самый докладъ, хотя бы онъ былъ напечатанъ и въ другомъ мѣстѣ, даются и тезисы доклада и самыя пренія.

«Труды» представляютъ собою дѣйствительно цѣнный вкладъ въ русскую науку права, и можно только съ нетерпѣніемъ ожидать выхода слѣдующихъ выпусковъ.

И. З. Штейнбергъ.

R. von Mayr, профессоръ нѣмецкаго университета въ Прагѣ. **Römische Rechtsgeschichte. Berlin und Leipzig. 1913**[1]).

Новый систематическій трудъ по исторіи римскаго права входитъ въ составъ предпринятаго фирмой Гёшенъ въ Берлинѣ изданія: «Sammlung Göschen». Цѣль сборника, какъ объясняютъ издатели — дать введеніе во всѣ отрасли науки и техники, въ изложеніи яснымъ, удобопонятномъ и легко обозримомъ, но основанномъ на строго научномъ методѣ и поставленномъ на уровнѣ новѣйшихъ

[1]) Въ виду крайней бѣдности русской оригинальной и переводной литературы по исторіи римскаго права мы помѣщаемъ въ видѣ исключенія рецензію и на нѣмецкую книгу. *Ред.*

Digitized by Google

изысканій. Выполнить эту задачу взялъ на себя одинъ изъ лучшихъ современныхъ ученыхъ въ области римскаго права и въ результатѣ явился въ высшей степени интересный трудъ, заслуживающій того, чтобы рекомендовать его вниманію русскихъ читателей, интересующихся общественными науками.

Изданіе Гёшена выходитъ томиками малаго формата, приблизительно въ 150 стран. каждый. Изъ исторіи римскаго права Майра вышло пока 5 томовъ, обнимающихъ 2 первые періода исторіи римскаго права по дѣленію автора. Всѣхъ періодовъ 4: 1) до средины IV вѣка до Р. Хр., періодъ Volksrecht, народнаго и національнаго права, jus civile; 2) до конца II или начала III вѣка по Р. Хр., періодъ расцвѣта римскаго права и юриспруденціи, періодъ «Amtsrecht», права, созданнаго магистратурой, и jus gentium, «оборотнаго права (Verkehrsrecht); 3) до начала IV вѣка, періодъ денаціонализаціи римскаго права и 4) до Юстиніана включительно. «Народному праву» посвящены первые 2 тома: I — введеніе, публичное право со включеніемъ процесса, II — частное право; Amtsrecht занимаетъ 3 тома: III — публичное право и процессъ, IV и V — частное право.

Система изложенія хронологическая, или, какъ авторъ называетъ ее — быть-можетъ правильно — «историческая» (I, 14). Дѣленіе на періоды своеобразно въ томъ отношеніи, что особый періодъ образуетъ время съ начала III по начало IV вѣка по Р. Хр. Частное право излагается въ институціонной системѣ.

Изложеніе въ высшей степени компактное; даже съ внѣшней стороны приняты всѣ мѣры къ возможной экономіи мѣста, въ частности, трудъ дѣлится только на крупные отдѣлы, въ предѣлахъ которыхъ непрерывно излагаются соотвѣтствующіе предметы безъ внѣшнихъ знаковъ (кромѣ наименованія въ колонциферахъ), переходя отъ одного къ другому, напр., всѣ институты обязательственнаго права. Но зато къ каждому тому приложенъ указатель. Удалось ли автору при сжатости изложенія включить все необходимое? Въ общемъ, несомнѣнно, особенно въ области частнаго права. Въ области публичнаго права можно отмѣтить нѣкоторые пробѣлы. Только вскользь упоминается значеніе «справедливости» (aequitas) для развитія римскаго права (III, 82 и 126, ср. указатель). Не выяснено достаточно отношеніе суда къ закону. Опущено описаніе производства in judicio.

Зато авторомъ не оставленъ безъ вниманія ни одинъ изъ вопросовъ, которыми интересуется новѣйшая наука римскаго права и по которымъ имѣются результаты изслѣдованій, отклоняющіеся отъ недавняго «communis opinio». Въ этомъ отношеніи трудъ Майра

Digitized by Google

можетъ быть сравненъ развѣ съ извѣстной работой Миттейса (Römisches Privatrecht). Такъ, въ области частнаго права использованы результаты новѣйшихъ изслѣдованій формальныхъ актовъ (напр., стипуляціи); особенно работы Миттейса. Въ области процесса Майръ слѣдуетъ Виклоку и его послѣдователямъ, и принимаетъ ихъ воззрѣнія на происхожденіе и развитіе формулярнаго процесса. Въ исторіи обязательствъ авторъ принимаетъ деликтную теорію происхожденія обязательствъ; въ свѣтѣ этой теоріи разсматривается значеніе «fides» въ исторіи развитія договоровъ. Это значеніе сводится къ моменту нарушенія довѣрія, а не къ религіозной или нравственной охранѣ. Вообще, Майръ неоднократно отмѣчаетъ, что значеніе религіи въ созданіи и развитіи римскаго гражданскаго права преувеличено. Въ вопросѣ объ общественномъ устройствѣ древняго Рима Майръ склоняется къ экономической гипотезѣ о происхожденіи дѣленія населенія на патриціевъ и плебеевъ, но принимаетъ, что не патриціи выдѣлились изъ плебеевъ, а наоборотъ, плебеи — обезземеленные патриціи. Нѣтъ возможности отмѣтить всѣ особенности излагаемыхъ авторомъ воззрѣній на спорные пункты исторіи римскаго права. Должно сказать, что вездѣ авторъ отмѣчаетъ спорность вопроса и гипотетичность его рѣшенія, не вводя читателя въ заблужденіе и оставаясь на вполнѣ научной почвѣ; и это несмотря на то, что по условіямъ работы авторъ долженъ былъ избѣгать анализа источниковъ полемики.

Всякія цитаты исключены: нѣтъ ссылокъ ни на источники, ни на литературу; лишь въ введеніи дается обзоръ важнѣйшихъ трудовъ по исторіи римскаго права и вспомогательнымъ наукамъ. Но это не даетъ никакого права назвать трудъ Майра элементарнымъ руководствомъ; едва ли пригодно для учебныхъ цѣлей произведеніе, чтеніе котораго требуетъ большого вниманія и нѣкоторой подготовки: при сжатости изложенія очень нерѣдко даже римскія особенности институтовъ не объясняются подробно, указываютъ только ихъ наиболѣе яркія и существенныя черты, не говоря уже о томъ, что въ читателѣ предполагается обладаніе всѣми элементарными понятіями права. Подготовленный же въ этомъ смыслѣ читатель легко оріентируется во всѣхъ спорныхъ и трудныхъ вопросахъ исторіи римскаго права и можетъ, отправляясь отъ труда Майра и пользуясь его указаніями литературы, углубиться въ тотъ предметъ, который его заинтересуетъ.

С. Сабининъ.

Digitized by Google

Проф. В. Б. Ельяшевичъ. Очеркъ развитія формъ поземельнаго оборота на Западѣ. Изданіе 2-ое, переработанное. С.-Петербургъ, 1913, стр. 1—78.

Книга проф. Ельяшевича, ставшая въ послѣднее время библіографической рѣдкостью, весьма своевременно появилась на свѣтъ во второмъ изданіи. Введеніе въ Россіи вотчинной системы (если предчувствія насъ не обманываютъ), уже не за горами, и каждая работа, могущая пролить свою долю свѣта на этотъ чуждый доселѣ намъ институтъ, заранѣе должна быть привѣтствуема.

Трудъ проф. Ельяшевича предназначенъ, по его словамъ, служить пособіемъ для слушателей автора. Такимъ образомъ, въ первую голову выдвигаются цѣли не столько ученыя, сколько учебныя. Это обстоятельство должно быть учитываемо и критикой. Очеркъ проф. Ельяшевича, не считая введенія, разбивается на 4 главы.

Въ весьма сжато и со вкусомъ написанномъ введеніи авторъ останавливается на вопросѣ, чѣмъ объясняется на первый взглядъ столь странное явленіе, что, вопреки основной чертѣ современнаго хозяйственнаго періода — стремленію къ свободнымъ формамъ оборота, всюду въ современномъ правѣ по отношенію къ обороту съ недвижимыми имуществами мы находимъ особыя, болѣе сложныя и неподвижныя формы, ставящія этотъ оборотъ въ болѣе тяжелыя, сравнительно съ остальнымъ оборотомъ, условія (ст. 6). Въ чемъ причина такого явленія?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по мнѣнію автора, можетъ дать только исторія происхожденія современныхъ способовъ пріобрѣтенія правъ на недвижимыя имущества. Только послѣ такого изслѣдованія становится яснымъ, что аномалія здѣсь лишь кажущаяся, что болѣе сложныя, съ виду болѣе неудобныя формы по отношенію къ недвижимостямъ не только не противорѣчатъ интересамъ развитого оборота, но есть его порожденіе. Онѣ вызваны его потребностями и съ нимъ неразрывно связаны (ст. 7.)

Обращаясь засимъ къ вопросу о возникновеніи этихъ формъ (глава 1-я), проф. Ельяшевичъ устанавливаетъ, что корни изучаемыхъ институтовъ лежатъ въ средневѣковомъ правѣ, выработавшемъ публичныя формы для установленія вещныхъ правъ на недвижимыя имущества. Онъ подробно рисуетъ постепенное развитіе формъ, сопровождавшихъ отчужденіе недвижимаго имущества, указывая, какъ первоначальный публичный актъ, служившій для передачи земли изъ рукъ въ руки и распадавшійся

Digitized by Google

на отдѣльные юридическіе элементы (sala — договоръ объ отчужденіи, investitura — передача отчуждаемаго имущества, Verlassung — отказъ), постепенно вытѣсняется судебной Auflassung (ст. 13, 14). Два обстоятельства способствовали послѣднему явленію: судебная передача была выгодна пріобрѣтателямъ земли — она давала судебныя доказательства перехода права собственности, приносила съ собою необходимую публичность и, главное, обезпечивала пріобрѣтателя, благодаря процедурѣ оглашенія, противъ всѣхъ третьихъ лицъ, не заявившихъ своевременно своихъ претензій (ст. 15); судебная передача была прямо необходима публичной власти, какъ средство контроля надъ переходомъ земли изъ рукъ въ руки. Въ результатѣ, ко второй половинѣ средневѣковья судебная Auflassung получила полное господство (ст. 17).

Въ эту же эпоху, на ряду съ судебной формой, появляется обычай записывать совершавшіяся судебныя передачи въ городскія книги. Сначала такая запись имѣла значеніе публичнаго документа, какъ доказательство совершеннаго акта, но затѣмъ она становится во многихъ мѣстахъ существенной частью обряда перенесенія права собственности. Рядомъ съ ней Auflassung въ нѣкоторыхъ правахъ даже совсѣмъ исчезаетъ, поглощенная записью въ книги (ст. 18). Аналогичныя формы дѣйствовали и во Франціи (ensaisinement, nantissement, appropriance). Такія же публичныя формы создало средневѣковое право и для реальнаго кредита (Aeltere Satzung, engagement, Neuere Satzung, obligation, ст. 20).

Подъ вліяніемъ рецепціи римскаго права, средневѣковыя публичныя формы поземельнаго оборота почти повсемѣстно уступаютъ мѣсто негласнымъ, неформальнымъ способамъ римскаго права. Только нѣкоторыя права сохраняютъ средневѣковую организацію (ст. 24).

Господство въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ римскихъ негласныхъ формъ привело къ полному разстройству поземельнаго оборота Западной Европы (ст. 25). Отсюда — попытки возврата къ средневѣковой организаціи.

Это возрожденіе публичныхъ формъ поземельнаго оборота и дальнѣйшее ихъ развитіе во Франціи составляетъ предметъ изслѣдованія 2-й главы. Здѣсь авторъ устанавливаетъ руководящую идею этого движенія, выразившуюся въ стремленіи къ установленію принципа публичности поземельнаго оборота (ст. 26), даетъ краткое историческое изложеніе законодательства, предшествовавшаго введенію современной французской системы — транскрипціи и инскрипціи (ст. 28), затѣмъ излагаетъ дѣйствующую французскую систему регистраціи вещныхъ правъ на недвижимости (ст. 30) и

Digitized by Google

отмѣчаетъ ея недостатки, считая ее системой прошлаго, системой отжившей (ст. 36).

Въ 3-й главѣ проф. Ельяшевичъ изслѣдуетъ развитіе публичныхъ формъ поземельнаго оборота въ законодательствахъ германскаго типа (Германіи и Швейцаріи). Тутъ онъ кратко излагаетъ ту организацію вещныхъ правъ на недвижимости, которая именуется вотчинной системой. При этомъ, изложеніе германскаго права и швейцарскаго идетъ параллельно, впрочемъ, съ большимъ уклономъ въ отношеніи изслѣдуемаго матеріала въ сторону германской системы; швейцарская система изслѣдуется только попутно и иногда вскользь.

4-я глава посвящена колоніальной вотчинной системѣ, т.-е. системѣ Акта Торренса. Авторъ останавливается здѣсь подробно на руководящей идеѣ этого закона,— запись въ вотчинную книгу, совершаемая государствомъ, имѣетъ абсолютную силу (ст. 69),— и устанавливаетъ положеніе, что по Акту Торренса вещное право возникаетъ и переходитъ только путемъ занесенія въ книгу и что, равнымъ образомъ, одного такого внесенія вполнѣ достаточно, чтобы породить право у лица, внесеннаго въ книгу въ качествѣ управомоченнаго (ст. 70). Въ дальнѣйшемъ онъ описываетъ организацію учрежденій и книгъ по Акту Торренса.

Таково, изложенное вкратцѣ, содержаніе книги проф. Ельяшевича.

Скромно предназначенная авторомъ въ качествѣ пособія для слушателей, а не чисто научнаго труда, она даетъ значительно больше, чѣмъ это вызывается исключительно учебными цѣлями, и по своимъ научнымъ достоинствамъ можетъ быть поставлена наравнѣ съ соотвѣтствующими чисто научными изслѣдованіями. Однако, и на солнцѣ есть пятна. То же можемъ мы замѣтить и въ отношеніи этой, въ общемъ прекрасной, книги.

Главнымъ образомъ, усматриваются нами недостатки въ тѣхъ случаяхъ, когда проф. Ельяшевичъ касается швейцарскаго права. Мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько иллюстрирующихъ примѣровъ. Къ числу досадныхъ моментовъ мы должны отнести указаніе автора, будто бы швейцарское гражданское уложеніе излагаетъ вотчинное право въ Art. 942—977, кантональному же законодательству предоставлена лишь организація вотчинныхъ установленій (ст. 43). Въ дѣйствительности, помимо указанныхъ законодательныхъ нормъ, швейцарское вотчинное право заключается еще, во-первыхъ, въ Titre final (Art. 38—48) и, во-вторыхъ, въ весьма важномъ и очень обширномъ вотчинномъ уставѣ — Ordonnance sur le registre foncier du 22 février 1910 (Art. 1—117).

Digitized by Google

Этотъ послѣдній выполняетъ приблизительно тѣ же функціи, что и германская Grundbuchordnung 1897 года, указанная проф. Ельяшевичемъ въ своемъ мѣстѣ (ст. 42).

Слишкомъ глухо отмѣчается проф. Ельяшевичемъ такое важное явленіе, какъ связь вотчинныхъ книгъ съ кадастромъ (ст. 44, пр. 1). Если бы авторъ обратился къ Art. 40 (Titre final), то его примѣчаніе, могущее вызвать неясное представленіе о швейцарскомъ правѣ, не имѣло бы мѣста. Art. 40 (T. f.) твердо устанавливаетъ, что учрежденію вотчинной книги предшествуетъ межеваніе. Однако, съ согласія Союзнаго Совѣта, если имѣются достаточно удовлетворительныя описанія недвижимостей, то вотчинная книга можетъ быть введена и раньше. Такимъ образомъ, швейцарцы отнюдь не ставятъ введеніе вотчинной книги въ зависимость отъ существованія кадастра.

Неточно также, по нашему мнѣнію, отожествленіе проф. Ельяшевичемъ прусской формы вотчиннаго листа — съ швейцарской. Если въ дѣйствительности при прусской системѣ мы имѣемъ предъ собою не «Листъ», а цѣлую тетрадь, состоящую изъ нѣсколькихъ страницъ (ст. 44 пр. 2), то въ отношеніи швейцарской системы надо было бы отмѣтить, какъ совершенно своеобразное явленіе, наличность именно «Листа», а не тетради.

По швейцарскому праву каждая недвижимость получаетъ въ главной книгѣ особый листъ и свой номеръ (Art. 945, Ordonn. Art. 5). Листъ этотъ представляетъ собою двойную страницу, достаточно большого размѣра, чтобы дать возможность зарегистрировать въ порядкѣ, удобномъ для обозрѣнія, правовое положеніе данной недвижимости [1]). Образецъ такого листа можно видѣть въ книгѣ Tuor'a [2]). Въ особенности, по нашему мнѣнію, такое отличительное явленіе надо было бы подчеркнуть, такъ какъ книга написана преимущественно съ учебными цѣлями, въ желаніи дать своимъ слушателямъ подготовку не только теоретическаго, но и практическаго характера.

Не могу не отмѣтить также указанія проф. Ельяшевича объ отвѣтственности государства и общинъ за дѣйствія вотчинныхъ чиновниковъ, причинившихъ при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей вредъ частнымъ лицамъ. Проф. Ельяшевичъ указываетъ весьма кратко, что потерпѣвшія лица могутъ искать возмѣщенія ущерба съ государства или общинъ, на службѣ у которыхъ эти чиновники состоятъ (ст. 47). Мы не хотѣли бы быть черезчуръ

---

[1]) Erläuterungen, h. III. S. 377.

[2]) Tuor. Das neue Recht. Eine Einführung in das Schweiz. Zivilgesetzbuch. 1912.

Digitized by Google

придирчивыми, но намъ думается, что здѣсь авторъ допустилъ нѣкоторую непослѣдовательность. И эта непослѣдовательность проявилась въ двухъ направленіяхъ.

Въ своемъ мѣстѣ (ст. 77) авторъ довольно подробно излагаетъ постановленіе Акта Торренса о возмѣщеніи вреда, проистекающаго отъ дѣйствій вотчинныхъ чиновниковъ. Вопросъ этотъ имѣетъ важное значеніе, и на немъ, даже преслѣдуя учебныя цѣли, стоитъ остановиться. Но тогда представляется непонятнымъ, почему же авторъ игнорируетъ соотвѣтственныя постановленія вотчинныхъ системъ германскаго типа, ограничиваясь только глухимъ упоминаніемъ о какой-то отвѣтственности государства и не опредѣляя ее столь же подробно, какъ австралійскую. Въ этомъ мы усматриваемъ первую непослѣдовательность. Вторую — мы видимъ въ томъ, что авторъ, подробно разбирая «новую» систему отвѣтственности, устанавливаемую Актомъ Торренса, считаетъ для себя излишнимъ хотя бы нѣсколькими словами коснуться еще «болѣе новой» и весьма цѣлесообразной системы швейцарской, опредѣляющей отвѣтственность кантоновъ за всѣ убытки, проистекающіе отъ веденія вотчинной книги (Art. 955) [1]), и въ возможномъ будущемъ могущей допустить ту же австралійскую идею страхового фонда [1]). Не отмѣчено также расхожденіе германскаго и швейцарскаго права въ вопросѣ о соглашеніи сторонъ объ установленіи вещныхъ правъ недвижимости (ст. 49). Тогда какъ германское законодательство приняло систему абстрактнаго договора, швейцарское, напротивъ, — конкретнаго [2]). Въ заключеніе мы не можемъ не отмѣтить еще маленькой неточности проф. Ельяшевича. Говоря о нашемъ проектѣ вотчиннаго устава, онъ указываетъ, что соотвѣтствующій законопроектъ выработанъ и «будетъ» внесенъ въ 4-ю Государственную Думу (ст. 9 пр. 2). Въ дѣйствительности этотъ законопроектъ былъ внесенъ Министромъ Юстиціи еще въ 1907 году въ Государственную Думу 3-го созыва и, оставшись въ 3-й Думѣ безъ движенія, «внесенъ» снова безъ измѣненій въ Государственную Думу 4-го созыва [3]).

В. Серебровскій.

---

[1]) Erläuterungen, h. III. S. 404.

[2]) Бар. Фрейтагъ-Лорингговенъ, Проектъ вотч. устава и мобилизація недвижимости. Ж. М. Ю. 1911 г., № 5, стран. 125.

[3]) Бар. Фрейтагъ-Лорингговенъ. Подготовка Проекта вотчиннаго устава. Вѣстникъ гражданскаго права, 1913 г., № 2, стран. 70.

Digitized by Google

Викторъ Денъ. Сборникъ узаконеній и распоряженій по землеустройству и землевладѣнію крестьянъ. 680 стран. С.-Пб. 1912. Ц. 3 р. 75 к.

Изъ довольно большого числа сборниковъ нашего новаго аграрнаго законодательства книга Дена представляется наиболѣе полной. Отдѣлъ первый ея содержитъ Положеніе о землеустройствѣ 29 мая 1911 г. и Наказъ землеустроительнымъ комиссіямъ 19 іюня 1911 г. Подъ отдѣльными статьями Положенія о землеустройствѣ приводятся выдержки изъ докладовъ земельной комиссіи Государственной Думы; на докладъ же особой комиссіи Государственнаго Совѣта авторъ не ссылается, хотя для правильнаго пониманія нѣкоторыхъ статей этотъ докладъ представляетъ значительный интересъ, какъ въ томъ легко убѣдиться по выдержкамъ, приведеннымъ въ книгѣ Зноско-Боровскаго «Положеніе о землеустройствѣ». Въ первомъ же отдѣлѣ помѣщенъ рядъ приложеній къ Положенію о землеустройствѣ и Наказу землеустроительной комиссіи, частью техническаго, а частью юридическаго характера. Во второмъ отдѣлѣ авторъ собралъ узаконенія и правила о продажѣ и сдачѣ въ аренду крестьянамъ казенныхъ земель, а въ третьемъ — извлеченія изъ Устава крестьянскаго поземельнаго банка и дополнительныхъ къ нему правилъ, поскольку они опредѣляютъ дѣятельность крестьянскаго банка, какъ землеустроительнаго учрежденія, и его отношеніе къ остальнымъ органамъ землеустройства. Сводка правилъ, помѣщенныхъ во II и III отдѣлахъ, и, въ особенности, многочисленныхъ разъясненій къ нимъ въ циркулярахъ министровъ и крестьянскаго банка, а также нѣкоторыхъ судебныхъ рѣшеній представляетъ наиболѣе цѣнную часть книги. До сихъ поръ ознакомленіе съ правилами, которыми руководится Крестьянскій банкъ въ своей землеустроительной дѣятельности, представляло большія затрудненія, такъ какъ «Сборникъ по землеустройству», изданный канцеляріей Комитета по землеустроительнымъ дѣламъ, доведенъ лишь до 1 марта 1910 г. и къ тому же не имѣется болѣе въ продажѣ.

Въ четвертомъ отдѣлѣ авторъ помѣстилъ постановленія о различныхъ вспомогательныхъ операціяхъ при землеустройствѣ, какъто — правило о ссудахъ и пособіяхъ при землеустройствѣ, на огнестойкое строительство и т. п., наконецъ, постановленія о льготахъ по платежу сборовъ и пошлинъ при совершеніи актовъ на пріобрѣтеніе крестьянами земли. Пятый отдѣлъ книги составляетъ законъ 14 іюня 1910 г. съ подробными разъясненіями къ нему. Уступая изданію этого закона у Тютрюмова въ при-

Digitized by Google

ложеніи къ Общему положенію о крестьянахъ въ отношеніи полноты и систематичности расположенія приведенныхъ имъ указовъ 2 департамента, отдѣлъ этотъ представляетъ интересъ благодаря тому, что въ немъ отмѣчена и новѣйшая практика до іюля 1912 г. Недостаткомъ этого отдѣла является то, что законы 24 мая 1909 г. и 14 іюня 1910 г. излагаются исключительно въ ихъ первоначальной формѣ, тогда какъ они, ко времени печатанія сборника, уже были кодифицированы и потому обязательно должны цитироваться нынѣ по продолженію къ своду законовъ (Учрежденіе Правительствующаго Сената, приложеніе къ ст. 66, п. 7). Если авторъ дорожилъ первоначальною формою закона, онъ все же долженъ былъ по крайней мѣрѣ приложить сравнительный указатель статей закона со статьями свода. Нельзя не отмѣтить при этомъ, что, напр., смыслъ ст. 4 закона 24 мая 1909 г. неизбѣжно нѣсколько измѣнился при ея кодификаціи. Въ связи съ предшествующими статьями закона она, казалось бы, относилась только къ случаямъ пріобрѣтенія земли, притомъ не надѣльной, крестьянами у некрестьянъ; оторванная же отъ нихъ въ томъ видѣ, какъ она вошла въ примѣчаніе 2 къ ст. 67 и въ примѣчаніи 3 къ ст. 243 Устава о пошлинахъ по продолженію 1909 г., она, по буквальному смыслу своему, распространяетъ свое дѣйствіе на всѣ вообще крѣпостные акты по пріобрѣтенію крестьянами земли въ предѣлахъ нормъ Крестьянскаго банка. Въ этомъ именно смыслѣ она въ большинствѣ случаевъ и толкуется нашей практикой.

Во всякомъ случаѣ можно признать, что въ разсматриваемой нами книгѣ авторъ собралъ по возможности весь матеріалъ, относящійся къ землеустройству, и далъ очень полезное пособіе для лицъ, интересующихся этой новой отраслью нашего аграрнаго законодательства.

А. Вормсъ.

Издатель: Юридическое Общество
при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Редакторъ *Б. А. Кистяковскій.*

Digitized by Google

Приложеніе.

Протоколы засѣданій Юридическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

ПРОТОКОЛЪ № 1.

Общаго собранія Московскаго Юридическаго Общества.

21 января 1913 года.

Предсѣдательствовалъ **А. Э. Вормсъ.**
Обязанности Секретаря исполнялъ **Н. М. Ждановъ.**

Присутствовали: **А. С. Алексѣевъ, І. И. Аносовъ, П. И. Астровъ, А. А. Бубнова, А. Н. Бѣликовъ, П. И. Бѣляевъ, Н. Г. Вавинъ, В. А. Васильевъ, Д. М. Генкинъ, И. М. Громогласовъ, І. И. Гросманъ, Е. Н. Данилова, М. С. Елагинъ, М. А. Иванцовъ, А. А. Кизеветтеръ, В. И. Лебедевъ, Н. Н. Лобановъ, А. Н. Максимовъ, В. С. Малченко, В. П. Митрофановъ, М. З. Мсеріанцъ, Д. Н. Муромцевъ, В. А. Мурашкинцевъ, И. И. Никольскій, В. П. Обнинскій, А. С. Рабиновичъ, Б. И. Сыромятниковъ, Е. А. Фальковскій, Н. Н. Шемшуринъ, П. С. Эйбушитцъ.**

Засѣданіе открыто предсѣдательствующимъ **А. Э. Вормсъ** въ 8 часовъ 30 мин. вечера въ Кругломъ Залѣ Правленія Университета.

Н. М. Ждановъ доложилъ, что въ число членовъ Юридическаго Общества принята докторъ правъ Женевскаго Университета получившая дипломъ при Московскомъ Университетѣ, Зинаида Феликсовна Мовчановская.

П. И. Бѣляевъ прочиталъ докладъ: «Слѣды первобытныхъ представленій о природѣ и человѣкѣ въ исторіи гражданскаго права».

Программа доклада:

1) При современномъ состояніи этнологическихъ изслѣдованій можно говорить не только о вліянія религіозныхъ представленій (т.-е. представленій о божествахъ и о человѣкоподобныхъ духахъ) на правовыя учрежденія, но и о вліяніи болѣе примитивныхъ представленій о безличныхъ силахъ, живущихъ въ природѣ. Установленіе этихъ вліяній пока въ значительной степени гипотетично, такъ какъ ставитъ въ генетическую связь правовые институты европейскихъ народностей съ представленіями дикарей, принадлежащихъ къ другимъ расамъ. Магическій элементъ въ религіи и въ правѣ.

Digitized by Google

2) Магическіе элементы и религіозныя представленія въ формальныхъ актахъ древняго права. Недостаточность обычныхъ объясненій юридическаго формализма. Правовая формула и заговоръ. Причины строгаго соблюденія словъ и дѣйствій въ формальномъ актѣ. Культъ безличныхъ силъ въ формальныхъ актахъ: въ клятвѣ и въ ордаліяхъ.

3) Примитивныя воззрѣнія въ представленіяхъ о субъектахъ гражданскихъ правъ. Gesamthand и соприсяжники въ исторіи нѣмецкаго права. Представительство въ гражданскомъ и публичномъ правѣ. Пекуліарныя отношенія въ римскомъ правѣ. Примитивное представленіе объ умершемъ человѣкѣ, какъ о личности, живущей среди людей и раздѣляющей съ ними житейскія отношенія. Святые, какъ субъекты права. Представленія о юридическомъ лицѣ.

4) По первобытнымъ воззрѣніямъ предметы, которыми пользовался такъ или иначе человѣкъ, находятся съ нимъ въ связи и во взаимодѣйствіи даже на разстояніи. Это представленіе было однимъ изъ мотивовъ развитія права собственности главнымъ образомъ на движимость. Табу — другой мотивъ. Значеніе фактической связи субъекта права съ объектомъ во владѣніи по римскому праву. Значеніе обрядовъ при передачѣ права собственности. Anefang manus injectio въ процессѣ. Части тѣла, какъ объекты гражданскаго права. Partes secanto.

5) Слѣды первобытныхъ воззрѣній въ семейственномъ и наслѣдственномъ правѣ. Закладываніе трупа. Hereditas jacens. Первобытное представленіе о томъ, что личность предка возрождается въ его потомкахъ. Наслѣдованіе есть только смѣна физическихъ носителей духовной личности перваго собственника. Душеприкащичество и отвѣтственность наслѣдниковъ за долги умершаго.

Предсѣдательствующій объявилъ перерывъ.

По возобновленіи засѣданія предсѣдательствующій предложилъ желающимъ принять участіе въ обсужденіи доклада.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе: А. Н. Максимовъ, П. И. Астровъ и Д. М. Генкинъ.

А. Н. Максимовъ, соглашаясь съ общей точкой зрѣнія докладчика, указалъ на отдѣльныя положенія доклада, вызывающія возраженія. Такъ, вызываетъ возраженіе утвержденіе докладчика о вліяніи магическаго элемента на выработку процессуальнаго формализма. Этнографическія изслѣдованія обнаруживаютъ, что у народовъ низшихъ ступеней культуры процессуальныя формы имѣютъ мало обязательныхъ элементовъ. Напримѣръ, у африканскихъ и австралійскихъ дикарей судебный процессъ отличается простотой и несложностью, отсутствіемъ обязательныхъ формъ. Далѣе, вызываетъ возраженія утвержденіе докладчика о поглощеніи индивида кланомъ. Во-первыхъ, кланъ не есть первоначальная форма общежитія, во-вторыхъ, нельзя говорить о сліяніи индивида съ кланомъ. Этого нельзя сказать даже про ирокезовъ, у которыхъ кланъ болѣе чѣмъ у другихъ поглощаетъ отдѣльную личность. У другихъ же народовъ отношенія клана и индивида складываются приблизительно такъ же, какъ въ Европѣ складываются отношенія между государствомъ и отдѣльною личностью. Если у первобытныхъ народовъ на первомъ планѣ стоятъ отношенія клановъ другъ къ другу, а не отношенія между индивидами, то это можетъ быть объяснено тѣмъ, что отношенія клановъ какъ бы отношенія международныя.

Digitized by Google

Наконецъ, необходимо указать, что право собственности трудно обосновать на религіозномъ фундаментѣ и на положеніи, что вещь представляется древнѣйшему человѣку частію его тѣла. Этнологія показываетъ, что собственность строго охраняется и у такихъ народовъ, религіозныя воззрѣнія которыхъ совершенно не отражаются въ практической жизни.

П. И. Бѣляевъ отвѣтилъ, что въ правѣ древнѣйшихъ народовъ встрѣчаются формулы магическаго происхожденія. Это обстоятельство указываетъ на мотивы, вызвавшіе въ древнѣйшемъ быту observatio verborum. Ссылка на африканскихъ и австралійскихъ дикарей не совсѣмъ убѣдительна, такъ какъ у этихъ дикарей и въ религіи не существуетъ точно установленныхъ формулъ. Слѣдовательно, и у нихъ наблюдается параллелизмъ между правомъ и религіей. Отсутствіе въ ихъ процессуальномъ правѣ обязательныхъ элементовъ соотвѣтствуетъ отсутствію таковыхъ элементовъ и въ религіи. Говоря о кланахъ, докладчикъ разумѣлъ не кланъ въ спеціальномъ смыслѣ слова, а вообще общественную группу. Относительно права собственности надо пояснить, что въ докладѣ не имѣлось въ виду отрицать значеніе другихъ причинъ развитія этого института, а докладчикъ лишь желалъ отмѣтить, что при изученіи его нельзя игнорировать мотивы религіозные.

П. И. Астровъ указалъ, что по его мнѣнію нельзя принять выводовъ доклада потому, что докладчикъ не обосновалъ метафизически, въ какихъ предѣлахъ можно сопоставлять право съ явленіями религіозной жизни. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что между религіей и правомъ есть нѣкоторое взаимодѣйствіе, однако, въ своей сущности эти явленія не только разнородны, но даже несоизмѣримы. Поэтому, обращаясь къ явленіямъ религіи для объясненія того или другого правового института, необходимо прежде всего метафизически установить, что именно изъ даннаго явленія религіозной жизни можно взять для сопоставленія. При отсутствіи такой метафизической критики можно пытаться сопоставить несопоставляемое по своей природѣ.

П. И. Бѣляевъ, въ отвѣтъ на замѣчанія П. И. Астрова указалъ, что онъ сторонникъ экономической точки зрѣнія въ области права, но при изученіи примитивнаго человѣка возникаетъ вопросъ, неужели въ фактахъ его жизни всецѣло дѣйствуетъ только экономическій моментъ. Во многихъ отношеніяхъ примитивный человѣкъ спиритуалистичнѣе насъ, и даже неопозитивисты не могутъ скрыть отъ себя, что въ примитивномъ бытѣ большое мѣсто отведено спиритуалистическому моменту. Если же въ своемъ докладѣ онъ это положеніе нѣсколько утрировалъ, то только по новизнѣ предмета, а также изъ предположенія, что его полезно выдвинуть.

Д. М. Генкинъ отмѣтилъ, что говорить о вліяніи религіозныхъ представленій на образованіе гражданскаго права можно только въ томъ смыслѣ, что эти представленія вліяли на возникновеніе правового института, такъ сказать, на его начало. Но совершенно недопустимо говорить о вліяніи, если развитое право случайно совпадаетъ съ религіозными воззрѣніями. Съ этой точки зрѣнія представляются неправильными ссылки докладчика на институты представительства и наслѣдованія въ римскомъ правѣ.

П. И. Бѣляевъ указалъ, что онъ вовсе не желалъ объяснить всѣ указанныя въ докладѣ особенности древняго права только одними религіозными мотивами: онъ признаетъ силу и всякихъ другихъ мотивовъ, но продолжаетъ утверждать, что въ числѣ прочихъ должны быть приняты во вниманіе и оцѣнены по достоинству и религіозные мотивы. Съ нѣкоторыми

Digitized by Google

детальными указаніями оппонента докладчикъ можетъ согласиться, напримѣръ, онъ согласенъ, что институтъ представительства — институтъ позднѣйшаго происхожденія, но нельзя утверждать, что иногда болѣе позднія институты не могутъ отражать въ себѣ наиболѣе примитивныхъ воззрѣній.

Предсѣдательствующій **А. Э. Вормсъ** отмѣтилъ крупный интересъ доклада. Въ своемъ докладѣ П. И. Бѣляевъ знакомитъ юристовъ съ новымъ теченіемъ въ области изученія эмбріологіи права, недавно зародившимся среди этнологовъ и историковъ религіи. Теоріи послѣднихъ издавна оказывали сильное вліяніе на историковъ права. Вслѣдъ за историками религіи юристы первоначально стремились объяснить характерныя особенности первобытнаго права, оставившія глубокіе слѣды въ правовой психикѣ и понынѣ вліяющія на строй юридическихъ идей, чисто раціоналистически, напр., ихъ цѣлесообразностью, сознательной политикой жрецовъ, ихъ устанавливавшихъ и т. п. Затѣмъ, послѣдователи исторической школы стали придавать многимъ изъ этихъ особенностей иносказательное, символическое значеніе, подчеркивая въ древнемъ правѣ элементъ поэтическаго творчества, подобно тому, какъ это дѣлали въ ту же эпоху изслѣдователи миѳологіи. Несомнѣнно, что въ рядѣ случаевъ такое объясненіе должно быть признано правильнымъ. Сюда относится, напр., обрядъ, упоминаемый въ Салической Правдѣ подъ названіемъ «De chrenecruda» (tit. LVIII), истолкованный докладчикомъ едва ли вполнѣ правильно. Слова «palo in manu saepe sallire debet» означаютъ, что несостоятельный должникъ долженъ, не выходя въ ворота, съ посохомъ въ рукахъ перепрыгнуть черезъ изгородь своего двора, символизируя тѣмъ окончательный и безповоротный отказъ отъ своихъ правъ на него и намѣреніе пуститься въ путь-дорогу, о чемъ свидѣтельствуетъ посохъ, какъ это еще недавно установилъ v. Amira въ своей книгѣ «Der Stab in der germanischen Rechtssymbolik» (1909 г.). Еще позже историки и юристы стали выдвигать хозяйственные мотивы, какъ основаніе для возникновенія нормъ древняго права. Но и эти точки зрѣнія, давая цѣнныя указанія, не были въ состояніи объяснить многаго, можетъ-быть, самаго существеннаго — возникновенія идеи правовой связанности, категоричности велѣній права, строгости, съ какой оно настаиваетъ на точномъ выполненіи своихъ предписаній даже тогда, когда это, казалось бы, не имѣетъ непосредственнаго практическаго значенія или хозяйственной цѣнности.

Новыя теоріи этнологовъ, съ которыми насъ знакомитъ докладчикъ, переводя ихъ на языкъ юристовъ и подкрѣпляя ихъ рядомъ самостоятельныхъ наблюденій, приближаютъ насъ къ раскрытію нѣкоторыхъ, загадочныхъ пока, сторонъ первобытнаго права, а вслѣдъ за нимъ и права современнаго — чувства связанности не по отношенію къ отдѣльнымъ конкретнымъ божествамъ или законодателямъ, а по отношенію къ нѣкоторымъ безличнымъ силамъ и началамъ.

Конечно, въ такой области, гдѣ почти все еще въ стадіи гипотезъ, докладчикъ не могъ да и не обѣщалъ дать неоспоримыя объясненія наиболѣе спорнымъ и загадочнымъ вопросамъ древняго права. Съ своей стороны присоединяясь къ нѣкоторымъ изъ возраженій, сдѣланнымъ оппонентами, А. Э. Вормсъ указалъ, что онъ не можетъ согласиться съ предложеннымъ докладчикомъ толкованіемъ римскаго института Stipulatio, какъ образовавшагося изъ Sponsio, особенно, въ виду того заключенія, къ которому пришелъ Mitteis въ своей работѣ «Ueber die Herkunft der Stipulation» (1907 г.), а именно, что Stipulatio возникла въ связи съ древними процессуальными институтами praedes и vades. Иначе, чѣмъ докладчикъ, объясняетъ онъ

Digitized by Google

и институтъ manus iniectio: vindex, который имѣетъ право manum depellere, по всей вѣроятности, представляетъ собой позднѣйшую форму древняго заложника, какъ доказываетъ Partsch.

Всѣ подобныя возраженія носятъ, однако, частный характеръ и не умаляютъ выдвинутаго докладчикомъ методологическаго принципа. Противъ послѣдняго, до извѣстной степени, говоритъ замѣчаніе, сдѣланное А. Н. Максимовымъ, указавшимъ, что у многихъ первобытныхъ народовъ, напримѣръ, у негровъ средней Африки ни ихъ процессъ, ни ихъ религіозные обряды и заговоры не отличаются типическими, по мнѣнію докладчика, чертами формализма, и что послѣдній является скорѣе продуктомъ эпохи отмиранія старыхъ вѣрованій. Но значеніе этого, правильнаго по существу, возраженія могло бы быть ослаблено, если бы изслѣдователи строже, чѣмъ до сихъ поръ, держались того начала, что юридическіе институты отдѣльныхъ народовъ слѣдуетъ, по возможности, объяснять вѣрованіями этихъ же народовъ, а не другихъ, часто отличающихся культурой, построенной на иныхъ началахъ.

Въ заключеніе предсѣдательствующій предложилъ выразить докладчику благодарность.

Засѣданіе закрыто въ 11 час. 35 мин. вечера.

Предсѣдатель *А. Вормсъ.*

Секретарь *Н. Ждановъ.*

ПРОТОКОЛЪ № 2.

Общаго собранія Московскаго Юридическаго Общества.

23 января 1913 года.

Предсѣдательствовалъ **А. Э. Вормсъ.**

Обязанности Секретаря исполнялъ **А. Н. Бѣликовъ.**

Присутствовали: **Н. Н. Авиновъ, А. С. Алексѣевъ, Н. Н. Андреевъ, П. И. Астровъ, А. І. Берманъ, П. С. Борзовъ, Л. А. Бубнова, В. А. Васильевъ, А. М. Винаверъ, И. К. Голубевъ, І. И. Гросманъ, Е. Н. Данилова, А. А. Додонова, Л. Я. Дудкинъ,** гр. **С. Л. Камаровскій, В. В. Красновскій, Д. И. Курскій, Н. Н. Лобановъ, К. К. Лупандинъ, П. П. Митрофановъ, К. П. Михновскій, М. З. Мсеріанцъ, Д. Н. Муромцевъ, П. П. Невзоровъ, И. И. Никольскій, А. Н. Паренаго, И. К. Пистолькорсъ, А. И. Филипповъ, С. К. Цвѣтковъ, А. И. Цыбульскій, В. Н. Челищевъ** и **Н. С. Эйбушитцъ.**

Въ качествѣ гостя присутствовалъ Н. Казаковъ.

Засѣданіе открыто предсѣдательствующимъ **А. Э. Вормсъ** въ 8 часовъ 20 мин. вечера въ аудиторіи № 6 Юридическаго корпуса новаго зданія Университета.

А. Н. Паренаго прочиталъ докладъ: «Обычай и законъ 14 іюня 1910 года».

Программа доклада:

Обычай по положенію 19 февраля 1861 года въ области наслѣдственнаго и семейственнаго права. Происхожденіе обычая. Объемъ и оправданіе его примѣненія къ крестьянскому быту при началахъ общиннаго устройства,

Digitized by Google

трудовой семьи и общей семейной собственности. Высочайшій указъ 9 ноября 1906 года. Разрушеніе основъ прежняго крестьянскаго землевладѣнія. Крестьянская единоличная земельная собственность. Неприменимость къ ней въ области наслѣдственнаго и семейственнаго права прежнихъ обычаевъ. Необходимость созданія въ этой области особаго крестьянскаго права, а при отсутствіи такового, обязательность примѣненія общихъ гражданскихъ законовъ съ ограниченіями, установленными въ 19 ст. Общ. Пол. (по продолженію 1906 г.).

(Докладъ этотъ будетъ напечатанъ въ журналѣ «Вопросы Права»).

Предсѣдательствующій объявилъ перерывъ.

По возобновленіи засѣданія предсѣдательствующій предложилъ желающимъ принять участіе въ обсужденіи доклада.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе К. П. Михновскій, гр. С. Л. Камаровскій, Д. И. Курскій, А. И. Филипповъ и Н. Казаковъ.

К. П. Михновскій указалъ, что по его мнѣнію докладчикъ въ своемъ докладѣ упустилъ сдѣлать необходимыя ссылки на то, что Правительствующій Сенатъ, въ особенности по Гражданскому Кассац. Департаменту, опредѣляя, быть-можетъ, и вполнѣ правильно теоретически, что такое обычай, и въ общемъ, повидимому, относясь сочувственно къ примѣненію такового, въ то же время свелъ къ нулю практическое значеніе пользованія обычаемъ, признавъ, что доказывать существованіе обычая можно самыми разнообразными способами: представленіемъ приговора сельскаго схода о существованіи того или иного обычая, удостовѣреніемъ волостного правленія или земскаго начальника о томъ же и проч. При такомъ взглядѣ, часто по одному и тому же дѣлу сторонами представлялись доказательства существованія въ одной и той же деревнѣ по одному поводу совершенно противоположныхъ обычаевъ. Равнымъ образомъ не совсѣмъ правильнымъ представляется утвержденіе докладчика, что относительно опекъ сельскіе сходы усвоили практику десятаго тома. Можетъ-быть относительно опеки надъ малолѣтними это отчасти и справедливо, но для цѣлаго ряда случаевъ, напр., въ отношеніи опеки надъ имуществомъ умершаго, въ отношеніи опеки для отвѣта по иску, предъявленному къ лицу умершаго, сельскіе сходы не установили ровно никакой положительной практики. Въ этомъ отношеніи они въ извѣстной степени были поддержаны и 2 Департаментомъ Правительствующаго Сената, признавшимъ, что для отвѣта по иску сельскіе сходы не обязаны учреждать опекъ. Наконецъ, нельзя согласиться съ тѣмъ выводомъ, который сдѣланъ докладчикомъ изъ рѣшенія Правительствующаго Сената, признавшаго, что земли надѣльныя до изданія закона 9 ноября 1905 года не подлежатъ завѣщательнымъ распоряженіямъ. Изъ этого рѣшенія докладчикъ дѣлаетъ обратный выводъ, что, значитъ, послѣ изданія этого закона выдѣленныя надѣльныя земли подлежатъ переходу по завѣщанію къ лицамъ сельскаго состоянія. Между тѣмъ, въ этомъ рѣшеніи Сенатъ совершенно обошелъ данный вопросъ и, судя по всему ходу аргументаціи этого рѣшенія, по мнѣнію оппонента, никакъ нельзя притти къ тому обратному выводу, который сдѣланъ докладчикомъ.

А. П. Паренаго отвѣтилъ, что при установленіи обычая суды руководятся преимущественно приговорами сходовъ. При этомъ часто бываетъ, что представляемые приговоры исключаютъ другъ друга. Въ виду этой противорѣчивости и нельзя придавать обычаямъ никакой цѣны. Относительно

Digitized by Google

обычаевъ въ области опеки должно замѣтить, что опека надъ сиротами существуетъ у крестьянъ внѣ какихъ-либо опредѣленныхъ правилъ, обычаевъ въ этой области нѣтъ, а потому крестьяне вынуждены обращаться къ нормамъ X тома. Что касается завѣщательныхъ распоряженій, то возможность ихъ для крестьянъ внѣ всякаго сомнѣнія, разъ существуетъ 47-я статья новаго закона. Свобода распоряженій лишь ограничена въ томъ смыслѣ, что нельзя завѣщать лицамъ не крестьянскаго сословія.

Гр. **С. Л. Камаровскій** отмѣтилъ, что существованіе обычая въ области крестьянской опеки подвержено большимъ сомнѣніямъ. Обычай въ этой области не могъ установиться уже потому, что крестьяне всегда смѣшиваютъ опеку съ попеченіемъ и призрѣніемъ. Напротивъ, въ области наслѣдованія крестьянскіе обычаи существуютъ. Было бы весьма важно установить объемъ крестьянскаго обычнаго права, т.-е. рѣшить, какихъ сторонъ жизни крестьянъ касаются обычаи.

А. Н. Паренаго замѣтилъ, что обычаи существовали и существуютъ, но докладчикъ главный вопросъ видитъ въ томъ, слѣдуетъ ли поддерживать обычаи, или, наоборотъ, должно стремиться къ распространенію на крестьянъ нормъ общаго права. Настоящій моментъ особенно благопріятенъ для того, чтобы покончить съ обычаями. При этомъ не слѣдуетъ бояться потрясенія народной жизни, такъ какъ всякая реформа вызываетъ нѣкоторое потрясеніе. Съ 1861 года наше законодательство стремится слить крестьянское сословіе съ другими. Поэтому необходимо стараться устранить все то, что вызываетъ обособленность крестьянскаго сословія.

Д. И. Курскій, раздѣляя основное положеніе доклада о непримѣнимости прежняго обычнаго крестьянскаго права послѣ изданія новеллъ 1906 и 1910 годовъ, остановился на другомъ, ошибочномъ по его мнѣнію, положеніи доклада, а именно — на обязательности примѣненія въ области наслѣдственнаго права у крестьянъ общихъ гражданскихъ законовъ съ ограниченіями, установленными въ 19-й ст. Общ. Пол. По мнѣнію оппонента, и буквальный смыслъ ст. 19-й, и практика Сената въ этой области устанавливаютъ какъ разъ обратное положеніе — о непримѣнимости въ области наслѣдованія у крестьянъ ограниченій ст. 19-й Общ. Пол. Эта статья ограничиваетъ кругъ лицъ, могущихъ пріобрѣтать надѣльную землю, лишь путемъ даренія и продажи. Распространительнаго толкованія она имѣть не можетъ, и потому Сенатъ, напр., правильно признавалъ право наслѣдованія надѣльной земли за дочерью крестьянина, вышедшей замужъ за дворянина. Случаи наслѣдованія надѣльной земли со стороны лицъ, не приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ, особенно должны были участиться съ изданіемъ новеллы 5 октября 1906 года. Переходя къ основному положенію доклада, оппонентъ указалъ, что непригодность прежнихъ обычаевъ въ области наслѣдственнаго права оказывается еще убѣдительнѣе, если коснуться не личной, а общей собственности, установленной новеллами 1906 и 1910 годовъ, и подойти къ вопросу, имѣя въ виду, напр., тѣ конкретные обычаи, извѣстные по трудамъ Пахмана, которые относятся къ наслѣдованію вдовы, сестеръ и вообще лицъ женскаго пола. Обычное крестьянское право исключало большею частью этихъ лицъ изъ круга наслѣдованія надѣльной земли при наличности наслѣдниковъ мужского пола (право бездѣтной вдовы лишь на приданое, устраненіе сестеръ при братьяхъ и т. д.). Между тѣмъ, въ силу ст. 48-й закона 14 іюня 1910 года, такія лица должны быть признаны всегда собственниками, имѣть долю въ общей собственности. Создалось неразрѣшимое противорѣчіе съ прежнимъ обычнымъ правомъ, которое не

Digitized by Google

разрѣшилъ, въ частности, и Сенатъ своимъ рѣшеніемъ по Общему Собранію 1911 года, № 31.

А. И. Филипповъ остановился на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выводахъ и частныхъ положеніяхъ доклада, присоединяясь къ его главнымъ положеніямъ. Во-первыхъ, докладчикъ, по мнѣнію оппонента, главную роль въ созиданіи обычаевъ у крестьянъ отводитъ фискальнымъ интересамъ помѣщиковъ, въ интересахъ которыхъ было создавать семейную собственность. По мнѣнію же оппонента, здѣсь главную роль играло натуральное хозяйство, отсутствіе у крестьянъ права собственности на землю; при такихъ условіяхъ вполнѣ естественнымъ представляется взглядъ крестьянъ на трудъ, какъ на единственный источникъ всѣхъ цѣнностей, и что только потраченный трудъ даетъ право на цѣнности. Во-вторыхъ, докладчикъ видитъ въ обычномъ правѣ крестьянъ главнымъ образомъ два принципа — «трудовое начало» и «семейную собственность»; такого взгляда придерживается и извѣстный изслѣдователь обычнаго права Мухинъ. По мнѣнію оппонента, семейная собственность въ конечномъ итогѣ сводится къ трудовому началу. Такъ, пріймаки только потому и причисляются къ семьѣ, что участвуютъ въ трудахъ двора, семьи; точно такъ же есть рядъ обычаевъ, указывающихъ на то, какъ родные сыновья (принадлежность коихъ къ семьѣ несомнѣнна) теряютъ право на имущество двора, если уходятъ на сторону и ничѣмъ не помогаютъ семьѣ, двору. Въ-третьихъ, оппонентъ, вполнѣ присоединяясь къ тому положенію докладчика, что законъ 14 іюня 1910 года, вставъ на діаметрально противоположную точку зрѣнія трудовому началу, сдѣлалъ совершенно невозможнымъ примѣненіе обычнаго права, тѣмъ не менѣе не можетъ согласиться съ докладчикомъ относительно расширительнаго толкованія ст. 19 Общ. Пол. Вѣдь, ьесь характеръ надѣльности созданъ правительствомъ въ обезпеченіе исправныхъ поступленій тѣхъ выкупныхъ платежей, которыми были обременены крестьяне. Теперь же, когда крестьяне въ своихъ имущественныхъ правахъ почти сравнены съ прочими сословіями и въ крестьянской недвижимости провозглашенъ принципъ личной собственности, придерживаться расширительнаго толкованія принципа надѣльности совершенно не требуется, тѣмъ болѣе, что всякій ограничительный законъ не подлежитъ расширительному толкованію. Поэтому выводъ докладчика, что завѣщанія крестьянъ на надѣльныя земли согласно ст. 19-й должны быть признаны недѣйствительными, неправиленъ. Къ этому выводу пришелъ и Сенатъ въ своихъ послѣднихъ рѣшеніяхъ; циркуляры министерства также признаютъ теперь вполнѣ возможнымъ существованіе крестьянскихъ завѣщаній, лишь бы мѣстный обычай прямо не запрещалъ составленія завѣщаній.

Казаковъ указалъ на то, что значеніе обычая, обыкновенно, очень преувеличиваютъ, думая, будто крестьяне крѣпко за него держатся. Въ дѣйствительности это мнѣніе едва ли имѣетъ подъ собой особенно твердую почву. Оппоненту пришлось въ качествѣ юриста столкнуться въ Закавказьѣ съ крестьянскимъ населеніемъ. Тамъ восемь національностей, и каждая упорно отстаиваетъ свою національность. Казалось бы, что онѣ будутъ прежде всего отстаивать свои обычаи. Между тѣмъ, наблюдается совершенно обратное явленіе: крестьяне изъ своего сельскаго суда идутъ въ мировой судъ. Населеніе ищетъ болѣе устойчивыхъ правовыхъ нормъ и готово пожертвовать своими обычаями. Въ виду этого можно думать, что при замѣнѣ обычая закономъ сильнаго потрясенія въ крестьянской жизни не произойдетъ.

Digitized by Google

А. Н. Паренаго въ отвѣтъ на сдѣланныя замѣчанія сказалъ, что въ словахъ оппонентовъ онъ видитъ подтвержденіе своей мысли. Выводъ изъ всего, что говорилось,— тотъ, къ которому и самъ докладчикъ пришелъ въ докладѣ, а именно: пора замѣнить неписанное право писаннымъ; если же въ крестьянскихъ обычаяхъ имѣются какія-либо здоровыя начала, то такіе обычаи слѣдуетъ облечь въ письменную форму и дать имъ санкцію законодательной власти.

Предсѣдательствующій **А. Э. Вормсъ** отмѣтилъ живой интересъ, съ которымъ докладъ былъ встрѣченъ присутствовавшими. Особенно цѣннымъ надо признать то общее настроеніе, которымъ проникнуты взгляды докладчика: настойчивое требованіе водворенія начала законности въ крестьянскихъ отношеніяхъ и опредѣленное стремленіе къ уравненію ихъ въ правахъ и судебныхъ гарантіяхъ съ лицами остальныхъ сословій. Докладчикъ правъ, полагая, что однимъ изъ существеннѣйшихъ средствъ для достиженія этихъ цѣлей въ области гражданскаго права является замѣна обычая, столь неустойчиваго и, къ тому же, лишеннаго новымъ аграрнымъ законодательствомъ своей бытовой основы, прочными нормами закона, болѣе соотвѣтствующаго новому фазису въ развитіи крестьянскаго хозяйства. Въ подтвержденіе этихъ основныхъ своихъ положеній докладчикъ собралъ богатый матеріалъ и изложилъ его въ живомъ и яркомъ освѣщеніи своей многолѣтней практики. Несмотря, однако, на такую принципіально правильную постановку вопроса, докладчику, какъ показали пренія, можетъ быть сдѣланъ рядъ возраженій, при томъ въ двухъ направленіяхъ.

Во-первыхъ, докладчикъ нѣсколько односторонне освѣтилъ историческое происхожденіе обычнаго права. Онъ не считается съ тѣмъ, что обычаи, вполнѣ аналогичные обычаямъ, которые, по его мнѣнію, возникли на почвѣ крѣпостного права, наблюдались въ средѣ такихъ разрядовъ государственныхъ крестьянъ, которые никогда не испытывали на себѣ гнета крѣпостного права, какъ, напр., бывшіе черносошные крестьяне сѣверныхъ губерній. Объ этомъ неопровержимо свидѣтельствуютъ матеріалы, собранные въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія министерствомъ государственныхъ имуществъ и систематизированные Барыковымъ. Чисто крѣпостническое, по мнѣнію докладчика, происхожденіе обычнаго права вмѣстѣ съ тѣмъ заставило его слишкомъ отрицательно отнестись къ обычному праву. Между тѣмъ, нѣкоторыя нормы обычнаго права представляются вполнѣ цѣлесообразными и болѣе приближаются къ западно-европейскимъ законодательствамъ, чѣмъ наше писаное право. Примѣромъ служитъ институтъ необходимаго наслѣдованія, который къ тому же не противорѣчитъ началу личной собственности, введенной закономъ 14 іюня 1910 года.

Во-вторыхъ, докладчикъ слишкомъ рѣшительно отвергаетъ самую возможность примѣненія обычая къ новымъ формамъ владѣнія надѣльной землей. Принципъ «трудовой семьи» представляетъ собой существенное, но далеко не единственное, характерное отличіе обычнаго права отъ закона.. Помимо упомянутыхъ уже ограниченій свободы завѣщательныхъ распоряженій, сюда относится, напр., право наслѣдованія пріймаковъ и, въ особенности, родителей, котораго нѣтъ основанія отвергать. Къ тому же все обычное право уже до указа 9 ноября 1906 года перестраивалось на индивидуалистическихъ началахъ подъ вліяніемъ новыхъ хозяйственныхъ потребностей и отчасти выработало нормы, приложимыя къ институту личной собственности.

Digitized by Google

Наконецъ, не столь уже безнадежны, какъ то кажется докладчику и нѣкоторымъ оппонентамъ, попытки разграничить дѣйствіе закона и обычая. Такъ, напр., общая собственность, возникшая при укрѣпленіи земли въ порядкѣ ст. 48 закона 14 іюня 1910 года, подлежитъ раздѣлу по обычаю или закону въ зависимости отъ того, можетъ ли быть удостовѣренъ обычай, опредѣляющій права участниковъ въ ней, или нѣтъ.

Въ заключеніе предсѣдательствующій предложилъ выразить докладчику благодарность за его цѣнный докладъ.

Засѣданіе закрыто въ 11 час. вечера.

Предсѣдатель *А. Вормсъ.*

Секретарь *А. Бѣликовъ.*

ПРОТОКОЛЪ № 3.

Общаго собранія Московскаго Юридическаго Общества.

25 февраля 1913 года.

Предсѣдательствовалъ **А. Э. Вормсъ.**
Обязанности Секретаря исполнялъ **А. Н. Бѣликовъ.**

Присутствовали: **Н. Н. Авиновъ, С. М. Алексѣевъ, Л. А. Бубнова, І. И. Вульфертъ, П. П. Гензель, И. Е. Германъ, Е. Н. Данилова, А. А. Додонова, А. М. Долматовскій, В. В. Елагинъ, М. С. Елагинъ, С. А. Журовъ, М. А. Иванцовъ, А. Г. Костенецкій, И. И. Кулаковъ, Л. Я. Леве, К. П. Михновскій, М. З. Мсеріанцъ, Д. С. Розенблюмъ, И. Н. Сахаровъ, Г. П. Филько, Н. Т. Шверина, Н. М. Шорыгинъ** и **М. М. Шульгинъ.**
Въ качествѣ гостя присутствовалъ Л. П. Демидовъ.

Засѣданіе открыто предсѣдательствующимъ А. Э. Вормсъ въ Кругломъ Залѣ Правленія Университета въ 8 час. 20 мин. вечера.

Н. Н. Авиновъ прочиталъ докладъ: «Правовая регистрація недвижимости и кадастръ».

Программа доклада:

1) Задачи правовой регистраціи недвижимости. — Дефекты правовой регистраціи недвижимости составляли всегда слабую сторону русскаго поземельнаго права. — Недостатки регистраціи въ архивахъ нотаріальномъ и межевомъ. — Бездокументное владѣніе, неточность актовъ «болѣе или менѣе, сколько въ натурѣ окажется»).

2) Задачи поземельной регистраціи, поставленныя въ 1860—80 гг. поземельнымъ устройствомъ крестьянъ государственныхъ, съ одной стороны,

Digitized by Google

и помѣщичьихъ, съ другой. Документы на надѣльныя земли государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ съ точки зрѣнія задачъ поземельной регистраціи.

3) Новѣйшіе аграрные законы 14 іюня 1910 года и 29 мая 1911 года въ ихъ отношеніяхъ въ поземельной регистраціи. Техническія преимущества закона 29 мая 1911 года. — Анализъ документовъ на укрѣпленные въ частную собственность участки надѣльной земли. — Пріемы ихъ регистраціи, установленные закономъ, недостаточны и несовершенны.

4) Современныя условія мобилизаціи поземельной собственности ставятъ болѣе строгія требованія регистраціи недвижимостей, чѣмъ раньше (купля, продажа, наслѣдованіе, залогъ).

5) Отсрочки въ установленіи правильной регистраціи недвижимости повлекутъ крайнюю безпорядочность въ правахъ на землю.

6) Попытка установить регистрацію поземельной собственности въ проектѣ вотчиннаго устава. Межеваніе и кадастръ, какъ условія, облегчающія регистрацію.

7) Значеніе кадастра для правовой регистраціи недвижимости. Примѣры изъ практики западно-европейскихъ государствъ (Франція, Пруссія, Австрія, Вюртембергъ). — Детали взаимотношеній кадастра и Grundbuch'а въ Пруссіи.

8) Кадастръ въ Россіи. — Кадастръ земель государственныхъ крестьянъ въ 1840—50 гг. — Земскія кадастральныя работы по временнымъ правиламъ 1 января 1864 года и по законамъ 1893 и 1899 гг. — Окладное дѣло въ земствѣ. Ст. 41 и 98 Уст. о Зем. Повинн. — Техника поземельнаго учета. Ея развитіе до и послѣ закона 1893 года. Оцѣночныя инструкціи 1894 и 1905 годовъ. Результаты учета, учетныя вѣдомости, инвентари, своды оцѣнокъ, карты владѣній.

9) Использованіе земскихъ учетныхъ данныхъ представляется вполнѣ возможнымъ для цѣлей правовой регистраціи недвижимости какъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, такъ и въ городахъ.

(Докладъ этотъ будетъ напечатанъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ»).

Предсѣдательствующій объявилъ перерывъ.

По возобновленіи засѣданія предсѣдательствующій **А. Э. Вормсъ** предложилъ желающимъ принять участіе въ обсужденіи доклада.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе: И. Е. Германъ, Л. П. Демидовъ, П. П. Гензель и А. Г. Костенецкій.

И. Е. Германъ указалъ, что недостаточно однажды привести въ извѣстность и зарегистрировать свѣдѣнія о земляхъ и владѣльцахъ. Необходимо еще наблюдать и отмѣчать въ реестрахъ всѣ происходящія перемѣны въ границахъ, площадяхъ, культурахъ и назначеніяхъ земель, а также въ ихъ владѣльцахъ и правахъ на земли. Но такой надзоръ за измѣненіями въ земляхъ и поземельныхъ правахъ весьма труденъ, дорогъ, требуетъ спеціальной сложной организаціи и врядъ ли будетъ подъ силу и по средствамъ нашей странѣ. Франція, произведя у себя дорогой кадастръ, за цѣлое столѣтіе не могла установить за нимъ правильнаго надзора и на половину погубила свои кадастровые реестры. Россія, произведя генеральное межеваніе на пространствѣ около 272 милліоновъ десятинъ, также не нашла у себя ни силъ, ни средствъ для поддержанія на уровнѣ современности свѣдѣній всего лишь о 200.000 генеральныхъ дачъ.

Digitized by Google

Правильная регистрація юридическихъ и кадастровыхъ данныхъ о поземельныхъ владѣніяхъ до настоящаго времени удавалась лишь въ небольшихъ государствахъ или только въ нѣкоторыхъ провинціяхъ такихъ государствъ. Поэтому я думаю, что въ Россіи еще не наступило то время, когда возможно поднимать вопросъ объ общей и сконцентрированной регистраціи свѣдѣній о земляхъ и поземельныхъ правахъ. У насъ возможна пока только частичная поземельная регистрація и то лишь въ нѣкоторыхъ губерніяхъ или ихъ уѣздахъ, гдѣ цѣнность земель можетъ вынести крупные расходы на устройство и поддержаніе въ современности надлежащихъ поземельныхъ реестровъ.

Л. П. Демидовъ замѣтилъ, что возраженія И. Е. Германъ предусмотрѣны въ докладѣ. Докладчикъ, говоря о мѣрахъ поддержанія данныхъ регистраціи, упоминалъ объ уфимскомъ земскомъ архивѣ, въ которомъ регистрируются всѣ сдѣлки, отмѣчаемыя въ нотаріальномъ архивѣ. Можетъ быть такіе же архивы было бы возможно завести и при всѣхъ губернскихъ земствахъ.

Н. Н. Авиновъ пояснилъ, что онъ говорилъ объ организаціи текущаго учета. Эта организація нарождается у насъ и пока въ разныхъ мѣстахъ имѣетъ различный видъ. Практика уфимскаго земства, конечно, заслуживаетъ подражанія, но она неспособна охватить всѣхъ случаевъ измѣненій въ землевладѣніи. Такъ, она не охватываетъ бездокументныхъ переходовъ владѣній. Можно указать и на другія попытки организаціи текущаго учета. Напримѣръ, въ Московскомъ уѣздѣ этотъ учетъ былъ организованъ черезъ раздѣленіе уѣзда на учетныя дачи, съ установленіемъ учетнаго формуляра и плана каждой дачи. Но Московскому уѣзду это возможно благодаря громадной цѣнности строительныхъ участковъ, для большинства же земствъ такая организація не по средствамъ. Слѣдуетъ отмѣтить еще принятую въ нѣкоторыхъ земствахъ карточную регистрацію владѣльцевъ и дачъ, значительно облегчающую учетъ. Должно также указать, что въ разныхъ земствахъ создаются спеціальныя должности по наблюденію за имѣніями въ землевладѣніи. Вся эта оцѣночная практика, конечно, во многихъ отношеніяхъ несовершенна, но въ ней все же можно видѣть зарожденіе кадастроваго наблюденія.

П. П. Гензель отмѣтилъ, что земская регистрація можетъ имѣть только подсобное значеніе, но не можетъ замѣнить вотчинныхъ книгъ. Въ общемъ можно согласиться, что земскія учетныя данныя могутъ дать весьма цѣнный матеріалъ, который будетъ имѣть большое значеніе, особенно въ виду невозможности проведенія въ жизнь вотчиннаго устава, но не слѣдуетъ забывать, что земскія данныя все-таки лишь суррогатъ.

А. Г. Костенецкій замѣтилъ, что по его мнѣнію земскія данныя также представляютъ изъ себя только суррогатъ вотчинной регистраціи, при томъ суррогатъ не особенно высокой цѣнности, такъ какъ земскій учетъ имѣетъ въ виду лишь цѣли обложенія, а не правовыя. Спорные вопросы владѣнія не подлежатъ разрѣшенію при земской регистраціи, а они-то и имѣютъ наиболѣе важное значеніе. Внесеніе въ земскую книгу за извѣстнымъ лицомъ владѣнія еще не укрѣпитъ правъ этого лица. Рекомендуемый докладчикомъ способъ регистраціи есть одно изъ многихъ предложеній въ данной области. По мнѣнію оппонента единственно правильный путь указанъ новымъ землеустроительнымъ закономъ, при всей неудовлетворительности этого закона. Важно лишь сохранить при его проведеніи единство.

Digitized by Google

Н. Н. Авиновъ въ отвѣтъ на возраженія указалъ, что кадастровая регистрація вообще не можетъ создать полной обезпеченности правъ, такъ какъ цѣль кадастра — только опредѣленіе объекта владѣнія. Съ точки зрѣнія обезпеченности правъ часто и крѣпостные документы бываютъ неудовлетворительными. Часто въ крѣпостныхъ документахъ размѣръ владѣнія опредѣляется словами: «болѣе или менѣе, сколько въ натурѣ окажется». Но, вѣдь, важно не только сказать, что за даннымъ владѣльцемъ числится столько-то десятинъ, а важно указать, гдѣ находится участокъ, индивидуализировать его. Земскій кадастръ, если онъ будетъ принятъ въ качествѣ общаго правила, будетъ имѣть очень большое значеніе, устраняя изъ землевладѣнія хаосъ, онъ можетъ сыграть роль при индивидуализированіи участковъ. Поземельныя книги, имѣющія цѣлью правовое обезпеченіе, должны пользоваться данными кадастра, такъ какъ только изъ него могутъ быть получены свѣдѣнія о составѣ владѣнія. Такимъ образомъ, опираясь на данныя кадастра, можно будетъ разрѣшать и спорные вопросы правового характера. Урегулированіе же дѣла земельной регистраціи въ настоящее время возможно только указаннымъ въ докладѣ путемъ, такъ какъ разсчитывать на генеральное межеваніе нельзя.

Предсѣдательствующій **А. Э. Вормсъ,** резюмируя пренія, указалъ на высокій интересъ и современность затронутой докладчикомъ темы, съ такимъ успѣхомъ разработанной имъ. Цѣнность выслушаннаго доклада усиливается еще и тѣмъ, что въ немъ докладчикъ подѣлился съ присутствующими тѣмъ богатымъ опытомъ, который онъ имѣетъ въ данной области. Докладчикъ ознакомилъ собраніе съ особенностями документовъ на крестьянское землевладѣніе, съ которыми у насъ мало знакомы даже спеціалисты. Охарактеризовавъ мѣтко и правильно эти документы, докладчикъ далъ рядъ практическихъ выводовъ, сдѣлалъ попытку разрѣшенія вопроса объ упорядоченіи нашей земельной регистраціи на основаніи примѣняющихся уже пріемовъ. Въ докладѣ было удѣлено вниманіе и Вотчинному Уставу, что особенно важно въ виду того, что въ ближайшее время предстоитъ разсмотрѣніе проекта Устава въ Государственной Думѣ. Этотъ новый проектъ мало отличается отъ проекта 1893 года; болѣе того, онъ почти повторяетъ его. Между тѣмъ, старый проектъ былъ выработанъ въ то время, когда былъ проведенъ законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель, теперь же у насъ признана и поощряется мобилизація крестьянской земельной собственности. Новый проектъ совершенно не говоритъ о ней. Далѣе, у насъ не запрещены сдѣлки по распродажѣ выдѣленныхъ надѣловъ по частямъ, по отдѣльнымъ угодьямъ и т. д. Западно-европейскія законодательства, напр., австрійское, запрещаетъ такую распродажу, допуская продажу отруба или надѣла только въ цѣломъ составѣ. Всѣ эти вопросы требуютъ скорѣйшаго разрѣшенія, и выслушанный докладъ даетъ имъ въ этомъ отношеніи цѣнныя указанія.

Въ заключеніе предсѣдательствующій предложилъ собранію выразить докладчику благодарность.

Засѣданіе закрыто въ 11 час. 30 мин. вечера.

Предсѣдатель *А. Вормсъ.*

Секретарь *А. Бѣликовъ.*

Digitized by Google

ПРОТОКОЛЪ № 4.

Годичнаго Общаго Собранія Московскаго Юридическаго Общества.

10 марта 1913 года.

Предсѣдательствовали: **Н. В. Давыдовъ** и **А. Э. Вормсъ.**
Обязанности Секретаря исполнялъ **А. Н. Бѣликовъ.**

Присутствовали: **А. С. Алексѣевъ, П. И. Астровъ, Д. В. Бельгардтъ, А. М. Березниковъ, О. С. Бернштейнъ, Л. С. Бискъ, П. С. Борзовъ, Л. А. Бубнова, П. А. Бурышкинъ, Н. Н. Быковскій, А. А. Бѣлоруссовъ, В. Г. Бѣльскій, Н. Г. Вавинъ, Н. С. Ваганов**ъ, **А. Б. Виноградъ, А. Н. Волковъ, А. А. Воскобойниковъ, П. П. Гензель, В. Я. Гинцбергъ, А. Д. Годинъ, О. Б. Гольдовскій, В. П. Груздевъ, Е. Н. Данилова, Д. Н. Доброхотовъ, А. М. Долматовскій, В. В. Елагинъ, М. С. Елагинъ, А. И. Елистратовъ, Е. Н. Ефимовъ, С. А. Журовъ, Н. А. Заозерскій, М. А. Иванцовъ, И. А. Ильинъ, С. С. Іевлевъ, Д. А. Іонасъ, Л. З. Катцъ, Б. А. Кистяковскій, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, А. Г. Костенецкій, С. А. Котляревскій, В. И. Лебедевъ, А. А. Левашкевичъ, Л. Я. Леве, А. Р. Ледницкій, П. П. Лидовъ, С. Е. Ліонъ, В. Н. Малянтовичъ, М. А. Мебель, Л. С. Мееровичъ, А. М. Мелкихъ, С. П. Мельгуновъ, Н. А. Миловидовъ, П. П. Митрофановъ, Г. С. Михаловскій, К. П. Михновскій, М. З. Мсеріанцъ, Н. К. Муравьевъ, В. А. Мурашкинцевъ, Д. Н. Муромцевъ, Н. П. Невзоровъ, П. И. Новгородцевъ, И. Б. Новицкій, І. В. Новоселовъ, В. П. Обнинскій, С. П. Ордынскій, В. А. Островскій, А. И. Пересъ, В. И. Пичета, В. В. Платоновъ, А. И. Покровскій, Н. Н. Полянскій, А. С. Рабиновичъ, Б. Е. Ратнеръ, А. А. Рождественскій, Д. С. Розенблюмъ, Н. Я. Рыбаковъ, Г. Д. Рындзюнскій, Н. К. Смирновъ, И. Н. Собцовъ, Б. И. Сыромятниковъ, С. П. Терновскій, П. В. Тесленко, А. Н. Трайнинъ, кн. С. Д. Урусовъ, И. С. Урысонъ, В. М. Устиновъ, М. С. Фельдштейнъ, Г. В. Филатьевъ, С. К. Цвѣтковъ, А. И. Цыбульскій, В. Н. Челищевъ, Е. Я. Черномордикъ, А. С. Шерешевскій, Л. А. Шмаринъ и И. З. Штейнбергъ.**

Закрытое засѣданіе.

Засѣданіе открыто предсѣдательствующимъ **Н. В. Давыдовымъ** въ филологической аудиторіи № 6 Московскаго Университета въ 1 часъ 40 мин. дня.

Б. И. Сыромятниковъ прочиталъ денежный отчетъ Общества за 1912 годъ. (Отчетъ приложенъ къ настоящему протоколу).

Собраніе единогласно утвердило отчетъ.

Н. К. Муравьевъ прочиталъ заключеніе Ревизіонной комиссіи. (Заключеніе это приложено къ настоящему протоколу).

Digitized by Google

Б. И. Сыромятниковъ указалъ, что высказанное Ревизіонной комиссіей пожеланіе обзавестить постоянными служащими не только не можетъ сократить статьи расхода на наемъ временныхъ служащихъ, а напротивъ, повлечетъ за собой увеличеніе этой статьи расхода, такъ какъ Обществу во всякомъ случаѣ придется уплачивать служащимъ университета за услуги, пока оно будетъ пользоваться университетскимъ помѣщеніемъ.

Н. В. Давыдовъ объяснилъ, что нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ Ревизіонной комиссіей указаній уже исполнены. Такъ, Совѣтъ принялъ уже мѣры къ застрахованію библіотеки, утвердилъ инструкцію Казначею и не разъ входилъ съ представленіемъ въ Правленіе Университета относительно передачи Обществу капиталовъ стараго Юридическаго Общества. Что касается остальныхъ указаній Ревизіонной комиссіи, то неисполненіе ихъ объясняется причинами, не зависящими отъ Совѣта; насколько будетъ отъ него зависѣть, Совѣтъ исполнитъ всѣ пожеланія.

Далѣе Н. В. Давыдовъ предложилъ собранію поручить Совѣту принять мѣры къ возможному исполненію указаній Ревизіонной комиссіи и доложить слѣдующему общему собранію, насколько эти указанія могли быть выполнены.

Предложеніе это было принято.

Б. И. Сыромятниковъ прочиталъ балансъ Общества на 1 января 1913 года и проектъ смѣты на 1913 годъ. (Балансъ и смѣта приложены къ настоящему протоколу.)

Собраніе единогласно утвердило балансъ и смѣту на 1913 годъ.

А. Э. Вормсъ сдѣлалъ докладъ о результатахъ дѣятельности Совѣта по организаціи и изданію журнала Общества «Юридическій Вѣстникъ».

Н. В. Давыдовъ предложилъ собранію выразить благодарность А. С. Алексѣеву, М. О. Гиршману, М. М. Ковалевскому, И. А. Кистяковскому и А. Л. Форштеттеру, оказывающимъ журналу матеріальную поддержку, и Б. А. Кистяковскому, принявшему на себя трудъ общаго редактированія журнала.

Предложеніе это было принято единогласно.

Н. В. Давыдовъ огласилъ предложеніе Совѣта объ избраніи почетными членами Общества Александра Семеновича Алексѣева и Николая Степановича Таганцева.

Предложеніе это было встрѣчено аплодисментами.

Н. В. Давыдовъ предложилъ собранію высказаться по вопросу о томъ, подвергать ли предложенныхъ лицъ баллотировкѣ шарами или считать ихъ избранными безъ баллотировки.

Собраніе единогласно признало предложенныхъ Совѣтомъ лицъ избранными въ число почетныхъ членовъ Общества.

Н. В. Давыдовъ огласилъ списокъ членовъ Юридическаго Общества, состоящихъ въ то же время профессорами Юридическаго Факультета Московскаго Университета и имѣющихъ право, согласно Устава Общества, баллотироваться на должность предсѣдателя Общества. Въ списокъ вошли слѣдующія лица: П. П. Гензель, П. В. Гидуляновъ, А. И. Елистратовъ, Н. А. Каблуковъ, С. А. Котляревскій, С. В. Познышевъ, И. Т. Тарасовъ, Г. С. Фельдштейнъ и А. Н. Филипповъ.

Н. В. Давыдовъ предложилъ присутствовавшимъ намѣтить изъ числа лицъ, вошедшихъ въ списокъ, записками кандидатовъ на должность предсѣдателя Общества.

Было подано всего 74 записки. По подсчету оказалось, что изъ общаго числа поданныхъ записокъ 59 записокъ были поданы съ предложеніемъ

Digitized by Google

на должность предсѣдателя Общества Н. А. Каблукова, 10 записокъ съ предложеніемъ С. А. Котляревскаго, 3 записки — П. П. Гензеля и 2 записки — А. Н. Филиппова.

Н. В. Давыдовъ предложилъ собранію, въ виду необходимости получить отъ заявленныхъ кандидатовъ согласіе баллотироваться на должность предсѣдателя, отложить выборы какъ предсѣдателя, такъ и прочихъ должностныхъ лицъ до спеціально созваннаго для этой цѣли въ ближайшее время чрезвычайнаго общаго собранія.

Предложеніе это было принято.

Предсѣдательствующій **Н. В. Давыдовъ** объявилъ перерывъ, предложивъ присутствовавшимъ перейти въ Богословскую аудиторію для участія въ публичномъ засѣданіи.

Публичное засѣданіе.

Засѣданіе открыто предсѣдательствующимъ **А. Э. Вормсъ** въ Богословской аудиторіи Московскаго Университета въ 3 часа 10 мин. дня.

А. Э. Вормсъ сообщилъ, что на закрытомъ засѣданіи выбраны въ число почетныхъ членовъ Московскаго Юридическаго Общества А. С. Алексѣевъ и Н. С. Таганцевъ.

Сообщеніе это было встрѣчено аплодисментами.

П. И. Астровъ прочиталъ отчетъ о дѣятельности Московскаго Юридическаго Общества за 1912 годъ.

А. С. Алексѣевъ произнесъ рѣчь: «Происхожденіе чрезвычайно-указнаго права».

(Рѣчь эта напечатана въ № 1 «Юридическаго Вѣстника».)

П. И. Новгородцевъ произнесъ рѣчь: «Современное положеніе проблемы естественнаго права».

(Рѣчь эта напечатана въ № 1 «Юридическаго Вѣстника».)

Засѣданіе закрыто въ 4 часа 25 мин. дня.

Предсѣдатель *Н. Давыдовъ*.

Секретарь *А. Вормсъ*.

Digitized by Google

ОТЧЕТЪ

по приходу и расходу денежныхъ средствъ Московскаго Юридическаго Общества за 1912 г.

Digitized by Google

О Т

по приходу и расходу денежныхъ средствъ М

ПРИХОДЪ.	Руб.	Коп.
1. Остатокъ отъ 1911 года	74	49
2. Членскіе взносы	2940	—
3. Проценты по текущему счету Моск. куп. о-ва взаимнаго кредита на 1 января 1913 года	31	53
4. Пожертвованіе А. А. Мануилова	10	—
5. Капиталъ преміи имени Заремба	1700	—
6. Отъ М. М. Ковалевскаго на изданіе журн. «Юридическій Вѣстникъ»	500	
	5256	02

4 марта 1913 года провѣрено

Ревизіонной комиссіей. Предсѣд. Ком. *Мальченко.*

Digitized by Google

Приложеніе I.

ЧЕТЪ

сковскаго Юридическаго Общества за 1912 г.

РАСХОДЪ.	Руб.	Коп.
1. Жалованье дѣлопроизводителю	360	—
2. Жалованье помощнику библіотекаря	82	50
3. 5-процентное отчисленіе по сбору членскихъ взносовъ	124	—
4. Плата временнымъ служащимъ	119	70
5. Хозяйственные расходы	214	33
6. Непредвидѣнные расходы (вѣнокъ Г. Ф. Шершеневичу)	25	—
7. Расходы по изданію О-ва	28	97
8. По счетамъ 1911 года:		
оборудованіе библіотеки	200	—
подписка на журналъ «Вопросы права»	272	50
папка для адреса	8	—
9. Расходы по Церковной коммиссіи	52	50
10. На текущемъ счету Моск. куп. о-ва взаимнаго кредита съ процентовъ на 1 января 1913 года	1595	23
11. Годовой вкладъ капитала имени Заремба	1600	—
12. Въ кассѣ	573	29
	5256	02

Казначей Московскаго Юридическаго Общества *Бор. Сыромятниковъ.*
Алексѣевъ.
П. Новгородцевъ.
Астровъ.
Челищевъ.
Н. Тесленко.

Digitized by Google

Приложеніе II.

Заключеніе Ревизіонной комиссіи.

25 февраля 1913 года Ревизіонная комиссія въ помѣщеніи библіотеки Московскаго Юридическаго Общества ознакомилась съ ея наличностью и регистраціей. Относительно каталогизаціи и расгруппировки книгъ произведенный на это расходъ оправдывается количествомъ труда, вложеннаго, видимо, въ это дѣло. Относительно инвентарнаго реестра усмотрѣно отсутствіе отмѣтокъ о внѣшности книгъ, о числѣ страницъ и приложеній, о цѣнѣ или стоимости, а равно о времени поступленія книги въ библіотеку. Помѣщеніе плохо отопляется, печь дымитъ и едва ли безопасна въ пожарномъ отношеніи. Вслѣдствіе сего особенно необходимо поторопиться съ застрахованіемъ книгъ. Самое же помѣщеніе просторно настолько, что могло бы быть использовано — при лучшемъ его содержаніи — для занятій членовъ, для засѣданій комиссій и т. д., благодаря чему можетъ-быть удалось бы сократить часть соотвѣтствующей расходной статьи. Сверхъ того, такое приспособленіе помѣщенія и самый фактъ его наличности, опредѣливъ фактическое и юридическое мѣстопребываніе (въ частности, адресъ) Общества, облегчило бы возможность обращенія къ нему всѣхъ лицъ, имѣющихъ въ немъ надобность. Было бы желательно поскорѣе опредѣлить, какіе отдѣльные томы библіотеки утрачены и какіе сборники разрознены, свѣдѣнія объ этомъ распространить среди членовъ Общества съ просьбою о содѣйствіи къ пополненію библіотеки, и принять мѣры къ возможному устраненію ея дефективности.

4 марта 1913 года Ревизіонная комиссія провѣрила доставленные казначеемъ Общества документы и книги отчетности за 1912 годъ. Записи въ книгахъ оказались въ соотвѣтствіи съ оправдательными документами, о чемъ сдѣлана надпись подъ итогами приходо-расходной книги казначея. Отчетъ по приходу и расходу денежныхъ суммъ Общества въ 1912 году составленъ согласно съ приходо-расходной книгой и на 31 декабря 1912 года. Общество имѣетъ въ наличности: капиталъ имени Зарембы 1.700 руб., капиталъ имени Муромцева 200 руб., издательскій — 500 руб., расходный — 1.368 рублей 52 коп. и въ имуществѣ — 295 руб. 65 коп., — балансъ — 4.064 руб. 17 копеекъ. Ревизіонная комиссія полагаетъ, что помѣщеніе спеціальныхъ капиталовъ могло бы быть болѣе выгоднымъ; сейчасъ изъ капитала Зарембы 1.600 руб. составляетъ вкладъ въ Купеческомъ банкѣ на 1 годъ изъ $4^{3}/_{4}\%$, а 100 руб. этого капитала и остальныя суммы Общества находятся на текущемъ счетѣ изъ 3%; по мнѣнію Комиссіи капиталъ имени Зарембы могъ бы, какъ неприкосновенный, приносить болѣе росту, будучи помѣщенъ на долгій срокъ или обращенъ въ процентныя бумаги, равнымъ образомъ капиталъ имени Муромцева долженъ храниться не на текущемъ счетѣ, а болѣе обособленно отъ расходныхъ средствъ. Къ сожалѣнію, въ Ревизіонную комиссію не доставлены условія и основанія взноса въ кассу Общества спеціальныхъ капиталовъ, а безъ знанія титула она не можетъ судить относительно правильности и цѣлесообразности помѣщенія ихъ и распоряженія ими.

Обращаясь къ смѣтѣ на 1913 годъ, Ревизіонная комиссія приняла во вниманіе, что расходъ на дѣлопроизводителя, временныхъ служащихъ,

Digitized by Google

сборщика членскихъ взносовъ и контору «Юридическаго Вѣстника» предположенъ въ суммѣ 1.310 руб.; что упразднить расходъ на письмоводство по библіотекѣ едва ли цѣлесообразно, а онъ въ 1912 году былъ произведенъ въ суммѣ 82 руб. 50 коп., что среди «хозяйственныхъ расходовъ» въ размѣрѣ 300 руб. по смѣтѣ 1913 года нужно считать половину на долю услугъ по организаціи чая и т. п. въ засѣданіяхъ и что, слѣдовательно, въ 1913 году назначено около 1.500 руб. собственно на оплату труда служащихъ. При такихъ условіяхъ казалось бы выгоднѣе и удобнѣе было обзавестись постоянными служащими путемъ комбинаціи ихъ труда по дѣлопроизводству Совѣта, библіотекѣ и конторѣ «Вѣстника» и полнѣе использовавъ помѣщеніе библіотеки для всего этого. Но Ревизіонная комиссія не была приглашена участвовать въ обсужденіи Совѣтомъ смѣты, послѣдняя не сопровождена пояснительною запискою и посему Комиссія воздерживается отъ рѣшительныхъ по этому вопросу выводовъ. Она констатируетъ только необходимость въ будущемъ получать на свое обозрѣніе изъ Совѣта кромѣ смѣты, денежнаго отчета и баланса съ оправдательными документами еще и общій отчетъ Совѣта, наличность котораго въ рукахъ Комиссіи устранитъ нѣкоторыя частичныя недоумѣнія и облегчитъ трудъ выясненія казначейскихъ записей и смѣтныхъ ассигнованій. Совершенно необходимо также, чтобы денежный отчетъ сопровождался кромѣ оправдательныхъ документовъ титулами статей прихода и расхода.

Ревизіонная комиссія не можетъ не подчеркнуть необходимость болѣе энергическихъ мѣръ со стороны Совѣта къ полученію не переданнаго ему еще денежнаго имущества Юридическаго Общества, хранящагося въ Московскомъ Купеческомъ банкѣ, и имущества по изданію «Сборника правовѣдѣнія и общественныхъ знаній» (оставшіеся экземпляры и вырученныя деньги), находящемуся на комиссіи въ складѣ М. М. Стасюлевича въ Петербургѣ. Это, вѣдь, естественное завершеніе дѣла, начатаго истребованіемъ библіотеки.

Наконецъ, нельзя забывать, что имущество Общества въ балансѣ на 1 января 1913 года показано въ суммѣ 295 руб. 65 коп., т.-е. въ немъ не нашла еще себѣ мѣста стоимость библіотеки, — пробѣлъ въ балансѣ существенный и подлежащій скорѣйшему восполненію. Равнымъ образомъ въ смѣтѣ на 1913 годъ не включено ассигнованіе на застрахованіе книгъ, которое, какъ выше упомянуто, должно быть, по мнѣнію Комиссіи, предпринято возможно скорѣе.

§ 15 устава возлагаетъ на Совѣтъ Общества обязанность выработать для должностныхъ лицъ инструкціи; объ отсутствіи ея было указано Ревизіонной комиссіей по поводу обревизованія отчетности за 1911 годъ. Приходится, къ сожалѣнію, и настоящее заключеніе окончить пожеланіемъ, чтобы Общее собраніе членовъ Московскаго Юридическаго Общества, принявшее въ прошломъ году всѣ замѣчанія Комиссіи, на этотъ разъ назначило Совѣту срокъ на выработку инструкцій, требуемыхъ § 15 пунктомъ 5.

Малченко.

Н. К. Муравьевъ.

Борисовскій.

И. С. Урысонъ.

Digitized by Google

Приложеніе III.

Балансъ Московскаго Юридическаго Общества на 1-е января 1913 г.

АКТИВЪ.	Руб.	Коп.	ПАССИВЪ.	Руб.	Коп.
1. Годовой вкладъ въ Моск. Куп. О-во взаимн. кредита	1600	—	1. Капиталъ преміи имени Заремба	1700	—
2. Текущій счетъ Моск. Куп. О-ва взаимн. кредита.	1595	23	2. Капиталъ преміи имени С. А. Муромцева	200	—
3. Движимое имущество	295	65	3. Оборотный капиталъ на 1 января 1913 года	1664	17
4. Въ кассѣ	573	29	4. Спеціальный капиталъ на изданіе «Юридическаго Вѣстника»	500	—
	4064	17		4064	17

4 марта 1913 года Ревизіонной комиссіей провѣрено.

Предсѣдатель *Малченко.*

Казначей Юридическаго Общества *Бор. Сыромятниковъ.*
Алексѣевъ.
Н. Давыдовъ.
П. Новогородцевъ.

Digitized by Google

Смѣта Московскаго Юридическаго Общества на 1913 годъ.

Приложеніе IV.

ПРИХОДЪ.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1. Остатокъ съ 1912 г.	1368	52	—	—
2. Членскіе взносы.	3000	—	4368	52
3. По изданію журнала «Юридическій Вѣстникъ»:				
а) подписка.	600	—	—	—
в) поступленія отъ разныхъ лицъ на изданіе.	4500	—	5100	—
	—	—	9468	52

РАСХОДЪ.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1. Жалованье дѣлопроизводителю	360	—	—	—
2. Плата временнымъ служащимъ.	125	—	—	—
3. 5% отчисленіе на сборъ членскихъ взносовъ	125	—	610	—
4. Хозяйственные расходы	300	—	—	—
5. Непредвидѣнные расходы . . .	100	—	400	—
6. Изданіе трудовъ О-ва за 1912 г.	400	—	400	—
7. Изданіе журн. «Юрид. Вѣстн.»:				
а) печатаніе журнала	2400	—	—	—
б) авторскій гонораръ	2400	—	—	—
в) вознагражденіе редактору .	800	—	—	—
г) конторскіе расходы	600	—	—	—
д) непредвидѣнные расходы. .	400	—	6600	—
8. Отчисленіе въ фондъ преміи имени С. А. Муромцева	100	—	100	—
			8110	—
Остатокъ.	—	—	1358	52
	—	—	9468	52

4 марта 1913 года Ревизіонной Комиссіей провѣрено.

Предсѣдатель *Малченко.*

Казначей Московскаго Юрид. Общества *Бор. Сыромятниковъ.*

Алексѣевъ.
П. Новгородцевъ
Астровъ.
Челищевъ.
Н. Тесленко.

Digitized by Google

Протоколы засѣданій Общества имени А. И. Чупрова для разработки общественныхъ наукъ будутъ напечатаны въ слѣдующей книгѣ „Юридическаго Вѣстника“.

Digitized by Google

Книги, полученныя редакціей.

П. А. Вихляевъ. Вліяніе травосѣянія на отдѣльныя стороны крестьянскаго хозяйства. Выпускъ 2. Травосѣяніе и скотоводство. Выпускъ 3. Травосѣяніе и улучшенный инвентарь. Изданіе Статистическаго отдѣленія Московской губернской земской управы. Москва. 1913.

Календарь и записная книжка земскаго корреспондента Московской губерніи на 1913 годъ. Изданіе Статистическаго отдѣленія Московской губернской земской управы. Москва. 1913. Цѣна 25 коп.

Календарь «Хуторянинъ». (Пятый сборникъ сельскохозяйственныхъ статей). Изданіе второе. Полтава. 1912. Цѣна 25 коп.

Я. К. Имшенецкій. Мелкій кредитъ и его значеніе въ народномъ хозяйствѣ. Библіотека журнала «Хуторянинъ». Полтава. 1913. Цѣна 7 коп.

Итоги урожая зерновыхъ хлѣбовъ, картофеля и льна въ крестьянскомъ хозяйствѣ Московской губ. за 1912 годъ. Статистическое отдѣленіе Московской губернской земской управы. Москва. 1913.

Г. М. Колоножниковъ пр.-доц. **Облигаціи торгово-промышленныхъ акціонерныхъ товариществъ.** Часть первая. Условія выпуска облигацій. Томскъ. 1912. Цѣна 2 руб. 50 коп.

К. А. Кузнецовъ. Опыты по исторіи политическихъ идей въ Англіи (XV—XVII в.). Владивостокъ. 1913. Цѣна 1 руб. 50 коп.

С. П. Кулжинскій. Улучшеніе сѣмянъ. Библіотека журнала «Хуторянинъ». Полтава. 1913. Цѣна 10 коп.

Д. К. Лаврентьевъ. Торговое право, вексельное и морское. Краткій курсъ для учащихся и самообразованія. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1913. Цѣна 1 руб. 50 коп.

А. Г. Матиссенъ. Бесѣды по полеводству. Библіотека журнала «Хуторянинъ». Полтава. 1913. Цѣна 20 коп.

Д-ръ Н. А. Москалевъ. Симуляція и ложное сознаніе предъ судомъ присяжныхъ. Москва. 1913. Цѣна 1 руб.

Н. П. Невзоровъ. По пути къ правовому государству. (Конституціонные проекты и попытки въ Русской исторіи.) Москва. 1913. Цѣна 50 коп.

Обсѣмененіе озимыхъ полей въ Московской губерніи въ 1912 г. и состояніе озимей передъ уходомъ подъ снѣгъ. Статистическое отдѣленіе Московской губ. зем. управы. Москва. 1913.

А. М. Рубашева. Особые суды для малолѣтнихъ и система борьбы съ дѣтской преступностью. Т. I. Америка, Англія, Германія и Австрія. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Е. Н. Тарасова. Дѣтскій судъ заграницей и въ Россіи. Москва. 1912. Ц. 50 коп.

Г. Ф. Шершеневичъ. Общая теорія права. Выпускъ четвертый. Изданіе Бр. Башмаковыхъ. Москва. 1912. Цѣна 1 руб.

Алексѣй Шиловъ. Правда о тотализаторѣ. Москва. 1912. Цѣна 30 коп.

Его же. Къ вопросу о способахъ борьбы съ пьянствомъ. (По поводу законопроектовъ). Москва. 1911.

Digitized by Google

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,
ЖУРНАЛЪ
МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,
ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ СОДѢЙСТВІИ
С.-Петербургскаго Юридическаго Общества и Общества имени А. И. Чупрова для разработки общественныхъ наукъ
ПОДЪ ОВЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ **Б. А. КИСТЯКОВСКАГО.**

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ:

А. С. Алексѣевъ, М. М. Винаверъ, А. Э. Вормсъ, Н. В. Давыдовъ, Н. М. Ждановъ, И. А. Кистяковскій, М. М. Ковалевскій, А. А. Мануиловъ, В. Д. Набоковъ, П. И. Новгородцевъ, Н. Н. Полянскій и М. П. Чубинскій.

До сихъ поръ выразили согласіе на сотрудничество слѣдующія лица:

А. А. Алексѣевъ, Н. Н. Алексѣевъ, П. И. Астровъ, М. В. Беренштамъ, А. А. Боровой, С. Н. Булгаковъ, Б. П. Вышеславцевъ. С. Т. Гавриловъ, П. П. Гензель, Д. М. Генкинъ, М. Н. Гернетъ, П. В. Гидуляновъ, В. Я. Гинцбергъ, Н. Н. Голубевъ, А. В. Горбуновъ, В. М. Гордонъ, В. Э. Грабарь, В. Э. Денъ, В. Ѳ. Дерюжинскій, А. М. Долматовскій, Н. П. Дружининъ, Е. Н. Ефимовъ, А. И. Елистратовъ, В. Б. Ельяшевичъ, В. Я. Желѣзновъ, А. А. Жижиленко, А. В. Завадскій, М. Д. Загряцковъ, И. А. Ильинъ, В. Л. Исаченко, Н. А. Каблуковъ, З. С. Каценеленбаумъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, бар. С. А. Корфъ, С. А. Котляревскій, В. А. Краснокутскій, К. А. Кузнецовъ, Н. И. Лазаревскій, И. В. Лебединскій, П. И. Люблинскій, Н. А. Максимейко, В. Ѳ. Матвѣевъ, В. С. Малченко, П. Е. Михайловъ, С. П. Мокринскій, М. И. Назаревскій, В. Н. Новиковъ, бар. Б. Э. Нольде, С. П. Ордынскій, Р. М. Орженцкій, М. Я. Острогорскій, А. В. Палибинъ, Н. И. Паліенко, Л. І. Петражицкій, А. А. Піонтковскій, І. А. Покровскій, С. П. Покровскій, Б. В. Поповъ, Д. С. Розенблюмъ, С. Е. Сабининъ, А. Р. Свирщевскій, В. И. Синайскій, Е. Д. Синицкій, М. Н. Соболевъ, Е. В. Спекторскій, П. Б. Струве, Б. И. Сыромятниковъ, Л. С. Таль, Ѳ. В. Тарановскій, Л. Е. Тауберъ, Е. Н. Темниковскій, кн. Е. Н. Трубецкой, В. М. Устиновъ, А. Н. Фатѣевъ, Г. С. Фельдштейнъ, А. Н. Филипповъ, Б. Н. Фрезе, А. Л. Форштетеръ, В. М. Хвостовъ, В. Н. Челищевъ, А. А. Чупровъ, Л. В. Шалландъ, В. Н. Ширяевъ, А. Я. Шпаковъ, И. З. Штейнбергъ, Г. Н. Штильманъ, В. Г. Щегловъ, Т. М. Яблочковъ и А. С. Ященко.

Юридическій Вѣстникъ выходитъ въ количествѣ четырехъ книгъ въ годъ — въ февралѣ, апрѣлѣ, октябрѣ и декабрѣ — въ размѣрѣ отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна на годъ — 6 рублей, на полгода — 3 рубля съ пересылкою и доставкою. Цѣна каждой книги въ отдѣльной продажѣ 2 рубля. Подписка принимается въ редакціи журнала **Юридическій Вѣстникъ** въ Москвѣ, Пречистенка, Б. Левшинскій пер., д. № 13, кв. 8. По дѣламъ конторы обращаться по буднимъ днямъ отъ 12 до 4 ч. дня по телеф. 3.08-79.

Издатель: Юридическое Общество при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Редакторъ *Б. А. Кистяковскій.*

Digitized by Google

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на **1913** годъ

НА ЖУРНАЛЪ

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ

подъ редакціей: **Б. А. Кистяковскаго, А. Р. Свирщевскаго, Л. С. Таля и В. Н. Ширяева,**

При ближайшемъ участіи:

В. М. Гордона, А. И. Елистратова, Л. І. Петражицкаго, І. А. Покровскаго, М. И. Туганъ-Барановскаго, Г. С. Фельдштейна и барона А. Л. Фрейтагъ-Лорингговена

въ количествѣ четырехъ выпусковъ (въ мартѣ, маѣ, октябрѣ и декабрѣ) по 10 печатныхъ листовъ въ каждомъ.

Въ «Юридическихъ Запискахъ», будутъ помѣщаться: 1) оригинальныя статьи по юридическимъ и экономическимъ наукамъ; 2) обозрѣніе наиболѣе важныхъ статей въ иностранныхъ юридическихъ и экономическихъ журналахъ; 3) хроника законодательная и судебная; 4) смѣсь; 5) критика и проч.

За 1908—12 гг. въ «Юридическихъ Запискахъ» были помѣщены статьи:

А. А. Алексѣева, А. С. Алексѣева, В. Н. Бенешевича, М. И. Боголѣпова, А. Н. Бѣликова, А. М. Винавера, А. Э. Вормса, А. К. Вульферта, П. В. Гидулянова, Н. Н. Голубева, І. М. Гольдштейна, В. Горы, Е. Н. Ефимова, А. А. Жижиленко, Яр. Каллаба, бар. С. А. Корфа, А. М. Кулишера, П. Кравцова, С. Левина, Ѳ. И. Леонтовича, П. И. Люблинскаго, П. Е. Михайлова, С. А. Муромцева, В. Н. Мышцына, Я. Натансона, Ф. К. Нейбеккера, И.Б. Новицкаго, Р. М. Орженцкаго, Н. И. Паліенко, М. Я. Пергамента, С. Первушина, П. А. Покровскаго, С. П. Покровскаго, С. Е. Сабинина, А. Р. Свирщевскаго, В. В. Святловскаго, Е. В. Спекторскаго, М. Н. Соболева, В. В. Сокольскаго, И. К. Сухоплюева, Ѳ. В. Тарановскаго, Г. Г. Тельберга, Е. Н. Темниковскаго, М. И. Туганъ-Барановскаго, Г. С. Фельдштейна, Б. Н. Фрезе, бар. А.Л. Фрейтагъ-Лорингговена, Н. Н. Шапошникова, В. Н. Ширяева, С. А. Шумакова, Т. М. Яблочкова.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на 1913 годъ съ доставкой и пересылкой 4 рубля. Цѣна отдѣльнаго выпуска «Юридическахъ Записокъ» 1 руб. 85 коп., двойного — 2 руб. 70 коп. Подписная плата адресуется въ г. Ярославль, зданіе Демидовскаго Юридическаго Лицея, редакціи «Юридическихъ Записокъ». Отдѣльные выпуски продаются тамъ же, а также въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы, Кіева и др.

Digitized by Google

Продолжается подписка на 1912—1913 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Подписка принимается въ г. Ярославлѣ, въ конторѣ редакціи **Юридической Библіографіи** (зданіе Демидовскаго Юридическаго Лицея) и въ г. Москвѣ въ книжномъ магазинѣ «Правовѣдѣніе» И. К. Голубева (Никольская, д. Славянскаго Базара) и въ книжномъ магазинѣ П. Шибанова (Никольская ул.). Подписной годъ начинается 1 іюня 1912 года и заканчивается 31 мая 1913 года. **Подписная цѣна на годъ съ пересылкою и доставкою 2 руб.**

Юридическая Библіографія продается отдѣльными выпусками въ г. Ярославлѣ и книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы и Кіева по **40 к.** за отдѣльный выпускъ, по **80 к.** за двойной выпускъ.

Юридическая Библіографія въ шестомъ году своего изданія будетъ выходить пять разъ въ годъ. Первый (двойной) выпускъ за текущій годъ № 1—2 (№ 26—27) вышелъ подъ редакціей **Н. Н. Голубева, А. Р. Свирщевскаго и Т. М. Яблочкова.**

Въ вышедшихъ съ 1907 года до сего времени 27 нумерахъ **Юридической Библіографіи** были помѣщены рецензіи и замѣтки слѣдующихъ лицъ:

З. Д. Авалова, П. М. Богаевскаго, А. А. Борового, А. Н. Бѣликова, Ст. Веселовскаго, А. М. Винавера, С. И. Викторскаго, А. Э. Вормса, П. П. Гензеля, М. Н. Гернета, П. В. Гидулянова, Д.С.Глаголева, Н. Н. Голубева, Г. В. Демченко, А. И. Елистратова, А. А. Жилина, А. В. Завадскаго, Ф. Ф. Зигеля, И. О. Зубова, И. А. Ильина, Н. А. Каблукова, К. Кадлеца, гр. Л. А. Камаровскаго, Б. А. Кистяковскаго, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, бар. С. А. Корфа, С.А. Котляревскаго, П. С. Кравцова, В. А. Краснокутскаго, І. М. Кулишера, С. Кутржеба, Ѳ. И. Леонтовича, П. И. Люблинскаго, В.Ѳ.Матвѣева, А.Н.Миклашевскаго, П. Е. Михайлова, В. Н. Мышцына, Э. Немировскаго, Н. Я. Новомбергскаго, И. Х. Озерова, Р. М. Орженцкаго, Н. И. Паліенко, М. Я. Пергамента, И. Н. Покровскаго, А. А. Рождественскаго, С. Е. Сабинина, А. Р. Свирщевскаго, В. И. Серебровскаго, В. И. Синайскаго, Е. Д. Синицкаго, Е. В. Спекторскаго, Н. С. Суворова, И. К. Сухоплюева, Б. И. Сыромятникова, Ѳ. В. Тарановскаго, бар. М. А. Таубе, Л. Я. Таубера, В. Н. Твердохлѣбова, Г. Г. Тельберга, Г. И. Тиктина, И. Н. Трепицина, В. А. Удинцева, Г. С. Фельдштейна, М. С. Фельдштейна, А. Н. Филиппова, А. Ф. Фортунатова, Б. Н. Фрезе, бар. А. Л. Фрейтага-Лорингговена, М. И. Фридмана, В. М. Хвостова, Д. А. Червонецкаго, И. И. Чистякова, М. П. Чубинскаго, П. Шапошникова, В. Шесана, В. Н. Ширяева, А. В. Шмидта, С. А. Шумакова, В. Г. Щеглова, Т. М. Яблочкова, А. С. Ященко.

Издатель: **Демидовскій Юридическій Лицей.**

Digitized by Google

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

ВѢСТНИКЪ

ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА

издаваемый М. М. Винавером

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ

проф. **В. Б. Ельяшевича,** проф. Бар. **А. Э. Нольде,**
проф. **М. Я. Пергамента** и проф. **А. І. Покровскаго.**

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня, іюля, августа и сентября, книжками въ объемѣ 5—6 листовъ каждая.

Подписная цѣна 5 рублей въ годъ.

Допускается разсрочка: **3** руб. при подпискѣ и **2** руб. къ 1-му мая.

Адресъ конторы: Литейный пр. 28. Книжный складъ „ПРАВО", тел. 41-61.

Адресъ редакціи: Захарьевская ул., д. 25, кв. 14, тел. 522-50.

Издатель **М. М. Винаверъ.** Редакторъ **В. С. Елпатьевскій.**

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

новое изданіе:

ПРОТОКОЛЫ КОМИССІИ ПО ЦЕРКОВНОМУ ПРАВУ

при Московскомъ Юридическомъ Обществѣ за 1911—1912 г.

подъ редакціей приватъ-доцента А. И. Покровскаго.

Содержаніе: I. Реформа церковнаго прихода.
II. Вопросъ о бракѣ и разводѣ.

Цѣна 70 коп.

Складъ изданія: Б. Дмитровка, д. 14, кв. 1

Digitized by Google

XIX годъ | въ 1913 году | годъ XIX

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ"

будетъ выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1913 года.

Въ «Журналѣ» печатаются: 1) Узаконенія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству М. Ю.; 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовнаго; 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражд. и Уголов. Касс. Д—товъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената; 4) Литературное обозрѣніе: критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библіографическій указатель юридической литературы, русской и иностранной; 5) Обзоръ иностраннаго законодательства: свѣдѣнія о новыхъ законахъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ; 6) Письма изъ Англіи и изъ Парижа; 7) Обзоръ иностранныхъ журналовъ.

Въ «Журналѣ» за 1894—1912 годъ были напечатаны, между прочимъ, статьи слѣдующихъ авторовъ: А. С. Алексѣева, А. Л. Боровиковскаго, Е. В. Васьковскаго, М. М. Винавера, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гасмана, М. Б. Горенберга, Д. Д. Гримма, М. Ѳ. Громницкаго, А. М. Гуляева, П. Н. Гуссаковскаго, Д. А. Дриля, М. В. Духовского, М. А. Дьяконова, К. П. Змирлова, В. В. Ивановскаго, И. А. Ивановскаго, М. М. Ковалевскаго, А. Ѳ. Кони, Н. М. Коркунова, В. Н. Латкина, Ѳ. И. Леонтовича, В. М. Нечаева, бар. А. Э. Нольде, Д. А. Носенко, П. Н. Обнинскаго, Н. И. Паліенко, Л. І. Петражицкаго, А. А. Піонтковскаго, І. А. Покровскаго, П. С. Пороховщикова, А. К. фонъ-Розена, Н. М. Рейнке, А. К. Рихтера, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, В. Д. Спасовича, Ѳ. В. Тарановскаго, Е. Н. Тарновскаго, А. Н. Филиппова, И. Я. Фойницкаго, М. П. Чубинскаго, В. М. Цвингмана, Г. Ф. Шершеневича, Б. П. Ширкова, К. В. Шнейдера, И. Г. Щегловитова, И. Е. Энгельмана и мн. др.

Подписная *плата* **8 рублей** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ *черезъ казначеевъ* пользуются *разсрочкою до 1 рубля* въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, *при подпискѣ* исключительно *въ Главной Конторѣ*, пользуются *разсрочкою до 2 рублей* въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ, при подпискѣ въ Главной Конторѣ, — *по 5 рублей въ годъ*.

Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю, съ приложеніями по 2 рубля.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки и объявленій уступкою 10 %, за продажу отдѣльныхъ книгъ — 25 %.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 18.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 8 руб. за страницу и 4 руб. за полстраницы.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ **В. Ѳ. Дорошинскій.**

Digitized by Google

1913 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА **годъ XXIV.**

на журналъ

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГІИ.

ИЗДАНІЕ

МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

при содѣйствіи С.-Петербургскаго Психологическаго Общества.

Журналъ издается на прежнихъ основаніяхъ
подъ редакціей **Л. М. Лопатина.**

Въ «Вопросахъ Философіи и Психологіи» принимаютъ участіе слѣдующія лица: Н. А. Абрикосовъ, Ю. И. Айхенвальдъ, В. Аммонъ, С. А. Аскольдовъ, В. Н. Бабининъ, Н. Н. Баженовъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, А. Н. Бекетовъ, Н. А. Бердяевъ, А. Н. Бернштейнъ, П. П. Блонскій, П. Д. Боборыкинъ, Е. А. Бобровъ, А. Болтуновъ, С. Н. Булгаковъ, В. А. Вагнеръ, В. Э. Вальденбергъ, А. В. Васильевъ, А-дръ И. Введенскій, Д. В. Викторовъ, Н. Д. Виноградовъ, П. Г. Виноградовъ, Л. Е. Габриловичъ, В. И. Герье, А. Н. Гиляровъ, Л. О. Даркшевичъ, В. В. Джонстонъ, Н. А. Звѣревъ, В. В. Зѣньковскій, В. Н. Ивановскій, Н. А. Иванцовъ, И. Ильинъ, А. П. Казанскій, Ю. В. Кайнабихъ, М. И. Каринскій, В. П. Карповъ, Н. И. Карѣевъ, Б. А. Кистяковскій, Я. Н. Колубовскій, Ѳ. Е. Коршъ, С. А. Котляревскій, Н. Н. Ланге, М. Ю. Лахтинъ, Л. М. Лопатинъ, Н. О. Лосскій, С. М. Лукьяновъ, П. Н. Милюковъ, П. В. Мокіевскій, П. И. Новгородцевъ, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, И. Ф. Огневъ, Э. Л. Радловъ, М. М. Рубинштейнъ, В. П. Сербскій, В. С. Серебренниковъ, П. П. Соколовъ, С. А. Соллертинскій, Ф. В. Софроновъ, П. Б. Струве, С. А. Сухановъ, П. В. Тихомировъ, кн. Е. Н. Трубецкой, Н. А. Умовъ, С. Л. Франкъ, В. М. Хвостовъ, В. Ф. Чижъ, Г. И. Челпановъ, Н. Ѳ. Шаталовъ, Г. Г. Шпетъ, А. М. Щербина, А. А. Эйхенвальдъ, В. Ф. Эрнъ, Б. В. Яковенко и др.

Программа журнала: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи. Въ понятіи философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физіологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія. 5) Переводы классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Журналъ выходитъ ПЯТЬ разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: На годъ (съ 1-го января 1913 г. по 1-е января 1914 г.) безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу—8 р. Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается ТОЛЬКО въ конторѣ редакціи.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Б. Никитская, В. Чернышевскій пер., д. 9, кв. 5 и въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (С.-Петербургъ, Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (С. Петербургъ, Москва, Варшава), Вольфа (С.-Петербургъ и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башмакова (Казань) и другихъ.

Полные годовые экземпляры журнала за третій (№№ 10—14), четвертый (№№ 16—20), пятый (№№ 21—25), шестой (№№ 26—30), седьмой (№№ 31—35), восьмой (№№ 36—40), девятый (№№ 41—45), десятый (№№ 46—50), одиннадцатый (№№ 51—55), двѣнадцатый (№№ 56—60) годы, продаются по 2 р. за каждый годъ, тринадцатый (№№ 61—65), четырнадцатый (№№ 66—70), шестнадцатый (№№ 76—80), семнадцатый (№№ 81—85), осьмнадцатый (№№ 86—90) и девятнадцатый (№№ 91—96), двадцатый годы по 3 р. за экземпляръ; экземпляры за 1911 г. продаются по 5 руб., 1912—по 6 руб. Подписчики на новый 1913 г. получаютъ журналъ при выпискѣ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія сразу по 2 руб. за годъ, до 1911 г. включительно. 1904 и 1910 гг.— распроданы. № 15-й журнала, не входящій ни въ одинъ изъ годовыхъ комплектовъ, весь распроданъ. Пересылка по разстоянію. При выпискѣ всѣхъ означенныхъ книгъ наложеннымъ платежемъ взимается съ каждаго рубля по 2 коп.

Редакторъ *Л. М. Лопатинъ.*

Digitized by Google

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на **1913** ГОДЪ на

ИЗВѢСТІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО

ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

Императора Петра Великаго.

«Извѣстія С.-Петербургскаго Политехническаго Института Императора Петра Великаго выходятъ въ форматѣ большой восьмушки и распадаются на два отдѣла: отдѣлъ техники, естествознанія и математики и отдѣлъ наукъ экономическихъ и юридическихъ. На каждый изъ отдѣловъ подписка принимается особо.

I. Отдѣлъ техники, естествознанія и математики выходитъ въ количествѣ двухъ томовъ (отъ 4-хъ до 6-ти выпусковъ) въ годъ и состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части помѣщаются оригинальныя статьи по вопросамъ математики, механики, физики, химіи, минералогіи, геологіи, прикладной механики, механической технологіи, электротехники, химической технологіи, металлургіи, металлографіи, строительнаго искусства, кораблестроенія и др. Вторую часть составляютъ научная хроника, критика и библіографія.

II. Отдѣлъ наукъ экономическихъ и юридическихъ выходитъ въ количествѣ 2-хъ томовъ въ годъ и состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой части помѣщаются оригинальныя статьи экономическаго и юридическаго содержанія. Вторую часть составляютъ законодательная хроника и замѣтки, и третью — критика и библіографія. Въ послѣднюю часть входитъ систематическій указатель книгъ и журнальныхъ статей, появившихся въ Россіи по вопросамъ экономическимъ и юридическимъ.

Подписная цѣна на все изданіе «Извѣстій С.-Петербургскаго Политехническаго Института Императора Петра Великаго» 6 руб. въ годъ; на отдѣлъ техники, естествознанія и математики — 3 руб., на отдѣлъ наукъ экономическихъ и юридическихъ — 3 руб. Студенты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній пользуются скидкой 50%. За доставку на домъ городскіе подписчики доплачиваютъ 40 коп., иногородніе 60, какъ подписавшіеся на все изданіе, такъ и на одинъ изъ отдѣловъ.

Подписка принимается: 1) Въ редакціи «Извѣстій» С.-Пб., Сосновка, 3. 2) Въ книжн. магазинѣ К. Л. Риккера, С.-Пб., Невскій пр., 14. 3) Въ книжн. магазинѣ «Право», С.-Пб., Владимірскій пр., 19. 4) Въ книжн. магазинѣ Г. В. Гольстена, С.-Пб., Литейный, 28.

РЕДАКТОРЫ:

По Техническимъ Отдѣленіямъ **Ф. Ю. Левинсонъ-Лессингъ.**

По Экономическому Отдѣленію **В. Б. Ельяшевичъ.**

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: С.-Пб. Сосновка. Политехническій Институтъ.

---

12 №№ ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1913** г. **1 р. 50 к.**

(III г. изданія.)

ВѢСТНИКЪ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Ежемѣсячный информаціонный, справочный и библіографическій журналъ. Издается при ближайшемъ участіи В. И. Чарнолускаго.

Общіе вопросы образованія и воспитанія. — Дошкольное образованіе. — Начальная и высшая начальная общеобразовательныя школы. — Низшая профессіональная школа. — Образованіе учащаго персонала. — Внѣшкольное образованіе. — Самообразованіе. — Дѣтское чтеніе.

Отдѣлы журнала: — Законы, циркуляры, сенатск. разъясненія. — Библіографія новыхъ книгъ и статей по нар. образованію, учебниковъ и учебн. пособій. — Рефераты и сводъ рецензій о новыхъ книгахъ и журналахъ по нар. образованію. — Сводъ отзывовъ: о научно популярн. книгахъ и общихъ журналахъ; о дѣтскихъ книгахъ и журналахъ. — Списки: произведеній допущ. въ учебн. заведенія; изъятыхъ произведеній; просвѣтит. обществъ и учрежденій. — Хроника. — Изъ литературы и жизни. — Изъ практики для практики. — Изъ статистики просвѣщенія. — Вопросы и отвѣты. — Сообщенія и заявленія. — Объявленія.

Подписн. цѣна: 1 р. 50 к. съ пересылкой. — Отдѣльн. нумеръ—20 к., (можно 2-хъ коп. марк.).— Желающіе получить квитанцію, оплачиваютъ герб. сборъ (5 к.). — Подписка принимается во всѣхъ почтово-телегр. учрежденіяхъ по редакц. подписн. цѣнѣ. — Книжн. магазины удерживаютъ 5%. — Подробн. проспекты—безплатно. Полный комплектъ журнала за 1911—1912 гг. (15 №№)—2 р., для подписывающихся до 1 янв. 1913 г.—1 р. 25 к.

Адресъ редакціи и конторы: Спб., Невскій, д. 126, кв. 12.

Ред.-Изд. *Е. Ф. Проскурякова.*

Digitized by Google

ЗАПИСКИ

Императорскаго Харьковскаго Университета

1913 годъ.

«ЗАПИСКИ» выходятъ 4 раза въ годъ книжками въ объемѣ отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ.

Содержаніе книжекъ: I. Офиціальный отдѣлъ (годичный отчетъ университета, отчеты объ ученыхъ командировкахъ, отзывы о диссертаціяхъ и сочиненіяхъ). II. Научный отдѣлъ (статьи и изслѣдованія). III. Критика и библіографія. IV. Научныя извѣстія. V. Лѣтопись университета (статьи, относящіяся къ исторіи Харьковскаго Университета). VI. Приложенія (курсы профессоровъ; результаты наблюденій метеорелогичсской станціи при Харьковскомъ Университетѣ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

5 рублей въ годъ съ пересылкой, **4** рубля безъ пересылки; для студентовъ Харьковскаго Университета **2** рубля.

Адресъ редакціи «Записокъ Харьковскаго Университета»: Харьковъ, въ зданіи Университета.

Редакторъ проф. **С. Кульбакинъ.**

Открыта подписка на 1913 годъ.

„ХУТОРЯНИНЪ".

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ, посвященный интересамъ сельск. хозяйства, кооперации, промышленности и торговли.

Издается Полтавскимъ Обществомъ Сельск. Хозяйства съ 1896 года.

Годовая подписка съ пересылкой и доставкой 2 руб. 20 коп.

Въ теченіе года подписчики получаютъ: **52 нумера** (Отъ 2 до 3 листовъ каждый, что за годъ составляетъ томъ свыше 2200 стран. текста съ иллюстраціями). **Сборникъ с.-х. статей.** Календарь **«Хуторянинъ»** на 1913 г. (Свыше 300 стран. текста, съ массой рисунковъ и чертежей. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 25 коп. **«Бесѣды по полеводству съ крестьянами Юга Россіи».** Сочиненіе **А. Г. Матисена,** свыше 125 стран., со многими рисунками. Въ отдѣльной продажѣ 20 коп. **10 сортовъ сѣмянъ.**

Спеціально избранная комиссія Одесскаго отдѣленія Императорскаго РусскагоТехническагоОбщества признала изданіе чрезвычайно полезнымъ для улучшенія и развитія мелкаго крестьянскаго хозяйства Малороссіи и заслуживающимъ полнаго одобренія.

Адресъ: Полтава, Пушкинская ул., домъ Полт. о-ва с.-х., редакція «ХУТОРЯНИНЪ».

Отвѣтственный редакторъ, Президентъ Полтав. общ. сельск. хоз. заслуженный профессоръ **А. П. Шимковъ.**

Digitized by Google

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

Проф. Т. М. Яблочковъ.

ПРАКТИЧЕСКІЙ КОММЕНТАРІЙ на У. Г. С.

Т. I. Основы гражд. процесса (ст. 1—28).

1. Тексты законовъ. 2. Литература. 3. Основные принципы сенатской практики. 4. Замѣчанія составителя.

Съ алфавитнымъ указателемъ.

Цѣна 2 руб. 85 коп.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

10 p

H8
.I901
no.2
IUridicheskii viestnik.
1913.

Digitized by Google

UNIVERSITY OF CHICAGO
097 923 639